БОРИС КАТАЕВ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ВОЙНА

Челябинский дневник 1941, 1943, 1944

Борис Катаев

Повседневность и война

БОРИС КАТАЕВ

Повседневность и война

Челябинский дневник 1941, 1943, 1944

Санкт-Петербург
«Издательский дом «ПервоГрад»
2016

УДК 940.53/54
ББК 63.3(2)622
К29

ISBN 978-5-9907935-1-4

ПРЕДИСЛОВИЕ СЫНА

Я предлагаю вниманию читателей дневники, которые мой отец, Борис Степанович Катаев (1909–1978), вел на протяжении всех военных лет, с 1941-го по 1945-й. Сохранились не все тетради — в домашних ремонтах, переездах и т.п. первая и последняя оказались утрачены. Остались четыре толстые тетради, записи в которых он успел обвести чернилами (писалось-то все порой в самых неподходящих и неприспособленных условиях) и переплести.

Зачем издавать? Не достаточно ли передать все внукам в надежде, что когда-нибудь им захочется заглянуть в семейную историю? Да и будет ли им интересно потом, где-нибудь в середине XXI века, узнать, чем жил и о чем думал их прадед в середине века XX-го?

По крайней мере, три причины заставляют меня видеть в этих вроде бы частных семейных бумагах общий интерес.

Первая — отец практически ежедневно, с очень редкими пропусками (иногда приходилось что-то восстанавливать задним числом) писал обо всем, что происходило с ним, его близкими и знакомыми на протяжении этих лет. Что он собирался сделать с этими записями впоследствии, вопрос особый, я сам не знаю точного ответа. Может быть, думал из сырого жизненного материала сотворить какое-то художественное произведение (а читатель, наверное, оценит владение автора языком, умение излагать мысли и впечатления)? А может, в нем жило не всем нам свойственное убеждение в ценности и важности каждого прожитого дня, стремление остановить мгновения, оценить происходящее, догнать убегающее время — тем более такое время, в которое ему довелось жить? Ответ знал только он, но что в результате получилось, даже независимо от его дальнейших планов и замыслов?

А получилась летопись повседневной жизни одного обыкновенного человека. Он, конечно, не знал и не думал, что историческая

наука у нас и в мире провозгласит описание и изучение именно повседневной жизни важным и перспективным направлением. Почему? Да потому, что жизнь людей слагается не из участия в каких-то важных, заведомо значительных событиях (или не только из них). Узнать о прошлом мы способны не только по оставившим след в учебниках войнам, переворотам, великим деяниям. Порой о духе времени, о направлении и изменениях общего хода событий мы больше узнаем из негромких, но важных для каждого в отдельности явлений повседневной жизни.

Таких, как где жили, что ели-пили, что носили, как ходили в гости, справляли праздники, какие песни пели, как детей воспитывали... Исторические романисты, какие бы грандиозные события и личности ни описывали, обязательно добавляют и придумывают такие живые подробности. А тут ничего не придумано, все взято из протекающей повседневности, подробно или наспех записано на каждый день. Достоверные факты, документ своего времени — с течением лет такие свидетельства становятся и интереснее, и ценнее для потомков.

Но — и это вторая причина — дневник велся в особенное время. Записи о домашних и служебных делах в тыловом Челябинске непременно перемежаются с записями о ходе войны. Услышанные по радио, прочитанные в газетах сводки, рассказы очевидцев, слухи и предположения, надежды и прогнозы — все, чем в эти годы жил повседневно каждый, предстает со страниц дневника. Размышления, комментарии неравнодушного и думающего человека, не прошедшие никакую военную цензуру, тоже немало говорят не только об авторе, но и об общих настроениях. В первый, самый тяжелый год, какие бы удручающие вести с фронтов ни приходили, какой бы скептицизм, или недоумение, или даже отчаяние они ни вызывали, — мы видим: отца не покидает уверенность в конечной нашей победе. И так думало, хотело думать большинство челябинцев. А после наступившего перелома, в последние полтора года войны, записи переполнены нетерпением, ожиданием скорого разгрома врага.

Как повседневно жилось челябинцам в эти трудные годы, мы узнаем и из приводимых цен на продукты, и из описаний опустевших прилавков магазинов, «отоваривания» карточек, очередей за всем необходимым, и работы на огородах, помогавших многим выживать, и немудреной детской елки на новый, 1944 год... Наша семья бедствовала наравне со всеми; наверное, кому-то приходилось еще тяжелее. В дневнике приводятся условия работы на заводе Колющенко,

где в литейке работала сестра отца, моя тетя Рита, и на оружейном заводе, разместившемся в здании пединститута, — здесь работали две эвакуированные с Украины девушки, жившие с нами в квартире. Челябинцы в повседневных трудах, неминуемых лишениях вынесли на своих плечах все, что принесла с собой война, — это стало их общим вкладом в победу.

И, наконец, третье немаловажное обстоятельство. Дневник ведет заместитель председателя Облплана, Челябинской областной плановой комиссии. Тут, наверное, пора сказать несколько слов о нем самом. Отец родился в 1909 году в Оренбурге, в семье мелкого банковского служащего. Матушка родила еще двух девочек, Риту и Нину, и скончалась в 1919 году. Их отец, мой дедушка Степан Александрович, растил троих детей и после революции почти до самой своей смерти в 1943 году работал учителем в школе. Борис рано зажил самостоятельной жизнью. После окончания семилетки работает помощником паровозного машиниста, вступает в комсомол, завершает среднее образование в техническом училище. С конца 20-х годов страна живет по пятилетним планам, и учеба в Куйбышевском (Самарском) плановом институте кажется молодому человеку достойным выбором. В институте он становится отличником, практику проходит в недавно образованной Челябинской области, по окончании получает направление в аспирантуру, но... Все изменили дела сердечные. Вместо аспирантуры он едет в Челябинск, куда получила направление его однокурсница Евгения Морятова, — там и образуется молодая семья Катаевых. Отец был натурой разнообразно одаренной: рисовал (как и его отец), писал музыку на понравившиеся стихи, сам время от времени стихи сочинял. Читал запоем (курил, увы, тоже). Расходы на покупку книг и на курево стали неотъемлемой статьей семейного бюджета.

В Челябинск, превращавшийся во флагмана пятилеток, была брошена целая группа выпускников планового института, составившая основное ядро областной плановой комиссии. В должности заместителя председателя Облплана отец встречает 1941 год.

Можно сказать, по должности ему виднее многое из того, как страна, застигнутая врасплох вероломной агрессией, нащупывает одну из своих главных опор в Челябинской области (тогда в ее состав входила и нынешняя Курганская область). Нахлынул все возраставший поток эвакуируемых с запада и из центра заводов и фабрик; десятками, потом сотнями тысяч прирастает население. Размещением, поисками места для всех них выпало заниматься Облплану. За приводимыми

цифрами, неизбежными для плановика-экономиста, виден скрытый от большинства масштаб решавшихся задач. Решавшихся также в повседневности, не дававшей забывать и в домашних делах, и о поисках пропитания, и о заботах о прибавлявшемся семействе…

Сегодняшнему читателю могут показаться чересчур частыми, даже назойливыми упоминания в дневнике о еде — что давали на обед в госпитале, что удавалось поесть дома или в столовой, или состав пайка, или чем кормили на заводах и т.п. Но это не знак какого-то особенного чревоугодия. Это тоже свидетельство времени: «Всюду, куда ни зайдешь, разговоры о еде: что ели, что есть предстоит, где бы что получить для еды… всеобщее недоедание…» Так это было в те времена.

Отец по своему положению имел право на бронь, освобождавшую от призыва в армию; в первый год войны государство с разбором мобилизует специалистов. Но он не хочет уклоняться от общего дела, и осень 41-го проходит для него в ожидании призыва. Наконец в ноябре он призван, и начинается новая полоса в его жизни, протекающая уже вне Челябинска. Сюда он вернется через два года, долечиваться в челябинском госпитале после ранения.

Дневник времени службы в армии в 1941–1943 годах не включен в эту книгу. Конечно, и в тех тетрадях отражается повседневная жизнь сначала курсанта военно-политического училища, потом офицера, и духовная связь с родными в покинутом городе сохраняется. Но это может составить отдельную самостоятельную книгу.

Об одном немаловажном для отца событии нужно рассказать здесь. Собственно, желание тщательно фиксировать в дневнике все подробности и обстоятельства текущей жизни в годы войны, мягко говоря, не поощрялось. Оно и сыграло злую и в конечном счете жестокую роль в судьбе автора. Когда в 1943 году служил на Северо-Западном фронте в прифронтовом госпитале (и был там секретарем партийной организации), он вместе с другими офицерами регулярно направлялся на сбор фашистских листовок, которые разбрасывались с немецких самолетов. Листовки для уничтожения должны были сдаваться в политотдел. И вот однажды он переписал в дневник текст такой листовки — для чего? Тоже документ времени? Да, но не надо забывать, что листовки сбрасывались для возможных перебежчиков на сторону врага, и сохранение такой листовки приравнивалось к готовности стать перебежчиком и каралось как измена. У отца как парторга был недруг в том подразделении (хотел протащить в партию

свою любовницу, чему отец воспротивился). Тот, заглянув в чужой дневник и обнаружив там, между прочим, переписанный текст листовки, тут же донес об этом куда следует. Решение было немедленным — исключение из партии. Тоже характерная черта тогдашней повседневной жизни.

После этого отец на фронте командовал стрелковой ротой, в бою был ранен, провел несколько месяцев в госпиталях. Все это время он не переставал писать в различные партийные инстанции с просьбой о восстановлении, но безрезультатно. Всем этим объясняется ход дальнейших событий.

Челябинский Облплан, в котором он сразу стал бывать после перевода в госпиталь в родном городе, готов был принять его на прежнюю работу, предлагалась ему и должность помощника председателя Облисполкома. Отец же не спешил открывать тайны произошедшего, надеясь на положительное решение своего вопроса. Положительного ответа он так и не дождался и до конца войны служил на должностях, на которые его назначали в УралВО. В ноябре 45-го с ним случился инсульт, писание дневника прекратилось.

Дневники лежали дома; подрастая, выбирая свои жизненные пути, мы с братом не придавали им особенного значения и не удосуживались прочитать. И вот сейчас я решаюсь выполнить то, что считаю своим долгом перед памятью отца. Сокращения на страницах, связанных с его челябинской жизнью, сделаны минимальные. Пусть его облик, мысли и поступки предстают во всей неотобранности, как и вся описываемая им жизнь. Большинства из тех, кто упоминается, уже нет в живых, уходит понемногу и мое поколение. А город продолжает жить, и людям новых поколений могут показаться небезынтересными тревоги, надежды и радости челябинцев военной поры.

В.Б. Катаев,
доктор филологических наук,
профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

1941

[25 июля 1941]

...станции не работают, уму непостижимо.

А все-таки сколько еще негодных дел совершается. Вчера приняли на работу Глюзман. Особые плановые таланты есть у нее? Ничего не известно, а вид особого доверия в этом отношении не внушает. Может быть, мы плачемся без работников? Чепуха. Сам Паничкин думает, что еще человек десять сократить было бы не вредно. Во всяком случае, ко мне уже такие приходили, и я им всем отказывал. А эту приняли. Ничего не сделаешь: сестра жены товарища Филатова, сам Соболев за нее ходатайствует.

Бесит все это. Не то, что эту кикимору приняли, а то, что наше высокое начальство считает себя вправе как угодно, вопреки законам, вмешиваться в жизнь учреждения, даже во вред ему. А Колька — дрянь. Ему ничего не стоит выкинуть на улицу Китаеву — красноармейку с детьми, — под предлогом, что от нее толку нет, и тут же принять по указанию свыше бабочку, от которой столько же, если не меньше, толку. Мое поведение тоже не блещет. Я старался избежать и того и другого, но не ставил прямо вопрос, а только ссылался на штаты да законы, а кончил тем, что дал себя уговорить. Тоже, значит, дрянь.

Ушел в армию Чиняков. Граждане, кто следующий? На его место выдвинули Амбарову. Главной причиной, пожалуй, послужило, после

ее подвижности, то, что она не склонна подвергать суждению приказы начальства. А Кольке только таких и надо. Есилевич для него — «много о себе думает», Астрахан «позволяет себе всякие официальности». Одним словом, классический образец: подчиненных держать в страхе божием, а с начальством быть поласковей. Но так как все-таки имеет кое-какое влияние и общественность, то мы умеем прикрывать свои замашки государственными интересами, а когда надо и прикинуться горячим защитником общественных интересов.

На днях приезжали представители 3-го Главка НКБ выбирать для пороховых заводов законсервированные или другие не используемые для обороны здания. Почему, спрашивается, нельзя было об этом до войны подумать? Неужели война была и для верхов столь же неожиданной?

В Уфалее новый завод № 195 строится. Что делать будет, запишу, когда будет известно.

26 июля. Очередная ложная тревога. Ушел я в Облдоротдел и только расположился, приходит Бобров и говорит, что меня вызывает к телефону военкомат. Едва нашел на 3-м этаже телефон. Говорит кто-то голосом Ольги Грязнухиной (а это, оказывается, Филимонова): «Борис! Женя пришла с повесткой: тебя срочно вызывают в военкомат». Распростился я с доротдельцами — и в Облплан.

Там, действительно, Женя. В кабинете мне рассказывает: «Тебя ищут с 22 июля, адрес спутали: ищут дом № 24 вместо № 27 и только в адресном узнали, как правильно». И волнуется: «Я расписалась в приемке повестки, а там тебя уже вторично вызывают на 25 июля к 9 часам вечера». Ну, кое-как успокоил ее и пошли потихоньку домой: поневоле потихоньку из-за ее животика.

И опять держалась молодцом. Можно было бы подумать, что ей все равно, берут меня или нет, если бы не несколько заметное стремление говорить о чем угодно, только бы не молчать, и некоторые замечания, вроде того, что «ну, теперь-то тебя уж наверное возьмут» (сказано полувопросительно), или: «Я пойду с тобой до школы, а то тебя могут ведь и не отпустить совсем». Не то что она хорошо собой владеет, а просто уж так умеет скрывать свои чувства.

Оказалось все ерундой. Начальник военного стола милиции просто отобрал у меня мобпредписание и сказал: «Можете идти».

Ну я и пошел. Сначала домой успокоить Женю, а затем опять в Облплан.

В Облплане Сергей Морозов встретил словами: «Ну, с чем тебя поздравить?» Уже узнал, что меня вызывали, и решил, что меня вместе с ним берут. Его вызвали сегодня утром и приказали явиться в понедельник для прохождения 90-дневного учебного сбора. Как он выразился утром, «он почти рад». Рад он тому, что три месяца будет учиться, а «почти» у него, пожалуй, потому, что он не уверен, что учить его будут в авиации, а не заставят переквалифицироваться снова.

Очередные факты неразберихи. СНК РСФСР предложил нам сократить объем лимитных капвложений на 8 млн рублей. Это одним постановлением. А вторым постановлением признал трамвай, магнитогорскую больницу и две шахты Облтопа ударными стройками, на которые предложено даже перебрасывать с других объектов лимиты. Поэтому получается, что по коммунальному хозяйству, например, у нас и в году-то нет столько лимитов, сколько намечено к снятию. А тут еще есть указание Цекомбанка и, говорят, СНК (не знаю какого), чтобы по стройкам, где нет до 25 июля лимитов на 3-й квартал, открыть финансирование в размерах ⅓ лимитов 2-го квартала. Вот и разберись: строить или консервировать.

В Троицк прибыло два эшелона раненых. В срочном порядке перевели 300 кг бензина. Ева Давыдовна сообщила о смерти двух челябинских врачей. Одна из них — Резвушкина, по словам Блювштейн, считалась лучшим педиатром по области. Вот когда узнаешь о смерти знакомых или даже знакомых знакомых, это гораздо хуже, чем читать, что наши потери убитыми и ранеными составляют, скажем, 200 тысяч человек. Последнее звучит как-то малоубедительно, а здесь чувствуешь, что убит именно живой, конкретный человек.

29 июля. На фронте какое-то свертывание боевых действий. Дня четыре тому назад упорные бои шли на 4–5 направлениях, а сегодня уже только на Смоленском и Житомирском. Что это: выдыхание противников или же затишье перед бурей? Ой, как хочется услышать изменение направлений, но в обратном порядке, например: вместо Житомирского — Новоград-Волынское, Ровенское и Ковельское; вместо Смоленского — Борисовское и Барановичское.

Интересно также, почему не опубликованы итоги месячной борьбы? Неужели они столь неблагоприятны для нас даже в смысле потерь людьми и вооружением? Ну, территорию мы отдали, налеты на Москву допустили — это все так. Но ведь самолетов-то мы сбиваем, судя по ежедневным сводкам, гораздо больше, чем немцы у нас, кораблей неприятельских топим больше, чем гибнет наших. Хотелось бы верить, что отсутствие сводки объясняется трудностью учета.

Вчера с Николаем мы занялись обсуждением международного положения. Он говорит, что слышал по радио, что голландской Индии предложено прекратить всякие поставки в Японию, и толкует это как признак мобилизации Японии. А я сейчас же предложил такой вариант: Япония, осуществляя экспансию на юг, нападает на голландскую Индию, воюет с Англией и США, а мы, в силу того, что соглашение с Англией не затрагивает наших отношений с третьими странами, держим вооруженный вариант. Право, подобное предположение не лишено смысла. Неужели Япония решится сейчас, когда исход битвы на западе еще, по крайней мере, не ясен и когда у нас в ДВК сосредоточены силы, броситься на нас, не обеспечив себя хотя бы источниками горючего? На мель сядет в случае затяжки военных операций (а это уж ей обеспечено), несмотря на свои запасы. Да и что она в ДВК получит? Хлеб? Сожжем, что есть, а чтобы вновь его сеять, надо иметь людей, при этом приспособленных к сравнительно холодному климату. Манчжурия к этому лучше приспособлена. Лес? То же самое. Нефть? На северном Сахалине ее не так-то уж много, да и в каком состоянии получит она промыслы. А взамен опять страшное еще с 20-х годов партизанское движение, подъем Китая и риск, в случае разгрома Германии, убраться совсем с континента. Единственный смысл, в случае удачного исхода для Японии войны, это ликвидация форпоста социализма на Востоке. С другой стороны, если СССР подтвердит свою политику нейтралитета (а нам, вот ей-ей, нет смысла открывать новый фронт сейчас), есть шансы захватить и укрепиться в голландской Индии, где и нефть, и каучук, и цветные металлы, и климат для японцев подходящий. Англия не рискнет даже большую часть флота перебросить на Восток, а пока раскачаются США, можно на островах укрепиться основательно. Так я рассуждал бы на месте японцев, а как они на самом деле, косоглазые макаки, рассуждают, кто знает?

А Николай Павлович, оказывается, антисемитский душок имеет. Сказал я, что у Паенсона ноги после дождя чуть не отнялись. «А может быть, он и нарочно их испортил. Евреи — они такой народ. У нас был такой. Напился и залез в погреб на лед спать. И стал калекой. И в империалистическую войну его не взяли». Вот. А еще удивляемся антисемитизму в Германии. Есть, оказывается, такой душок, конечно, послабее и, разумеется, тщательно скрываемый, кое у кого и из внешне советских людей. Но что за дурак! А мало ли себя калечили коренные русаки, чтобы не идти на войну? Помнится, еще в какой-то песне пелось: «Ноги режут, пальцы рвут, в службу царскую нейдут: боятся». А подозревать Паенсона так просто низость. Никак ведь на это не похоже, не заслужил он этого. По себе, что ли, человек судит? Или уж так в презрении к евреям из разных мутных источников напитался?

Заглянул ко мне Старцев. «Могу, — говорит, — сколько угодно набрать профессоров, докторов наук, чуть ли не академиков. Но не беру. Курс обучения сокращен до трех лет, соответственно уменьшен штат преподавателей, так что убыль в армию незаметна. А заменять преподавателей докторами наук не собираюсь, так как они сегодня здесь, а завтра обратно уехали». Рассказывает, что Витебский университет (а может быть, пединститут) всем составом переехал в Кочкарский район. «Студентов у них я беру, а преподавателям рекомендую организовать старательскую бригаду, а то без работы насидятся».

Вечером у Паничкина был представитель Ленинградского НИИ НКБ. Живут в домах завода № 78, не имеют ни столов, ни кроватей, ни стульев, ни шкафов. Обещали им эти вещи помочь приобрести.

С папиросами скандал. Остались только дорогие. А у меня денег нет, я даже не бритый. Ладно у Рыжикова на призывном удалось на 17 р. 50 к. купить несколько пачек по 2 р. и по 1 р. 10 к. за 10 штук. Половину из них Нине, т.к. деньги ее. То есть наши, но отданы ей в долг, потому что она выдрала их у Кирьяна. Кирьян, видать, злой. Забежал, Жене деньги отдал и даже в комнату не зашел. А голос его я не узнал: хриплый до невозможности. И Женя его, говорят, хворает. Неприятностей у него куча.

Нина Степановна вернулась с вокзала (билет на Лебяжье почему-то не достала) и рассказала об очевидцах бомбежки Москвы. Получается что-то слишком легкое. Бабонька лежала больная, из-за этого не по-

пала в бомбоубежище, оборудованное в метро, а из окна смотрела, как школьники тушили зажигательные бомбы. Увидят — летит бомба, посторонятся крича: «Смотри! Смотри! Летит», — а потом набросятся на нее с песком и тут же затушат. В центре Москвы на всех крышах навален толстый слой песка, стоят ящики с песком, и дежурные гуляют по крышам. Что-то уж очень просто. А ведь очевидцы рассказывают. И куда их только не гонят. И в Сибирь, и в Чкалов, и в Казахстан. Нина видала у одного путевку в Казалинск.

Неужели мои вчерашние предположения оправдываются? Япония заключила договор с Францией «о совместной обороне ИндоКитая». По этому случаю Англия и США рвут и мечут, секвеструют японские фонды, а Япония им отвечает тем же. Миленькие! Вцепитесь скорее друг другу в глотку и не трогайте только нас. А Сергей Морозов поехал обучаться на ДВК в Куйбышевку. Неужели его для дальневосточных операций готовят?

31 июля. Материала куча. СССР заключил договор с Польшей и в первом же пункте отказался от соглашения с Германией о разделе Польши. Сгоряча я объявил домашним, что мы отказались от Западной Белоруссии и Западной Украины. Затем размыслил, что если соглашение с Германией ликвидировано, то формально еще мы от занятой нами территории не отказались. В противном случае ерунда несусветная: мы торгуем свободой и независимостью братских народов, которые огромным большинством решили войти в Советский Союз. Да и что за смысл в этом договоре — понять трудно. Нужна нам, что ли, польская армия? Да будь она проклята. За себя не могла подраться, а уж за нас и вовсе охоты не будет. Поди, наша «союзница» Англия натравила США на нас, а те нажали, ну вот и договор. А чем они могли надавить? В технике, что ли, отказывали или вступлением в войну заманили? Темь!

Рассматривал вчера итоги работы нашей промышленности за 1-е полугодие. Похоже, что работать стали решающие участки лучше. НК Чермет выполнил и месячный, и квартальный, и полугодовой план. То же по Кыштымскому электролитному, Карабашскому медеплавильному и ряду других. По Каменской ТЭЦ, Каменскому магниевому и УАЗу, при выполнении плана месяца и квартала, годовой план выполняется плохо, но это объясняется тем, что они находятся в пуско-

вом периоде и должны в дальнейшем значительно расширить производство. Худо по углю, стройматериалам, Месттоппрому, Обллесзагу и особенно по текстильной, мясомолочной и местпрому — хуже, чем в прошлом году. В июне с предприятий забрали 8–12% состава, но ни по одной решающей отрасли снижения числа работающих не произошло, так как прибыло на них больше, чем убыло.

Продолжают прибывать эвакуированные. У меня был вчера Платонов, экономист Псковского Горплана, депутат Горсовета. Семья у него была эвакуирована 4 июля, а он сам выехал 6 июля. Направил его в Карабаш. Из Чебаркуля телеграмма: какой-то лесной специалист предлагает свои услуги. Решили его направить в Нязе-Петровск, но предварительно позвонили в эвакопункт. Оказывается, не во все точки можно людей посылать. В частности, не пускают людей в Копейск. Вечером получил письмо от доктора технических наук (химика) какого-то Фишера. Застрял, бедняга, в селе Екатериновке Безенчукского района Куйбышевской области. Что ему там делать? Убедительно просит помочь устроиться на работу. И, чай-поди, не меня одного. Что с ним делать, еще не придумал.

Прочитал несколько статей в «Правде» и обнаружил очевидную неполноту сводок Информбюро. Оказывается, бои идут и в Эстонской ССР, враг обосновался и в Пуховичах, и в Бытче Борисовского района. Это еще менее похоже на то, что Минск не сдан. Не ожидал также, что осталась еще кулацкая сволочь, которая врагам помогает.

Блювштейн сообщил, что Большой и Художественный театры обосновались в Свердловске, а Васюков говорит, что к нам приедет Московская оперетта. Неплохо было бы попасть, посмотреть. Но времени ни черта нет. Домой хожу только обедать да спать. Партсобрания проводят, и то только ночью или утром.

Сегодня еду на завод № 54 по вопросам достройки. Хлопот полон рот. Разрешение пришлось брать от райвоенкомата, домой бежать за воинским билетом, получать удостоверение, что допущен к секретной работе и т.д. Билет получил неожиданно легко. Ну уж секретов понаслушаюсь.

Еще одна новость. Немцы, оказывается, уже заняли Ригу, как об этом упоминает Заславский в своем сегодняшнем фельетоне «Правды», а в сводках Информбюро об этом ни слова. Вывод первый:

по сводкам правильного представления о положении на фронте не получишь, а значит, газетки, центральные в особенности, надо почитывать повнимательнее. Вывод второй: положение на фронте хуже, чем думалось раньше, и дело грозит утратой не только всей Латвии (ее мы, поди, уже потеряли), но и потерей Эстонии, следовательно, всего южного побережья Финского залива. Это уже излишне близко пододвинет фронт к Ленинграду и делает положение хуже, чем даже в империалистическую войну.

Парализуется местное хозяйство, и начало, как и надо полагать, кладет торговля. Спрашиваю сегодня у Кирьяна: «Как будет с папиросами?» — «Никак не будет, и папирос не будет. Никакого завоза товаров в область нет и не предвидится». Да... Если бы хоть перестали отступать. Сократился бы поток эвакуации, и может быть, с порожняком кое-что попало бы к нам. А пока хоть курить бросай.

Местный бюджет наш трещит по всем швам. Налог с оборота не выполняется, в госбюджет забирают миллионов 50, да на мероприятия по содержанию госпиталей и прочие спецмероприятия приказано дать до 50 млн, и это при годовом бюджете в [пропуск] млн руб., при условии, что осталось только 5 месяцев до конца года. Немудрено, что все идет кувырком, сокращается несокращаемое, остается то, что могло бы быть изъято. Вот, например, по Облкомхозу Наркомат приказал «уточненные годовые лимиты», где есть такие перлы: 75 тыс. рублей на Облик, где освоено уже 120 тыс. рублей. По трамваю оставлено 400 тыс. рублей. Вот тебе и ударная стройка. А ведь возможность уточнить все эти ресурсы и правильно подойти к сокращению объема местного хозяйства есть полная. Голову, что ли, потеряли?

1 августа. Ну вот я и на стройке. Добирался погано. С поездом сели великолепно, но дальше начались мытарства. На вокзале никто не мог объяснить толком, как попасть на стройку: никаких поездов, никаких машин. После уже узнал, что есть на станции агентство, куда и надлежало обратиться за средствами сообщения, но когда надо было, об этом я и понятия не имел.

На дворе лил дождь, и я решил ждать до утра, справедливо решив, что на стройке ночью никому до меня нет дела. Чемодан уложил в голову, закутался в мокрое пальто и кое-как заснул. Раза два просыпался, выходил покурить, а в 6 часов утра проснулся окончательно,

2 Заказ 1254

так как было уже светло. И хотя дождь лил по-прежнему, но лучше было двигаться под дождем, чем мокрому трястись в неизвестности. Прошагал километра три и весь мокрый ввалился в комнату. Меня командировали на завод № 54, а потому я и не подумал обратиться к дежурному по тресту № 24 и, с разрешения вахтера, разбросав свои мокрые доспехи по табуреткам, задремал.

Часов в 8 явился главинж № 24 Лазарев и, увидев меня, спросил довольно нелюбезно: «Это кто здесь дремлет?» Я представился, и тон во всяком случае изменился и еще больше улучшился, когда я ему подал несколько советов по алебастру и маршалиту, и стал окончательно любезен, когда он понял, что дать или не дать им кирпича и извести во многом зависит от меня. Все документы были предоставлены в мое распоряжение, и тайны стройки раскрылись передо мной.

Кроме 2500 человек своих, работают 8 армейских батальонов численностью в 3500 человек. Людей призвали в армию и направили работать на стройку. По крайней мере, остроумно. Народ, вообще говоря, мало пригодный. Одни только годны для нестроевой службы по своим физическим качествам, другие не годны для армии по мотивам социального порядка: попросту говоря, уголовные преступники. Есть среди них артисты, художники, сапожники и прочий для строительных работ малопригодный народ. Немудрено, что один такой, с позволения сказать, красноармеец умудрился избить своего командира. Благо тот, ввиду трудового характера батальона, был безоружным. Лазарев хвастает, что ему и еще 2–4 батальона дадут, только он не знает, как он их будет занимать. Непорядков на стройке куча. Транспорта мало и работает он плохо, местными стройматериалами не обеспечены, лес до сих пор не нарубили, даже паршивых насосов, чтобы отливать воду из котлованов после вчерашнего дождя, не хватает.

3 августа. Ну и намотался я за эти дни. Ездил верхом в Медведевку на кирзавод треста № 24. Это я-то, который только в 1930 году один раз проехался километров десять в Чингерлавском районе верхом и после этого рядом-то около себя лошадь не видал. А здесь минимум 30 километров в один конец. Ну, разумеется, ноги ломит, задницу саднит, но все же проехался молодцом, виду, что называется, не показал. Часов 6 ехал туда да около этого обратно, и даже порой в рысь пускался.

Директор — эвакуированный минчанин. Тоже говорит, что от Минска одни развалины остались, и твердо уверен, что Минск оставлен. Отравлен воспоминаниями о приятном житье в Минске в качестве управляющего республиканским трестом стройматериалов, о своей роскошной четырехкомнатной квартире в центре города, об отрезах на костюм и самих костюмах, оставленных в Минске, и о прочих приятных вещах. На заводе держится с видом именно управляющего трестом, обещает сделать через месяц завод неузнаваемым, ругательски ругает своего предшественника, который у него сейчас работает техруком.

Заводик ничего себе, но захламлен и, как большинство наших кирзаводов, имеет диспропорции: прессы на 14 млн штук, печь Гофмана на 11 млн штук, а сушка на 6 млн штук. Или с резервом делались эти заводы, или же это вредительская диспропорция, или просто-напросто завод недостроен. Во всяком случае, доказуема возможность получить в августе на нем до 1 млн штук, а это все, что мне требуется.

Ай, а хороши места по Аю. Пожить бы здесь, но только не в дождливый период. Горы крутые, хоть и не особенно высокие, и сверху донизу покрыты лесом, в долинах бегут речки и ручьи, из склонов гор бьют родники, а то и просто из склона сочится водичка, а потом уж собирается в ручеек. Плутал немного и в самом Златоусте крюк сделал и на сенокосы куда-то заехал, а на обратном пути вздумал вместо Златоуста на Куваши проехать. Но все это вовремя исправлялось, и учитывая, что я ехал впервые по этому пути, ориентировка была удовлетворительная.

По возвращении встретился с Полетаевым. Все его нахваливают, но особого впечатления с первого взгляда он не производит. Ознакомиться на деле удалось только к концу командировки. Но до этого побывал в Златоусте второй раз на шлакобетонном заводе и съездил в Сыростан в артель «Хребет Урала».

В общем, колесил изрядно, пользовался всеми видами транспорта и избился основательно; икры набил, задницу стер на коне, а спину в автомашине. Будь они прокляты, такие дорожки. Тоже мне тракт: или камни торчат (мостовая была когда-то), или ухабы несусветные. В заключение всех бед малоопытный шофер угробил машину, и километров пять до Уржумки плелись мы пешком.

Встретились с Полетаевым уже во втором часу ночи. Он взъерошенный после «беседы», которую им устроил замнаркома НКБ Агеев. Разговор наш был короток, но провел я его неплохо. Прежде всего я заявил, что, по моему мнению, шлакобетонный завод им не нужен, так как, судя по нехватке камней, они его полностью не используют. Полетаев стал оспаривать потребность. Я ему — документ, подписанный Лазаревым и Гохблитом. Гохблит выпаливает: «Как нам не нужны камни? Да я ими 2 млн штук кирпича заменю». — «Дополнительно?» — «Да!» — «Уговорились! Мы вам даем завод, а кирпича даем не 6, а 4 млн штук». Куда денешься? Приходится им соглашаться. По извести тоже. Напугал я Полетаева, что без помощи транспорта он извести с «Хребта Урала» не получит, ну он и поднялся шуметь. Разгорячился, выболтал, что не он один обязан готовить винтовки, а когда я свернул на то, что с него требуется горючее и шофер, — с радостью немедленно согласился. Ну вот и все, что требуется. А то Уткин начал в дороге ерунду разводить, что им самим горючего не хватает и т.д. После солидного запроса всегда легче на меньшее соглашаются.

На Уржумку я попал в третьем часу. Билет купил быстренько, но сел со скандалом. Почему-то часть вагонов шла только до Миасса и Чебаркуля, а остальные были переполнены. Нахалом забрался в тамбур, оттуда меня спровадили в тамбур соседнего вагона, а потом и в вагон. Забрался я на третью полку, у какой-то бабоньки в ногах согнулся в три погибели, ноги упер в противоположную полку, чемодан на колени и дремал до утра в таком пренеинтересном положении.

8 августа. Новые бои, новые направления, и все ближе к востоку. Коростель, Белая Церковь — это уже на подступах к Киеву. Холм, Кексгольм, Эстония — подступы к Ленинграду. И только у Смоленска никакого продвижения. Похоже, что сюда бросили подкрепления с других участков, чем немцы и не преминули воспользоваться. А ведь, по газетам, пора немцам и выдыхаться.

Как видно, по нашим данным дело обстоит благополучно. Правда, как обещал Лозовский, бить по 60 тысяч в день и больше не удалось, бьем по 30 тысяч, но все же потери в людях у нас чуть не в три раза меньше. Меньше потери и в снаряжении. Но напор немцев если и ослабевает, то очень медленно.

И данные сводки все же внушают сомнения. Учесть убитых и раненых противника и даже своих затруднительно, и немцы «научнее» поступают, когда дают цифру пленных, хотя бы даже и перевранную. Отец не верит в подобное соотношение людских потерь, справедливо указывая, что в первую империалистическую войну немцы в силу своей большей организованности несли меньшие потери. Но он забывает, что тактика-то изменилась. Прорываясь вперед на бешеном марше, не считаясь с подтягиванием резервов, немцы, конечно, должны иметь колоссальные потери, во всяком случае, приближающиеся к нашим данным. Не верит Степан Александрович и данным о сбитых самолетах, но уже по другим мотивам: в сводках Информбюро ежедневные потери дают иное соотношение, более благоприятное для нас. Ну, этакие уточнения во всяком случае возможны, а я для себя ставлю целью проверить за эти полтора месяца потери по ежедневным сводкам.

Характерно, что за последнее время не только медленнее меняются направления, но и цифры потерь резко снизились для обеих сторон. Немцы выдумали причину: «Линия Сталина», но, как известно, немец обезьяну выдумал, так что ему не особенно трудно и еще кое-что выдумать. А по-моему, здесь уже намечаются признаки позиционной войны. И слава тебе Марксу и Энгельсу. Нам такая передышка только бы пользу принесла, а Гитлеру — вред. Резервы у нас громадны, США поможет вооружением, наши уральские заводы будут пущены, и «берегись тогда, Гитлер».

Но нам, чтобы реализовать свои резервы, нужно время для подготовки и людей, и заводов. Ведь заводы № 54 и № 385, призванные заменить тульские оружейные заводы, будут способны давать продукцию не раньше как в октябре. А Сергея Морозова надо три месяца учить. Вот месяцев через пять и сможем мы дать Гитлеру по морде, а не так, как С.А. рассчитывает — к концу августа.

Поведение его внушает тревогу. Он страшно огорчен нашим отступлением, недоволен нашим командованием, не верит в сводки Информбюро. Ну и аллах с ним, его дело. Но хуже всего, что он не может и не хочет скрывать своих настроений и любому готов объявить, что Ворошилов — дурак, а Гитлер — молодец. И уже заявил, как мне передала Женя, Василию Павловичу и Костюченкову. Что с ним делать?

Он страстно желает нашей победы, но на деле панику сеет. Ведь ругался я с ним, да без толку. Круто расправляться — жаль старика: отец ведь. А придется, видно, еще раз серьезно поговорить: он сам может влипнуть в такую кашу, что не дай бог. Только хладнокровия побольше, а то кричим друг на друга без толку. И не переубеждать его, а потребовать, чтобы он, кроме меня, ни с кем в таком духе не разговаривал.

Кто и как обязан снабжать вновь организованные учреждения и организации НКО: госпиталя, школы, стройбатальоны и т.д.? По здравому смыслу — НКО. А на самом деле они стадами ходят ко мне и в Облплан вообще за всякого рода материалами: за бензином, за бумагой, за чурками, за сапожными материалами и т.д. И не от хорошей жизни ходят. Сам я слыхал, как комбат 601 в Пионере плакался на скверное качество обмундирования, и не мне, а Лазареву. УралВО рекомендует использовать местные ресурсы. А вот Гольдберг так предлагает все воинские организации гнать и иметь дело только с Облвоенкоматом и Эвакпунктом. Ну и гоню. Но ведь их много, они меняются, и у нас такие порядки, что Паничкин вполне способен, вопреки своим же установкам, выдать, вернее, приказать выдать любому приглянувшемуся ему лицу любое количество материалов. Да и наши начсектора частенько «проявляют инициативу». В результате возбуждается сильнейшее недовольство у тех, кому отказали, хотя другим и даем. А все же всех не удовлетворяем.

А вообще вся эта практика неверна. Нам по горючему, например, выдали фонд на бензин $^1/_3$ июньских фондов, а на август вообще еще ничего не дали. Значит, правительство само уже учитывает необходимость в большей степени переключить горючее на оборону. А НКО должно лучше снабжать свои органы. И что же? Или резервы не накопили? Неправда. Есть на складах Госрезервов кое-чего, и это-то и требуется использовать. А если не продумали вопроса снабжения, например, сапогоремонтных точек, то это уже паршиво. А впрочем, это возможно. Еще в январе ко мне приходил Поляков и говорил, что требуется, чтобы у каждой автомашины были запчасти и резина, а ведь никто этих вещей не имел.

9 августа. Какой-то американский радиовещатель, ссылаясь на секретные немецкие документы, подтверждает опубликованные

нами цифры немецких потерь. По его данным, за месяц немцы потеряли 1250 тыс. человек, или 1/3 состава войск, брошенных на СССР, 1/3 танков и 1/5 самолетов первой линии. Ну а куда же переть с так сильно уменьшившимся составом? И все же прут.

Винницкий работник УНКУ мне сегодня говорил, что Винница четыре раза переходила из рук в руки и наконец была занята немцами. Но ведь это же угроза для бессарабского участка. Прорвись немцы к Одессе, и Бессарабия будет у них вместе с нашими войсками, если они сами оттуда не уйдут или уже не уходят.

Была у меня москвичка, жена инженера по топливу в Госплане РСФСР Трофимова. Она, наоборот, рассказывает, что в Москве «ужас что делается». Но почему-то работники Госплана «сидят и не вылезают из здания». Выехала она из Москвы 29 июля и не может с мужем установить связи, так как частные переговоры по телефону с Москвой не разрешаются.

Стройбатов-то, оказывается, много. Вчера был один комбат у меня из Каменска, сегодня три батальонных комиссара оттуда же. Во-первых, заявили, что бойцы у них курят траву (да и сам комиссар вынул из кармана такую сигару, что страшно), а во-вторых, потребовали лоскутов для починки. Сплавил их.

Хоть и сообщает Информбюро, что вклады растут, но это где-то не у нас. За второй квартал подкрепления сберкассам по кассовому плану Госбанка составили 14 млн, на 3-й квартал запроектировано 9 млн, и то только потому, что облигации займа в заклад не принимают. Бюджет наш продолжает трещать. Ассигнования на спецмероприятия достигли уже 100 млн рублей и грозят еще вырасти.

В срочном порядке уже строится с обоих концов линия Уфа — Магнитогорск, на днях был один из изыскателей линии Магнитогорск — Сары и говорит, что тоже будут скоро строить. Хоть на этом от войны выиграем.

Завод № 486 НКАП из Орла переведен на УАЗ.

11 августа. Немцы продолжают переть, несмотря на разгром, особенно усилившийся (по сводкам Информбюро) за последнее время, их полков, дивизий и танковых колонн. Сегодня утром появились Сольцы и Умань. Так и прут от хладных финских вод до Черного моря, Может, не так быстро, как им хотелось бы, но и не так медлен-

но, как мы желаем. И в чем дело? Людей ведь далеко не всех мобилизовали призывного возраста, значит, не особенно в этом материале нуждаемся. Николай утверждает, что винтовок не хватает, хотя пушки, самолеты, пулеметы имеются. Не верю. Винтовок мы всегда запас имели. Их может не хватать на обучение призванных, но не на фронте. Но чего-то все же нам недостает — или силы, или умения.

В ночь с 9 на 10 нас вызвали в райком с вещами как на призыв. Прочитав в распоряжении о том, что работающие и дежурные остаются на месте, я сразу понял, что это за штука, и рассердившись, хотел плюнуть и не идти, но поразмыслив, учел, что хоть это и ерунда, но могут расценить как неявку по мобилизации райкома. Пришел, одевшись похуже. Не то с другими. И Лидочка, и Клавдя, и Есилевич были уверены, что их и в самом деле мобилизуют.

Но у меня уже был опыт в этом отношении зимой 1929 г., когда нас также мобилизовывал РК ВЛКСМ. Тогда-то и у меня было впечатление, что дело серьезным пахнет. Но все ограничилось тем, что погрузились в вагон, спели все песни, какие знали, да и разошлись по домам часа в 3 ночи. Ну и здесь было ясно с самого начала, в чем дело. Когда берут всех, даже с детьми и беременных, — путного ничего не жди. Ну и не дождались.

Выстроили нас перед райкомом, отделили от нас многодетных матерей и беременных и погнали по Уфимскому тракту, разделенных на взводы, роты, как полагается. Путаница началась после привала у каменных карьеров. Наш взвод послали в головное охранение. По какому направлению, до каких пор двигаться, не знал и командир взвода. Кстати, он не знал и боевого порядка головного охранения и головной дозор выставил только после совещания с командирами отделений.

Наше отделение попало как раз в головной дозор. Командир наш ни хрена не понимает и даже не старается понять. Идти пришлось очень быстро и даже бежать, так как сам батальон для чего-то при выходе на оборонительный рубеж ускорил темпы и был у нас почти на самом хвосте, так же как и мы у головного дозора. А левое боковое охранение совсем отстало, за что от командира полка получило нахлобучку.

Ну вот и остановились. Нас загнали в канаву, и наконец политрук зачитал нам приказ. Банда-де диверсантов высадилась у разъезда

Смолино и движется на нас, имея целью захватить и испортить склады № 190. Наша задача — охранить склады № 190 и контрударами прикончить банду. Хорошо! Что должен делать батальон, понятно. А рота? А наш взвод? А где наши остальные части? Ничего не известно. Нас погнали сначала к забору налево. Затем командование выяснило, что перед нами посевы, и на этом основании погнало нас обратно.

Наш взвод опять в канаве. Ждем. Дисциплина с ожиданием — падает. Кто закусывает, кто курит, кто шутки шутит, и все скучают. Мы на час запоздали выйти на оборонительный рубеж, а диверсанты все не появляются. Кое-кто высказывает мнение, что противник тоже условный. Наконец нас гонят через дорогу в поле. Бурьян по пояс высотой и весь как из ведра политый водой. Комроты то и дело кричит нам: «Ложись!», а куда тут, когда я в пальто промок, а многие ведь в пиджачках только. Ладно солнышко взошло, и мы на земле меж картошек прилегли.

Наконец появился противник. Где-то он нас обошел, и «ура», которое мы слышали спереди, оказалось сзади. Но мы, конечно, и в ус не дули. Увидели отделение женщин и погнались за ним тремя отделениями, ну они и убежали. Только хотели еще геройство проявить, как нам дали отбой, и тут-то мы и узнали, что «диверсанты» — это Кировский район, который имел задачу отогнать «диверсантов», то есть нас, от объекта № 190. Обе банды «диверсантов» объединились и пошли обратно.

На привале нас собрали в круг и доказали как дважды два, что дисциплина у нас была плохая, а командиры нас не подтягивали. И ни словом эта дрянь Кузьмин не обмолвился о том, что ни черта вплоть до командиров не было подготовлено и организовано. Вот уж поистине идиотская уверенность, что стоит только захотеть, и все само собой образуется. С такими-то «веселыми» мыслями отправились домой, усталые, как черти. Туда 10 километров, оттуда столько же, да сколько топтаний на месте. Пришел домой часов в 10, заснул в 12, а встал в 5 часов вечера.

Блювштейн, со слов Борисова, рассказывал, что в Москве немцы разбомбили Белорусский вокзал, театр им. Вахтангова, Зацепский рынок, станцию метро «Смоленская площадь» и покушались на Большой театр.

13 августа. Призван Преображенский. Об этой возможности Паничкин мне еще дня три тому говорил. Я все больше начинаю верить таким сообщениям «из осведомленных кругов», потому что они оправдываются. Послал в Красноармейский район ст. экономиста сводного плана Винницкого Облплана, а какому-то Кросамбарову, работнику НККХ, отказал в работе. Куда я его дену, если у меня в городах все места заняты? Получено постановление СНК СССР, разрешающее Облисполкомам перемещать местных работников вне зависимости от ведомственной подчиненности. Ну, нас это не касается. Нашего брата и раньше могли перебросить куда и на что угодно.

Был Старцев. Он уже не глядит победителем, как прошлый раз. Пединститут занят под какое-то учреждение Наркомата вооружений. Пединститут поместили пока в школу № 6, но похоже, что его также собираются ликвидировать совсем.

Копысов совсем растерялся и спрашивает, как могло случиться, что немцы прут и прут, а их никак не остановят. Я и не знал, что Кишинев занят. Значит, по крайней мере четыре столицы союзных республик захвачены. Не совсем ясно, что с Киевом, и основательная угроза Ленинграду. И в самом деле, если читать только сводки, становится непонятно. Ведь особенно за последнее время мы громим полки, дивизии и чуть ли не корпуса, а все еще раком пятимся. Наши самолеты бомбят Берлин, немецкие к Москве не подпускаем, а все еще нашего превосходства в воздухе до сих пор не объявили. Что-то неладное со сводками.

14 августа. Одно хорошо у меня в этом году складывается — успел во многих местах, для меня новых, побывать. В прежние годы — раз в год в Москву, да в Свердловск с изданием, на этом и спасибо, и изучай экономику, сидя в кабинете. А в этом году в Москве на совещании председателей Госпланов Урала и Юго-Востока был, в Аргаяшском районе на посевной разъезжал, в Магнитогорске дважды — по организации стройконторы и с правительственной комиссией ездил, по району Златоуста пять дней по вопросам треста № 24 мотался, а теперь вот в район Копейска попал. А ведь это все новые люди, новые впечатления, новые знания.

Собирались, как вор на ярмарку. Еще 12-го уговорились с углесбытом Макаровым, что 13-го утром едем. Целый день шли неполадки с

покрышками. Вечером как будто бы совсем собрались, я уж и на военные занятия не пошел, а дело сорвалось. Сегодня с утра все договаривались, и наконец отыскалась грузовая газогенераторная полуторка, которая шла на Козырево. С ней-то мы и маялись. Пока только ко мне домой заехали, так два раза останавливались и все в «самоваре» шуровали: чурка сырая и ни черта не горит. В дороге это удовольствие нам еще раз пять пришлось испытать, а так как в это время сеял мелкий, но упорный дождик, то удовольствие было полное. В заключение всего километрах в пяти от Козырево машина совсем встала, так как вышел весь бензин для заводки, и мы пошлепали пешком до цели.

Пошли, после предварительного заказа гл. инженеру ряда сводок, на шахты. Смутное я имел о шахтах представление, и когда нас начали обряжать в спецовку, я по совести думал, что это так, «для порядка». Оказалось, что и на самом деле надо поплотнее закрываться, когда лезешь в землю. Через вертикальный людской ходок шахты № 1 мы спустились по отвесным лестницам в забой. Здесь пришлось скорчиться в три погибели, а затем просто улечься на спину в желоб для спуска угля и катиться по нему, как какая-нибудь пустая порода.

Справа от нас в забое забойщики «рубали» уголь. Около одного из них мы остановились, и начальник шахты Седов отрекомендовал его мне как лучшего забойщика, дающего 1,5–2 нормы в смену. Зато и заработал он в июне 1000 с лишним рублей. А с виду, конечно, об этом не догадаешься: парень как парень, лет тридцати и мощностью форм не поражает. Под конец наш желоб пошел под таким уклоном, что приходилось крепко держаться за стойки, только чтобы не слететь от быстрого полета куда-нибудь в сторону. Впрочем, инспектор Госконтроля Котельников, с которым мы весь этот вояж делали, таки не удержался и полетел вниз, но, на счастье, недалеко и в конце концов уперся в кучу угля, так что отделался благополучно. В откаточный штрек пришлось проползать в узкую щель между стойками, так как в конце желоб оказался перегороженным.

После этого мы бродили по разным подземным коридорам с незнакомыми названиями: «четвертая печь», «помойницкая» и т.д. У меня это хождение получилось не хуже, а пожалуй, что и лучше, чем у других, хотя кроме меня все, можно сказать, пооблазили не одну шахту. Вылезать пришлось по подъемному стволу шахты, также

по вертикальным лестницам, но гораздо выше. Если спускались мы по трем лестницам, то поднимались по крайней мере по десяти — так глубоко увели нас в землю разные наклонные лавы и штреки. Каждая лестница высотой не менее трех метров, так что общая высота подъема составила больше 30 метров. Ну и запыхался же я.

После лазали и в шахту № 2-бис. Особенность только та, что вход в нее наклонный, и шли мы по скользким доскам, держась за прибитую к стойкам доску.

А в общем есть определенная выгода ездить с высокими лицами. В столовой нас обещали накормить только борщом, а потом оказалось, что и его нет. Но со мной главный инженер Облтопа и инспектор Госконтроля. В лавочке для нас раздобыли рыбные консервы, джем, селедку, нашлись огурцы, и мы-таки подзакусили. А вечером оказались даже и блинчики, и мы, одним словом, голодные не остались.

16 августа. Закончили отчет по поездке. Вот уж с утра 15-го мы закусили основательно. В комнату нам притащили молоко — два литра на троих — выпили. В столовой дали рагу, правда резинообразное, и по две порции блинчиков. После такого солидного завтрака с легким сердцем мы направились в «фаетоне» на паре лошадей в Копейск на шахту № 4. Ехать нужно было 12 километров, но лошади бежали превосходно, погода с утра была солнечной, и ехать было одно удовольствие. Только запомнить на следующий раз: едешь на паре, не садись со стороны пристяжки — закидает грязью. Путь наш лежал мимо шахт № 205, 21, 22 и «Красная горнячка», так что между Козыревом и Копейском чуть не сплошная застройка. Шахта № 4 расположена около шахты № 7/8 Челябугля и, как большинство шахт Облтопа, наклонная. Спустились и в нее.

Так как нас заверили, что шахта сухая, то мы ограничились тем, что надели только куртку, ну и, конечно, штаны мои оказались измызганными. Спускаться пришлось по уклону на 74 метра — это подлиннее, чем у № 2бис. В лавы на этот раз мы не лазили и скоро снова пошли на поверхность. И снова я таки запыхался. К вечеру обнаружилось, что сведения, которые дал Облтоп, резко расходятся с данными КШУ. Забрали в контору главного инженера Плотникова, плановика и зав. ОКСом и просидели с ними до часу, разбираясь, кто прав, кто виноват. И, конечно, ничего не выяснили.

По моему предложению, решили 16 августа выехать утром на «ученике» в Облтоп и там разобраться. Я-то в этом был кровно заинтересован, не в сведениях, конечно, а в быстрейшем выезде. Остаться на день для меня была бы просто некомпенсированная затрата, т.к. суточные платят все равно, пробыл ты до 6 часов утра или вечера, табак у меня был на исходе, а кроме всего этого, я просто боялся, что мне уже прислали повестку, а ведь выехал без разрешения райвоенкомата.

За последнее время опять стали мобилизовывать усердно. Кузнецов, зав. шахтой № 4, жаловался, что у него за один день забрали десять забойщиков, хотя Попов толковал о какой-то брони для подземных рабочих, да и самого Соболева, как оказывается, забрали. Куда, правда, неизвестно. А то вон нашего Сашу Преображенскеого «взяли», но всего лишь в КЭЧ гарнизона. И, оказывается, с согласия Паничкина. Вот откуда у него сведения, что Сашу обязательно возьмут.

Приехал сегодня в 8 часов утра, проехав всего лишь 3–3,5 часа. Жени дома нет — в родильном. Пока еще не родила, что тревожит: не получилось бы так, как в 1938 году, хотя оснований вроде к этому нет, так как рожает уже в третий раз. Говорил с ней в 12 часов по телефону, голос слабый. Говорит, что сначала покрутило, а потом опять отпустило.

Не успел я войти в кабинет, как Есилевич явился, чтобы напомнить мне об обязанности позаботиться о карточках. Вот только с завтрашнего дня у нас входит в силу карточная система, хотя Котельников утверждает, что в Москве они введены уже с 17 июля.

Подсчитали, что до 1 сентября у нас будет уже 120 тысяч эвакуированных. Это уже солидный прирост к нашему населению. А многих зря и эвакуируют. Вот плановик и зав. ОКСом КШУ эвакуированные. Молодые, на вид здоровые, на кой черт их было сюда тащить? Остановить бы где-нибудь в Рязани, дать отдышаться маленько и на фронт.

Склады Госрезервов № 190 и № 191 срочно расширяются, им все это на руку. В такую кабалу заберут нас, что только держись, и деваться некуда будет.

Разрешите Вас, Борис Степанович, поздравить с рождением дочери. Женя чувствует себя, по заявлению говорившей со мной, неплохо. Но с временем рождения — путаница. Я говорил с Женей

вчера в половине двенадцатого — ничего не было, а меня стараются уверить, что она сама подтверждает время рождения 10 часов утра 17 августа. Хотя, быть может, это по-железнодорожному? Тогда все в порядке, и она родила сразу после нашего разговора в 12 часов 17 августа 1941 года. Но тут, значит, безбожно врала мне вчерашняя сиделка, которая в 10 часов вечера заверяла меня, что Женя родит еще через 2–3 суток.

Ложная тревога. Сейчас только разговаривал с Женей, и никто не думал даже родиться. Вот, сволочи, как врать набаловались. А я уже всем раззвонил об этом.

19 августа. Рискнем еще раз поздравить Вас, Борис Степанович. На этот раз с сыном. Вес 3750 грамм. Мать здорова и, говорят, улыбается. Родила, оказывается, вчера ночью. Все это неплохо, если только сие не брехня по-вчерашнему.

Шепотком мне Костюченков передал, что уже появились семьи военнослужащих, эвакуированных с Дальнего Востока. Как сей факт понимать? Ведь японская информация заверила, что наши отношения с Японией хороши, что не осмелился заявить Гитлер в начале июня. Но народ стал подозрителен до крайности, и вчера на политинформации по этому поводу один из ополченцев задал кучу вопросов, показывающих, что он Японии ни на грош не верит, а ответы Косякина могли только подтвердить это неверие.

Немцы взяли Кингисепп. Для большинства это только 100–110 километров от Ленинграда и в худшем случае показатель того, что Эстонию немцы захватили всю. Никто не знает, что существовал Кингисеппский особый округ, а ведь это означает, что прорвана основная оборонительная линия под Ленинградом и что нависла непосредственная угроза потери Ленинграда. Ай, как паршиво складываются дела на фронте.

21 августа. Опять поездка и опять в это самое КШУ. На этот раз я зам. председателя комиссии по приемке шахт № 1 и 3 Облтопа. Ну что же делать? Придется специализироваться на горняцком деле. Выехали вчера в час дня, хотя начали собираться с 10 часов утра. Ехали на М-1 с горным инженером Облтопа Бряновым и ст. кредитным инженером Промбанка Ускиным. Ехали неплохо, хотя я и отчаянно дремал всю дорогу, что едва ли понравилось общительному Ускину. По приезде

познакомился с председателем комиссии — представителем НКМТП Гребенником и опять полез в шахты с Ускиным и Плотниковым.

На этот раз я уже лучше ориентировался в различных лавах и штреках, хотя многое для меня являлось тайной за семью печатями. Но научился «хранить молчанье в важном споре», и пока Ускин впопад и невпопад разглагольствовал, я от времени до времени задавал вопросы и вставлял замечания «с ученым видом знатока».

Мучения начались по возвращении в контору. Опять оказалось все перепутанным с начала до конца. Опять Казушин (нач. ОКСа) ругал своих предшественников и ни черта не делал, чтобы распутать их. Брянов решил привезти облтоповских работников, чтобы во всем разобраться, но начались обычные сборы, затянувшиеся с 6 часов до 10.

Ночью Гребенник остался дальше разбираться во всей путанице документов, а я сыграл партию в шахматы с Ускиным. Игра длилась два с половиной часа, носила позиционный характер, и, выиграв в середине игры две пешки, я сумел сохранить позиционное преимущество до конца. В эндшпиле я имел ладью и две пешки против ладьи. Отдал ему за ладью одну пешку и ладью, а из второй сделал ферзя. Ну, упорный партнер попался до глупости: пока я ему не сделал мат, он и не подумал сдаваться. Во время игры у меня вдруг отчаянно закрутило живот, и пришлось срочно и надолго засесть в уборной: должно быть, получился неудачный синтез овощного рулета с молоком.

Сегодня с утра продолжается безделъничанье. Брянов обещался приехать ночью, и до 12 часов утра его еще нет. Гребенник продолжает распутываться в процентовках, Ускин уехал на станцию Подземгаза, а я бездельничаю.

Направления сегодня в сводке на фронтах те же самые, но опубликовано обращение Ворошилова и Жданова к ленинградцам. Что, из Ленинграда Красный Верден хотят, что ли, устроить?

22 августа. Как и надо было полагать, все наши ожидания Брянова оказались бесцельными. В половине третьего он позвонил и сообщил, что, так как его задерживает Калашников, он приехать не сможет. Но мы и не дожидались его. Ускин и я собрались и поехали в Копейск на поезде Челябутля, который, оказывается, регулярно ходит по линии Козырево — Копейск в составе четырех-пяти товарных вагонов, приспособленных для перевозки пассажиров.

Из Копейска повернул я обратно, для того чтобы попасть на шахту № 4. На ней пыль столбом: две машины и два трактора с двумя тележками у каждого — отвозят уголь из горящих отвалов. За три дня с 19 августа вывезли уже 500 тонн. Давно бы следовало за это дело взяться, да вот догадочки у нашего Облтопа не хватило.

В Копейске на обратном пути в Когизе купил три книжечки: «Метаморфозы» Овидия, «Новеллы» О'Генри и «Чорокская нефть» Ларруи. Выехал из Копейска в 18.30, в Потанино прибыл в 18.45 (Куда это «Горняк» провалился? Я его так и не мог обнаружить, хотя и проехал как будто бы Копейск вдоль и поперек.) Выехал из Потанино в 19.10 и в 19.30 был уже в Челябинске.

Решил по пути зайти к Жене. Там оказались мама с Вовочкой. Женя выглядит лучше, чем до родов, но худая. И опять у нее груди болят от кормления. Домой пошли пешком, и Владимир Борисович мужественно перенес довольно длинный путь и после такой ходьбы побежал еще на двор играть. Что значит молодость!

Казунин вчера высказал положение, о котором я до сих пор ни от кого не слышал. Он утверждает, что командующий Белорусским военным округом изменил и что именно поэтому налетам германской авиации на Минск не было дано отпора и даже наоборот, отдельные наши самолеты, поднявшиеся навстречу врагу, по его приказу сшибались. О том, что наши самолеты не препятствовали бомбардирорвке Минска, я слыхал и от кого-то раньше, но об измене у меня и помыслов не было. Но если это так, то дело скандальное. Уж и все-то наши неудачи не этим ли объясняются?

Вечером был в Обкоме ВКП(б) на совещании секретарей РК ВКП(б) по вопросам уборки. Как это принято, «исповедовали» секретарей. Держится каждый, в зависимости от успехов, по-разному. Но для всех характерно чувство виноватости и какого-то подобострастия к «Григорию Давыдовичу», «Михаилу Петровичу» и т.д., которые сидят с видом непогрешимых пап и вещают. И горе тому, кто поперек слово молвит: гнев богов обрушится на дерзкого.

На совещании присутствовали Ицков, помощник А.А. Андреева, и академик Лысенко. Ицков, румяный, свежий мужчина, и вел, собственно, главный допрос. Он проявлял сугубую подозрительность при известии, например, о менингите лошадей в Белозерске и дру-

гих подобных «неприятностях», обязательно хотел увидеть здесь руку врага. Между прочим, он особенно рекомендовал приглядываться и проверять эвакуированных, прежде чем допускать их на какую-нибудь мало-мальски ответственную работу. И Ясюков мне в перерыве говорил, что ему в Обкоме не рекомендовали принимать на работу эстонцев, латвийцев, белорусов и даже украинцев.

А я-то по глупости их понаправлял в райпланы. Кто его знает, может быть, и каких-нибудь шпионов и диверсантов понасажал. Хотя документы я у всех смотрел, да и черта ли они нашпионят и навредят в каком-нибудь Нязе-Петровском районе? В Карабаше у меня бывший экономист Псковского горплана, а крупнее Карабаша нет и города из тех, куда посылал я эвакуированных.

Интересно выступил Лысенко. Как-то не умеет, что ли, выступать? Встал к публике боком, глаза опустил книзу и хриплым голосом, поминутно откашливаясь, начал вести разговор о том, в какой стадии зрелости можно убирать хлеб. Он так долго держал очи долу, что я серьезно начал подумывать, уж не слепой ли он? Но нет. Под конец он немного разошелся и временами начал вскидывать глаза на народ. Вообще вид у него не особенно-то академический: худющий, косматый и вообще на агронома средней руки походит.

Предложил он сеять рожь нового урожая через два-три дня после уборки, а в крайнем случае и через день. Пшеницу рекомендовал убирать, едва она выйдет из молочной зрелости, а с 10 сентября даже и в молочной, во избежание заморозков, которые все равно погубят урожай поздно посеянных хлебов.

По окончании его речи секретарям предложено было высказаться и по его предложениям, и, конечно, все «рады стараться». А ведь они же годами хлебом занимались и ни одного слова критики даже не попытались произнести. Впрочем, я замечаю, что дело секретарей — это выполнять директивы, а что из этого получится, они маловато думают. Самое главное — план выполнить, а если в результате выполнения колхозы без хлеба останутся, то можно всегда у государства помощь попросить. Дисциплина — вещь, конечно, хорошая, но за последнее время людей, кажется, и рассуждать отучили.

Из выступлений секретарей картина вырисовывается с уборкой неважная. Как правило, к уборке ржи в массовом порядке приступили

3 Заказ 1254

числа 17–20 августа, и почти никто еще не начинал уборку пшеницы. Сеяли ее поздно, лето холодное, и она еще не везде даже полностью отцвела. Ну и получается междупарье. Кое-где из рабочих и служащих райцентров процентов пятьдесят повыгоняли на уборку, но что-то не похоже, чтобы их там на сто процентов использовали. Кое-кто, робко, правда, но пытается доказать, что увеличенный план сева озими не выполнить до 1 сентября, но таковым убедительно доказывают, что они бездельники, и возражения снимаются. Многие не закончили еще с сенокосом и силосованием. Колхозники, говорят, работали лучше, чем в прошлые годы, но невыходы на работу все же есть. В Полтавке, да, надо полагать, не в одной только Полтавке, плохо с питанием колхозников, хотя есть перспективы, что в случае успешной уборки и хлебосдачи с этим делом положение выправится.

24 августа. Как вчера хорошо все складывалось было. Субботника нет, военных занятий нет — живи и блаженствуй, как до войны. И вот, пожалуйста, повестка: явиться к 8 часам в военный стол с военным билетом. Принесли ее в 6 часов, так я спокойно доспал до половины восьмого, оделся, как на гулянье, и пошел. Пришел еще рано. Но в 8 ровно появился нач. военного стола и начал отбирать военные билеты, а потом велел всем построиться. Набралось человек сорок. Повели нас по Спартаку к Кировскому РК ВКП(б), а оттуда по улицам Кирова и Труда к стадиону. Здесь-то и выяснилось, для чего нас булгачили: на ж.д. ветке стояло 5 вагонов с ящиками, на которых написано: «Ленпартархив». Видел я его еще вчера на ул. Спартака, когда мы с Блювштейном возвращались из театра. Какой же он, значит, огромный.

Перспектива была не из приятных: извозить «кобеднишний» костюм, испортить себе выходной, а тут еще явился демон-искуситель. Макаров, гл. инженер Облстройтреста, отозвал меня в сторону и сказал, что он освободился, заявив, что они сегодня работают на заводе. Я решил тоже покривить душой. Когда позвали нашу четверку, я, доложившись по всей форме, заявил, что у меня в 10 и 12 часов совещания, и спросил, когда я смогу освободиться. Подействовало — отпустил, а я вместо Облплана, где мне в такую рань делать было нечего, устремился домой завтракать.

Потом, поколбасив для приличия до 2 часов в Облплане, направился к Жене. По привычке забрался на завалинку и задрал ногу на калитку, собираясь через нее перелезть, но был жестоко удивлен и чуть с нее не свалился: калитка оказалась открытой. Женя кормила сынка и велела мне подойти к окну попозже. Ждать пришлось основательно. Но все когда-нибудь кончается. Наконец и меня допустили пред светлые очи Катаева-младшего. Впрочем, очи открылись несколько позднее, потому что, насытившись, т. Катаев-младший не соблаговолили даже и глаз открыть на виновника появления его на свет и только временами как-то иронически улыбались. Сын понравился. По-моему, он будет красивее Владимира, а это никогда не мешает. Удивительно у него высокий лоб. Ну, головастый-то он, как и все Катаевы, ну а лба такого, по-моему, ни у кого нет. Весил он при рождении 3700 г, что во всяком случае прилично.

Нкомхоз в Костроме, НКТоп в Тюмени, хотя наркомы с частью штата сидят еще в Москве.

27 августа. Наши войска вошли в Иран. Сначала я подумал, что зря в новую кашу полезли, а потом понял, что это правильно. Во-первых, предупредили второй Ирак, а во-вторых, все-таки создадим впечатление, что несмотря на войну с Германией, у нас есть силы и для других фронтов. Только движемся медленно. За вчерашний день прошли на 40 км. Неужели персюки еще сопротивляться будут? А впрочем, можно ожидать, что немцы такое сопротивление хотя бы на краткое время организуют. Но с Ираном надо скоренько кончать, чтобы иметь возможность в случае чего воздействовать на Турцию.

А на основном фронте опять ерунда. Мы совершаем чудеса храбрости, громим дивизию за дивизией и... отступаем «после упорных боев». Сдали Новгород. Чья очередь, города земли русской? Плоховато что-то с подготовкой контрудара, хотя танковые части у нас готовятся вовсю. Есть в Челябинске и учебный танковый батальон, и танковое училище. Но или не так-то скоро обучить, или же танков не хватает, батальоны пока в глубоком тылу формируются.

Маркову дел по горло. Совет по эвакуации за подписью Шверника прислал письмо, где требует от Облисполкома соображений о возможности размещения в пределах области, но вне Челябинска,

ряда крупных электротехнических и машиностроительных заводов. Поздновато спохватились, надо раньше было их здесь строить. Или вот приехала бригада Гидроэнергопроекта по изучению водных источников Урала. Подлинно: как на охоту ехать, так и собак кормить.

А интересное совпадение: 1921, 1931 и 1941 годы являлись у нас годами плохого материального положения масс. В 1921 г. голод в Поволжье, в 1931 г. организационные неурядицы коллективизации, а в 1941 г. — война. Раньше — после этих годов так это годика через два, через три наступал расцвет. Интересно, как это сейчас получится?

Еду на уборочную в Звериноголовск. И странное дело, почему-то рад, хотя в Мухамед-Кулуевскую МТС ехал с тоской. Опять будем новых впечатлений набираться. Женю с сыном перевез домой. Хоть и не совсем она поправилась, но дома поздоровеет скорее.

Положение со снабжением продолжает ухудшаться. Длиннейшие очереди за мороженым. Не означает это, что стоит слишком жаркая погода или что выпуск мороженого резко снизился. Просто это единственный почти вид сладости, доступный обычным смертным. Еще хуже с табаком: стреляют все без зазрения совести. В ход пошли суррогаты. Ну, самосад это уж как полагается, но приспособляется народ нюхательный табак курить — это уже хуже. В магазинах уже давно появился признак бестоварья — желудевый кофе и сухой квас заполняют полки. А раз подобные «продукты» появились на полках, не жди ничего доброго.

28 августа. Поехал... да не туда, куда следует. Вчера в 6 часов утра опять повестка, но явиться не в военный стол, а на призывной пункт к 12 часам дня. Чуть-чуть раньше я уже там. Ай, как он изменился. От некоторой торжественности и, во всяком случае, чистоты ничего не осталось. Захаркан, заплеван пол в коридоре, от табаку дым коромыслом, народ толпится без всякого порядка. В коридоре вместе с призывниками и посторонние сопровождающие болтаются. И буфет оскудел зело. Я и не надеялся найти в нем папирос, но думал, что все-таки закусить, как и прежде, можно прилично. Но пришлось ограничиться блюдечком творога и парой бутербродов из черного хлеба с тонким слоем масла.

И состав призываемых изменился. Очень много людей уже и не призывного возраста. Продержали 2,5 часа, а затем предложили к

завтрому представить в двух экземплярах автобиографию, личный листок по учету кадров и партийную характеристику.

Вечером отдыхал, так как теперь занятия военного ополчения будут происходить не каждый день по два часа, как это было до сих пор, а четыре раза в неделю по три часа. Ополев принес повестку, в которой ему приказано явиться, получив полный расчет, завтра к 9 часам утра. Кроме меня, кандидатами еще являются Костюченков и Паенсон, но последний до сих пор все хворает.

29 августа. Отнес вчера личный листок по учету кадров, автобиографию и партхарактеристику на призывной. Приказано пока быть свободным.

Вечером, как обычно, на занятиях народного ополчения. Редеют наши ряды. У нас в отделении Облплана всего лишь трое: я, Морозович, Блювштейн. Есилевич и Сушин на уборке, а Морозов, Чиняков, Преображенский, Ополев призваны в ряды РККА. Сироткин уволился, Паенсон болеет, Рыжиков на своем призывном. А райком все дает немыслимые директивы. У нас во взводе едва наберется одно отделение, 2-й батальон состоит едва из двух взводов, а приказом по полку объявлено, что полк будет состоять из четырех батальонов по три роты, плюс особая рота связи. И все это в полном составе.

Где они эти две с половиной — три тысячи мужчин, способных носить оружие, наберут, неизвестно. Занятия продолжают идти неудовлетворительно. Отцы-командиры пытаются объяснять то, что они сами плохо понимают. Костюченков — тот по простоте душевной зачитывает, ничтоже сумняшеся уставы, и все в порядке. Но ведь это же запрещено уставами, и вот начинается вольный пересказ устава и примеров, которые давались на командирских занятиях. Так как люди стараются не столько понять, сколько запомнить, то получаются курьезы. Командир батальона объясняет, что такое начальная скорость полета пули: «Это вылет пули из ствола в первую секунду. Точно! Так и в уставе сказано». Ну а так как наш брат в уставы редко заглядывает, то и запоминает подобную чепуху.

Приспособление нашей промышленности под военную продолжается. Ликеро-водочный завод переделан в витаминный, Катав-Ивановский весовой завод теперь завод для изготовления автоприцепов. Ездит по области комиссия или бригада Гидроэнергопроекта

и подбирает площадки для нового строительства. Завод № 195а в Уфалее строится для изготовления электромоторов, в Каслях тоже какое-то производство электроприборов организуется.

Идут и другого рода приспособления. У нас до 1 января 1942 г. должно быть развернуто 11 150 коек для госпиталей, это почти полностью наш коечный фонд в больницах в мирное время. Приспособления пока идут фактически даже впереди плана, но организация все же неудовлетворительная. Не хватает врачей, медсестер, мягкого инвентаря, хирургического инструмента. Топливом госпитали не обеспечены, учет оборудования и инвентаря не налажен.

2 сентября. Несколько мыслей Клаузевица:

«Чем выше мы поднимаемся по ступеням руководства, тем больше преобладания в деятельности получает мысль, рассудок и благоразумие; тем больше отодвигается на второй план смелость, являющаяся свойством темперамента. Поэтому мы так редко находим ее на высших постах, но зато тем более достойной восхищения является она тогда» (стр. 225/207).

«Все душевные силы теряют значительную часть своей мощи, когда на передний план выступают трезвые размышления или же когда начинает преобладать рассудок. Поэтому смелость мы находим тем реже, чем мы выше поднимаемся по рангу; ведь если бы даже уровень понимания и ума не поднимался бы вместе с рангом, то все же военным вождям на их различных постах объективные величины, обстоятельства и расчеты навязываются извне в таком большом числе и с такой силой, что они отягощены ими тем больше, чем меньше они в состоянии судить о них самостоятельно» (стр. 223/206).

«...при одной и той же степени знания дела в войне в тысячу раз больше может быть напорчено нерешительностью, чем смелостью»...

Итак, чем выше ранг, тем больше благоразумия, и оно до того объективно, что противоположное является исключением. Не в этом ли секрет побед наших маршалов в Гражданскую войну и неуспехов в нынешнюю? Не осторожничают ли они, отягощенные высокой ответственностью, излишне? Я уж, кажется, косой десяток причин наших неудач сыскал, но ни на одной из них нельзя остановиться окончательно. И не потому, что незнание фактической стороны дела препятствует выявлению причин, но, очевидно, и потому, что этих причин

больше, чем следует. Ясно одно: в чем-то мы немцам уступаем, а в чем конкретно, можно только догадываться — то ли в подготовленных кадрах (иначе к чему такое огромное разворачивание курсов и школ военных с привлечением в них кадров вплоть до 1894 года рождения, как сообщил сегодня вернувшийся из военкомата Соломин), то ли в вооружениях, то ли в выучке и тактике, то ли в храбрости — кто скажет мне сейчас?

Мобилизовали народа много. Морозович прикинул, что тысяч триста по нашей только области, а значит, 12–15 миллионов по СССР. Но ведь это же небывалая в истории орда, и будь бы она надлежащим образом вооружена, мы имели бы подавляющее превосходство над немцами. Но этого нет — значит, что-то неблагополучно.

Без табаку скучаю отчаянно. Слюна накопляется, и впечатление голода какого-то при полном животе. Уже с неделю живу только тем, что стреляю, и одной-двумя папиросками из пачки, спрятанной Женей про запас. И нет никакого желания бросать курить.

В воскресенье сдавал нормы по стрельбе. Без тренировки всадил две пули из трех в фигуру, и значит, задача номер один выполнена удовлетворительно.

3 сентября. Поругался с тещей основательно. Вовка, как это с ним часто за последнее время бывает, начал хныкать и выдумывать: то его пускай баба обует, то обязательно мама. Я все прикрикивал, прикрикивал на него и наконец шлепнул. Баба подхватила его на руки и с негодующим ворчанием «на тирана-отца» потащила в спальню. С этого и началось. Конфликт по способам воспитания у нас в семье давно, и каждый держится своей системы. Дед — сторонник мягкости и, буде Вовочка озорничает, пытается его уговорить самыми малоубедительными доводами: «это нехорошо», «так хорошие мальчики не делают» и т.д.

Естественно, что уже и сейчас Вовке надо знать, а почему это не хорошо и на самом ли деле не хорошо, и он подчас начинает только хуже противничать или в лучшем случае не обращает на его уговоры никакого внимания. Деду это дело быстро надоедает, и он бросает уговоры, предоставляя Вовку себе.

Лучше на него воздействует Женя. Ее метод более убедительный, потому что она действует вполне доступными его категориями:

«будешь хныкать — захвораешь», или «не возьмем тебя в баню», и иногда напускает на себя строгость: «ты не мой сын», «я от тебя совсем уйду». Ничего возразить против подобных мер воздействия нельзя, и я уверен, что в сочетании с более твердым хотя бы моим воздействием это могло бы помочь Володьке стать неплохим мальчишкой

Хуже всех, я считаю, прямо развращающе, действует бабка. Здесь примерно действие разворачивается так. Вовка начинает дурить и хныкать: «Я хочу». Бабка в сердцах на него кричит: «Я сказала нельзя», «замолчи, провалился бы ты», «вот киргиз придет, тебя заберет в мешок», — и кончает тем, что выполняет на сто процентов все его «хочу». Результат несомненный: мальчишка убеждается, что стоит ему основательней пореветь, и все будет сделано по его, и в то же время приучается не обращать внимания на запреты и не слушаться приказаний.

И вот при таких-то обстоятельствах я начинаю действовать своим способом. В принципе против него трудно убедительно возразить. Сын должен быть в меру инициативен, в меру послушен, приучаться все делать сам. Как этого достичь? Твердым руководством. Без излишнего крика дать понять, что капризы и хныкания никогда не дадут хороших результатов, что самое лучшее — делать то, что велят старшие, и все это не уговорами доказывать, а делом: не выполнять, несмотря на крики и слезы, нелепых требований и, наоборот, требовать безусловного выполнения своих «приказов».

Но так только в теории. На практике же получается противодействие и со стороны деда, и чаще всего со стороны бабы, более активно вмешивающейся во все такие дела. Да и можно было бы еще примириться, если бы он, командуя над бабой и дедом, приучился хотя бы слушаться мать да отца. Так нет вот. Случаи, как сегодня утром, не единичны, а к чему они ведут, понятно. И потом я, хотя и признаю теоретически необходимость действовать хладнокровно, практически иногда повышаю голос достаточно высоко, и вместо разумных высказываний получается подчас малопонятный окрик. И что всего хуже, так это абсолютная невозможность договориться об этом предмете толком.

Обычно начинаются взаимные упреки и оскорбления. Ну а как тут договоришься, когда начинают сворачивать дело на то, что «я

вам давно ненавистна», «со мной хуже всякой батрачки обращаются» и даже «всегда усчитают, куда деньги я деваю». Логический разговор в этих условиях невозможен, и вот начинается отвратительное состязание: кто кого перекричит, кто кого сильнее оскорбит. И потом снова вооруженный нейтралитет, скверно действующий на всех нас и хуже всего на самого Владимира.

Сдали очередной город — Таллин. Хотя я думал, что его давно уже эвакуировали, но все же сугубо неприятна такая вещь. И все меньше верится нашим сводкам. Взять хотя бы такой факт, что не было еще ни одного дня, чтобы мы потеряли хоть на один самолет больше, чем немцы. Ну похоже ли это на правду? Ну, если бы у них была совершенно негодная авиация, а то ведь нет. А если это неправда, то где гарантия, что правда остальное? В чем тогда отличие подобной пропаганды от буржуазной? Чем только выгодно и отличалась наша пропаганда, так это (помимо, конечно, политически правильного освещения фактов) правильным изложением фактов, а сейчас она может серьезно потерять доверие.

Вести приходят об облплановцах. Паенсон сообщил сегодня, что Чиняков в Оловянной, а Строгалев на эмке по Ржеву разъезжает. Один Морозов как в воду канул. А Ефимов разгуливает себе по Челябинску интендантом 1-го ранга с тремя шпалами и никуда не движется.

5 сентября. Обогащаемся понемногу новыми заводами, и при том в местах совершенно неожиданных. Я уже, кажется, раньше писал, что в пединституте размещается завод, можно уточнить: завод № 541 НКВ. Усиленно пространство вокруг института огораживается сплошным забором, и внутри идут переделки. Кстати, можно указать на оригинальный, не лишенный смысла метод использования народного ополчения. Гвоздев хвастает, что весь полк Кировского района работал у него на постройке этого забора, и работали неплохо. Я великий сторонник добавления физического труда к умственному (а для меня просто частичной замены). Лишь бы это не носило сугубо формальный и зачастую весьма неорганизованный характер.

Но возвратимся к заводам. Родственник № 541-го, № 545-й, размещается в «Доме печати», в связи с чем последний достраивается и, как заявляет Гвоздев, почти без изменения проекта, с несколько большей

высотой. Это уже совсем неплохо. Едва ли этот № 345-й захочет и после войны остаться в центре города в приспособленном и для него все же недостаточном помещении. Уедет или новое здание где-нибудь на востоке города поставит. А Дом печати используется по назначению. Замечательно! Воодушевленный подобной перспективой, я предложил Гвоздеву «подсказать» своим клиентам, что теркорпус сам под жилье просится. Но здесь получилась осечка: НКЗдрав его сам подо что-то удумает использовать.

Ну что ж, еще лучше. Лишь бы устроили. Надо кому-нибудь навязать библиотеку и, пожалуй, «Мадрид». Не мокнуть же им осень и зиму. И только в такое время возможен симбиоз театра... с заводом. Институты бывают всякие. Институт Капицы, поди, ни одному заводу не уступит, но вот уж в театре завод — это трудно себе представить. Однако позавчера я с 2 часов дня до 12 часов ночи занимался вопросом размещения в недостроенном драмтеатре машиностроительного завода им. Кирова, эвакуированного из Одессы. И ничего. Оказывается, без особого ущерба разместить заводик можно. Составили, как полагается, проект решения Исполкома, но с утра вчера начались затруднения. Во-первых, в силу решения Горисполкома (очередная путаница) в подвальное помещение театра забрался силком, с помощью милиции (ведь и архивы, и милиция — это НКВД), Ленинградский партархив, а во-вторых, Паничкин передает, что Сапрыкин лучше согласен этот завод разместить в театре оперетты, чем портить новый театр. Во всяком случае, будет завод в театре оперетты, или в новом драмтеатре, или даже ни в одном из них не будет, показательна сама постановка вопроса.

Начинают появляться представители менее тяжелых отраслей промышленности. Приехали представители Наркомтекстильпрома с предложением разместить часть оборудования Кренгольмской мануфактуры. Дали им на обозрение ряд точек, в частности, пресловутую мельницу в Метлино и Шадринскую льнопрядильную фабрику. Приехала кондитерская фабрика из Днепропетровска с оборудованием и кое-какими запасами материала.

Вот этим-то бы я предоставил все условия. Шибко не хватает нашей области предприятий легкой и пищевой промышленности. И если в результате войны наша область обзаведется хлопчатобумаж-

ными, кондитерскими, сахарными и папиросными заводами (а все они ищут сейчас у нас возможности разместиться), это будет хотя бы частичной компенсацией за тяжести войны.

Войск у нас в городе ей-ей больше, чем я предполагаю. Шел я в среду в баню № 1 и обнаружил, что в цирке войска. В фабрике-кухне ЧТЗ тоже какая-то часть и т.д. Учат их или же создают резервы для решительного удара?

Во всякой войне одним из бросающихся в глаза характерных признаков являются походные песни. Сажусь ли я утром за свой стол, возвращаюсь ли с обеда, занимаюсь ли в народном ополчении, — с утра до ночи отовсюду, с улиц, с площадей, несутся звуки песен. Для каждой эпохи характерны свои песни: в империалистическую войну, помню, пели «Чубарики-чубчики», «Вы не вейтеся, черные кудри»; в гражданскую — «Слышали деды», «Конная Буденного»; сейчас чаще всего поют «Партизанскую», «Москву майскую», «Катюшу» и ту же «Конную Буденного».

7 сентября. Вчера явились представители экспедиции № 2 Мостранспроекта НКПС по проектированию «пути № 2», другими словами, линии Магнитогорск — Сары, для согласования проекта развития Магнитогорского узла. Подходящий узел получается. В проекте предусматривается развитие путей с учетом строительства линий на Карталы, Уфу, Сары и Миасс. На Сары путь уже в процессе строительства, а с юга, в частности, уже уложено километров 60. Линия дает дополнительный выход Магнитогорску на юг, но главное ее значение — это дать выход медным рудам Баймаки на заводы Урала. Ввод в эксплуатацию назначен к началу 1942 года. Вот это темпы — всегда бы так строить.

Были сегодня на воскреснике в Митрофановском совхозе. Лично жаловаться можно только на то, что слишком рано, в 6 часов пришлось подняться. В остальном все замечательно. Туда и обратно ехали на автобусе. Работа легкая — обрывать у вырытой плугом моркови ботву и таскать ее в кучи. Наелся моркови и репы с избытком и с собой кое-что притащил. Но поворчать еще раз нашлось на что. Неорганизованность. Пока добрались и принялись за работу, было уже 9 часов. Никто не мог распределить рабочую силу (а пришло народу очень много), так чтобы все работали с максимальной про-

изводительностью, учет работы не налажен, и нам даже результаты работы не могли сказать. Работали только до половины третьего. И самое возмутительное — так скверно плугом подрывали морковь, что стержни у многих оказались срезаны и почти у самой ботвы.

9 сентября. Еще в воскресенье перед отъездом в совхоз я краем уха услышал по радио, что какая-то наша часть «в первый же день наступления» наделала каких-то славных дел кучу. Это подняло настроение и заставило еще более страстно ждать результатов боев. Можно поэтому представить себе, в какой телячий восторг я пришел, когда случайно, приложив к полу ухо, услышал в нижней квартире передачу о том, что в результате 26-дневных боев на Смоленском направлении наши войска разгромили ряд дивизий, захватили какой-то город, а противник отступает на запад. Как назло, газету не принесли до конца занятий, и мне ее удалось купить уходя домой, внизу в киоске. И в течение дня благоразумие несколько поумерило порывы восторга, а прочитав газету, я еще несколько охладел.

Взяли Ельню. Что это за город? Я даже не подозревал, что таковой имеется. И отступает не противник, а эти самые погромленные дивизии. Значит, не совсем еще разбиты, раз отступают, а не бегут. Радоваться еще рано. Вот если наши разовьют основательно это наступление, если это наступление поддержано будет на других направлениях, если в результате этого наступления будут вновь захвачены такие города, как Смоленск, Витебск, Минск, — вот тогда можно будет основательно порадоваться. Утешительно же пока только одно: немцам крепко всыпали, а наши хоть на одном направлении провели наступательное движение.

Уж сколько раз читал я в газетах об ужасах, творимых фашистской армией над мирным населением и пленными. Здесь и сожжение живьем, и закапывание живых в землю, и отрезание грудей у женщин и девушек, — одним словом, полный набор квалифицированных и неквалифицированных форм казней, за исключением, может быть, одного — распятия.

Отец просто не хочет этому верить. Ему как-то неудобно и страшно читать и слышать о подобных зверствах. Я тоже не сомневаюсь, что краски в этом отношении в достаточной мере сгущены. Однако нет сомнения, что, может быть, и не как правило, и не везде, все

же отдельные факты мучительных издевательств и имеют место. Я допускаю это потому, что на войне люди звереют, пьяные тем более, а в особенности если этот «фюрер» в своей «Mein Kampf» провозгласил своей задачей физическое истребление славян и иных неарийских рас.

По поводу этой задачи можно сказать только одно: мир перенаселен (для данного способа производства, конечно) несмотря, может быть, на небольшое количество человек на квадратный километр, если возможна постановка такого рода задачи, как истребление известной части человечества. На заре машинного способа производства Мальтус предлагал искусственно сокращать деторождение пролетариата во избежание перенаселения. А выход был найден в стремительном развитии капитализма. Но Мальтус был всего лишь болтливым попом, по сравнению с ультрасовременным «фюрером», практически сокращающим население земного шара в значительных размерах. Чем только завершится его сумасшедшая эпопея?

Вчера, возвращаясь ночью с занятий народного ополчения, встретил дома Маргариту. Николая забрали, и он где-то в Казани, а она как будто пробирается к Нине. Настрадалась она, похоже, здорово и с сынком намаялась (он у нее болел), да и жить-то было можно, только проедая последнее домашнее барахло. Вот уж типичная домашняя хозяйка, неприспособленная для общественной работы. И попадает ей за это — ужасть, и все же никак к делу не приспособится. Левка у нее ничего, выровнялся, но все же мои, разумеется, лучше. Я, знаете ли, не вдаюсь в критические подробности на манер Жени и Ал. Прок[офьев]ны, которые сразу нашли, что Рита Левку страсть набаловала, но он у нее с рук не сходит и поминутно грудь сосет. Этак-то можно еще больше наговорить про их отношения с Вовочкой. А просто мои лучше, потому что они мои.

Мой проект (составленный по поручению Паничкина) о размещении завода в театре возвратился с резолюцией Гольдберга: «Т. Паничкин! Предприятия в театрах не размещают». Как я был бы рад, если бы в самом деле театр остался неприкосновенным. Однако Паничкин еще вчера мне говорил, что тот же Гольдберг собирается отдать театр для какого-то батальона. Вот это уж будет дурость, если не хуже. Казармы, да еще временные — это же гибель театру.

Закоптят, обобьют, запакостят, да еще и нары устроят. Проект зашил в дело — пригодится, может быть.

12 сентября. Прав я был, пожалуй, в оценке победы под Ельней — отдельный эпизод вроде взятия Рогачева и Жлобина. Нигде в другом месте это наступление не поддержано, да и на этом участке что-то не слышно о дальнейшем продвижении. Только бы еще обратно Ельню не пришлось бы отдавать.

«Деликатное» у нас положение с Болгарией, как бы выразился японский дипломат. Воевать не воюет, а плацдармом служит. Бить ее? Нападающей стороной будешь, да и где ее, стерву, уколупнешь сейчас? С воздуха разве только? Положение в сравнении с началом войны резко изменилось, и мы далеки от нее, хотя она к нам и близка. Одно только утешение, что у Германии такие же «деликатности» с США.

«Пустяки» — у нас, оказывается, эвакуированных предприятий уже разместившихся и подлежащих размещению — свыше двух сотен. Гольдберг считает, что 90% из них у нас осядет. Это он, пожалуй, загибает, но и 50% это будет весьма неплохо для нас. А дело идет, пожалуй, на это, потому что зачем тогда правительству выдавать рабочим этих заводов ссуду на жилстроительство, да еще с принятием на счет государства 50% ссуды? Заметим, что в Каменске в сгоревшей мельнице на КМЗ располагается бумажная фабрика.

В Челябинске намечено местопребывание уполномоченного Госплана при СНК СССР по Южному Уралу, куда входят Челябинск, Чкалов и Башкирия. Фамилия уполномоченного Маздрин, звать Иван Павлович. Хорошо! Все больше самостоятельности от Свердловска.

13 сентября. У Маркова всегда новостей наберешься. Существуют, оказывается, военпреды, представители военного ведомства по приемке продукции от промышленных предприятий. На Каслинском заводе такой военпред сидит за станком и принимает каждый снаряд, руководствуясь показаниями приборов. Человек занят делом важным и нужным. Но и в этом деле не обходится без нелепостей. Военпреды — специалисты каждый по своему виду изделий, а так как их (изделий) у нас достаточно, то и военпредов развелось видимо-невидимо, причем они чаще не помогают, а мешают работать.

У Анашкина вертятся несколько таких военпредов. На двоих из них он особенно жалуется. Один целыми днями торчит перед пись-

менным столом и просто мешает, а второй, будучи представителем по приемке кухонных кочерег, напропалую ухаживает за машинистками. Комментарий Маркова: «Положение хорошее: служба военная, задание ответственное, оборонное, и жизнь неплохая».

Вчера был у меня Кирьян. Зашел попрощаться перед отъездом в Еманжелинский дом отдыха. Ему на днях делали вторую операцию и дали второй отдых в этом году. А скверная это штука — туберкулез. По виду определить очень трудно. Прудников, Тамбовцев, да и Елкина с виду худые, истощенные, а ведь у него вот лицо сравнительно полное. Конечно, румянца во всю щеку нет, но пес ее угадает по этому лицу, что внутри делается. Может быть, туберкулез и у меня? Худой я стал здорово, да и кашель часто привязывается. Но хуже всего, если это и на Вовку перешло. Не нравится мне его хрипота и частый кашель.

Блювштейна сегодня опять вызывали в райвоенкомат. Он-то полагал, что его взять хотят, а оказалось — медицинское обследование. Ну и сняли с учета как не годного по состоянию здоровья. А меня почему не берут? Кирьян выразил довольно уверенное подозрение, что тесть [П.С. Морятов, репрессирован в 1938 году] виноват. Если это так (а других причин не видно), то глупо. Во-первых, тестя я видел общим счетом не более пяти суток за всю мою жизнь, а во-вторых, зачем же меня держать в партии и на таком ответственном посту как зампредседателя Облплана, допущенного по должности к секретной и совершенно секретной переписке? Ведь уж ежели я социально опасен в армии, так и в тылу также опасен. А в общем, даже несколько обидно.

Ополев где-то здесь болтается у карьеров ЧТЗ, а что ему там надо — неизвестно.

В Щучьем садится завод авиаприборов, единственный, как хвастает, по крайней мере, директор его, на весь Советский Союз.

15 сентября. За Ельню немцы уже успели на 100% с лишним компенсироваться: сданы Чернигов и Кременчуг. Это значит, что Киев будет обойден и с севера, и с юга, и хвастливые заверения, что Киев был, есть и будет советским, так и останутся заверениями. Немцы перебрались через Днепр! Насколько же они должны быть для этого сильнее (или искуснее) нас? Теперь им путь открыт и на Харьков, и на Донбасс. А далеко ли оттуда до Грозного и Майкопа? А ведь по свод-

кам все виды оружия — и артиллерия, и танки, и пулеметы — наносят такие удары врагу, что только держись.

Не вернее ли мнение того красноармейца, о котором вчера говорила Зинаида Александровна? По ее словам, он утверждает, что наша пехота бессильна перед немецкой, вооруженной до зубов и сплошь моторизованной. Конечно, у страха глаза велики, но весь ход войны убеждает в справедливости подобного мнения. И бессильное хвастовство так и останется бессильным. Лозовский сегодня опровергает, что немцам удалось отрезать все железнодорожные пути, связывающие Ленинград со страной. Невольно вспоминается его опровержение сообщения румынского радио об окружении армии Буденного, что стало через несколько дней фактом, подтвержденным нашей же печатью. Весьма вероятно, что и на этот раз «преувеличивают» не немцы, а Лозовский.

Но что если и предыдущее его опровержение итальянского радио, сообщавшего, что высшая точка сопротивления Красной Армии уже миновала, надо понимать наоборот? Страшно подумать, а между тем именно вслед за этим «опровержением» наши войска оставили уже Чернигов и Кременчуг. Этак ведь можно «наопровергаться» до полной гибели.

Приехал Сушин из Троицкого района. Хлеба поспели почти все, а ячмень накануне осыпания. Убрано около 25% хлебов, но это только скошено, а обмолочено и заскирдовано и того меньше. Вообще народ старается, но есть такие неполадки, которые эти старания на нет сводят. В одном колхозе домохозяйки все дома сидят, председатель не может ясли организовать. В другом комбайны стоят или работают на стационаре — нет комбайнеров или поломаны части. Вовлекаются, хотя и не так дружно, как хотелось бы, в уборку эвакуированные. Многие, прежде чем попасть в колхозы, обивают пороги РИКа, чтобы их куда угодно устроили, только не в колхозы. Очень плохо с вывозкой, и в первую очередь из-за нехватки телег, хотя и тягло на пределе. Из-за этого ряд колхозов сидят без хлеба с намолоченным хлебом, так как государству ничего не сдали.

Я и не знал, что в «Ведомостях Верховного Совета» был опубликован указ о выселении немцев Поволжья в Алтай, Омск и Новосибирск. Там, оказывается, развелось десятки тысяч шпионов и диверсантов,

а так как население их плохо выдавало, то ему доверять перестали и решили выселить. Едут целыми эшелонами со всем барахлом, но лиц «мужского пола» среднего возраста не видать. На тормозных площадках часовые, но для чего — непонятно, так как переселяемые свободно выходят из вагонов, а сам часовой охотно с публикой вступает в разговоры.

Интересен рассказ польского еврея из-под Варшавы. При разделе Польши он очутился на советской территории, и, хотя пожелал перейти в Германию, его туда не взяли. В СССР он работал в Ленинграде на постройке портовых сооружений. Потом их посадили в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Очутились они в Караганде в лагере. И здесь получили отпечатанное в типографии удостоверение, что имярек амнистирован как польский гражданин в соответствии с указом Верховного Совета. Жить может везде на территории СССР за исключением областей, где объявлено военное положение, городов I и II категории и нормированных городов. Круг достаточно ограниченный. Ну и направили его в район Арыси, выдав суточные по 15 руб. в сутки. Это уже неплохо.

В Чебаркуле 371-я дивизия, в Кургане 323 СП.

Уточним об указе о выселении немцев Поволжья. Датирован 28 августа, помещен в Ведомостях Верховного Совета от 2 сентября. Обвиняет немцев Поволжья в укрывательстве тысяч и десятков тысяч диверсантов, обязанных по сигналу из Германии произвести взрывы. Переселяют в многоземельные области Западной Сибири и Казахстана.

16 сентября. Во всяком случае, я сейчас чаще посещаю призывной пункт, чем раньше кино. Сегодня в 7 часов притащили повестку: явиться к 9 часам по ул. Цвиллинга, № 42. Пришел домой я вчера поздно, спал плохо, ну а тут уж и вовсе не до спанья. И вовсе не из-за волнения, чем дальше, тем меньше действуют эти повестки, а просто уже и сон пропал, да и торопиться надо: пес ее знает, где она, Цвиллинга, 42.

Но найти все можно, отыскался и призывной пункт. Он оказался в маленьком одноэтажном домике с низкими потолками и довольно невзрачными комнатками. И вот в этой-то дыре я проторчал до часу. Положим, больше всего я был на улице, как, впрочем, и большин-

4 Заказ 1254

ство народа. В буфете позавтракал. Ничего, ассортимент подходящий: хлеб, правда, только ржаной, табачных изделий нет, но есть сыр, колбаса, молоко, помидоры, сушки, рыба и т.д.

Кончилось все это тем, что меня вызвали к начальнику пункта. Людей все подбирали для отправки 19 сентября к 9 часам утра. Но начальник взглянул в мою карточку и: «Посмотрите, т. комиссар». — «Вы в Облплане работаете?» — «Да». — «Член партии с 1939 года?» — «Да». — «А кто работает председателем Облплана?» — «Паничкин». — «Где жил ваш тесть?» — вот оно. «Жил в Елани, а потом переехал в Челябинск». — «У вас его и арестовали?» — «Да». — «Ну что ж (к начальнику), давайте пока отложим». (И опять ко мне) «Мы, конечно, понимаем, что вы работаете в Облплане заместителем председателя. Работа важная, но если уж нас до этих (жест по горлу) допрет, мы вас вынуждены будем взять. А пока идите. Никуда не уезжайте».

Врете! Не Облплан вы уважаете, а тестя моего забыть не можете. Насколько дурные примеры заразительны. Опять тут запятнанный родственничек всю жизнь человеку может испортить.

Филимонова толкует, что Орша и Смоленск наши. Говорил ей это человек из Главвоенстроя. Астрахан подтверждает, что такие же вещи рассказывал Ефимов. Очень хотелось бы верить, но боюсь, что все эти люди выдают желаемое за сущее. Почему же тогда, сообщая о Ельне, наши сводки позабыли упомянуть такую «мелочь», как занятие Смоленска и Орши?

18 сентября. Во время ночного дежурства «пробежал» любопытную книжку: Эрнст Генри «Гитлер против СССР», изданную у нас в 1936 г. Автор, буржуазный писатель, сочувственно относящийся к СССР, рассматривает планы фашистов нападения на СССР, сравнивает обоюдные возможности и приходит к выводу, что на полях Восточной Европы Гитлеру суждено Ватерлоо. Он берет тот случай, когда Япония одновременно, а может быть, и раньше еще нападет на СССР, а кроме того, Германии будут обеспечены помощь и союз Польши, Финляндии, Болгарии, поддержка фашистов внутри Румынии и прибалтийских государств и min нейтралитет Франции и Англии (последняя даже может нейтрализовать наш Черноморский флот). И все же при этих условиях СССР побеждает, так как имеет большие людские и экономические ресурсы, по крайней мере, та-

кую же техническую вооруженность армии, огромные пространства и гораздо лучшую социальную базу.

Японию автор вообще не хочет считать за силу, способную оттянуть значительные части Красной Армии, так как просторы Сибири еще больше, чем Западной России и хуже ее обеспечены путями. Токио, Осака, Кобе — слишком легкие объекты бомбежки, а Китай в тылу слишком сильная угроза для Квантунской армии, вынужденной бороться против мощных укреплений Дальнего Востока.

Надежды Германии, как они сформулированы и самими фашистами, на разгром России, сводятся всего лишь к двум пунктам: 1) Англия не выступит на стороне Советского Союза и 2) благодаря меньшим мобилизационным способностям Красной Армии, в частности из-за слабой густоты железнодорожной сети, германская армия сумеет нанести молниеносный непоправимый удар Красной Армии в первые же недели войны.

Главные удары германская армия должна нанести: 1) на Ленинград со стороны Прибалтики, со стороны Финляндии и с моря, захватив Кронштадт, предварительно лишив его защиты береговых батарей Ораниенбаума; 2) на Киев через Румынию, Бессарабию (район Бельцы). От Ленинграда войска должны пройти на Москву, от Киева на Харьков, второстепенные удары наносятся через Минск и Смоленск на Москву; через Бухарест, юг Бессарабии, Одессу на Ростов-на-Дону. Для обеспечения прохода английского флота в Черное море намечается удар на Стамбул с целью захвата проливов.

Очень интересно сравнить этот стратегический план, условия его осуществления с современным положением и условиями, в которых оно было достигнуто. Несмотря на то что автор называет неоднократно этот план утопией, бредом, чепухой, он накануне своего осуществления, по крайней мере, в отношении главных ударов, с оговорками, о которых ниже. Надо признать, что Гитлер провел все это дело гораздо более хитро и толково, чем это предполагал Генри в 1936 году.

Генри полагал, что он использует только противоречия между социализмом и капитализмом и при сочувствии одних и прямой поддержке других капиталистических государств нападет в первую очередь на СССР. Но получилось несколько иначе. Он превосходно использовал, и притом в первую очередь, эту всеобщую уверенность

и внутренние противоречия капитализма. Под предлогом того, что он набирается сил для борьбы с большевизмом, он без войны завладел экономическими и людскими ресурсами Австрии и Чехословакии. Затем, вопреки всем расчетам, избрал вместо удара на Восток удар на Запад, предварительно обезопасив, также совершенно неожиданно, договором с СССР свои восточные границы, пойдя временно даже на лучшее укрепление Ленинграда с севера и предоставление СССР части Польши, всей Прибалтики и Бессарабии. Обезопасив, после очень краткого сопротивления, северный фронт захватом Дании и Норвегии, он поистине молниеносно разгромил Францию и чуть-чуть не захватил Англию.

Но тут получилась осечка. Что оставалось делать Гитлеру? Обезопасить себя еще и с юга, захватив Балканы. И это было проделано в образцовом порядке и тоже в весьма краткие сроки. СССР начал ему уже вставлять палки в колеса. Не говоря уже о том, что было захвачено им с согласия Гитлера, он, уже вопреки согласию, захватил Бессарабию, осмелился давать гарантии Югославии. Получив себе, и может быть, для себя неожиданно, так быстро всю или почти всю Европу, Гитлер имел право надеяться, что борьба с СССР теперь будет отнюдь не такой безнадежной, как она, скажем, представлялась тому же Генри. Резервы людских сил для войск возросли немного, главным образом за счет немцев в других странах Европы, румынов и финнов, но рабочей силы у него стало уже больше, чем в СССР, и объем производства также значительно увеличился.

И вот последовал удар, неожиданный, молниеносный. По-видимому, первое нападение было произведено, даже не дожидаясь полного развертывания своих частей, так важно было поразить неожиданностью, и поэтому только первый день наступления успеха не имел. А потом пошло соревнование в развертывании сил, победителем из которого вышел Гитлер — и потому, что он, как нападающий, мог выбрать наиболее удобный для себя момент, и потому, что его армия, воюя уже два года, находилась в полной боевой готовности, и наконец, потому, что сеть железных дорог у него все же значительно гуще, чем у нас.

Наступление шло планомерно, как и сообщал штаб верховного командования германских войск, но только в смысле направлений, а не

темпов. Чем дальше, тем темпы снижались, хотя после прорыва под Уманью правобережная Украина была занята довольно быстро.

Что же будет дальше? Напор гитлеровских войск не слабеет; несмотря на огромные потери, снабжение войск вооружением, резервами и продовольствием поставлено, по крайней мере, удовлетворительно, несмотря на действия партизан. За спиной германской армии стоит вся производственная мощь Европы, организованная немцами (а они на это весьма способны) для обеспечения нужд войны. Они захватили не только хлебородные наши области, но и крупные промышленные центры; и ряд таких жизненно важных пунктов, как Донбасс, Харьков, Ростов, Запорожье, Орел, Тула, держат под непосредственным ударом. И самое главное драгоценная инициатива, позволяющая им выбирать наиболее выгодные места ударов, находится в их руках.

Что противостоит Гитлеру? Огромные, правда, еще далеко полностью не обученные, людские резервы, экономическая все возрастающая мощь Советского Востока, по-прежнему огромные и, чем дальше, тем менее обеспеченные дорогами пространства, суровые, непривычные климатические условия, ненависть к фашизму, воспитанная у населения в течение ряда лет, партизанское движение в тылу, несущее гибель местного продовольствия и затруднения в подвозе, недостаток продовольствия вообще в Европе, низкая производительность порабощенных рабочих, бомбежки промцентров Англией и постоянная угроза перехода Англии, а также США к активным боевым действиям на фронте.

Гитлер стоит у порога решения своих основных стратегических замыслов захвата Ленинграда и Киева, но от них еще надо пробиваться на Москву, да и захват Москвы еще ни разу не решал судьбы страны. Победа будет за нами или нет, а уж Гитлеру головы не сносить, это факт. Хотя, пожалуй, сомневаться в победе нет достаточных оснований, если только мы, при благосклонном содействии наших «союзников», не будем доведены до полного истощения.

Кое-какие признаки истощения, по крайней мере, по линии легкой промышленности, имеются. Я имею в виду сбор вещей для Красной Армии. Подарки в действующую армию посылать — это дело обычное, но создавать под председательством Андреева специальную

комиссию и чуть ли не в порядке налога определять количество вещей, которое должно быть собрано по каждому району, — это уже похоже на крайнюю меру и свидетельствует, что или запасов вовремя не создали (хотя об этом-то основательно в свое время заботились), или что значительная часть этих запасов попала в руки немцев, а слабосильная, в особенности в наших восточных районах, легкая промышленность не в состоянии возобновить эти запасы за короткий срок.

В общем, так или иначе, а сегодня сдаю пару белья (единственную свою смену), наволочку, полотенце, рукавицы и байковую пеленку на портянки. И представьте себе, что я, зампредседателя Областной плановой комиссии, не в состоянии больше ничего сдать, не рискуя сам остаться в чем мать родила.

Бедно, ой как бедно живет народ в нашей стране. Почитаешь, например, о жизни в США. и просто зависть берет. Сравнение далеко не в нашу пользу. Да что там говорить, мой отец, мелкий банковский чиновник, жил гораздо лучше, чем я живу. Все это хорошо, и терпеть можно, когда есть надежда, что не в столь отдаленном будущем жизнь все же начнет улучшаться, и именно потому, что вовремя потерпел, недоел, недоспал. Но вот в такие моменты, когда видишь, что все твои лишения не могли помочь хотя бы защитить страну как следует, особенно горько. Горько еще и потому, что лучшее будущее отодвигается куда-то далеко.

Но что же делать-то? Хныканьем делу не поможешь, а навредить можно сколько угодно. Остается одно: терпеть и дальше и по мере возможности способствовать улучшению положения в стране на пользу общую и на свою собственную.

На занятиях народного ополчения наблюдали необычное явление. На севере в половине девятого появились сначала снопы света чуть-чуть зеленоватого оттенка. Мы решили сначала, что это прожектора. Но свет разливался уже сплошной полосой все шире по горизонту, а вверху столбы стали приобретать розовато-фиолетовую окраску. В конце концов они начали сходиться на конус, в зените имея менее интенсивный, мерцающий свет. В самом зените появлялись отдельные пятна и полудуги, быстро, впрочем, исчезающие.

Продолжалось это великолепие минут десять, после чего сияние стало постепенно как бы уходить за горизонт, но почти еще час спустя

на севере был виден слабый свет. Несомненно, это было северное сияние, явление в этих широтах, да еще в сентябре месяце, довольно редкое. Правда, я наблюдал его в еще более низких широтах в г. Чкалове в начале двадцатых годов, но это было уже зимой. Любопытно, что при ясном небе сегодня вечером была настолько низкая температура, что в пальто было холодно.

19 сентября. Я думал, что с северным сиянием все покончено, оказывается — нет. Часов в 11 ночи я, выходя из трамвая, заметил снова на небе полосы. Придя домой, разбудил папу, чтобы он хоть остатки сияния увидел. Мы вышли за ворота, и я заметил, что сияние снова начинает разгораться. Правда, оно уже не достигало силы первоначального, которое мы видели, но было все же достаточно ярким, и папа говорит, что это самое яркое за всю его жизнь, а он их видел четыре раза, в том числе два раза в Чкалове и два раза в Челябинске. Первое сияние в Челябинске он видел в прошлом году осенью, но это был только слабый отблеск, отсвет. А сейчас на северо-западе ярко блестел зеленоватого оттенка очаг света, из которого вверх вырывались отдельные лучи переменной яркости, подчас розоватого оттенка. Вся северная часть горизонта светилась светом летней зари, но не от самого горизонта, а как бы вырываясь из-за темных клубов туч, заслоняющих горизонт, хотя на самом деле небо было чистое. На северо-востоке виднелось слабое, но достаточно ясно различимое багровое сияние.

Под конец я не вытерпел и разбудил Женю, но она уже увидала только остатки остатков. Я ей наказывал следить ночью, когда она будет вставать кормить Славу, за небом, но ничего достаточно примечательного она не обнаружила.

Есть указание НКФ СССР о том, что по вкладам в сберкассу, вложенным после 23 июня, выдача производится в неограниченном количестве. Правильное мероприятие, дающее поощрение тем, кто и во время войны вкладывал свои деньги в сберкассы, но свидетельствует оно о том, что со вкладами в сберкассы далеко не все благополучно в стране. А по Челябинской области мне об этом давно известно.

Сегодня рассмотрел данные Облстатуправления о торговле и перевозках ЮУЖД. Торговля идет с перевыполнением. План III квартала выполнен за два месяца по области на 66,6% , по местным торгам

на 88,9%, Уралликерводке — 92,2%, Спецторгу — 85,1%, Военторгу — 117,2%. При этом к годовому плану вместо нормальных 17,3% сделано: по местным торгам на 19,9%, по Военторгу — 20,4%, Спецторгу — 20,7%. То же по общепиту: за два месяца квартальный план выполнен на 79,5%, в т.ч.: по НКТоргу РСФСР — 84,7%, Спецторгу — 96,4%, Военторгу — 99,9%, Тракторозаводскому тресту столовых — 98,8%, а к году: по НКТоргу РСФСР — 20,7%, Спецторгу — 20,7%, Военторгу — 20,7% и в целом по Общепиту — 18,9%.

Очень и очень недурно выполняется план, но до удовлетворения спроса далеко. Слишком выросло население, и в магазинах товаров не хватает. Из общей сети совсем исчезли табачные изделия (на базаре, говорят, самосада сколько угодно по 4 рубля стакан), ощущается недостаток туалетного мыла, не говоря уже о пищевых товарах, за которыми везде огромные очереди. На базаре, по тем же данным Облстатуправления, резко снизился, по сравнению с прошлым годом, подвоз хлебных продуктов на рынках Челябинска. Овса продано 55,4%, ржи 25,6%, пшеницы 2,3%, муки ржаной 32,4%, пшеничной — 12,4% к августу прошлого года. В соответствии с этим и цена на пшеничную муку, например, повысилась на 60,7% и составляет 8 руб. за кило.

Иначе дело с мясом. Говядины реализовано 116,6%, баранины — 334%, свинины — 102,9% к прошлому году, поэтому и цены против прошлого года снизились на 25–30%. За говядину платят 16 руб. за кило, за баранину — 17 руб. Увеличился завоз и снизились цены на молоко и масло, картофель дешевле на 1/3 против прошлогоднего, а к июлю всего лишь 33,5%.

Словом, война еще пока не влияет на привоз. Слабая продажа хлеба вполне объяснима поздней уборкой. Примерно такая же картина наблюдается и на рынках других городов области. В Троицке, например, ржи реализовано в августе 86,8%, пшеницы — 25,5%, но по муке реализация выше: по пшеничной — 68,3%, по ржаной — 489,5% к прошлому году. Мука пшеничная стоит 6 руб. кило, картошка 1 руб. кило, говядина 14 руб. кило и баранина — 16 руб. — на 15–20% ниже прошлогоднего. Еще ниже цены в Куртамыше: рожь 4,5 руб. кило, мука ржаная — 4,5 руб., пшеничная — 5,6 руб., говядина — 8 руб., баранина — 9 руб., но картошка — 2 руб., вдвое дороже прошлогод-

него, тогда как мясо на 40% дешевле, мука ржаная на прошлогоднем уровне, пшеничная дороже на 12%, а рожь увеличилась на 50%.

Не менее интересна сводка по ЮУЖД. План перевозок в августе выполнен на 115,7%, к июлю 109,7%, к прошлому году 118,7%. Давненько такие приятные цифры не попадались. По сравнению с прошлым годом особенно увеличились перевозки кокса (760,5%), металлов (144,1%) и металлолома (275%), причем месячный план по ним выполнен еще с небольшим превышением (138,1% по металлолому, 100,4% по металлам и только 74,3% по коксу). И наоборот, по сельхозмашинам, стройматериалам и плодоовощам план перевыполнен в 3–5 раз, хотя по сравнению с прошлым годом перевозка составила всего лишь от 20% (с/х машины) до 64,1% (плодоовощи). И все же вагонов не хватает, так как потребность в перевозках резко возросла.

За площадкой Титанстроя намечено строительство асбестового завода. В этом году будет отпущено до 6 млн рублей примерно из 25 млн рублей общей сметной стоимости.

20 сентября. Киев, очевидно, накануне падения. Вчера сообщалось, что какие-то части прорвались к окраине города, сегодня подчеркивается особенно ожесточенный характер боев под Киевом. Вот будет жалко городок. Промышленности тяжелой там не так-то уж много, но вообще есть опасность окружения крупных войсковых соединений движением с тыла со стороны Чернигова и Кременчуга, и потом как никак политический центр. Надо полагать, немцы после захвата Киева сразу же организуют фашистское правительство Украины. Хотя до сих пор не слыхать об образовании таких правительств в Белоруссии, Латвии, Литве и Эстонии, но, во-первых, об этом могут и не сообщать, а во-вторых, Украина серьезнее их всех.

Обращает на себя внимание тот факт, что нет почти совсем (я, по крайней мере, еще не видел) обращения Советского правительства, Коминтерна к трудящимся мира, к трудящимся хотя бы фашистских стран. Непонятно просто: к славянам обращаемся, евреев призываем, армян агитируем, женщин пропагандируем, а о трудящихся молчок. Английские министры, и те призывают рабочих саботажничать на фашистских заводах, а мы как будто забыли свою социальную природу. Клятву, что ли, мы дали молчать об этом? Или не надеемся на трудящихся? Загадочно!

У нас (еще неизвестно где) будет организовано производство спичек, так как война разрушила спичечное производство уже на 70%, а после эвакуации фабрик в Калуге и на все 80%.

Даже первые дни войны резко сократили фонд автомашин в области. Вместо 14,5 тыс. машин на 1 июня, на 1 июля осталось только 12,6 тыс. машин, при условии, что не по всем районам были учтены взятые для НКО машины. Больше всего это изъятие коснулось, как и надо было полагать, грузовых машин, которых забрали 2396 штук, или 11,6% к наличию. Легковых взяли 7,8% и специальных машин 1,1% Процент, может быть, и не особенно высокий, но надо учесть, что во втором квартале война заняла всего лишь 8 дней. Интересно будет взглянуть в этом отношении в данные за третий квартал.

21 сентября. Все туже кольцо вокруг Киева. Сообщают, что разбили уже 10 дивизий, но немцы сосредоточили еще 15 и жмут почем зря. Неплохо, если германская армия поистечет кровью, пока запрет Киев, но что, если и наши несут такие же потери? Заметно, что немцы прилагают сейчас все силы, чтобы как можно быстрее, до наступления зимних холодов, добиться своей цели на первом этапе — занять Киев и Ленинград. И похоже, что это им удается.

Получили письмо от Николая Аксенова. Он сейчас под Брянском. Сейчас! Кто его знает, где он сейчас — письмо было послано еще 6 сентября. Тон письма крайне пессимистичный, он все время толкует о возможной своей смерти. Но что всего больше меня удивило, так это его коротенькая приписка о том, что им часто приходится голодать и все время сидят без табака. Удивительно, во-первых, то, что на конверте имеется штамп: «Проверено военной цензурой», а сообщаются такие неприглядные вещи, во-вторых, непонятные вещи с продовольствием и табаком. Я еще понял бы, если бы речь шла об одежде, но уж продовольствия-то у нас должно быть вдоволь. Единственное объяснение, что цензура пропускает, часть писем не читая, а служба снабжения хромает у нас на обе ноги.

22 сентября. Ну вот и Киев сдан неприятелю. Очередь Одессы, Харькова, Ростова, Ленинграда. Не верю в конечную победу Гитлера. Не удалась «Полтава» — «Москва» удастся, но чего это нам уже стоит. Поди, никаких контрибуций с Германии не хватит, тем более что охотников на контрибуции найдется слишком много.

Как обычно последнее время, вечером в выходной у нас Василий Павлович с женой. Вот уж кто бесится на все эти «порядки». Вчера как пришла, так и начала рассказывать, что ей передала знакомая медсестра из госпиталя в Великих Луках, раненная в голову и в ногу и находящаяся по этому случаю на излечении в Челябинске. Эта медсестра прямо в восторге от немцев: все у них лучше, чем у нас. Кормят их консервами и шоколадом, а у нас кроме сухарей нет ничего, в госпиталях только суп да каша; одеты немцы не так, как наши голодранцы, а с иголочки, у каждого во фляжке не вода, а вино. И вооружены они, как нашим не снилось — уничтожат их полк, а ему на смену такой же лезет.

Рассказывала, может быть, и преувеличенный, но характерный случай. Немца поместили в одну комнату с четырьмя ранеными красноармейцами, так те умудрились его ночью незаметно в окно выбросить, и он, разумеется, расшибся насмерть. Ожесточение между противниками огромное, хотя та же Зинаида Александровна, со слов «своей» сестры, опровергает наши сообщения об издевательствах над мирным населением и передает следующий анекдотический случай. Две медсестры переоделись, попав в расположение немецких войск, в крестьянскую одежду. Их встретил немецкий офицер и, осведомившись: «Не медсестры ли вы?» — спросил, куда они идут. Они ответили, что они колхозницы и идут в село N. — «Но ведь там красные». — «Ну что ж. Нам надо домой». И немец будто бы их пропустил.

Чепуха, конечно. Так и позволят свободно переходить фронт. И в то же время та же Зинаида Александровна подтверждает, что если им попадется медсестра, то они наизмываются над ней досыта. А что же делают с красноармейцами и коммунистами? Непонятно только, почему наши в ответ на издевательства над пленными красноармейцами не объявят красный террор? Гитлера, что ли, боятся?

Завод № 59 стал заводом авиапоковок. Переведено туда оборудование «Запорожстали» и «Электросилы», и должен он быть пущен частично в эксплуатацию к началу 1942 года. Говорил об этом начальник сектора строительства отдела черной металлургии Госплана СССР. Паничкин говорит, что получено предписание в ближайшие дни мобилизовать для армии 15 тыс. лошадей и будет новый большой

набор людей. Рыжиков собирается за два дня отправить четыре команды. Интересно: вызовут меня или нет на призывной на этот раз и как со мной в конце концов поступят.

24 сентября. Вчера получил посылку из Алма-Аты. Вот уж было радости. Ну как же! Папирос с десяток пачек, четыре пачки табака и 11 яблок. Тьфу по прежним временам, а сейчас это целое богатство. А оскудение сейчас всеобщее. Курим только самосад. Исчез коммерческий хлеб, который раньше выдавался без карточек. По сахарным карточкам дают только повидло, и за тем такая очередь, что мы его до сих пор не получали.

Был Серебряков, начальник Всесоюзного геологического фонда. Его эвакуировали из Москвы еще в начале войны, как я об этом слышал от Пржадпельского. Размещен он в здании бывшего театра. Как и многие наши театральные здания, этот театр, не ремонтировавшийся в течение ряда лет, протекает, и фонды, хранящие материалы со времен Ломоносова, находятся под угрозой порчи.

По справке Баркаша, у нас уже 115 тысяч эвакуированных, не считая тех, кто прибыл в организованном порядке вместе с предприятиями и учреждениями.

Наконец-то прибыл Уполномоченный Госплана СССР по Челябинской, Чкаловской областям и БАССР Маздрин. Выглядит недостаточно внушительно. Работал он раньше Уполгосплана СССР по Днепропетровской и соседним областям, а сейчас размещается на одном с нами этаже. Сообщил, что в СНК СССР готовится проект о скоростном строительстве преимущественно из деревянных конструкций. Дважды неинтересно: лесу изведут до черта и времянок наделают, которые впоследствии или удерут от нас, или же все равно вынуждены будут перестраиваться.

Невиданно рано начинаются холода. Начиная с 18 сентября дует холодный ветер. Вчера вынуждены были затопить голландку, и дома температура пока нормальная, хотя конопатку окон не полностью еще произвел. Но на занятиях народного ополчения вчера совсем замерз. Да и на работе не лучше. Форточка-то у меня всегда уж открыта, потому что предпочитаю сидеть в холоде, чем в дыму. Ну а так как еще не топят, то без пальто дрожь основательная пробирает. А в комнатах № 23 и 24 и без открытой форточки температура арктическая.

Сегодня падает первый снег. На земле не залеживается, и вообще ему не время, но все же излишне холодно.

Интересно, как на западе. На той неделе Василий Павлович был в Златоусте, и уже в то время там шел снег. Но это еще Урал, а для Златоуста и вообще не столь редкостное явление — снег в середине сентября. А вот на фронте как? Ждем мы зиму как избавительницу, но едва ли Гитлер хуже нас к ней подготовится.

25 сентября. Слушал вчера лекцию Ваничека об итогах трех месяцев войны с Германией. Лектор — седовласый худощавый мужчина лет 60, по национальности, кажется, чехословак. Акцент ужасный и выражается, главным образом, в переносе ударений: *ла*кеи вместо ла*кеи*. Но несмотря на это, несмотря на несколько глуховатый голос и отсутствие внешних эффектов ораторского искусства, слушается его лекция с интересом.

Интересно сравнить эту лекцию с той, что я слушал 4 сентября. Тогда читал лектор ЦК ВКП(б). Апломба у него было предостаточно, пытался он привести и цифры «не публикованные в печати», а толку нет. Скучал народ и со второй половины начал расходиться усиленно. А ведь говорили в сущности об одном и том же и одно и то же, но не по-одинаковому. У Ваничека гораздо шире круг привлекаемой литературы, острее язык и в известном смысле свое собственное понимание если не основных, то второстепенных фактов.

Очень понравилось мне, да и всей публике его изложение известной ноты Японии по поводу перевозки США для нас материалов. Говоря о помощи СССР со стороны США, он перечислил медь, хлопок и авиабензин. Но мы и так имеем в избытке авиабензин, и только нет смысла тащить его по железной дороге за 12 тысяч километров, когда удобнее и дешевле получать его из США морским путем. Германии этот бензин не угрожает, спрашивается: против кого же он направлен? Против какой-то третьей державы? Япония знает, что он дальше Байкала никуда не пойдет. Поэтому для Японии создается «деликатное положение», так как японские политики настолько мнительны, что думают, что бензин, идущий мимо их берегов, предназначен против них самих. Естественно, что подобное заявление вызвало смех.

В общем, лектор признал, и это, так сказать, первое полуофициальное для меня признание, что в начале войны мы в технике уступа-

ли Германии, якобы из-за того, что у нас силы были распылены и на юге, и на востоке. Большую надежду он возлагает на развитие военного снаряжения на наших, в частности уральских, заводах. Но забыл, очевидно, прибавить, что наши-то заводы едва ли заменят производство разрушенных и оставленных западных заводов. В этом свете неубедительно и второе его заявление, что мы будто бы не используем свои технические резервы, так как накопляем какой-то мифический «кулак». Было время, и я так думал, да разуверился.

Предостерегает против Турции и Японии. О последней заявил, что Каноэ не сторонник войны с СССР, но так как войска на наших границах скопляются, то война может вспыхнуть и неожиданно для правительства Японии. Насчет Англии, с одной стороны, подтвердил, что она предпочитает воевать чужими боками, а с другой — рекомендовал ждать десанта в Европе зимой или весной. Поживем — увидим.

№ 78 почему-то делает орудия и даже танки вместо снарядов. А на снаряды предположено повернуть № 254, предназначенный первоначально для производства броневых 0,5 см плит, т.к. эти плиты делает Магнитка. Заводы подчас приходят в неприглядном виде. О таком состоянии трикотажной Одесской фабрики и снарядного завода из Черкасс говорил курганский Денисов. Оба предприятия с растерянным оборудованием лежат на складах, хотя последний уже имеет задание по выпуску продукции. Отец сам за заводом Колющенко видел разбросанные под открытым небом станки.

Хотя у Гольдберга есть список предприятий, которые должны будут у нас так или иначе разместиться, однако плановость в этом вопросе плохо соблюдается, а попытки решить сверху, куда именно направить то или иное предприятие, приводят иногда к неудовлетворительным результатам. Завод № 535 (не 545, как я раньше записывал) должен был разместиться в «Доме печати», но, как заявил Гвоздев, с него сняли отпущенные было капиталовложения, объединили его с № 541, который по этому случаю решил использовать, кроме первого и второго, и верхние два этажа пединститута, а кроме того, ему передано расположенное напротив здание дивизиона войск НКВД. А здание «Дома печати» пустует по-прежнему.

Хотел было туда втиснуться прибывший наконец завод имени Кирова. Скибинский, директор завода, облазил уж его и нашел впол-

не удовлетворительным для размещения завода, но... Шувалов, секретарь Обкома ВКП(б) по оборонной промышленности, прочит его под какое-нибудь оборонное предприятие, а Малиненко, секретарь Обкома ВКП(б) по машиностроению, находит, что вообще заводу в центре города не место. Как будто бы пединститут не в центре города. Кончится все это тем, конечно, что в «Дом печати» вселят какую-нибудь гадость, которая задымит и запакостит всю территорию.

Глупо получилось со спичечной фабрикой. Ее почему-то направили из Москвы в Варгаши. Конечно, там не оказалось помещения, да и леса-то необходимого (коробки делаются или из осины, или из липы) не оказалось поблизости. Пришлось срочно выправлять положение и предложить ей вместо района Кургана район Кусы или Нязе-Петровска.

Кажется, мысль о том, что Урал — наиболее подходящее место для размещения ряда предприятий, начинает находить признание и среди практических работников, ведающих делом размещения предприятий. Во всяком случае, у меня вчера были из ленинградского института «Гипроанилкраска», который сейчас помещается на заводе (кажется) № 84 (бывший титановый завод). Собираются проектировать один — три завода лакокрасочной промышленности, для чего требуется в общей сложности до 60 тысяч кбм помещение, до 1,5 квт электроэнергии и около 2 тысяч кбм воды в сутки.

У Паничкина встретились снова с представителем Химфармпрома Филипосяном по вопросу строительства фармзавода в здании терапевтического корпуса. Есть решение бюро Обкома ВКП(б) и Облисполкома на этот счет, где временный характер размещения не оговорен, что меня крайне печалит, так как это означает опять полное нарушение нашего больничного городка. Осталась слабая надежда на то, что фармпром сам откажется от этой затеи, так как ему нужно развертывать производство мышьяковистых соединений, а для этого дела требуется двухкилометровый разрыв от жилья. Хотя по нонешним временам с этим могут и не посчитаться. С представителем Химфармпрома был и какой-то военно-здравоохранительный мужчина со шпалой. Горячо ухватился за мысль организовать у нас производство хирургического инструмента, и представитель НКЗдрава выезжает осматривать для этой цели мастерские с/х опытной станции в Чебаркуле.

Второй день крутится около меня представитель проектной организации НКПС. Собираются проектировать линию Магнитогорск — северное направление. Надо решить ему задачу: на Бакал тянуть ее или на Миасс с продолжением на Карабаш. Я ему, конечно, рекомендовал последний вариант: и большее протяжение будет иметь по Челябинской области, и сам же я для Росдорпроекта указывал на эту линию как вероятную к строительству «за пределами четвертого пятилетия». Ну а кроме того, и профиль здесь спокойнее, и западный обход Челябинску организуется, да и Миасс с Кыштымом будут, надо полагать, с пуском 316-го обмениваться грузами усиленно. От этого парня узнал, что Анади — Шадринск поставлена на консервацию. Не особо разумно, поскольку разгрузка Свердловска сейчас не менее важна, чем до войны. Да и линия Магнитогорск — Миасс в этом случае обесценивается, поскольку грузы по этому меридиональному направлению должны будут идти через Свердловск.

26 сентября. Во исполнение телеграммы ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявлена трудовая повинность по уборке урожая. Города области обязаны дать на село до 15 октября 100 тысяч человек, или 10% всего городского населения. Это называется — спустя лето по малину ходить. Если уж делать, так надо было делать раньше. А то вот был у меня сегодня директор Кособродского сельхозкомбината, так жаловался, что 50% проса осыпалось. Советский район должен выставить 8 тысяч человек. Интересно, кому из Облплана придется ехать. На уборочной у нас сидят 6 человек, остались только больные, много- и груднодетные и «незаменимые». А Асманов требует, чтобы не менее 10 человек поехало.

По городу со вчерашнего дня введено «угрожаемое положение», с минуты на минуту ждем воздушной тревоги. Кругом все затемнено, только автомобили фарами подмигивают. И все же о несчастных случаях, вполне возможных в условиях затемнения, ничего пока не слыхать. Но все это, конечно, детские игрушки по сравнению с тем, что делается при настоящем воздушном нападении, хотя бы и пытались инсценировать нападение оглушительными хлопками, от которых в некоторых домах стекла вываливались.

28 сентября. На какой предмет созвана в Лондоне межсоюзническая конференция, накануне совещания в Москве? Или Англия хо-

чет продемонстрировать свое влияние на правительства европейских стран перед совещанием и тем добиться на нем решающего слова? Или же, согласившись на совещание в Москве, она спохватилась, что это может слишком большой вес придать СССР, и решила снизить значение совещания, противопоставив ему конференцию? Во всяком случае, здесь не совсем чистая дипломатическая игра, свидетельствующая о стремлении Англии по-прежнему играть роль арбитра в делах Европы, строя ее по своему желанию.

Но особо удачной эту конференцию для Англии считать нельзя. Резолюция, предложенная Англией, принята, принципы, изложенные в декларации Рузвельта и Черчилля, получили, казалось бы, общее признание... Но! Но Майский принял кое-какие меры, свидетельствующие, что СССР вовсе не намерен, даже в современных, весьма трудных условиях, полностью включиться в орбиту английского влияния. Уже в декларации Советского правительства содержатся существенные оговорки о необходимости считаться, при применении принципов Рузвельта — Черчилля, с особыми условиями, а выступление Майского против шестого пункта резолюции, поддержанное остальными союзниками, свидетельствует о дипломатическом успехе скорее СССР, чем Англии.

Причина этого успеха заключается прежде всего в слишком ясно выраженном стремлении Англии навязать всем союзным правительствам свою волю и роль безапелляционного арбитра и отчасти в том, что именно от СССР многие малые страны ждут своего освобождения, а не от увиливающей от решительных действий Англии. Надо думать, «коварный Альбион» не задумается для исправления создавшегося неприятного положения затянуть войну СССР с Германией, по-прежнему уклоняясь от решительного военного выступления.

Но здесь палка о двух концах. Надо думать, что, нарвавшись на решительное сопротивление СССР, Гитлер этак месяцев через девять будет очень сговорчив и не задумается принять полностью наши предложения о мире. Правда, сейчас такая возможность кажется весьма маловероятной, и Ваничек, например, прямо заявил, что соглашение СССР с фашизмом невозможно. Но ведь это только так говорится, а на самом-то деле договор 1939 года хоть был и «невозможен», но существовал. Одно плохо, что Англия тоже, и даже скорее нашего,

может сговориться с Гитлером, хотя это для нее и весьма нежелательно. Что из этого дела Гитлер может выйти с выигрышем, я не боюсь, так как ему все равно для достижения соглашения в таких условиях придется поступиться частью своих завоеваний, то есть признать, что он зря только кровь проливал, а следовательно, подвергнуть угрозе сильнейшего разложения фашистский строй.

Были сегодня на субботнике или воскреснике, как угодно. Поднялись в 5 часов утра, так как сбор народного ополчения был назначен в 5.30. Шли на субботник отрядом народного ополчения. Собралось народу сравнительно меньше, чем даже на обычные занятия. Причины: ранний сбор, пасмурная с дождичком погода, наличие своих домашних дел, которые в обычные дни стало очень трудно проводить из-за недостатка времени. Начштаба «полка» объявил выход в 6.00, а фактически двинулись в 6.15.

С женщинами санитарных дружин в общем набралась солидная группа до 300 человек. Не полк, конечно, но рота приличная. Шли сначала по улице Елькина, а потом в Колупаевке свернули по ул. Профинтерна на Троицкий тракт. Дорога до Полетаевской линии мощеная, и это затрудняло ходьбу. Часть женщин сворачивала на обочину дороги, но мы шли, как полагается, по середине и почти всю дорогу орали песни. Идти пришлось 10–12 км к колхозу им. Сталина, что на южном берегу озера Смолино. По дороге пересекли ветку на каменные карьеры у Митрофановского совхоза, Полетаевскую и Еманжелинскую линии, а у самого колхоза встретились еще две линии, пересекающиеся в разных уровнях, но куда идут они неизвестно.

Прибыли на место в 8.45, и сразу же начались непорядки. Колхозники, во-первых, не работали, мы их, по крайней мере, не видели, и к встрече нас ничего не было приготовлено. Собирались мы рыть картошку, но так как лопаты и ведра захватили далеко не все, то многие остались без работы. Наконец, наше командование вытащило председателя колхоза, и нас повели на скирдование ржи, но здесь опять толком никто не мог объяснить, как это скирдование надо производить. Из-за этого два скирда пришлось переделать. Работа на первое время казалась легкой. Захватишь пару снопов и тащишь до кучи, а так как народу-то все же порядочно, то дело двигалось быстро.

В час приехал буфет. Вот здесь-то уж постарались, и по нонешним временам закуска была подобрана вполне приличная. Судите сами — можно было получить кусок печенки, соленые огурцы, икру, пирожки из белой муки с капустой, поллитра молока, 30 г масла, а в добавок колхоз начал бесплатно раздавать по караваю хлеба на 4 человека. Закусили неплохо. Но работать после обеда стало хуже. И спина начала ныть, и ноги отказывались ходить, и снопы потяжелели. Были случаи, когда я под конец не мог справиться с парой обыкновенных снопов, хотя в мое оправдание надо сказать, что снопы вязались из-за богатого урожая очень крупные и что они частично успели основательно намокнуть.

В общем, к 4 часам так или иначе мы успели заскирдовать гектаров пятьдесят и на этом пошабашили. Обратно мы с Костюченковым, Блювштейном и еще каким-то очкастым оторвались от основной группы, которая решила искать ближайшей дороги на вокзал, и пошли опять по Троицкому тракту с расчетом выйти к областной больнице. Дорогой Блювштейна и очкастого подобрал Токарев на телеге, и мы с Костюченковым продолжали топать одни. Ноги гудели, дождик, переставший днем, опять начал моросить, но мы шагали энергично и, воспользовавшись трамваем, добрались до дому уже за 1½ часа. Вот уж где сказалась усталость. Чуть не все тело саднило и ломило. Так как мне с часу ночи надо было дежурить, я пообедал и завалился спать без сновидений.

В субботу я мог из двух источников проверить отношение населения области к эвакуированным. Вернувшаяся из Шадринска Астрахан рассказывала, что эвакуированных прямо ненавидят и вслух ругают, желая им лопнуть и сожалея, что их бомбой не убило. А Никулина из Кочкаря сама показала образец отношения к эвакуированным, утверждая, что они лодыри и не хотят работать. Причины таких ненормальных взаимоотношений кроются в том, что эвакуировались из городов прифронтовой полосы люди, почти не имеющие понятия о физическом труде и, естественно, весьма неохотно идущие работать в наши колхозы. То, что у многих из них есть порядочные деньги (в пределах нескольких десятков тысяч рублей), с одной стороны, позволяет им гулять безработными, ожидая лучших времен и более подходящей работы, а с другой стороны, дает им возможность скупать

лучшие товары в магазинах. Кроме того, эвакуированные несут местному населению переуплотнение квартир и рост цен на колхозных рынках, что тоже не может возбуждать к ним особых симпатий.

Есть второе письмо от Николая. Тон его уже более подходящий, хотя на конверте и нет штампа военной цензуры. Учится на пулеметчика прямо в боях, так как это «необходимо и нам, и вам для быстрейшей победы над Гитлером». Прямо хоть в газету письмо. Обвык, видать, маленько.

30 сентября. Лозовский на пресс-конференции требовал, чтобы рабочие английских заводов не только одну неделю строили танки для СССР, но и много недель всячески помогали Советскому Союзу в борьбе за независимость всех стран, ставших жертвой фашистской агрессии, и подчеркнул лишний раз, что СССР «несет на себе в настоящее время всю тяжесть борьбы против гитлеровской Германии».

Последняя мысль особенно часто подчеркивается нашими дипломатами за последнее время. Это только подтверждает мою уверенность в том, что Англия вовсе не желает создавать войну на два фронта и предпочитает истощать противника нашими ударами. Что и говорить, позиция очень удобная, и неизвестно, как наши могут ее изменить и заставить воевать своего «союзника». Уступчивостью здесь ничего не добьешься, как это убедительно показано на опыте признания Польши (я полагаю, что мы пошли на договор с Польшей с целью активизировать Англию); обещаниями — и того меньше. Остается политика угроз. Но здесь Англия сильнее нас, и, пожалуй, она скорее с Гитлером может договориться, чем мы. Речи не может быть о их постоянном, многолетнем согласии, но и кратковременный отказ Англии от союза с СССР шибко может помочь Гитлеру.

Еще есть страна, которая и которой можно грозить: Япония! Пообещать ей дружеский нейтралитет, и пусть себе на юг лезет. Еще и еще раз ей это выгоднее. Торгует она, поди, сейчас собой напропалую. Но если не поторопится, то все на свете прозевает.

Второе высказывание Лозовского также заслуживает внимания: «Как бы ни были ожесточенны и длительны бои на подступах к Ленинграду, немцы Ленинграда никогда не возьмут». Заявление категорическое. И сводки Информбюро по мере сил это убеждение за последнее время поддерживают. Сообщения говорят о тяжелых

потерях немцев, о контрнаступлениях наших войск. Вообще на северо-западном и западном направлениях последнее время чувствуется перевес на нашей стороне. Небольшой, не всегда удачно закрепляемый, но успех. Во всяком случае, совсем не то, что на юге, где только Одесса каким-то чудом держится, и то только против «мамалыжников». Идут бои, как признал сам Лозовский, за Крым. Черта ли, что пока перевес в морских силах на нашей стороне. У беляков тоже был перевес, и абсолютный, в морских силах, а Крым мы забрали. Да и Крым весь английский флот не мог защитить. Угроза Крыму серьезная. А немцы знают, куда переть — где потеплее.

Еду в Магнитогорск на метзавод с заданием разместить заказы на ДАРМы, сиречь на дивизионные артиллерийские мастерские. На нашу область дали задание организовать за счет местных ресурсов 6 таких мастерских, а на Магнитку Обком ВКП(б) и Облисолком дали 2 мастерские. Состоит такая мастерская из трех трехтонок с токарным станком, слесарным верстаком электросварочным аппаратом и целой кучей иных приспособлений и инструментов.

Пока задержка у меня с билетом угнал Ольгу Морозову на вокзал, а она оттуда и голосу не подает, чем и заставляет нервничать.

1 октября. Ожидания были ненапрасны. Чтобы не быть вынужденным бежать сломя голову домой за чемоданом, а оттуда на вокзал, я решил после длительного ожидания съездить за чемоданом, а затем, если только Ольга до тех пор не принесет билета, ехать ее разыскивать на вокзал. Но билет был уже у дежурившей по Облплану Филимоновой. Морозова передала его ей, ругаясь за то, что ее так зажали у кассы, что она едва не рыдала. Просудачив с Анной Аркадьевной до половины одиннадцатого, я решил, что пора ехать. Поезд отходит в 11.16, значит, как раз к посадке успею. Но не тут-то было.

Посадки еще нет, и поезда вообще еще нет. Встретил Старцева. Он отправляет группу студентов на уборку в Петропавловский совхоз, что в Верхнеуральском районе. Подошел к группе. Человек сто. Шутки, смех — завидная молодость. На вокзале купил руководство по винтовке, пистолету-пулемету и «Большевик» № 17. Интересно, пистолет-пулемет — это одно и то же, что и автомат, или нет.

Отправились с часовым опозданием. Несмотря на то что экономия для меня играет очень большую роль, взял за 8 рублей постель.

и не ошибся в расчетах. Вагоны положено отоплять, как я сам написал в решении Облисполкома, с 15 октября, ну и по этому случаю соседи мои ночью жались почем зря. А я под одеялом и под пальто — блаженствовал. Проснулся довольно рано, но так как дорога знакомая, то и валялся, почитывая, чуть не до самого Магнитогорска. В буфете-вагоне не успел купить сыр, который там продавался, и жевал сухой хлеб. Только в Джабыке купил за рубль огурец. Огурец большой, но цена все же бешеная.

Приехали также с часовым опозданием, но главным образом потому, что в Куйбасе минут 15 держали. На станции нет автобусов, и народу пропасть. Вот первое, что бросилось в глаза в Магнитогорске. Как-то удастся уехать? На трамвае до Центральной гостиницы. Еще новость — нет коек. Ну, я не стал много разговаривать: нет, так найдутся по приказу ли Носова, или по просьбе Горсовета — все равно. Направился в Горплан. Попросил устроить ночлег, оставил чемодан и пошел бриться: неудобно представителю Облисполкома к директору комбината являться небритому. В фото-парикмахерской (есть здесь такой любопытный симбиоз) куча народу, и все красноармейцы. В поисках парикмахерской прошел до Орджоникидзевского райсовета и тут только сообразил, что парикмахерская-то есть при гостинице. Как и думалось, в парикмахерской никого. Побрился хорошо, но... оказалось, что нет пудры. Раньше бы не преминул сделать едкое замечание, а теперь ничего не поделаешь.

У Носова пришлось немного подождать, с каким-то Киселевым занят. Но вот я и в кабинете. Носов сидит усталый, подперев голову. Решения Обкома и Облисполкома он, разумеется, еще не получал. Выслушал меня внимательно, но решительно, хотя и вежливо, отказался выполнять решение, пока не будет приказа Наркома. Я, признаться, был огорошен отказом. Не то, что я его совсем не предвидел, наоборот, по своей давней привычке я дорогой перебрал все мыслимые варианты встречи и заготовил на всякий случай ответы. Но, как всегда, действительность оказалась богаче фантазии, и заготовленные речи вылетели из головы, так как они не соответствовали тону завязавшегося разговора. Я почему-то предполагал, что в случае отказа Носов будет держаться заносчиво, но он говорил очень тихо, и я, прилаживаясь ему в тон, не мог с достаточной убедительностью до-

казать бесполезность его сопротивления. Он даже не хотел принять от меня запечатанного пакета, но тут уж он, очевидно, понял, что не принять адресованного ему секретного пакета нельзя. Пакет мне пришлось сдать самому в спецчасть.

Опять в Горплане. Демин сообщил, что в гостинице для меня есть бронь, и сам предложил организовать питание в диетической столовой. Получив записку из Горздрава, я прошел в бухгалтерию. Там уже кончались занятия, но талоны на второе и третье мне выдали. Остается решить вопрос с сегодняшним обедом. В кассе мордастая холера не хочет продавать талоны, хотя у нее и остались одни только щи, и время обеда кончилось. Иду к директорше. Так, мол, и так, на завтра получил талоны, но, как приезжий, не знаю, где бы сегодня пообедать, поскольку кассир отказывается продавать талоны. Директорша глаза таращит: «Приезжий?» — «Да». — «И талоны уже получили? Здешним это так просто не удается. Когда же вы успели пройти анализы, обследования и прочее?» Святая простота, даже и врать-то ей неудобно. Бормочу что-то относительно справки, которая у меня «была». Получаю разрешение на суп. Суп неплохой, но одного его мало. Ничего, наверстаю завтра.

Иду прописываться в гостинице. Без сучка, без задоринки. Извиняются, что могут предоставить только койку в общежитии. Как будто бы мне еще чего надо. Койку дали в «3-й угловой». Ба! Да это красный уголок, где мы в начале войны все радио слушали. Основательно, значит, уплотнились в гостинице. Еще одна новость, на моей кровати нет постели. Обещают прислать, а в крайнем случае рекомендуют диван. От дивана категорически отказываюсь.

Командировки в культурный город тем хороши еще, что всегда можно выбрать время сходить в театр или кино, что нужно до восьми часов (когда придет Демин и можно будет у него чемодан забрать) посмотреть кинокомедию «Антон Иванович сердится», которая здесь идет в кинотеатре «Магнит».

Решил и... поехал в клуб металлургов. Ну просто основательный заскок в голове произошел. У трамвая давка, и, как я замечаю, для Магнитогорска в современных условиях перманентная. Давка, как водится, сопровождается руганью — «нахалы», «сама аристократка», «а еще шляпу надел» и так далее. Вагоны затемнены. Верх окон

замазан синей краской, лампы в жестяных футлярах, бросающие свет только вниз. Снаружи свет почти незаметен, но ориентироваться в плохо знакомом городе из такого вагона трудно. Я на остановку раньше вышел.

Вот и клуб металлургов: освещен, в окнах цветы, люди движутся, но что-то подозрительный народ. Подхожу ближе. В приемной сидит красноармеец в форме, в окне видать раненого. Госпиталь? Проходивший мимо красноармеец подтверждает и рекомендует, если нужен клуб, пройти в драмтеатр. Но в драмтеатре только театр, а мне интереснее получить свой чемодан, чем четыре часа сидеть и смотреть какую-нибудь пьесу. Выхожу наружу и тут только соображаю, что меня черти не в ту сторону затащили. Но уже поздно.

Иду в Горсовет. Демина нет. На пятом этаже милиционер придирается, и только разглядев все документы, допускает к Жемерикину. Этот сидит один и, видать, не очень-то здоров, руки, да и сам весь в какой-то дрожи, хотя в помещении, не в пример Облисполкому, тепло. Рассказываю, что был у Носова, и жалуюсь на отказ. «Он и всегда у нас так. Не отдал до сих пор 15 мобилизованных машин. Я на него дело передал прокурору. Но судить его за саботаж и контрреволюцию, так надо сначала с работы снять. Вот прокурор и консультируется со своим областным начальством. А в общем, его надо к Сапрыкину вызвать и поговорить. Я так Соболеву и советовал». Дело, значит, хуже.

Дальше затянулся разговор на всякие текущие темы. Выяснилось, между прочим, что Горпромкомбинат сейчас приспособлен под выработку мин. От Жемерикина прошел к секретарю Горкома. Фокин на уборочной, а вместо него сидит Балакирев. У этого настроение совсем другое. Не сомневается, что они сумеют Носова уломать, и думает, что все это недоразумение и непродуманность со стороны Носова. «Значит, мне не следует пока сообщать в область об отказе Носова? Вы с ним сами сумеете справиться?» — «Да. Завтра часиков в одиннадцать-двенадцать зайдите, я думаю, что вопрос будет решен положительно». На этом расстаемся.

Демина все еще нет. Иду в гостиницу. Постель на месте. Подействовал, очевидно, категорический отказ спать на диване. Только уселся за дневник — звонок. Алексей Терентьевич изволили прибыть. Иду опять в Горсовет. Предлагает сходить в кино, на того

же самого «Антона Ивановича». Предложение принято. Зам. директора выдает нам контрамарки, и мы усаживаемся в последнем ряду. Народа немало, хотя и не полный зал. Но, во-первых, это последний сеанс, а во-вторых, картина идет уже давно.

Союзкиножурналы особого впечатления не производят и правильного впечатления о ходе боев не дают. С таким же успехом можно было демонстрировать съемки маневров. Даже ни одного убитого и раненого. Оживление вызывает только снимок, когда красноармейцы вытягивают из немецкого танка женские рейтузы, бюстгальтер и др. Но это, конечно, не убедительнее, чем заметка в газете: снять-то ведь в крайнем случае все можно.

Но комедия мне определенно понравилась. Содержание, конечно, пустяковое. Дочь профессора музыки, приверженца «строгой» музыки, увлекается «легким» пением, а заодно и молодым композитором, написавшим замечательную музыкальную комедию. Узнав об этом, отец чуть не проклинает дочь, а молодого композитора выгоняет из дома. Несмотря на это, дочка поступает солисткой в оперетту, счастливо преодолевает на премьере подстроенную экспримадонной пакость (конечно, в жизни так не бывает, чтобы певица на три тона могла взять выше самой своей высокой ноты), а отец, увидев во сне Баха, который его за презрение к легкой музыке называет старым ослом, с распростертыми объятиями встречает счастливую парочку и в финале сам участвует в исполнении симфонической поэмы, сочиненной все тем же многогранным молодым композитором. В начале картины как-то неестественной кажется обстановка и интересы действующих лиц, никак не вяжущиеся с текущими событиями, но затем увлекаешься, и впечатление неестественности пропадает. Голоса приятные, музыка из Баха, Генделя и Гуно превосходная, игра естественна, и выдумка режиссера очень неплоха. Особенно мне понравилось, что в момент объяснения в любви Симочка (дочка) и Алеша (композитор) не целуются, а как-то очень мило и естественно трутся друг о друга лбами. А в общем мне, глядя на них, стало завидно их молодости. Это если и не старость еще, то предчувствие старости. Недаром все говорят, что я гораздо старше своих лет выгляжу.

2 октября. Побоявшись проспать завтрак, встал в 8 часов. Завтрак по нонешним временам превосходен. Жареная колбаса с картофель-

ным пюре, плавающим в сливочном масле, сладкая манная каша с маслом и стакан сладкого чая. Чего еще нужно? Хлеба нужно, а его не дают. Хорошо, что я с собой два «кирпичика» захватил. Пес бы их брал с новыми порядками.

Вчера у меня вместе с паспортом на прописку забрали и командировочное удостоверение, ну и конечно, оно где-то «плавает», а я никуда, кроме Горсовета, без него идти не могу. Делать мне в Горсовете до 12 часов нечего, и я занялся чтением книги академика Богословского «Петр I».

Замысел у автора — не мудрствуя лукаво, записать по всем имеющимся источникам факты из жизни Петра день за днем. Труд получился настолько объемистый, что в двух томах по 500 с лишним страниц каждый автор только успел описать жизнь Петра, включая его путешествие за границу (дальше он, кажется, вообще не сумел написать). Чтение из-за его скрупулезности довольно нудное. При этом автор, очевидно, поклонник Древней Руси, подробно и по нескольку раз описывает придворные церемонии, приводя длинные выписки из «Дворцовых разрядов», перегружая и без того растянутый рассказ. Ну и потом, это, может быть, и поучительное чтение для специалиста-историка, но на рядового читателя отсутствие объяснения причин совершающихся фактов и значения их действует удручающе.

После упорных боев наши войска оставили Полтаву. Прочитал я об этом в газете, но услышал еще вчера, когда валялся на скамейке в вагоне. Не успел еще сообщивший об этом умолкнуть, как его партнер воскликнул: «Да какого еще черта Буденный себе думает?» Раздражение нашими поражениями растет. Не всегда это выражается так откровенно, но напряжение чувствуется в таких словах, которые сейчас только произнес мой сосед по койке: «Так, судя по сообщениям, положение ничего, но на отдельных участках жмут (подразумевается — немцы). Ну вот Полтаву сдали. А про Ленинград молчат. Боязно, что молчат». Вот этот-то пессимизм, ожидание худшего и слышится в оценке хода военных действий со стороны рядового гражданина.

Но мое определение, что мы, очевидно, жмем на северо-западе и пятимся на юге, пока что подтверждается. На западе опять погромили два полка пехоты, а опубликованный приказ немецкого командо-

вания свидетельствует о необходимости для них все новых пополнений. Заманчиво было бы стукнуть по северо-западу так основательно, чтобы прорваться к границам Восточной Пруссии. Это был бы такой пластырь, который живо оттянул бы фашистский гной из Украины. Но несмотря на частичные успехи, решающих побед пока еще не видно.

Характерен разброд в лагерях союзников как с той, так и с другой стороны. Венгерцы цапаются с румынами и словаками, германцы с итальянцами, но и у нас немногим лучше. «Нью-Йорк Таймс» договорилась до того, что СССР держит двери открытыми для переговоров с Германией. А хоть бы и так. (Я думаю, несмотря на опровержение Лозовского, что возможность переговоров не исключена, хотя бы в виде демонстрации перед нашими «союзниками»). Дура! Если ты газета союзников, так и помолчи, не раскрывай тайны союза. Не пишем же мы о том, какие переговоры ведет Англия с Японией, какие неприятности для нас сообщил господин Черчилль в палате общин при требовании новых военных ассигнований.

Одним словом, начинается обычное, после первого удара лбами, прощупывание. Потери у обеих стран огромные, нельзя ли без войны дальнейшей, попугав основательно, добиться своих целей или даже пойти на кое-какие уступки, чтобы не истощиться вконец перед лицом третьего вероятного противника? Но мир, даже если бы он и был заключен между Англией и Германией или между Германией и Англией, никак не мог бы быть прочен. Слишком велики между этими странами противоречия.

Часа в два только Балакирев ознакомился с постановлением Обкома и Облисполкома и назначил мне свидание между шестью и семью часами вечера. Я явился к нему в половине седьмого. С самым спокойным видом он огорошил меня известием, что Носов берется за изготовление ДАРМов и только говорит, что у него отсутствует ряд инструментов. Подвох какой-то, попытка отделаться от поручения иным методом. Но если он только действительно согласен, спрошу у него, какого черта он дурака ломал.

Ну, кормят очень недурственно. Обед из трех блюд: суп с колбасой, жирное мясо и кофе, на ужин тоже три блюда: картофельное пюре с маслом, сырники из манной крупы и стакан молока. Давно я так плотно и вкусно не ел. Даже уезжать с такой диеты неохота.

Вечером ходили в цирк, как и в кино вчера, — бесплатно. Вообще я сегодня и одной копейки не истратил, если не считать пятидесяти рублей, отданных мною Демину на билет.

Особого удовлетворения в цирке не получил. Вообще мне в цирке нравятся хорошие акробаты и, пожалуй, жонглеры, ну а тут три «лошадиных» номера, собачки и в заключение — иллюзионистка. Акробатка в воздухе обладает хорошей фигурой, но движется замедленно, неуверенно. Хороша была группа четырех жонглеров, хотя у них кое-какие шероховатости встречались. Иллюзионистка работала довольно четко, но часть приемов очень легко разгадываются. Меняет, например, в завязанном сундуке мужчину на женщину... через заднюю открывающуюся стенку. Девушку закрывают в ящике, так что видны ее ноги и голова, и затем ящик перепиливается пополам, в разрез вставляются два щитка и ящики слегка раздвигаются, и впечатление, что девушка разрезана на две части, но... слишком толста крышка стола, на котором лежит разрезанная, в ней легко можно, при известной гибкости, уместиться. В чан льют воду из бесконечного количества ведер, водой из чана брызжут, а потом оттуда вытаскивают совершенно сухих голубя, собаку, вылезают два лилипута и две девушки в купальных костюмах. И тоже ничего особенного, если учесть, что все-таки количество ведер ограниченно, ведра конусообразные, наполненные на зауженную половину. Достаточно иметь сосуд с двойными стенками и внутренней крышкой, защищающей обитателей сосуда на время от воды, чтобы фокус удался. Но есть и непонятные номера. В цилиндрическую банку складывают мячики, помощница показывает пустой стеклянный ящик и держит его все время на виду, прижав к животу. Выстрел... и ящик оказывается наполненным шарами. Пес их знает, как их раньше не было заметно. А в общем, чепуха, и кино лучше.

3 октября. Ничего мне допросить Носова не удалось. Выкинул новый трюк — взял да заболел. Я хотел его к концу дня навестить, да ничего не вышло. Столь же неблагополучно и с Дымшицем: этого вообще не застал. До половины третьего валялся на диване и дочитывал «Петра I».

В три часа с Деминым и тремя другими парнями направились на поиск табачных изделий. В Медпродснабе дело сорвалось, но пока

шофер накачивал спустившее колесо, мы прошли в Золотопродснаб, и там клюнуло. На мою долю досталось две пачки «Беломора» и две пачки махорки, да, кроме того, 400 грамм колбасы. Добыча недурная. Ребятки хотели пообедать в столовой Башзолотопродснаба, но я категорически запротестовал и, причинив им значительную неприятность, понудил отправиться обратно.

Билет в мягкий вагон я получил еще до поездки. Забрав кое-какие сведения о наличии гвоздей, об обеспеченности топливом, о потребности в стройматериалах, я отправился в гостиницу. С перерасчетом в столовой ничего не вышло — калькуляция не готова, а талон на ужин вообще отказались оплатить — продукты, видите ли, на вас уже выписаны. Плюнул я на все, пообедал и пошел собираться.

Жилец с угловой койки, работающий по ночам, проснулся, и мы разговорились. Он механик метзавода из Запорожья. Их завод должен был эвакуироваться сюда к нам, но до сих пор еще не прибыл, и он работает токарем, по специальности, которой он владел 12 лет назад. Жалуется, что все уже позабыл, зарабатывает 10–12 рублей за 12 часов, живет в собачьих условиях, на этой самой койке в шумном и тесном общежитии, а семья где-то в Ворошиловске. «Что делать? Посоветуйте». Ну что ему советовать? Рекомендовал обратиться в организации, чтобы перебросить семью в Магнитогорск, а самому советовал попытаться устроиться механиком на заводах Челябинска или Златоуста.

Но пора и ехать. Правда, Демин обещал, что за мной заедет на машине завгорторготделом, едущий тоже в Челябинск, но я решил на это особенно не рассчитывать. У дежурного администратора получил обратно 5 рублей, т.к. койка в общежитии стоит 5 рублей, а не 7 р. 50 коп. Дежурная по этажу, видя мою прилично убранную койку, решила, что я на ней спал, наверное, всего часа два. Умею же я, когда надо, навести порядок. Особого смысла, из-за достаточности времени, торопиться не было, и я было пропустил один переполненный трамвай, но в другой, уж хоть и с трудом, но втиснулся.

Приехал, конечно, рано — света еще в вагонах не было. Побродил по привокзальной площади — бабы воют, провожая мужиков на войну; заглянул в буфет — ничего, кроме посредственных винегретов, не обнаружил и пошел к себе в вагон. Там обычная для Магнитогорска неразбериха — по несколько билетов на одно место продано, но к

счастью, на мое место еще претендентов не нашлось. В купе встретился со своим попутчиком завгорторготделом, фамилия которого Булатников. Засиделись до Карталов, т.е. до часу ночи. О предмете беседы — завтра.

4 октября. Оказалось, что Булатников — эвакуированный из Днепропетровска. К нам в купе подсел его земляк, какой-то снабженец, тяжелый и, как большинство снабженцев, нахальный и самоуверенный мужчина. Начались обычные рассказы о том, как прекрасен был Днепропетровск и Днепропетровщина до войны, какие ужасы войны были испытаны рассказчиком, как эвакуировались и т.д. Запишу самое интересное.

Первый налет на Днепропетровск немцы сделали еще 28 июня и с тех пор не переставали его бомбить. Причем больше всего досталось центру города и товарной станции, но мосты, сначала из-за плохой ориентации, а затем из-за сильной обороны зенитками, не пострадали от бомб и, по крайней мере, не были разрушены. За это время население Днепропетровска сильно увеличилось за счет эвакуированных и возросло, по мнению рассказчика, с 580 тыс. человек до 800 тысяч. Но уже 6 августа была начата эвакуация и самого Днепропетровска настолько энергичная, что к приходу немцев в городе осталось тысяч 100–150. 16 августа был самый страшный налет, когда в 2 часа дня и в 8 часов вечера 9 самолетов сбрасывали фугасные бомбы весом до 1000 кг. Тревога объявлялась почти всегда с большим опозданием, иногда даже после налета. Объясняется это тактикой немецких самолетов, которые, набрав потолок, пролетали над звукоулавливателями с заглушенными моторами, а потом планировали к городу, расположенному в 100 километрах от постов звукоулавливания. 16 же августа жители города впервые увидели зарево войны. 17–18-го до них доносились звуки орудий, а затем снаряды начали залетать в город.

Днепропетровск защищали слабо. Уже 26 августа основная масса войск перешла на левый берег, взорвав предварительно мосты. 28 августа по понтонным мостам прошел наш арьергард, причем немцы так плотно сидели на его хвосте, что значительная часть немецких войск успела прорваться по тем же мостам на левый берег, но после уничтожения мостов была ликвидирована.

Утверждают, что не только само Запорожье, но и часть правого берега перед ним еще в наших руках, но плотина Днепрогэса взорвана. Особенно утешительно было слышать, что разрушены полностью рудники Криворожья. В домнах организованы «козлы», т.е. домны полностью выведены из строя. Хлеб успели увезти только частично, часть его пожгли, часть досталась немцам. Скот колхозов успели угнать весь своевременно, но скот колхозников остался.

Рассказывали, как ниже Запорожья сильным валом воды, спущенной с Днепровской плотины, потопили 3–4 тысячи переправлявшихся через реку немцев. В Павлограде начал рваться состав со снарядами, который простоял на станции по неизвестным причинам около полусуток. Какой-то майор зашел к начальнику станции, сначала изругал его, а затем вынул револьвер и пристрелил. Часть состава все же удалось спасти, так как какой-то отчаянный сцепщик сумел отцепить часть вагонов. Это рассказ очевидца — Булатникова.

Налеты на Сталино, Ясиноватую и Ростов-на-Дону начались уже в первых числах августа, но до сих пор еще эвакуация из этих пунктов не началась, и значит, их основательно решили защищать.

Остальное в разговорах было уже менее интересно: как Булатников эвакуировал свою жену на восьмом месяце беременности с 8-летним сыном, как их эшелон чуть не разбомбили, как при его собственной эвакуации от него сбежал шофер, и он, умея управлять машиной, не мог исправить незначительную неисправность в моторе, как один генерал-майор «наполеоновского вида» отобрал у начальника управления трудовых резервов и члена бюро Обкома ВКП(б) легковую машину на том основании, что тот едет из Днепропетровска, а генерал-майор едет в Днепропетровск и т.д.

<…>

Проснулся разбитый. Холодище ночью был отчаянный, не помогло и то, что забрался под диванное покрывало. В Полетаево простояли около часа и часов в 11 были в Челябинске. Дома один Вова. Мы с ним славно позавтракали жареной колбасой с гренками, и я, отправив его опять к Блювштейнам, пошел в Облплан. Марков и Игнатова все еще хворают, Сутин опять в командировке, Грункина и Скутина едут агитаторами в Мокроусово, а Есилевич пока сидит дома. Дал Гольдбергу докладную записку, рассказал Паничкину о делах магнитогорских.

[illegible] куда главным образом зачислили мальчишек, мы занимаемся самостоятельно и сейчас сдаем зачеты. По винтовке, где я отвечал по прицелу, сдал на отлично. Но как будем сдавать пулемет Максима, по которому у нас было одно только занятие, — не представляю. Дальше будем переходить на 2-ю ступень, а что это значит, пока еще не известно. Завтра опять субботник. Идти неохота. Дождь, слякоть, дома дел и с утеплением квартиры, и с пилкой дров — пропасть.

5 октября. Субботник не состоялся. Явились на субботник Есилевич, Костюченков, Угарова и я. Правда, был и еще народ, но это собрались на картошку в Митрофановский совхоз, где нами чуть ли не месяц тому назад еще заплачены деньги и откуда мы никак не можем картошку достать. Вернулись с Костюченковым домой, только занялись пилкой дров, пришла Немкова звать на погрузку дров. Пошли после завтрака. Наши дрова на ветке Челябстроя. Возят две автомашины, грузят человек 5–6 сотрудников и членов их семей. Я грузил на восемь машин, устал основательно, а главное, простудился на непрерывно моросящем дожде. Пришел домой часов в 5, пообедал и часов до 9 проспал на сундуке, а потом до часу читал «Современники» Ольги Форш. Вещь историческая, но неувлекательно написанная.

6 октября. Коммюнике Московской конференции, речи Молотова и Гарримана на ней читал еще в Магнитогорске в день отъезда. Особенного впечатления конференция не произвела, может быть, потому, что ожидал чего-то большего. Обращает на себя внимание очень короткий срок конференции. Очевидно, обо всем договорено было заранее, и конференция явилась чем-то вроде демонстрации. В решениях конференции ничего нового, за исключением пункта о поставке нами сырья США и Англии. Что мы им можем поставлять? Лес, марганец, а еще что? Хлеб, хлопок, руда, уголь, нефть — у них у самих есть, что же еще мы можем дать? Ну, о том, что все наши заявки на вооружение приняты США и Англией полностью, читаешь с удовлетворением, но плановикам известно, что принять заявку — это еще не значит отоварить ее полностью. Главное, в каких темпах будет поступать это вооружение, с тем чтобы не только пополнить нашу убыль, но и дать нам перевес над германцами.

А то ведь даже по нашим данным, мы за три месяца потеряли 1128 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 7 тыс. танков, 8,9 тыс. орудий и 5316 самолетов, а по германским данным, 2,5 млн только убитыми, 22 тыс. орудий, 18 тыс. танков и 14 тыс. самолетов Немцы, потеряв за это время 3 млн убитыми, ранеными и пленными, 11 тыс. танков, 13 тыс. орудий и 9 тыс. самолетов, не могут только возобновить за счет нового производства 2 тыс. танков и людей, а остальное, хотя и на пределе, покрывается новым производством. А у нас-то ведь хуже. Промфонд, из-за нашей дурацкой политики, позволившей начать строить танковый завод под Витебском, авиазавод создать в Днепропетровске и т.д., сокращается. Даже такие патриоты Украины, как Булатников и его друг, теперь вынуждены признать, что на Урале и в Сибири для них было место, а не на Западе. Значит, усиление и немедленное пополнение вооружениями для нас сейчас вопрос жизни и смерти.

Сведения о наших и немецких потерях опубликованы во вчерашней газете за подписью начальника Советского Информбюро т. Щербакова. Наконец-то раскрылся этот таинственный инкогнито, а то я уж думал, что начальником у Лозовского является по крайней мере Молотов. Как и обычно, это сообщение является опровержением немецких данных (ни разу еще мы раньше от немцев итогов войны не публиковали), оглашенных в речи Гитлера. Особенно мне понравились слова Гитлера, что «мы ошиблись в вопросе о том, какую силу представляет наш противник». В той отчаянно авантюрной игре, которую до сих пор с великолепным успехом вел Гитлер, каждая ошибка может стоить поражения. А в том, что он крупно просчитался, сомневаться не приходится, так как политики в своих ошибках очень и очень неохотно сознаются. Но нет сомнения, что эту «ошибку» Гитлер постарается, не может не постараться исправить каким-нибудь отчаянным трюком. Так что опасность, несомненно, не только не уменьшилась, но еще может и увеличиться, тем более что Гитлер посулил в своей речи скорые победы. А не сдержать это обещание — значит не оправдать доверия своих господ немецких капиталистов и потерять и без того поколебленное доверие немецкого народа, потерять авторитет и вызвать новые восстания в оккупированных и вассальных странах. Правда, он заранее старается прикинуться обороняющейся страной, но если это и поможет поднять

6 Заказ 1254

кое-какой дух у немцев, то уж в остальных странах рассчитывать на сочувствие нечего, несмотря на тяжкие обвинения Молотова в желании оккупировать ряд стран. Мало кто в это поверит, а кроме того, всякий понимает, что в случае победы Гитлера режим оккупации будет закреплен навеки, в то время как СССР и после победоносного окончания войны не в силах будет предпринять новых завоеваний.

Какая-то катавасия происходит с больничным фондом. За один только август число больничных коек сократилось на 594 койки, в том числе на 102 родильных, при амбулаториях на 25 коек да в самостоятельных роддомах на 32 койки, а всего, значит, на 651 койку. Это госпитали влияют. Но зато ясельная сеть расширилась на 1414 коек. В каких условиях содержатся вновь открытые ясли, это разговор особый.

Я и раньше обращал внимание на то, что в печатных сводках Информбюро дается не совсем тот материал, что передается по радио, а на днях произошел и совсем загадочный случай. Паенсон всеми богами клянется, что он слышал утром в субботу о том, что были разгромлены две бригады румыно-немецких войск, но ни 4-го, ни 5 октября сообщений об этом не было ни в сводках Информбюро, ни в корреспонденциях из действующей армии. В чем дело?

7 октября. Очередная волынка. В половине пятого вчера мне звонят и говорят явиться за военным билетом. Возражений нет, даже удобно, а то отдел кадров РК ВКП(б) зачем-то зовет, а мне с ним разговаривать неохота. К шести явился на пункт. Велено немного подождать. Ну и ждал чуть не до восьми часов. Подобная задержка всегда волнует и на мысли наводит. Мне сейчас никак не хотелось бы угодить в армию: сырость и холод и ничего приятного. Но вот вышел начальник сборного пункта, сам разыскал меня, осведомился, здесь ли моя автобиография и характеристика, и вручил мне билет. Все. И на кой черт было меня столько держать, непонятно. Не научились до сих пор дорожить временем — у меня весь вечер потерян.

Кто очень умный, пусть назовет вещь противнее осени. Младенец из хрестоматии в угоду составителю нагло врет своему отцу, что осень для него лучшее время года. Составителей подобных рассказов надо предавать суду за растление малолетних. Ну что может быть поганее слякоти, сырости, простуды, нехватки денег — этих неизбежных спутников осени? Простужено у меня 50% семьи — я, Женя и Вова,

причем последний больше всех. Если мы с Женей кашляем и сморкаемся, то у него вечером был отчаянный жар, а утром на лице появилась какая-то сыпь. Как бы на что серьезное не повернуло.

А с деньгами тоже отчаянный скандал. Ну, это у нас обычное явление, что после летних отпусков мы сидим без гроша, расплачиваясь только за долги. Ну ведь этим-то летом мы никуда не ездили, и денег все же нет. И то сказать, за уголь, за дрова платить, а тут еще кое-что из зимних вещей для себя и для Владимира Женя заказала, ну и трещит наш бюджет по всем швам. Мы вчера с ней подсчитали, что нужно не менее 600 рублей, чтобы расплатиться со всеми долгами, а где их брать — одному аллаху ведомо. Заработки у меня резко сократились. Если в прошлом году за второе полугодие я в среднем номинально получал в месяц 1280 рублей, со всякими приработками, то сейчас перманентные 720, если только не считать заработанные еще до войны 100 рублей от радиокомитета, которые так и разошлись неведомо куда. А тут еще всякие налоги и сборы. В субботу я получил зарплату, так из 360 рублей на руки пришлось, грех сказать, 220 рублей, то есть, значит, 60% номинала. Тройная ставка подоходного налога, заем, однодневный заработок в фонд обороны съели 40% заработка. А ведь еще надо учесть 4% членских взносов. Скучно на этом свете, господа!

Еще вызов. Среди бела дня требуют к Асманову. Я пробую отвертеться — занят. «А я не могу растягивать мобилизацию коммунистов». Ну уж если разговор о мобилизации — никуда не денешься. Куда это только они собираются мобилизовать? Только бы не в интенданты — страсть не люблю снабжать. Ждать пришлось недолго. Асманов один. Обычный опрос: фамилия, имя, отчество, год рождения, воинское звание, образование, есть ли взыскания, был ли под судом? Все ладно, но вот последний вопрос, вернее, утверждение: «С родственниками тоже все благополучно?» — «Нет. Тесть арестован». — «Не знаете, за что?» — «За контрреволюционную церковную деятельность». — «Церковную? Старик, значит, был?» — «Да, старый хрен, едри его бабушку». — «Значит, в армии не служили и на войсковых сборах не были?» — «Нет». — «Ну, тогда вам придется здесь подождать, поучиться».

Этому, значит, не нравится то, что в армии не был. Этак обучить, конечно, никак нельзя, и о том, что я в народном ополчении кое-чему научился, тоже ни слова. Все понятно, граждане судьи. Только бы уж

хитрили бы в одно. А то не мешало бы и с членом партии в открытую поговорить: тесть у тебя сволочь, ну вот и тебе не доверяем. Да ведь не скажешь так, биологию предложено забыть, а ненадежных не брать, вот и вертятся как ужаленные: одному Облплан не хочется обижать, другому только высокообученных надо.

Так как разговор наш прерывался телефонными звонками, то из разговоров я кое-что уловил. Первое: для нужных целей подходящего народа мало осталось — пропустил Асманов 35 человек, а набрал всего 14. Второе — на кой-то пес требуются пожарники, которых у Асманова нет. Третье — из милиционеров подбирали команду парашютистов и десантников, но так как все милиционеры имеют бронь, их до сих пор не разрешают отправить.

А у нас в семье завелись серьезные болезни. Ну что у меня грипп, так это не так страшно, как противно. Но у Вовки — корь, а у Евгении Павловны, боюсь, аппендицит, едва дошла домой. Жалуется на боль в животе и главным образом в правом боку.

Отослал письма Сергею и И. Чернякову. Он на ст. Оловянная Молотовской железной дороги.

8 октября. В помещении Шадринского мотороремонтного завода располагается Прилукский завод сверлильных станков Наркомата Обороны, а завод «2-я пятилетка» переселяется в с. Каргаполье.

ЮУЖД обязана передавать для выгрузки угля из Донбасса 1000 вагонов. Разгружают понемногу Донбасс. Неужели надо ждать в ближайшее время занятие его немцами? Так это подразнили их кое-где (Ленинград, Одесса) остановили кое-где (Брянск, Ельня, Ярцево) всыпали, но инициативу перехватить пороху не хватает. В сегодняшней сводке указывается, что особо упорные бои идут на Брянском и Вяземском направлениях. Там как раз, где мы кое-какими победами хвастались. Обозлили немца своей похвальбой, вот он и собирается наших проучить. Гитлер, чай, после своей речи кое-кому хвост накрутил, вот они и стараются.

Марков сообщил, что Мариупольский трубный завод собирается строиться на старой площадке трубного завода. Неплохо. Но лучше бы он на месте сидел, а у нас новый бы завод строился.

Обратил сегодня внимание на лейтенантов танковых войск, во множестве разгуливающих по городу. Очевидно, питомцы здеш-

него танкового училища. Но какая незрелая молодежь среди них попадается! Ей-пра, мальчишки семнадцати-восемнадцати лет, хотя и одеты по всей форме. На заборах развешан приказ Советского райвоенкомата о призыве 1922 года. Контингент, надо полагать, получится солидный, но ведь необученный — основное, чем мы страдаем. В связи с призывом, думаю, несколько поотстанут от меня и перестанут бесцельно вызывать на пункт.

Не меньше 20 дней мы возились с картошкой. И обычная нелепая неразбериха. То дровами увлекутся, то дождь пойдет — не проедешь, то картошки накопанной нет. Сегодня как будто бы все было подготовлено: Лева Паенсон должен был в 2 часа выехать с одной машиной и, захватив свободных от работы домашних, отправить одну машину, подготовив все для остальных машин, которые должны были приехать после работы. Как водится, Лева вместо 2-х выехал в 5 часов — машину все доставали. Есилевич видел горы картошки на центральном участке только вчера, но Леву направили почему-то в поле. А там ему заявили, что картошка еще не сдана и потому выдавать ее нельзя. Директора совхоза не могли разыскать, и пять машин плюс десятка два людей бестолку потеряли весь вечер.

9 октября. Положение на фронте оказывается серьезнее, чем думалось вчера. Сводка указывает особенно упорные бои на Вяземском, Брянском и Мелитопольском направлениях. Взят Орел. Ну, Мелитополь понятно. Идут от Днепропетровска и Запорожья (взят, значит, хоть об этом и не сообщалось) и отрезают сухопутное сообщение с Крымом. Но Вяземское и Брянское, последнее особенно, непонятны. У Вязьмы идут бои, или это условно то же Смоленское направление? Какое может быть Брянское направление, если уже Орел взят? Или в окружении наши войска у Брянска мечутся?

И, как обычно, эти неприятные известия смягчаются сообщениями о разгроме немецких частей. Но даже в сводках указывается, что наши-де части нанесли большой урон наступающему противнику. Вот именно наступающему. Нет, не умеют наши воевать. Правы, пожалуй, немцы, что русские сильны только в обороне. Факты теперешней войны говорят, по крайней мере, за это.

У Ленинграда вот, например, как заявил сегодня по радио какой-то генерал-майор, немцы уже больше недели топчутся на месте,

не имея возможности двинуться вперед. Даже кое-где инициатива переходит в наши руки. Ну, это-то еще надо поглядеть. Хвастает генерал, что у немцев вооружения все меньше, а у нас все больше. Но если так, то надо быстрее брать инициативу по-настоящему в свои руки и хоть в одном месте вражеской сволочи хвост отщемить.

А вот Костюченков, так тот, пользуясь слухами, по-другому объясняет причины ограниченности наших наступательных действий. Со слов очевидцев и участников, таких, например, как Лившиц, который участвовал в боях под Брянском, он утверждает, что разгромы, учиняемые нашими войсками, настолько основательны, что немцев свободно можно было бы гнать на сотни километров. Так, после Ельни наши части оказались всего лишь в 60 километрах от Минска. Но в самый момент развития азарта наступления поступает вдруг приказ: прекратить наступление, отойти на такой-то рубеж. В чем дело? Боеприпасов не хватает? Средства сообщения подводят? Или еще что? Одним словом, тактики наступления у немцев не заимствуем. И очень плохо. Как ни важны задачи выравнивания линии фронта, обеспечения флангов и т.д., все они могут даже лучше решаться путем массового стремительного наступления, не давая противнику опомниться. Но видно, сил для общего наступления на одном каком-нибудь фронте у нас еще не хватает, и, не желая терять живую силу, мы ограничиваем свой наступательный порыв.

Сдал сегодня зачеты по ПВХО на хорошо.

10 октября. Положение на фронте оказывается весьма угрожающим. В передовой «Правды» от 9 октября сообщается, что немцы вновь бросили крупные, «численно превосходящие» силы на Брянском, Вяземском направлениях «и благодаря этому в некоторых местах вклинились в расположение наших войск», т.е. попросту прорвали оборону. «Немецко-фашистским войскам удалось потеснить наши войска и достигнуть успеха».

Вот признание, которое заслуживает самого пристального внимания. Народу у нас больше, чем у Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Финляндии вместе взятых, и все же «численное превосходство». Значит, или наши потери сводками слишком преуменьшены, или же речь идет о техническом преимуществе. Правда, немцы, пользуясь своей большей мобильностью, могли сосредоточить

на отдельных участках свои силы за счет ослабления менее важных участков, но это в последнем счете тоже зависит от технического вооружения, в частности, от наличия транспорта. Все дороги ведут в Рим: мы уступаем, и, по-видимому, значительно, немцам в технической вооруженности.

В этом именно и смысл Московской конференции. Но, как сообщает в «Известиях» от 7 октября Афиногенов, Геббельс заявил: «Мы должны победить до того, как английские и американские грузы прибудут в Россию». Вот и стараются успеть, как это было во Франции, когда Ренно вопил о помощи Америки, а немцы добивали французскую армию на Луаре. Добить Красную Армию труднее, но сама «Правда» заявляет: «Мы имеем дело с попыткой гитлеровцев прорвать нашу оборону, просочиться вглубь этой обороны, любой ценой пробиться к важнейшим жизненным промышленным центрам страны».

К каким это жизненным центрам? На Ленинград нападение ведется не первый день, и там-то как раз такого сильного нажима нет. На Донбасс движение не заметно. Даже Харьков, и тот продолжает работать на полную мощность. Остаются ближайшие к фронту промцентры — Москва, Ярославль, Тула. Но чем они лучше Киева, Днепропетровска, Кривого Рога? Остается предположение, что мы не сможем после прорыва немцев создать новую линию обороны, как это удавалось до сих пор.

Вот это действительно грозит катастрофой, потому что порвать связь между советскими фронтами — это лучшее, чего только могут желать немцы, так как бить армии поодиночке — это их излюбленный и очень удачно применяемый метод. С другой стороны, очень было бы хорошо удержаться, а по возможности, даже и понаступать немцам именно сейчас, когда они бросают в бой все, что имеют, так как тогда против нашей растущей технической мощи будет труднее и труднее идти. Значит, вооружения нам нужны немедленно, и как будто бы в этом задержки не будет, так как, по-видимому, вооружение уже начинает поступать.

Гораздо хуже с освоением этого вооружения. Это же, надо полагать, новые, неизвестные у нас типы, а наше войско и свое-то еще не как следует знает. (Речь, конечно, не о кадровых частях, а о пополнении, которое чем дальше, тем большую будет играть роль.) В общем,

Гитлер подтверждает свою речь делами, и пока что успешными, как это ни неприятно сердцу советского патриота.

Острую нехватку технического вооружения у нас подтверждает и продолжающаяся мобилизация автомашин. Паничкин говорит, что в Долматово ремонтируется до 150 машин для Красной Армии, ко мне приходили уже трое за резиной для мобилизованных машин. Это губительно отражается на тыле, но и вряд ли большую помощь приносит фронту, так как машины-то берутся слишком изношенные, так как новые машины забрали в первые дни войны.

11 октября. Сражения на Брянском и Вяземском направлениях продолжаются. У Орла как будто бы удалось создать сильный заслон, во всяком случае, наступательный дух или ослабел, или направляется в другую сторону, а не к северу от Орла. Хуже на Вяземском направлении. «На ряде участков неприятелю снова удалось продвинуться». «Враг продолжает подбрасывать новые силы, стремясь оттеснить наши части». Таковы весьма не утешительные итоги и выводы статьи «Красной звезды». На обоих направлениях мы наносим огромные потери немцам и сами, поди, несем не меньшие, но немцы наступают, а мы в лучшем случае прикрываем путь, например от Орла на север. Даже и намека нет на то, что думают контрнаступлением выбить врага из Орла. Нет. Будем сидеть и «крепить оборону», пока ее еще в каком-нибудь месте не прорвут немцы. Правильность подобной тактики очень сомнительна.

Сдал уставы караульной, гарнизонной и внутренней службы на экзамене. Какова цена этому «отлично», видно из того, что устав внутренней службы я никогда не проходил и в руках не держал. Просто попались такие вопросы, которые или слишком просты, или ответы на которые я слышал на зачетах первого взвода.

Опять меня посетило какое-то напряженное состояние. Когда мы после обеда шли с Костюченковым на занятия, у меня в мозгу появились обрывки воспоминания о чем-то. Похоже, как стараешься припомнить сон, но не удается. И досадно, и боязно как-то. А что, если это не сон? Это у меня уже второй раз. А первый раз это было с месяц тому назад. Похоже, что это от переутомления, когда невольно клонит в сон и мысли, что называется, путаться начинают.

Завтра опять едем на субботник картошку рыть. Нашу картошку наконец привезли. После ночного дежурства Морозович должен был

вчера с 2 часов пойти отдыхать, но не ушел. А вместо этого сегодня совсем не пришел на работу. Не совсем, конечно, это законно, но раз организовать дело сумел, я посмотрел на это сквозь пальцы.

13 октября. Вчерашний субботник прошел ерундово. К назначенному сроку, к 7 часам, пришли только мы с Костюченковым. Потом подошли Филимонова, Паенсон и Еремина. Впрочем, последняя, сославшись, что ей надо посмотреть свою капусту, ушла и больше не появлялась. Так вчетвером мы и присоединились к Облисполкому (условно, так как коллектив Облисполкома состоял… из работников арбитража, связи, местпрома, домохозяек, но не самих работников Облисполкома) и отправились на машинах в Кременкуль в колхоз «Красный Урал». Погода стояла пасмурная, но сухая. Но зато дул отчаянный западный ветер, и померзли мы основательно.

Приехали мы около десяти часов и сразу приступили к работе. Складывали скирды. Но не так, как прошлый раз, для просушки, а для самой молотьбы. Скирда получалась высотой в три человеческих роста — в 5–6 метров высотой. Мужчин поставили на кладку скирды, женщин — на подноску снопов. Вначале работа легкая и идет в быстром темпе. Женщины несут снопы по ветру, мужчины их складывают руками. Но чем дальше, тем труднее. Снопы приходится подтаскивать с другой стороны, против ветра, а забрасывать их деревянными вилками вверх. Сначала самый тяжелый сноп легко взлетает на скирду, а затем их приходится поднимать вдвоем и втроем.

Перерыв приносит маленький отдых, но работается хуже. Как сообщил нам председатель колхоза, у них еще гектаров двадцать на корню, и много хлеба надо метать в стога. Наобещал он нам обед из двух блюд, а в результате до 4-х даже картошки не наварил. Сложили мы два с половиной стога, по официальной справке, с площади 5 га, и обессиленные, двинулись к тракторному вагончику. Здесь, укрытые от ветра, немного оживились. А тут еще наконец подоспела картошка. Народ так проголодался, что сначала ел ее даже без соли. Я съел свои 400 грамм хлеба, полученные в буфете Облисполкома, три картошки и набил живот основательно.

На трехтонке мы все 30 человек уселись навалом и отправились домой. Домой-то мы попали уже в половине восьмого. У нас были Василий Павлович и Зинаида Александровна, осматривали свою кар-

тошку. Пообедал я почти без хлеба, так как есть уже не во что было, и прилег на сундук «отдохнуть». Ну и уснул, конечно. Проснулся в 10 часов, попил горячей водички вместо чая и снова лег спать. Тело у меня сегодня ломит: видно, и потрудился основательно, и болезненное состояние сказалось. Кашляю по-прежнему отчаянно.

По вчерашней газете устанавливается, что у Орла был второй танковый бой с безуспешно стремившимися прорваться на север немецкими танковыми частями. Но, как мне сообщил утром Грязнухин, Брянск сдали, да и у Вязьмы враг вклинился на центральном участке в расположение наших частей. Везде «угрожающее положение». Гитлер решил до зимы нанести нам такой удар, чтобы мы всю зиму не очухались.

В субботу у Паничкина были представители Наркомречфлота. У них задание — обеспечить к навигации 1942 года судоходство по среднему течению рек Исеть и Тобол. По Исети расхождений нет, надо установить судоходство вниз от Шадринска. Но по Тоболу они почему-то среднее течение считают от Кургана. Но эти представители согласны считать его вместе с нами и от Усть-Уйки или Зверинки.

В Катайском размещается насосно-компрессорный завод НКОМ.

Вот только когда пришло извещение о том, что Сергея Морозова следует считать мобилизованным с 10 августа. Где-то он теперь?

14 октября. Наступают настоящие холода. Вчера весь день стояла температура ниже нуля, так что лужи так и не оттаяли. В ночь выпал снежок, так в полсантиметра толщиной, и таять как будто бы не собирается. Температура держится минус 2–3°.

Были вчера на складе Облжилснаба, где разгружается эвакуированное имущество. Чего только там нет. Котлы, станки, 4 вагона типографского шрифта, кабели, электрооборудование, медный лом, какие-то алюминиевые стаканы, шарикоподшипники, медные прутки, бобит, целый сарай с домашним имуществом и т.д. Домашнее имущество принадлежит неведомо кому, хотя на узлах и чемоданах написаны фамилии, а в сумочках есть кое-какие документы, облигации и даже деньги. Где владельцы этих вещей?

Косякин, который сейчас работает старшим инструктором политотдела 371 сд, рассказывал, что вчера в Обкоме ВКП(б) для командиров и политического состава читал лекцию бригадный комиссар

Соловьев, бывший завкафедрой марксизма-ленинизма какой-то военно-политической академии. Интересное в этой лекции то, что он заявил: «Мы еще очень часто недооцениваем помощь Англии, а она сделала уже очень много и еще больше сделает в ближайшие дни». Вопрос о десанте Англии на материк, по его словам, — вопрос ближайшего будущего. Индия имеет трехмиллионную армию, предназначенную для действий на Ближнем Востоке. Турция, будучи зажата со всех сторон англо-советскими войсками, склонна изменить политике нейтралитета. Да она его уже нарушила. Под давлением Германии она пропустила несколько судов в Черное море, а после этого вынуждена была пропустить и английские суда. Итальянские капиталисты ведут с Англией переговоры о сепаратном мире. Известия все самоутешительного порядка, и если это все так, разгром Гитлера в ближайшие 4–5 месяцев неминуем.

А пока что Промбанк СССР расположился на Красной, 105. Какой-то завод передвижных электростанций Наркомстроя болтается в Челябинской области где-то.

Так вот, значит, о чем не говорил Щербаков в своей статье о речи Гитлера. Оный Гитлер, как, впрочем, я и предполагал, возвестил «новые операции гигантских размеров» на Восточном фронте. Смысл, следовательно, его речи сводился к тому, что «мы ошиблись в вопросе о том, какую силу представляет наш противник», но мы эту ошибку учли, подготовили соответствующий кулак, который и позволит нам организовать «новые операции гигантских размеров». И неизвестно только, пообещал чего-нибудь конкретного добиться до начала зимы или нет. Чай-поди, все же поосторожнее стал с обещаниями. В общем, предзимний период наш малопочтенный, но весьма серьезный противник использует вовсю.

Сегодня сообщают о занятии немцами Вязьмы и о стремлении их развить наступление. Что же это будет? Все что угодно, лишь бы не разгром армии. Немцы несут, по нашим сообщениям, огромнейшие потери, тысяч по 15–20 в день, а сколько мы теряем? Самое главное, чего надо бояться, это панического бегства, тогда наш разгром неминуем, и никакая помощь Англии не спасет.

Какая-то маленькая заметочка: «Мы полны решимости разгромить врага» — привлекает внимание. Из заметки следует, что и на

Северо-Западном направлении, как, очевидно, и по всему фронту, немцы пытались вести наступление, но безуспешно, и что инициатива постепенно переходит в наши руки. Но эти слова о переходе под Ленинградом и вообще на Северо-Западе в наши руки слышу уже давно, а результатов, наступления — нет. Словоблудие какое-то.

Шамов где-то под Уфой орудует по снабженческой линии. Ну, это ему по призванию.

15 октября. Куда бы уж, кажется, хуже вчерашнего известия, что сдали Вязьму. Но каждый день сейчас приносит неприятности с фронта. Сдали Мелитополь — Крым отрезан от суши, и его падение — вопрос времени. Появилось новое, Калининское направление, и уж никак не думается, что мы его образовали, нет — просто немцы решили охватить Москву с флангов и отрезать Москву от Ленинграда. У Ленинграда продолжается топтание на месте и болтовня об «активной» обороне. Всыпали бы там немцам, небось, живо откатились бы от Москвы.

Чего теперь ждать? На юге — осада Крыма (его никак нельзя без боя отдавать, иначе Кавказ под ударом, Азовское море заперто, важнейшие порты утеряны), нажим на Донбасс, потеря Харькова (один половины Донбасса стоит). На Западе — захват Тулы и окружение Москвы. Москву, по-моему, без жестокого боя не отдадут, но падение ее вероятно. У Ленинграда — топтание на месте и сдача после падения Москвы. Вот каковы мрачные перспективы. Это еще не разгром, потому что только на Урале, по моим соображениям, расположены до 20 запасных дивизий, но колоссальный урон, оправиться после которого будет очень и очень трудно.

И черт его знает, что думают себе «союзники». Лорд Бивербрук преподнес две пилюли. Первое: «Заявки на некоторые виды сырья должны быть, однако, рассмотрены в дальнейшем в Лондоне и Вашингтоне». Значит, не обо всем договорились в Москве, и когда договорятся, — не известно. Второе: «Нужно обеспечить, чтобы Советский Союз вступил в весеннюю кампанию, имея достаточное количество военного снаряжения». С одной стороны, приятно, что перестали смотреть на нашу войну с Германией как на безнадежное дело, способное только в тех или иных размерах обессилить победоносного Гитлера, и что полагают, по-видимому, не без оснований, что

мы до весны продержимся. А с другой стороны, это может означать, что «от нас до весны активных боевых действий не ждите». Благое пожелание: «разделить с русскими все печали и радости», конечно, мало утешает. А что этого разделения не видно, и прав Герберт Уэллс, который в приветствии митингу ученых сознался, что для нас еще мало что сделано. Может быть, конечно, что в целях сугубой конспирации нарочно создают впечатление о невозможности десанта в ближайшее, зимнее время, но как-то мало в это дело верится. Едва ли Гитлер бросил бы на нас сейчас все силы, если бы не знал, что на Западе ему опасаться нечего, кроме отдельных вспышек восстаний, вроде как в Югославии, что его, видимо, мало сейчас беспокоит в сравнении с итогом «операций гигантских размеров» на Востоке.

Погода дурит. Вчера вечером был отчаянный туман, сегодня слякоть, съевшая снег. Что-то с каждым годом портится осень в Челябинске.

Вчера слышал рассказ о человеческой трагедии. В пути на трамвай мы с Блювштейном подначили Костюченкова. Живешь ты, мол, небо коптишь, ни себе, ни людям. Старик уже, а детей нет. Вон у твоего погодка Сушина скоро внуки будут, а у тебя нет никакого продолжения рода. Вот тут и напал на него стих откровения. «Ну что ты с женой сделаешь? Мне самому очень хочется иметь сыночка или дочку, а она не хочет. Хоть на стороне где заводи». И с чувством говорил человек, видать — искренно. Вот уж не понимаю этого. Как можно жить с человеком, имея разногласия по такому кардинальному вопросу? Вообще не представляю себя, как я бы мог попасть в такое подчиненное положение у жены. Хотя и второй пример недалеко: Ванечка Чиняков в полном смысле под башмаком у Анечки. И это еще более удивительно. Костюченков, тот и командуя, у подчиненных всегда совета спросит, и стоит ему покрепче возразить, как он сейчас же согласится: «Ты думаешь так? Ну что ж, давай так». Но Иван Чиняков в общественной-то жизни держит себя вполне независимо, а вот у жены в таком послушании, что из-за ее не совсем уживчивого нрава чуть не со всеми друзьями имел холодные отношения. Удивительные дела бывают в природе.

16 октября. 6 октября СНК СССР принял специальное решение о строительстве в Челябинске для ЧТЗ рубленых и каркасно-засыпных

домов на 20 тысяч жителей. Все дома должны быть построены до 1 марта 1942 г., а из них половина в IV квартале 1941 г. Это первое решение СНК СССР о жилищном строительстве г. Челябинска и Челябинской области, и вызвано оно не совсем обычными причинами.

Как сообщил мне Паничкин, на ЧТЗ (который сейчас хоть и именуется тракторным заводом, но уже не Наркомсредмаша, а Наркомтанкопрома, хотя о таком наркомате раньше не было слышно) едут: Ленинградский завод им. Кирова и Харьковский танковый завод № 75. Директором ЧТЗ уже назначен Зальцман, бывший директор завода имени Кирова. Вот для этих-то двух гигантов и требуется жилье. Как они будут тесниться на ЧТЗ, ума не приложу.

Но есть, оказывается, еще более интересное решение СНК СССР (о нем мне тоже говорил Паничкин) о размещении Московского автозавода им. Сталина на площади шарикоподшипникового завода в Миассе. Но ведь там, кроме площадки, и нет ничего. Что же, стоять будет такой завод? А если нет, то откуда он возьмет колоссальное количество потребных ему стройматериалов, в частности кирпича?

Это уже мне стало все меньше нравиться. 1. Когда такие гиганты начинают двигаться, дело плохо для тех мест, где они были расположены, серьезные беды, значит, ожидают Москву, Ленинград и Харьков. 2. Перебросить эти гиганты и пустить их в ход — дело очень сложное, требующее длительного времени, колоссальных средств и материалов, и полностью в условиях войны не выполнимое. Продукция соответствующих отраслей, особенно важных для войны, резко упадет. 3. Челябинская область сильно переуплотняется. Где взять воду, электроэнергию, жилье (двадцать тысяч человек — это совершенный пустяк). Ужмут нас до предела.

Комбанк уже выселяют в Юргамыш. Южаков плачется. И в самом деле, он сократит свои операции вследствие того, что обслуживание самого города Челябинска придется передать Госбанку, процентов на 50. И конечно, коммунальные предприятия Госбанком будут обслуживаться гораздо хуже.

Очевидно, вопрос об эвакуации Москвы и Ленинграда ставится со всей серьезностью. Баркан сообщает, что с 16 по 28 октября в Челябинскую область будет направлено 15 эшелонов по 50 вагонов

каждый, всего, следовательно, до 30 тысяч москвичей. Отправка будет организована вертушками. Дойдя до конечной станции назначения, поезд дезинфицируется, обмывается и отправляется назад за новой партией эвакуированных. А эвакуированные на автомашинах развозятся по районам назначения. Продумано все организованно, но от самой этой организованности жуть берет. 30 тысяч — это, конечно, меньше 1% населения Москвы. Но, во-первых, большая часть военнообязанных вольется в армию, большое количество рабочих, кроме этого, уедут с заводами, и сколько же придется на другие области, края и республики СССР. Процентов 50 жителей из Москвы вывозят, а это опять свидетельствует о возможности скорого оставления ее.

А вот и сообщения о положении на фронте. Газету принесли только в 8 часов вечера. Вечернее сообщение 15 октября необычно кратко и мрачно: «В течение ночи на 14 и 15 октября положение на Западном фронте ухудшилось». На одном участке немцы прорвали оборону, и наши войска вынуждены были отступить. Вопрос, конечно, не в прорыве обороны, мало ли ее прорывали, и не в том, что отступили, это с нами тоже нередко случалось, а вот какими силами прорвали, насколько и как отступили? Похоже, что Калинин не сегодня — завтра будет взят, а Москва?

Лозовский клянется, что «Москва останется советской», и похоже, что на оборону ее сил и средств не жалеют. Но ведь если Гитлер не прорвется к ней, конец ему будет незамедлительный. Конечно, еще не все резервы бросил он под Москву, не такой уж он дурак, да и очень трудно все сосредоточить в одном пункте. И ясно другое, что ни один населенный пункт, как бы сильны ни были его укрепления, не может обороняться бесконечно, и спасение ему может прийти только извне. Следовательно, и Москву можно отстоять, только предприняв решительное наступление в неменее важном пункте. Иначе конец нашей красавице. Ну уж и ненависть же возбудит Гитлер занятием Москвы, худо будет ему выступать из нее.

17 октября. 20 сентября я, подводя итоги мобилизации машин в армию, констатировал сильное, доходящее до 11,6% наличного состава, изъятие машин из хозяйства области. Я полагал, что, поскольку война в основном развертывается в III квартале, то именно в это время у нас и произойдет массовая убыль. Еще больше в этом

убеждали вопли, несущиеся со всех сторон, об изъятии машин. Но... не верь слухам.

Нужно иметь в виду, что данные, записанные мною 20/IX, были на 1/VII неточны, так как не ото всех районов поступили тогда сведения о мобилизованных машинах. В общем по отношению к 1/IV на 1/VII парк автомашин сократился на 19,2%, в т.ч. по грузовым на 23%, а на 1/X он составил 80,0% к 1/IV, в т.ч. по грузовым 77,2%. За III квартал парк грузовых машин области возрос на 0,2%. Правда, продолжалось сокращение парка легковых и специальных машин, но общее количество машин в области почти не изменилось.

Если учесть неполноту данных за II кв., то в III кв. по сравнению со вторым изъяли чуть не в три раза меньше, а по грузовым так и еще меньше. Почему? Во-первых, категорная структура автопарка ухудшилась.

Особенно плохо состояние грузовых жидкотопливных машин.

Здесь основная, II категория прямо вымывается. Но немалое значение для сохранения стабильности парка области имеет, очевидно, и прибытие новых предприятий и учреждений со своим автопарком. Принято на учет за III кв. 891 машина вместо 672 за II кв., а из них 203 новых вместо 408 новых за II кв. Следовательно, парк области пополняется в основном за счет старых машин, поступающих в область.

Рассмотрел данные Облунку о выполнении плана III кв. по торговле и областной промышленности. План товарооборота за III кв. выполнен только на 95,8%. Наркомторг выполнил план на 100,7%, но за счет союзных торгов, из которых особенно выделяется Военторг, давший 184,9% плана. Недаром Горев бьет тревогу и требует, чтобы наши промотделы отчитались на исполкоме о выполнении плана выпуска предметов ширпотреба: централизованных фондов он не получает и торговать ему нечем. Не видно, чтобы и у пищевиков было лучше.

На днях в ожидании трамвая мы попали в Гастроном. Там в витринах и на полках всевозможные суррогаты кофе, горчица, столовый хрен и 100-рублевая икра. Естественно, что покупателей не было совсем, а толпившийся там народ откровенно дожидался трамвая. Теперь торговля идет рывками. Получат какой-нибудь товар, выбросят, моментально создается огромная очередь, и все расхватывается. Вот отец встает за керосином в пять — половине шестого утра, и оче-

редь его бывает 200–400. Стоит он на осеннем холодище целый день и получает — 2 литра. Жуть!

Общепит, наоборот, разворачивается вовсю. План по области за квартал выполнен на 121,7%, в том числе Наркомторг СССР на 128,2% и Наркомторг РСФСР на 127,1%, но стоит только взглянуть на длинные очереди и у «Южного Урала», и у «Арктики», чтобы убедиться, что общепит по нонешним временам надо увеличивать минимум вдвое.

Базарные цены продолжали в городах, по крайней мере, расти, хотя реализуется продуктов не меньше, чем в прошлом году, и больше, чем в августе. Но населения насколько прибавилось? На это население, конечно, не такой привоз требуется. И вот в Челябинске говядина стоит 20 руб., свинина 25 руб., а в Златоусте свинина — 35 руб. Молоко в Челябинске продают по 4–6 руб. литр (мои женщины утверждают, что сейчас молоко уже 10 руб. литр стоит), картошка в Магнитогорске 2–2,5 руб. кило. Но в глубинке цены гораздо ниже. В Усть-Уйске говядина стоит 5,5 руб. кило, баранина — 7 руб., картошка 34 копейки. В Белозерке молоко 1 руб. 20 коп., яйца в Куртамыше стоят 5 руб. десяток. Характернейший, небывалый в мирное время, разрыв между ценами на с/хозпродукты на селе и в городе. Вот где сказывается острый недостаток транспорта.

По промышленности только Местпром выполнил месячный и квартальный планы, да Легпром дал, при невыполнении сентябрьского задания, 104,7% квартального плана. Годовой план успешно выполняют Местпром, Легпром, Промсовет и Полиграфиздат, остальные же отделы идут ниже уровня плана.

Интересное письмо показал мне Марков. Автор его какой-то Черепанов Федор К. из Усть-Уйского района, м/совхоза «Костылин Лог». Пишет он в редакцию «Челябинский рабочий» и сообщает, что он в течение двух лет работал над проблемой превращения тепловой энергии в электрическую, изложил свой новый взгляд на сущность теплоты, электричества и также устройство упомянутой (для превращения тепла в электричество) машины — на 5 тетрадях. Он собирается эти тетради направить в Академию наук, но хотел бы предварительно посоветоваться с каким-нибудь профессором или инженером-электриком и для этого написал «Письмо к электрикам» с подзаголовком «О превращении тепловой энергии в электрический ток».

7 Заказ 1254

Письмо не лишено некоторых литературных достоинств, хотя и страдает кое-где орфографическими ошибками, и во всяком случае изложено оригинально. Сначала автор сугубо упрощенчески рассматривает движение молекул в куске, нагреваемом «на костре», и приходит к выводу, что нелепо ставить посредников между теплотой и электроэнергией, а надо сразу превращать одно в другое. Затем он, без всякой внутренней связи, начинает доказывать, что зря не используется удельное расширение тел от нагревания для получения электротока. Потом сознается, что ему тоже не удалось добиться этого превращения. Но затем он «открыл некоторое новое и очень логически понятное явление материи, пока вам, читающий, не известное, и с точки зрения этого нового понятия я теоретически решил, как теплоту превратить в электричество». Автор очень опасается, что его утверждения вызовут улыбку на губах читателей, но он решителен: «Я всеровно, если вы мне откажете в помощи, буду ходить по учреждениям, пока не добьюсь постановки своего опыта по превращению теплоты в электроэнергию».

Кто ты, Федор Черепанов? Что ты мало чего смыслишь в электротехнике, можно судить и по твоему отнюдь не техническому языку, отсутствию постоянного упоминания о том, что речь идет о непосредственном превращении тепла в электричество, и по всему твоему наивному стилю, стремящемуся к максимальной «логичности», что на деле означает примитивную популярщину. Какую давно открытую Америку ты открыл? Или ты действительно выдумал что-то новое, но только не соответствующее реальной действительности? Ты не умеешь претворять свои мысли в дело, что обязательно для каждого конструктора новых машин, ты даже не видишь разницы между опытом и машиной. Жестокие разочарования ждут тебя. Помогут ли они тебе лучше овладеть любимой, очевидно, электротехникой, или, поругавши ничего не хотящих знать инженеров, ты будешь всем и каждому надоедать со своим «новым понятием о теплоте», не понимая, как люди не желают рассуждать «по логике», Вот печальный образец полуобразованности.

В Миассе по Второй Ильменской улице, дом № 78, с 20 сентября расположился, сократив на 50% аппарат, Ленинградский геолого-разведочный трест. Сотрудник его Улиновский приходил просить бумаги для отпечатания отчета Сахалино-Аяшской экспедиции.

Какой-то нелепо-трагический случай рассказала Женя сегодня за обедом. Закройщик Челябинской швейной мастерской № 2 Палюшин был снят в свое время с военного учета по болезни. После переосвидетельствования его признали годным и предложили встать на военный учет. Он, обычно человек исполнительный, на этот раз похалатничал и вовремя для оформления в военный стол не явился. Его вызвали в военкомат и посулили «кузькину мать», пугнули судом по законам военного времени. Он пришел домой и рассказал сыну, что его будут судить и, наверное, расстреляют. На ночь он пошел дежурить, а утром, дав жене телеграмму (она у него была домохозяйкой и работала на уборочной), прошел в Парк культуры и отдыха и там повесился. Ну как он мог на такую глупость пойти? Не сообразил, что если бы речь могла идти о расстреле, так его бы сразу под стражу бы взяли. Да ведь уж, в конце-то концов, расстрел всегда считается более легким видом казни, чем повешение. Нет, видно, у человека вообще психика была нетверда, и он испугался, что хоть к черту на рога. А теперь, чай-поди, какие переживания доставил он тому, кто его так напугал. В общем, наделал делов, непутевый.

На фронтах ожесточенные бои, и особенно на Западном, где «обе стороны несут тяжелые потери», а «немецко-фашистские войска продолжают вводить в бой новые части». Откуда их только черт берет? Или уж правда, все резервы в ход двинул? Но во всяком случае сводка, хоть и зловеще короткая, но не столь мрачная («ухудшается»!), как вчера. И опять хвастают, что под Ленинградом наши немца изматывают, целая статья о действиях советской артиллерии под Новгородом. Нас утешают или немца дразнят, чтобы оттянуть силы от Москвы?

Первое обращение Компартии Германии и компартии вообще. Написано хорошо, убедительно, и при широком распространении несомненно произведет впечатление. Тот же вопрос, что и 20 сентября: почему мы не обращаемся к рабочим? А что, если это пробный шар по отношению к Англии? Не хотите вступать в войну, так мы социалистическую революцию поднимем. Дело на это похоже. Обращение написано в сдержанных словах и агитирует не за социалистическую, а за народную Германию. Выпущено оно не с согласия или принуждения Сталина, а «найдено у убитого немецкого унтер-офицера Штольца». Как, мол, хотите, а революция может и помимо

нашей воли начаться. Очень интересно, какое впечатление произведет это обращение на англичан.

В статьях «Известий» за 14 октября несколько любопытных подробностей. Во всяком случае, о готовящемся наступлении немцев наши знали или, по крайней мере, могли догадываться, так как частям командиров Ракутина и Рокоссовского пришлось выдержать полуторадневную подготовку артиллерии. Был момент, когда немцы едва не установили своего господства в воздухе. Это первое подобного рода сообщение с начала войны. До сих пор нас держали в уверенности, что в воздухе господствуем мы. К нашему фронту также подтягиваются все новые и новые части в зимнем обмундировании. Надо полагать, что речь идет о наших резервах, которые мы собрались использовать зимой и которые мы сейчас вынуждены бросить в бой. Но это бы ничего, если бы в результате боев под Вязьмой нам удалось побить Гитлера. Хоть не сразу, а, приостановив его движение и подтянув еще кое-какие резервы, несколько недель спустя. Харьковцы заявляют: «Могучий Харьков врагам не взять» и роют всякого рода укрепления и ограждения. Верный признак близкого нападения немцев.

18 октября. Вчера ночью у Паничкина были представители Наркомата электростанций торговаться из-за 400 тысяч штук кирпича для ТЭЦ и просить штук 800 кроватей и матрацев. Главный из них какой-то Дмитриев, энергичный мужчина с орденом, сообщил, что в воскресенье к нам должен прибыть весь наркомат со всеми своими главками, Мосэнерго и др., а всего 15 тысяч человек. Вот те дополнительные эвакуированные, которых я подсчитывал 16 октября. Прибудут они, надо полагать, не все сразу, ведь это 8 эшелонов по 2 тысячи человек, но тем не менее население Челябинска крепко возрастет за счет москвичей. Наркомсредмаш уже разместился в здании нового универмага.

У Соболь несчастье за несчастьем. Их Танюша захворала корью и после получила осложнения на легкие и умерла. Блювштейн вызвал телеграммой «самого» из Москвы. Он приехал, а обратно никак выехать не может. Положение его очень незавидно, так как он успел захватить с собой только пару белья. И теперь выехать не может, да и жена отчаянно убивается об дочке, раза три, говорят, в обморок падала.

Оставлена Одесса. Если правда, как сообщают, что ее эвакуировали без особого нажима немецко-румынских войск, то, надо признаться, очень зря сделали. Стойкость Одессы давала определенное моральное удовлетворение. А теперь все будет думаться, что наступила очередь Ленинграда. Судя по сводкам, положение на Западном фронте несколько улучшилось. В ночь на 17 октября «особо упорные бои происходили на ряде участков Западного направления», а 17 октября части Красной Армии «отбили несколько ожесточенных атак вражеских войск». Если это не передышка перед подходом новых немецких резервов, так ладно: немцы еще не выдохлись, но обессиливают.

20 октября. Вчера целый день занимался домашними делами. С утра насаживал на рукоятку топор, потом пилили с отцом дрова и свозили к Маркову картошку и в заключение конопатил окна. Как видно из этого перечня (объем тоже подходящий: 0,5 кб/м дров, 150–180 кг картошки), работа равнялась приличному субботнику, и в этом отношении традиции последнего времени не были нарушены.

В газетах ничего интересного: «особенно ожесточенные бои на Западном фронте» уже не производят достаточно сильного впечатления.

Был у меня Скоков. Он сейчас работает старшим политруком в Челябинской авиашколе стрелков-бомбардиров. Кадры, говорит, у них подходящие, хотя есть и тридцатилетние, что для авиации уже нежелательно. Но все люди с хорошим образованием и, частично, побывавшие в армии. Вообще, по его словам, у нас уже много подготовленных кадров, но в бой их не пускают. Пожалуй, это главным образом из-за недостатка вооружений. Скоков, со слов вернувшихся с фронта, говорит, что наши танки больно хороши, но их очень мало, и что этим-то и пользуются немцы, пуская на нас свои танковые колонны, которым мы можем противопоставить только единичные танки.

Облздравотдел утверждает, что в Копейске размещены заводы № 112, 113, 114, 55 и 58. Это, вообще говоря, многовато для Копейска, но ничего невероятного в этом нет. Сегодня утром у Паничкина были представители Госплана СССР и какого-то завода, кажется, по производству термита. Так вот из разговоров выясняется, что напихано новых заводов у нас до ужасти. При этом происходит несусветная

путаница. Совет по эвакуации, готовя проект по размещению того или иного эвакуированного предприятия, зачастую путает все на свете. Златоустовскую граверную фабрику передавали уже раз пять, и все под разными названиями: граверная фабрика, фабрика игрушек, производственные корпуса Златоустовского горпромкомбината, мастерские райпромкомбината и т.д.

Бывает и так, что СНК СССР или Совет по эвакуации приказывают разместить завод в здании, которое область уже отдала какому-нибудь эвакуированному предприятию. Можно уточнить относительно ЗИС. Ему требуется площадь 900 тысяч кв. метров! Такую у нас, конечно, не найти. Частично его производство будет размещено в Шадринске и Троицке, частично производственные корпуса облегченного типа будут возведены на Миасской площадке, а сборка будет вестись в Ульяновске. В Каслях сидит завод № 61, чей и что делает — неизвестно. Ефремовский и Воронежский заводы СК уже не работают. Где брать резину? Область за III квартал не получила ни одной покрышки.

21 октября. У Морозовича из Спас-Деменска приехал шурин. С неделю тому назад от него было письмо, в котором сообщалось, что после победы под Ельней немцев отогнали километров на 80 и теперь-де у нас тишь да гладь. И вот он уже здесь. Как немцы прорвались, он не представляет себе, знает только, что прорыв организован танками. И если только в сводках за 7 октября появилось сообщение о Вяземском направлении, то сам прорыв начался 2 октября, т.е. накануне речи Гитлера. Да, в таких условиях, когда операции уже начали развертываться, и при том более или менее успешно, легко ему было обещать победу, имея решающее превосходство сил. Этот шурин не видел наших танков и самолетов, хотя немецких видел много. Конечно, полного отсутствия быть не могло, но это общее впечатление, что немцы давят нас техникой. Под Можайском он видел строительство оборонных противотанковых укреплений, видел подходившие к фронту сибирские войска. Но какова цена этим резервам, если они не подкреплены соответствующей техникой? Получится так, как я где-то читал, в первую империалистическую войну сибирских стрелков, попадавших с лету белке в глаз, будут пропускать через мясорубку. Танки! Танки нам нужны!

Блювштейн опять утверждает, что в Челябинск едет МХАТ, а в Магнитогорск — Театр Революции. Сейчас это больше похоже на дело. Магнитогорский театр, очевидно, в связи с этим, уже закрыт решением СНК РСФСР, Челябинский драмтеатр переедет в Шадринск, где местный театр также ликвидирован. А погода, похоже, устанавливается зимняя. Числа 16-го выпал маленький снежок, да так и не стаял. Сегодня снег падает хлопьями.

По Челябинску гуляет директор фабрики «Дукат». Паничкин сообщил, что ему передали уже филиал Союзунивермага, б/магазин Текстильшвейсбыта. Задание у него «сурьезное»: с 1 января давать по 3,5 млн штук папирос в день. Вот это дело подходящее. Как только он с сырьем справится? Средняя Азия может и не дать всего, что требуется, да и с вагонами затруднения предвидятся.

По сведениям Паничкина, только в один Челябинск направляется 79 тысяч москвичей. Что же это будет? Куда их девать? Александров мне в пятницу говорил, какие меры они принимают в Советском районе. Помимо выселения ряда учреждений, решено пересмотреть и вообще население: насколько народу надо обязательно быть в Челябинске? Лица, не работающие нигде, жены военнослужащих, живущие на аттестатах, пенсионеры, не связанные с лицами, безусловно необходимыми для Челябинска, МОП и т.д., подлежат принудительному выселению в районы.

Надо думать, что эти меры будут приняты и по всему городу. В воскресенье к нам приходил уже один дядя и интересовался списком жильцов. Что ж? Мера своевременная и, надо думать, эффективная при условии последовательности в ее проведении. У нас из дома вполне свободно могут выбыть: жильцы Блювштейн, Баженовы, татарочки из нашего подъезда внизу, и еще, чай, кое-кто наберется. Для них это будет, конечно, в высшей степени неудобно, но ничего не поделаешь.

Сегодня начали рассматривать план на 1942 год. Начали с баланса строительных материалов, и неудачно. Сколько будет капиталовложений по нашей области на будущий год? Приехали и едут к нам около 300 предприятий. Но все ли они непременно должны быть пущены в ход? Сколько к ним еще добавится? Какой минимальный объем строительства каждому из них требуется? Все тайна за семью

печатями. Ясно для меня одно, что для всех их мы на будущий год помещений не настроим: ни кирпича не хватит, ни строителей. А поэтому надо ориентироваться на наш максимально возможный, утроенный, к примеру, выпуск стеновых материалов против этого года и отсюда танцевать. Но все же решили уточнить список новых предприятий. Что это дает, аллаху ведомо.

О масштабах эвакуации можно судить по тому, что стройтрест № 30 в Каменске ожидает поступления 27000 вагонов с оборудованием и людьми. Едут к нему 40 тысяч человек. Деревни Волково и Байново организованно перебросили куда-то в глубь области, из Каменска выселили все районные организации, и даже городские, кроме Горкома ВКП(б) и Горисполкома, и то скученность ужасная.

Ну, меня, кажется, по-серьезному собираются мобилизовать. В половине пятого ушел в райком. Там Александров записал мои анкетные данные и задал вопрос, что я скажу, если меня мобилизуют. Есть ли у меня личные или семейные обстоятельства, препятствующие военной службе? Что я мог ему ответить, кроме того, что ничего у меня нет мешающего военной службе. О тесте я ни слова, так как о родичах меня не спрашивали. Велели к 7 часам быть в горкоме. Пришел ровно в семь, но до меня там уже сидело человек 8–10. Впрочем, долго не задерживали. Здесь уже разделение труда. Один список заполняет, а двое опрос ведут. Я попал к Кузьмину, предшественнику Александрова в Советском райкоме. Этот с чего-то заинтересовался моим здоровьем. Но я заявил, что здоров. Доехали до родственников. Рассказал ему про тестя. «Ну, это отец жены? А по вашей линии нет ли кого?» — «Нет». — «Запишите ему: годен. В 9 часов в военный отдел обкома» — «Есть!» Кстати, почему-то со мной не все члены партии были. Может быть, они кандидаты? А то уж очень странная мобилизация получается. Что-то в обкоме скажут?

22 октября. А в обкоме прежде всего заставили ждать. Вместо 9 часов начали вызывать уже в одиннадцатом часу. Только я вошел, какой-то комиссар с четырьмя шпалами повесил трубку телефона. «Необученных брать не велят. А я им говорю, что трудно будет подобрать, ну да что им скажешь». Вот тут и пошел разговор со мной ясный: «В армии не служили? Почему? Ну, можете идти домой». Хоть здесь-то не взяли исключительно из-за моей неподготовленности.

Но если бы до тестя добрались, то тоже, поди, ничего для меня приятного не получилось бы.

Итак, мобилизация № 6 осталась, так же, как и предыдущие, безрезультатной. Я скоро коллекцию этих мобилизаций наберу. Три раза пытались призвать через сборный пункт, три раза «мобилизовали» как коммуниста. Я уж не считаю такие «мобилизации», как на выгрузку Ленпартархива и что, кроме всего, мне еще четыре раза пришлось побывать на сборном пункте: то мобпредписание сдавать, то военный билет получать, то биографию носить, то для отпуска домой являться. А всего-то по военным делам мне на сборном пункте и в райкоме пришлось 11 раз бывать.

Газеты теперь повадились приносить только поздно вечером. Сдать за эти дни мы ничего не сдали, и известие о сдаче Калинина, которое в воскресенье принес Степан Александрович, оказалось провокационным. Но зато появились три новых особо опасных направления: Можайское, Малоярославецкое и Таганрогское, а это, как говорится, хрен редьки не слаще. Хотя, впрочем, ничего неожиданного в этих направлениях нет: после оставления Вязьмы ясно, что должен появиться Можайск, а после сдачи Мариуполя только Таганрог и надо было ждать. (Я где-то прозевал сдачу Мариуполя и только заметил сдачу Мелитополя.)

Гораздо сильнее поразило Постановление Государственного Комитета Обороны от 19 октября. Там сказано, что оборона столицы на расстоянии 100–120 км западнее Москвы поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову. Этак! А где же Тимошенко? Вот первый вопрос по прочтении постановления. И только уже спустя некоторое время сообразил, что Тимошенко-то, кажись, был назначен главнокомандующим Западного направления. Однако вопрос относительно Тимошенко не случайный и законный. Главнокомандующий допустил такой прорыв к столице! Что, это явилось полной неожиданностью? Значит, разведка у нас к едреной матери, не годится. Или знали, да мер никаких не приняли? Еще хуже. Куда ни кинь, а Тимошенко виноват, и за такие промахи раньше без разговоров снимали с командования. Ведь сумели же сейчас подтянуть подкрепления и остановить противника, почему же этого раньше нельзя было сделать? А самое бы лучшее было, как рекомен-

дует Брусилов в своих «Воспоминаниях», видя подготовку противника к наступлению, самим на него ударить, пусть с меньшими силами, но в корне подорвать его наступательный дух. Потерь, во всяком случае, было бы меньше. Нет! Еще и еще раз не видно в наших действиях решительности и энергии, пасуют наши главковерхи перед немецкими генералами.

Уточним. Маргасова говорит, что к нам уже приехала дирекция театра, но не Художественного, а Малого. В Златоусте уже работает Орловский драмтеатр.

Сегодня газета поступила необычно рано. Нового нет ничего. «Наши войска атаки врага отбили». Это, конечно, лучше, чем «положение ухудшается», но все же чревато опасностями. Кто этим помешает немцам еще раз подтянуть резервы и ударить новыми силами или же, нащупав наши слабые места, опять прорваться с боем в наш тыл? Кстати, они уже так и делают под Таганрогом, а наши им по-прежнему противопоставляют пассивную оборону. Не дело это. «Граждане! Угрожаемое положение продолжается».

Четыре месяца сегодня исполняется с начала войны. Официальные итоги, надо думать, будут подведены через неделю-полторы. Но и сейчас кое-что можно подсчитать и прикинуть.

Россия потерпела разгром, невиданный с начала XVII века, когда полчища поляков и шведов заполонили Русь. Да и в то время всеобщего разброда среди русских неприятелю не удавалось так много захватить, как сейчас. Пять союзных республик потеряны полностью, в шестой захвачено 20 областей из 23-х, на территории седьмой (Карело-Финская) и восьмой (РСФСР) идут упорные бои с определенным перевесом на стороне врага на подавляющем числе участков. Утеряно нами свыше 1250 тысяч кв. км, это Франция, Великобритания и Германия в довоенных границах, все вместе взятые. Оставили три города с населением свыше 500 тысяч жителей: Киев — 846,3 тыс. чел., третий по величине город в СССР, Одессу — 604,2 тыс. чел., 7-й по величине город, Днепропетровск — 500,7 тыс. чел, одиннадцатый по величине город. Сдали 19 городов с населением от 100 до 500 тыс. чел., в том числе такие, как Запорожье, Минск, Кривой Рог, Вильно, Каунас, Рига, Таллин, Николаев, Кишинев и др. и 20 городов с населением от 50 до 100 тыс. чел, в том числе Никополь, Херсон,

Брянск, Орджоникидзеград и др. Только в этих 42 городах было около 6,5 млн. населения, больше, чем во всей Швеции, а ведь это не считая населения прочих городов и сельского населения, которое в этих районах было гуще, чем где-либо в СССР. Утеряны железная руда Кривого Рога, марганец Никополя, крупнейшие заводы Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Николаева, Днепродзержинска, Мариуполя, Брянска, Орджоникидзеграда, Гомеля; зерно, хлопок, овощи Украины, лен, лес, картофель Белоруссии; разбита вера в непобедимость Красной Армии, потерян авторитет у иностранных государств, подорвана экономическая основа независимости страны.

Вот что за чрезвычайно короткий срок наделали нам немцы. А впереди возможность новых потерь, и каких: Харьков, Донбасс, Ростов, Майкоп, Грозный, Москва, Ленинград. Все это под ударом «превосходящих сил противника». Слов нет, можно еще и угрозу этим «жизненным центрам» предотвратить, и обратно старое забрать, но нужны для этого обученные резервы, вооружение и решительность, тысячу раз решительность!

Понемногу обзаводимся припасами. Вчера, благодаря любезности Сумина, теща-матушка привезла 80 кг капусты, 10 кг моркови и 20 кг помидор. Подсчитано, что на разнице цен совхоза и базара на этой покупке мы сэкономили очень неплохо. Но следует задуматься и о других видах продовольствия, годного к длительному хранению, и в первую очередь о крупе и жирах. При существующей разнице цен между рынками Челябинска и глубинки представляется очень выгодным залезть по уши в долги, но попытаться привезти кое-что из Зверинки и Усть-Уйки. Имел на эту тему разговор с Морозовичем сегодня и установил полнейшее единодушие по этому вопросу. Где только взять денег?

23 октября. С утра адская боль в голове. И с чего бы? Единственное объяснение — это то, что не выспался. Объяснение слабое, так как приходилось же мне ночами не спать, и только был утомлен и все. Видно, еще какой-нибудь грипп подхватил, так как губы обметало и кости ломит.

А недоспал я вот по какому случаю. Вчера было партсобрание. На собрании было 6 человек из аппарата Упомосплана и какая-то Любимова — все люди в нашей организации новые. Ну, пока они

рассказывали свои биографии, прошел час. Кончили собрание в половине одиннадцатого. И идти бы домой, так нет. Дернула нелегкая пройти опять к Рыжикову: любопытно стало, о чем он толкует с оставленными им новыми членами парторганизации. Ну, разговор был о военном оформлении, о профорганизации и т.д.

Все ушли, остались Паничкин, Рыжиков, Мазурин и я. Сначала шел разговор о балансе стройматериалов, о размерах капвложений будущего года. Затем Паничкин высказал «оригинальную» мысль: «Время военное, планы напряженные, выполняются плохо — надо ввести закон: не выполнил данную тебе программу — к стенке!» Я назвал это чепухой, Рыжиков меня поддержал, но Мазурин, к моему удивлению, присоединился к Паничкину. И вот возгорелся спор великий. Дело дошло до восхваления Гитлера за образцовую организацию труда. Ну, я больше слушал, иногда реплики вставлял, но в конце концов в половине второго, не дождавшись конца споров, смылся.

Интересно, откуда у людей такие настроения? У Паничкина они меня не удивляют. Это ярко выраженный тип бездушного эгоиста, и ему плевать на то, как это отзовется на людях, лишь бы его приказ был выполнен и он мог похвастать успехом. И конечно, легче командовать и расстреливать, чем убеждать и воспитывать людей, а с его «норовом» особенно. Ну а Мазурин, поди, просто в панику ударился, будучи свидетелем завоевания любезной его сердцу Днепропетровщины немцами. Но ведь речь-то должна идти не о личных желаниях и впечатлениях, а о системе работы. А советская система, по-моему, не может базироваться на принудительном труде с угрозой расстрела, иначе бы мы имели во время войны тот же гитлеровский тыл с его волнениями, восстаниями и саботажем.

На фронте наши войска оставили Таганрог, и до Ростова-на-Дону осталось каких-нибудь полсотни километров. Скоков передавал, что слышал по радио о боях под Сталино. Донбасс, не работавший, правда, и раньше, сейчас переходит в руки немцев. Они, видать, верные своей системе, вовсе не желают себе ломать голову на укреплениях Харькова, а желают обойти его с севера через Курск и с юга через Донбасс. И пока что на юге имеют вполне приличный успех. А значит, нашим Харьков придется отдать без упорного сопротивления, так как это не Одесса и не Ленинград, и моря поблизости не имеется.

Нет особых перемен под Москвой. Наши войска даже переходят кое-где в контратаку. Давай бог. Но вот на партсобрании я слышал не особо приятные новости. Любимова говорила, что ее муж остался под Ярцевом. «Вы знаете, что там у нас три армии окружены?» Вот именно ничего не знаю. Три армии — это фронт, это триста-четыреста тысяч бойцов. Неужели немцы их всех в плен заберут? Не хочется и верить. Должны, обязаны они прорваться к своим. Прорвался же из-под Брянска генерал Крейцер, или как его там. Должны и эти стараться. Иначе это наступление немцев нам в копеечку обойдется.

24 октября. Коллекция пополняется. В 7 часов приволокли повестку: «Явиться в 9 часов в военный стол». Есть явиться! Просидел до 11 часов. Две партии нашего брата направили на медосвидетельствование. Вызывают меня: «Вы зам. председателя Облплана?» — «Да». — «Характеристика у вас направлена?» — «Да». — «Получите военный билет». Зачем вызывали? Идиотство какое-то.

Второй день сидим над балансом стройматериалов. Вчера определили общий объем капиталовложений на 1942 год в 3,5! млрд рублей и рассчитали потребность в стеновых инертных материалах по промузлам. Цифры для Челябинской области невиданные, но, по-моему, стесняться ни черта. Хватит отдавать львиные доли Москве, Ленинграду и Украине, пора не по темпам роста, но и по объемам их догонять.

Сегодня рассматривали производство кирпича и заменителей. Скандал получится с Западом, и в особенности с Каменском, где при наличии чуть ли не таких же капвложений, как в Челябинске, нет ни одного кирзавода. Оба дня с нами сидит Маздрин. Это весьма правильно и совсем не похоже на взаимоотношения Андреева со Свердловским Облпланом, которые только грызутся между собой. Маздрин особенно напирает на заменители, справедливо указывая, что из блоков строить скорее можно, чем из кирпича, что в настоящих условиях имеет решающее значение. Но обидно будет, если такой красавец, как Бакальский комбинат, будет строиться из всякой дряни.

Был у меня заместитель Полетаева. Говорит, что сборочный и кузнечный цехи завода № 54 пущены, № 385 накануне пуска, и строится второй кузнечный цех. Вот это приятно. При таких обстоятельствах и

сдача Тулы не так-то уж страшна. Кстати, к ним едут, по его утверждениям, 40 тысяч человек, а следовательно, Тула уже основательно эвакуирована.

На фронте новое направление — Макеевское. Значит, Сталино уже взят. Немцы не идут прямо на Ростов, так как не желают иметь у себя на левом фланге постоянную угрозу в виде армии Донбасса. Это уже нечто новенькое, так как до сих пор они предпочитали переть вперед без оглядки. У Можайска и Малоярославца Рокоссовский и Лелюшенко продолжают отстаивать каждый метр, но немец все же прет, и кое-какие пункты завоеваны.

Правительство перебралось «временно» в Куйбышев. Психологически неприятный факт, хотя по-настоящему ему давно следовало бы эвакуироваться. Немцы, видно, уже дали свои итоги за 4 месяца и утверждают, что они сбили у нас 14,5 тыс. самолетов. Лозовский эту цифру опровергает, но своих цифр не называет. Неужели потери так велики, что о них лучше помолчать? Или дожидаются конца битвы под Москвой, чтобы иметь возможность похвастать провалом немецкого наступления?

Приехал изобретатель домашней печи особой конструкции некто Ботвинник. Если верить актам, а акты за печатями с авторитетными подписями, то совершенно непонятно, почему еще существуют печи иных конструкций. Печь использует 84% внесенного в нее тепла в виде дров или угля. Это такой кпд, который достигается только в теплоэлектроцентралях и который в 6–7 раз выше обычного кпд домашней печи. Надо будет быстрее сделать опытную печь.

26 октября. Вчера был на лекции в Обкоме ВКП(б). Читал лектор ЦК ВКП(б) профессор Константинов. Молодой, горячий. Сначала лекция не понравилась, ибо он не столько излагал факты и давал им оценку, сколько делился своими впечатлениями от этих фактов, и при том в приподнятом тоне, который мне никогда не нравился. Но уже к концу первого часа он сумел заинтересовать, и весь второй час его слушали с напряженным вниманием. Интересно, что моя оценка фактов, иногда расходящаяся с официальной, мои мысли о ходе военных действий, о позиции «союзников» в значительной мере нашли подтверждение в его высказываниях. В дальнейшем я ссылаюсь в скобках на соответствующие страницы дневника.

Начал он с итогов четырех месяцев. Описал территории, занятые немцами и заявил, что никогда, даже в годы Гражданской войны, у нас не было столь серьезного положения. Причины стремительного наступления немцев, по его, следующие: 1) Инициатива с начала войны и до настоящего времени в руках серьезного врага. 2) Немцы имеют большое преимущество в танках и некоторое в самолетах, хотя господства в воздухе они, вопреки их хвастливым заявлениям, никогда еще не имели. 3) Немецкие войска в результате двух лет войны а) обстреляны; б) овеяны ореолом непобедимости, ergo самоуверенны; в) имеют у себя вооружение почти всех армий Европы, т.к. только одни англичане под одним только Дюнкерком оставили им 2400 орудий и 500 танков, а Петен передал немцам вооружение, достаточное для пятимиллионной современной армии. 4) Второго фронта у Германии пока что не было и нет.

Мы же можем противопоставить немцам неограниченное мужество советского бойца, известное превосходство артиллерии, растущую выучку наших войск в процессе войны. Надо иметь в виду, что перед войной наша армия не была в состоянии такой мобилизационной готовности, какой требовал в свое время Калинин, когда «армия рвется в бой, а мы ее не пускаем». Даже в армии были сильны «мирные настроения». Характерен анекдот, приведенный лектором. На первомайском приеме в 1941 году один из генералов поднял тост «в честь мирной сталинской политики». Сталин этот тост отклонил, заявив: «Генералы у нас созданы для войны, а вовсе не для мира».

Остановился лектор и на вопросе, не следовало ли тогда нам проявить инициативу и напасть самим в 1939 году. Нет! Ибо тогда мы имели бы против себя не только Германию, но и всю Европу и США в придачу. «Два года тому назад мы и мечтать не смели иметь у себя союзниками такие крупные державы, как Англия и США». Он привел цитату какого-то американца, что когда будет написана история Второй мировой войны, то окажется, что Сталин предпринял гениальный стратегический маневр, в результате которого спас демократический мир вопреки собственному желанию.

Что касается наступления перелома и нашего собственного перехода в наступление, то он выразился достаточно осторожно, заявляя,

что на этот вопрос лучший ответ даст армия и народ, что он решится в ходе борьбы, но все же высказал уверенность, что великая битва под Москвой может и должна стать таким переломным моментом.

Это ему послужило и переходом к изложению событий под Москвой. По его словам, Гитлер в своей речи 3 октября заявил: «Наступление, начатое 48 часов назад, должно дать Германии победу», а в обращении к солдатам он заявил, что армия Буденного фактически растрепана, Ворошилов прикован к Ленинграду, следовательно, осталось разбить Тимошенко, и Москва в наших руках, а армия Советов окончательно разбита. По существу, единственной и решающей причиной наступления лектор назвал растущее недовольство в Германии. В результате победоносных войн германский народ ни черта не выиграл, и уже в 1940 году Германия была накануне голода. Нужно было захватить огромные продовольственные ресурсы России и тем успокоить брожение в умах.

У немцев под ружьем к началу войны с нами было 12 млн человек. 4 млн человек из них мы вывели из строя, 3 млн человек надо положить на части материального снабжения войск, и 5 млн ведут активную борьбу с нами. Из этих 5 млн — 2 млн Гитлер бросил на Москву, забрав гарнизоны из оккупированных стран, заменив «союзниками» войска на второстепенных направлениях, оттянув даже войска из-под Ленинграда. На Москву же он бросил до 5 тысяч танков. В результате стойкого сопротивления за 20 дней под Москвой Гитлер потерял 300 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Он пытается окружить Москву с севера (движение на Калинин) и юга (на Серпухов), но встречает стойкое сопротивление.

К Москве подходят все новые и новые наши части, подтягиваются ближние резервы, вооруженные по последнему слову техники, в том числе новым изобретением Костикова. Кажется, это новое автоматическое скорострельное орудие, обладающее исключительной разрушительной силой. Немцы называют его «адской машиной», прилагают все усилия, чтобы захватить хотя бы один экземпляр, и в листовках угрожают применить газы, если русские не откажутся от применения этого изобретения.

Разрушения в Москве пока незначительны. Население и армия воодушевлены и уверены, что Москву не отдадут, но оружия для опол-

чения не хватает. Самые глубокие резервы мы еще не трогали, эвакуированные предприятия не все еще пущены в ход, так что в дальнейшем мы будем иметь постоянное усиление нашей армии. Но война предстоит длительная и, возможно, выйдет за пределы 1942 года.

Международная обстановка. Скептицизм по отношению к Англии сейчас неуместен, это верный и серьезный союзник, но надеяться на ее активное вмешательство в военные действия нельзя с полной уверенностью. Как мы в свое время желали, чтобы Англия и Германия истощили друг друга, так и англичане ничего не имеют против того, чтобы немцы нас основательно потрепали и сами обессилели. Министр гражданской авиации в ответ на требование рабочих об организации недели по производству для России самолетов, выступил с речью, в которой, отклоняя это предложение, открыто заявил, что чем больше измотаны в войне будут Германия и СССР, тем лучше для Англии.

Черчилль — непримиримый противник Германии, а «Таймс» ведет агитацию за скорейшую высадку десанта. Военный же министр отказался указать на возможность и сроки десанта, ссылаясь на военную тайну. Нужно также иметь в виду, что англичане, наученные горьким опытом Дюнкерка, Греции, Крита, Ливии, очень осторожны в этом вопросе и желают иметь полную уверенность. И Англия нам сейчас оказывает помощь иными путями. В Архангельск уже поступило 1500 танков. Операция в Иране, которая могла быть проведена только при поддержке и согласии Англии, имела не только значение, заключающееся в ликвидации гнезда германской диверсии и шпионажа, но она позволила приложить к Турции, занимающей все время колеблющуюся политику, «горячий пластырь» в виде англо-русских войск чуть ли не на всем протяжении ее сухопутных границ, и открыло безопасный путь снабжения СССР через Персидский залив.

Что касается Японии, то она уже полтора месяца тому назад вступила в переговоры с США, и одна английская газета поместила сообщение об этом под заголовком «Первая крыса с корабля держав оси». Программа этих переговоров: 1) Прекращение экспансии Японии на юг; 2) забыл!; 3)Установление твердого нейтралитета по отношению к СССР. Взамен США обещает снять секвестр с японских фондов и отменить эмбарго. Переговоры еще не закончены, но лектор вообще смотрит скептически на военные возможности Японии, указывая,

8 Заказ 1254

что она пять лет воюет с безоружным Китаем, цели своей не добилась, а истощилась сильно.

Закончил лектор нашими очередными задачами, это: дать оружие, дать хлеб, укрепить дисциплину, подготовить боевые резервы. Окончание лекции провел на высоком подъеме, заставил публику встать и «ура» кричать.

В ответах на вопросы он заявил: 1) Жуков командует вместо Тимошенко, Тимошенко вместо Буденного, а Буденный «получил новое очень ответственное задание» (чай, Крымский плацдарм готовить?!), 2) Гесс находится в распоряжении Интеллидженс Сервис, и его миссия провалилась.

27 октября. Во вчерашних газетах ничего особенного не сообщалось, кроме как о боях у озера Ильмень, которые, кажется, начались еще до октябрьского наступления немцев и до сих пор продолжаются, являя типичный пример позиционной войны. Как та, так и другая стороны, видимо, укрепились основательно по сторонам реки Волхов, осыпают друг друга снарядами и время от времени занимаются атаками, не приводящими к решительным последствиям. Но вот сегодня, говорят, передавали по радио, что захвачен Сталино и образовалось Харьковское направление. Советскому «Руру» приходит конец. Чем это объяснить, что все отступления у нас происходят главным образом на юг? У нас ли там сил меньше или у немцев больше? Или руководство южных армий хуже? А ведь здесь сейчас такое положение, что ой-ой-ой! Харьков, Донбасс, Ростов надо защищать, а то немцы прорвутся в Поволжье и на Кавказ, к Грозному и Майкопу.

Наркомат электростанций размещается в здании энерготехникума, ул. Сталина, № 23, около ЧГРЭСа.

28 октября. Как это паршиво получается. До войны имел радиоприемник, считал ниже своего достоинства, да и просто неинтересным заводить репродуктор, — слушай то, что дают, а не то, что хочется, — и теперь вот и сидишь на мели. Приемник отобрали еще в июне, а репродуктор самый ближайший — у Блювштейна, а к ним из-за переуплотнения не очень-то теперь нагуляешься, вот и сидишь да газет дожидаешься. Но с этим делом тоже не все благополучно: газеты по понедельникам нет, а за последнее время они вообще стали

приходить поздно вечером. Отсюда подчас приходится пользоваться слухами, подчас переворачивающими события на голову.

В то воскресенье отец, со слов знакомого учителя, сообщил, что немцы взяли Калинин. Оказалось, что всего лишь образовалось Калининское направление, которое к тому же скоро исчезло со страниц печати. Вчера один эвакуированный москвич заверял меня, что Харьков пал, в то время как из других источников мне известно, что пал Сталино, а у Харькова только еще бои развертываются. Костюченкову какой-то военный заявил, что дела наши на юге поправляются и опять уже есть Киевское направление — перепутал с Макеевским. Сегодня Галактионов и Грязнухина мне толковали о каком-то пограничном столкновении с японцами.

Правда это или выдумка? Угадывать дальнейший ход событий все труднее, т.к. центральные газеты есть только за 18 октября, и с тех пор они не поступали, а в «Челябке» уж очень скупые сведения и с фронта, и о международном положении. Вот так и бродишь в потемках, изредка освещаемых вспышками лекций, статей и информаций газет.

29 октября. Погодка стоит замечательная. Третий день ясно, сухо и сравнительно тепло. Правда, дует основательный южный ветер, но на него мало обращаешь внимания, т.к. он сравнительно тепел. Снега нет и в помине. Происходит обычная для Челябинска, но своеобразная вообще инверсия воздуха. Как в горах над слоем холодного воздуха бывает слой теплого, так и здесь, как правило, весной происходят инверсии, но не по высоте, а по времени, холодного воздуха (достаточно вспомнить метель 3 мая этого года, когда за сравнительно теплым концом апреля последовал буран, от которого люди чуть не с ног валились), а осенью, наоборот, инверсии теплого воздуха, вот как сейчас. И насколько я мог заметить, каждый раз они сопровождаются (а может быть, предваряются) сильными ветрами: весной северными, а осенью южными.

Слухи о падении Сталино, образовании Харьковского направления (вернее, усилении деятельности на нем) и нападении Японии подтверждаются. Нападение японских войск — обычный пограничный инцидент, и до войны на него не обратили бы внимания, но сейчас все усиленно обсуждают смысл этого нападения и ждут последствий. Под Москвой по-прежнему упорные бои. О Лелюшенко (очевидно,

центр фронта) молчат, но пишут о нажиме немцев на наши фланги — армии Рокоссовского и Ефремова. Видно, обычная тактика — прорыв и окружение по флангам. Рокоссовского потеснили, а Ефремов сам выбил немцев из г. Н.

Очень интересна статья А. Толстого «Кровь народа». При несомненных литературных достоинствах, она дает кое-какие итоги и намечает перспективы, т.е. стоит доброй лекции. В начале он вспоминает о жертвах, принесенных Россией в 1812 году и в 1918 году, и приходит к выводу, что после этих жертв Россия только укреплялась и становилась более могучей. Затем переходит к оценке современной войны Германии с Россией. До сих пор соотношение сил — вооружения и людской численности — на стороне Германии. Вооружение — понятно: на Гитлера, с поправкой на бомбежку и саботаж, работает вся Европа, а у нас большинство заводов только вступает в строй после постройки и эвакуации. Но неужели же мы меньше Гитлера мобилизовали людей? Даже с учетом Японии и Турции у нас в этом отношении мобилизационные возможности больше: 16,5 миллионов — это не шутка. Речь идет, видимо, опять о том, что у нас обученных людей не хватает, а поэтому на фронте-то у нас людей меньше.

Первая фаза войны Гитлером проиграна, т.е. 175 дивизий для разгрома СССР не хватило, и, вопреки утверждению «Франкфуртер Цайтунг», Гитлер вынужден был бросить в бой свои резервы, а нам замедленное отступление позволило мобилизоваться и усилить свои возможности в борьбе. Проигрыш этой фазы равен неудаче немцев под Марной в 1914 году. Но неудача Гитлера в первой фазе поставила Гитлера перед необходимостью вести кампанию в условиях русской зимы с ее холодами и метелями при постоянной угрозе нападения Англии. Он идет на любые жертвы, чтобы до зимы сломить Красную Армию. Однако «Красная Армия отступает, но Красная Армия ни разу не была разбита, вам не удалось ее ни окружить, ни пошатнуть».

Октябрьское 1941 года наступление Гитлера напоминает августовское 1918 года наступление Людендорфа — наступление, в котором на успех можно рассчитывать только в случае чуда. Толстой считает наступление немцев на Москву почему-то третьим наступлением немцев в эту войну. Он заявляет, что немцы не могли не иметь успеха в начале наступления, поскольку они сосредоточили в местах удара

превосходящие силы войск и танков, и в результате мы потеряли Брянск, Вязьму и Орел и сама Москва оказалась под угрозой.

«На этом и закончится вторая фаза войны — отчаянного бешеного наступления Гитлера». К фронту подтягиваются резервы людей, артиллерии, идет вооружение Англии и Америки. Мы сравняемся с немцами в самом насущном — в количестве танков». Дальше с большим чувством он говорит о наших потерях, особенно останавливаясь на взрыве Днепрогэса и разрушении Днепропетровского промузла. Он утверждает, что «не мы, а Германия будет отвечать за все эти разрушения, за наши жертвы», перекликаясь в этом отношении с воззванием германской компартии, и заканчивает призывом отстоять «нашу святыню — Москву». Анализ недурен, и было бы неплохо, если бы он осуществился. Но пока что немец прет, и сегодня бои идут на Волоколамском направлении, т.е. немец опять-таки пробует погнуть наши фланги, поскольку в центре, надо быть, основательно укрепились.

Днем рассматривали планы рыбтреста и пищепрома. Установка — дать максимум продукции, не считаясь даже с безвозвратными потерями. Рыбтрест имел план 1941 г. 26 тыс. т., выполняя из года в год по 23 тыс. т. На 1942 г. он хотел принять план 28 тыс. т., — записали ему 43 тыс. т. Это может привести в отдельных водоемах к тому, что будет выловлена молодь, еще не метавшая икру, и воспроизводство рыбы резко падет. С этим решили не считаться, так же как, не считаясь с режимом заповедности, рубят лес в Ильменском заповеднике. Ох, много придется восстанавливать после войны даже у нас, в глубоком тылу.

При рассмотрении плана пищепрома выяснились интересные детали эвакуации некоторых заводов. В Троицком пивоваренном заводе размещается московский завод № 23 НКАП. А так как ему площадь завода, естественно, мала, то он уже забрал склады рядом расположенного мыловаренного завода и собирается забрать и сам завод. В Курган прибыла Днепропетровская макаронная фабрика № 1. Когда же фабрику пустили в помещение старой макаронной фабрики Промсовета, то оказалось: фабрика работает в основном на старом оборудовании, замдиректора, привезший эту фабрику, некто Бронштейн, форменным образом сбежал из Днепропетровска,

использовав отпущенные фабрике 4 вагона не под оборудование, а главным образом под личное имущество и сотрудников. Исключили подлеца из партии. Днепропетровская кондитерская фабрика № 1, о которой я, кажется, раньше писал, разместилась в Троицке. Но от нее осталось только 4 котла, небольшая часть оборудования и кое-какие запасы сырья. Остальное немцы разбомбили на ст. Синельниково.

Вот уж не думал не гадал. Морозовича вызвали в райвоенкомат, вручили повестку и предложили завтра к 12 часам дня явиться на сборный пункт для отправки. Куда? Под большим секретом Рыжиков уведомил меня, что это в Магнитогорске формируется стройбатальон и что, следовательно, Морозович именно там будет использован. Безобразие! Это грозит серьезным нарушением всей работы Облплана, так как найти финансиста, демографа, так хорошо знающего Челябинскую область, найти такого организатора — просто невозможно. Всячески внушаю Паничкину мысль о том, что надо походатайствовать об оставлении Морозовича на месте. Он согласен, но хочет действовать через Соболева. Это, конечно, надежнее, но может затянуть дело, а время ограниченно.

Не легче и у Есилевича. По настоянию Рыжикова, он прошел медицинское переосвидетельствование, и его признали... годным. Дали ему ВУС-6 — это какой-то административный средний состав, — и он теперь серьезно уверен, что его на днях призовут. Демин вот с начала войны в этой категории числится, да не берут же его.

Предстоит командировка в Каменск. Колхозы, оказывается, из-под него еще не выселили, не выселены и районные организации. Мне, по полномочию Обкома ВКП(б), надлежит выяснить условия выселения колхозов, кто и в каких размерах будет компенсировать колхозы, точку зрения колхозников на это выселение, кто будет занимать эти земли. Кроме того, надлежит выяснить, куда лучше выселить Каменский РИК и райком ВКП(б). Дело сугубо скандальное, и Белобородов прямо пообещал, что Лепешинская мне нервы испортит. Этого-то я не боюсь, но хуже то, что не знаешь, на кого в Каменске опереться в этом деле.

А в общем, съездить будет невредно, т.к. в Каменске я не бывал. А если я в него попаду, это будет означать, что из девяти городов областного подчинения я имею понятие о пяти. Это не так-то уж плохо

для такого домоседа, как я. Паничкин попутно просил выяснить, как обстоит дело с известковой печью на УАЗе и с заводом силикатного кирпича у треста № 30.

30 октября. Пал Харьков. Немцы под ним потеряли 120 тысяч человек, 450 танков и бронемашин и много чего другого. Но город пал. Мы не отдали его в сентябре, но в октябре мы его оставили. Мы многое вывезли из него, но город в руках немцев. И как-то тихо, незаметно произошло падение этого 4-го по населению города СССР. Дня три писали об ожесточенных боях на Харьковском направлении, и вот уж Харькова нет.

Константинов на лекции ругался на коммунистов, живущих от сводки до сводки. Но ведь для того и сводки, мне думается, печатаются, чтобы создавать путем информации о военных действиях те или иные настроения. Другой разговор, если это не те настроения, которые требуются. Плохие вести могут вызвать прилив энергии, ожесточение, а могут и панику нагнать. Хорошие вести могут поднять настроение, придать бодрость, но они же могут вызвать зазнайство и успокоенность. Первое хорошо, а второе плохо. Очевидно, дело не в том, чтобы сводки оставляли человека бесчувственным, а в том, чтобы они возбуждали надлежащие чувства.

Так вот, падение Харькова заставляет думать: 1) «Жалко!» 2) «Все равно, сволочи, и за Харьков заплатите!» Ночью на 29/Х бои, и при том без особого ожесточения, велись только на трех направлениях под Москвой. Не выдыхаетесь ли вы, герр Гитлер? Или же от вас очередной пакости ждать надо?

Морозовича от призыва освободили. Паничкин с утра надоедал начальнику I отдела райвоенкомата. Тот с ним соглашался, но советовал поговорить с Рыковым. Рыкова весь день не было дома, но когда он явился, он сразу Морозовича и еще 11 человек освободил от обязанностей тыловой «военной» службы. До конца занятий Морозович в Облплане не появлялся. ...

31 октября. Вчера в ожидании билета я забрел к Паничкину. Завязался разговор о нашем и германском вооружении. Самолетов, решили, что у нас хватает, и они будут получше германских. Танков у нас, как полагает Паничкин, вчетверо или, как думаю я, вдвое меньше, чем у немцев. Но наши танки, танки ЧТЗ, отличаются непревзой-

денной прочностью. На ЧТЗ возвратились в ремонт очевидно, самые искалеченные танки. Так вот, у большинства из них снаряды не могли пробить броню, а ограничились лишь производством вмятин. Только у двух из них оказались повреждены башни: одну просто сорвало силой взрыва с заклепок, а вторая лопнула по сварному шву.

Но качественное преимущество, конечно, не сможет возместить количественное неравенство. Поэтому развертыванию танкостроения сейчас уделяется больше внимания, чем даже самолетостроению. Сталин лично предписал полностью, за счет любых строек, обеспечить местными стройматериалами ЧТЗ, и ему сейчас кирпич идет, а в первой половине ноября будет раньше идти, чем УАЗу и НКАП. Паничкин говорит, что сейчас пока танков выпускается мало, слишком мало, но сколько, мне установить не удалось. Я думаю, что производи ЧТЗ танков 100–120 штук в день — было бы неплохо, это бы дало его проектную мощность по тракторам. Но вообще-то нам надо было бы иметь еще парочку танковых заводов, но где бы их можно было разместить — ума не приложу.

Иное дело с артиллерией: здесь мы имеем как будто бы и количественный, и качественный перевес. Взять хотя бы то же изобретение Костикова. Паничкин говорит, что он о нем и раньше слыхал, так как единственным монополистом по его изготовлению является наш завод им. Колющенко. Прежде всего, это не орудие, а нечто вроде ракетной мины. Автоматическое пружинное приспособление захватывает сгруженные с автомашины заряды и дает им первоначальный толчок. Заряд скользит по желобу, и одновременно у него начинает работать ракетный двигатель. Когда заряд соскользает с желоба, то уже имеет настолько сильное собственное движение, что летит, окутанный пламенем, на 10–12 км и там разрывается со страшной силой.

Здесь, конечно, многое непонятно. Чем же достигается особая эффективность этого снаряда, ведь обычные снаряды тоже имеют около метра высоты и, кроме того, не неся в себе двигатель, могут нести больший заряд? Как компенсируется неизбежная, по сравнению с артиллерийским снарядом, неточность прицеливания? Подробности, конечно, будут известны только в будущем. А пока известно только одно, что эффективность его огромна, может быть, из-за малого веса и, следовательно, подвижности самой установки.

Паничкин говорит, что его даже хотят приспособить к мотоциклу, а как — непонятно.

Начало поездки в Каменск складывается неблагополучно. Билет Разумова мне принесла только в половине одиннадцатого, и при этом жесткий бесплацкартный. Пришел домой, а там даже чемодан не готов — домашние заняты проблемой перевозки моркови. Карточку я не обменял, так как оставил ее дома. Взял с собой две краюхи хлеба, в общей сложности около 1 килограмма, два пирожка и два колобка, и с таким запасом поехал на трое суток.

Посадка, как я, впрочем, и предполагал по опыту с Магнитогорском, вовремя не состоялась, но вот уж никак не предполагал, что дело так может затянуться. Прошел беспрепятственно на перрон. Там толпы народа: выздоравливающие раненые, эвакуированные, военнопленные поляки. С какой-то партией не то поляков, не то эвакуированных прошел на воинскую площадку, думая, что это народ идет на посадку, но их, кажется, пригнали в столовую, ну я и смылся. На втором пути стоит поезд на Златоуст, на четвертом — «Свердловск — Оренбург», а на первом — длинный состав с грузовиками на платформах и красноармейцами в теплушках. Подошел к дежурной у ворот справиться, как обстоит дело с № 12 и получил утешительный ответ, что, может быть, к утру и отправится. Видишь, какой стоит на первом пути? Так вот, таких с 10 часов состава четыре прошло. Златоустовский вон с шести часов стоит».

Мне еще с полмесяца тому назад было известно, что СНК СССР разрешил НКПС разгрузить в пути вагоны с грузами, не идущими в адрес НКО и не являющимися продовольствием для Москвы и Севера. Вот, очевидно, вагоны-то и мобилизованы, а пропуск их затруднен.

Пришлось бродить в ожидании посадки то около вокзала, то в вокзале. В вокзале, в результате задержки поездов, народу масса, все залы и вестибюли забиты. Кто сидит на лавках, чемоданах и прямо на полу, кто бродит из залы в залу в поисках ли местечка, где можно приткнуться, или чтобы просто убить время. С барышней, сидящей в справочном бюро, постоянная руготня: она не может толком сказать, когда же будет отправлен тот или иной поезд, а пассажиров это, естественно, возмущает. Я сам, наконец, так спать захотел, что забрался

в тамбур входной двери и улегся на полу. От каменного пола холодом несет, но я вздремнул, и видимо, основательно.

Проснулся я, когда объявили посадку на № 37. Народ схлынул из вестибюля, а я перешел туда из тамбура, рассчитывая устроиться получше. Но обеспокоило отсутствие людей, дожидавшихся вместе со мной № 12. В справочной барышня мне ответила, что, по ее, посадка на № 12 была давно. Бегу на перрон. Только бы не ушел мой поезд. Но нет: вот и мой № 12, вот и вагон № 9. В темноте разыскал верхнюю полку, разлегся на ней и сразу заснул. В общем, отправились уже в 6 часов утра, с опозданием на 5 с лишним часов, а в дороге и еще добавили. Долго стояли перед Чуриловым — станция не принимала, — долго ждали в Тахтамыше, дожидаясь встречного, и еще дольше задержались на Уазе, так что вместо утра прибыли в Синарскую в половине седьмого вечера.

В дороге больше спал. На станциях ничего не продают, кроме какой-то красной ягоды, а на Уазе с торговкой произошла целая история. Какая-то башкирка вынесла на продажу вареную картошку и стала продавать ее по 2 рубля блюдечко. Два молодые парня взяли ее в оборот и потащили к коменданту. Башкирка оказала сильнейшее сопротивление: извивалась, рвалась, вопила истошным голосом и даже, говорят, кусалась, но ведро с картошкой из рук не выпускала. Парни аж притомились ее тащить и остановились передохнуть. Моментально их окружила толпа, и закипела страстная дискуссия. Одни, главным образом, колхозники, кричат: «Не имешь права!.. Она свое продает!.. Такса не установлена!.. Не хошь, не покупай!» Другие же, по виду горожане, доказывают, что это спекуляция, что за это судить надо, а то и расстреливать, по военному времени, на месте. Страсти разгорелись, и дело едва не дошло до столкновения защитников с обвинителями. Но тут парни проявили сообразительность: один из них вырвал из рук башкирки ведро, и второму даже одному стало легче подталкивать упрямую башкирку. Ее-таки увели к коменданту, что с ней там сделали, неизвестно, народ за исчезновением объекта спора разошелся. Но дискуссия на эту тему еще долго продолжалась в вагонах, хотя никто никому ничего доказать не мог.

На Синарской пристал к какому-то попутчику, и он провел меня по кратчайшему пути в город, любезно объяснив, где столовая, дом

колхозника, горком ВКП(б) и горисполком. В горкоме я застал только второстепенных людей и пошел к Лиханову, предварительно убедившись, что в столовой очередь, в доме колхозника мест нет, и воспользовавшись услугами парикмахерской. Лиханов тоже мог мне предложить только кабинет секретаря, где я и устроился на диване. День я, таким образом, прожил на двух пирожках, двух колобках и одной из буханок хлеба. Осталась одна, правда, большая буханка. Мрачно выглядит мое будущее в Каменске, тем более что съеденный хлеб только растравил аппетит.

А интересен в Каменске подход к масштабам. Спрашиваю на станции у парня: «Далеко идти до горсовета?» — «Нет, недалеко, два километра». А у тетки какой-то спросил: «Где здесь дом горсовета?», — отвечает: «А вот через два дома за военкоматом, высокий такой двухэтажный дом». Это характеризует архитектурный облик города. Он раскинулся на несколько десятков километров, а домишки в городе маленькие в своем большинстве.

1 ноября. Проснулся часов в 8. Спал, хотя и на диване и имея вместо подушки портфель, но без просыпа. Но в 9 часов меня побеспокоила секретарь горсовета, и пришлось срочно слезать с чужого коня среди грязи. В горкоме ни Иванова (2-й секретарь, занимающийся эвакуацией), ни Панкова (1-й секретарь). Но зато Иванцов (завпромотделом) меня свел в столовую и вообще устроил дело с питанием.

2 ноября. Писать некогда. А есть чего. У Иванова насмотрелся, как эвакуированные наседают на городские власти насчет квартир и прописки. Ездил с Лемешенко в Мартюши (колхоз бывших кулаков) и в Колчедан. Подробности придется записать на досуге.

3 ноября. С утра пошел по организациям. В горкоме поругался с Панковым из-за Иванова. Ни черта от него не добьешься нужных сведений. А сегодня он, оказывается, уехал без меня в трест № 30, хотя уговаривались вчера ехать вместе. Ну, Панков устроил меня с каким-то грузовиком, пообещав, что обратно приеду с Ивановым.

Езда не из приятных: ветер прохватывал довольно основательно, по сторонам из-за густого тумана ничего не видать. Машина дошла до заводоуправления УАЗа и остановилась. Пришлось вылезать и идти до деревни Волково, где разместился трест, пешком километра четыре. Вообще-то можно было бы не возражать, т.к. только путеше-

ствие пешком дает правильное представление о местности, но когда кругом мгла и в пяти шагах ничего не видно, то ну ее к черту с таким путешествием. По дороге в одном месте, около какого-то забора, туман превратился в сплошное облако, из которого сыпала водяная пыль. У самой деревни Волково — паршивая речонка в крутых (как у всех здешних рек) берегах поражает воображение быстрым течением, сильным испарением и буро-красным цветом воды.

Ну вот и в тресте у Афанасьева. Афанасьев глуховат, к важнейшим вопросам относится как-то инертно, но с увлечением занимается мелочами. Направил меня на эмке в контору № 16, которая ведет строительство завода силикатного кирпича. Руководства конторы на месте не оказалось, и я решил сам добраться до площадки строительства. Это оказалось не так-то легко. Мы с шофером плутали по всем объектам завода № 268, пока не отыскали этот самый силикатный завод за железной дорогой Чурилово — Синарская у станции УАЗ.

В деревянном бараке разыскал директора завода Котелкова, и пошли с ним по заводу. Размах у строителей был большой. Завод должен был давать и силикатный кирпич, и известь, и железобетонные изделия, и армобетон, но... пока что все в проекте, а в натуре — голые недостроенные стены и почти ни одной крыши. Все есть: и материалы, и транспорт, и оборудование, — нет людей, чтобы строить. Директор завода удручен всем этим и... приспосабливает здание заводоуправления под столовую. Афанасьев руками разводит: «Пока не прибудут стройбаты, ничего делать не будем». Я ему грожу, что кирпича давать не будем, а он плечами пожимает: «Не будете давать кирпича — строить не будем. Что же мы сможем поделать?». Ну вот поди ему и растолкуй. Конечно, разыскать Иванова не удалось, и обратно поехал с Афанасьевым и Моисеенко (он здесь теперь парторг ЦК), которые поехали на заседание горкома. На заседание врываться без зова счел неудобным и вечер проболтался в доме крестьянина.

За весь день сегодня выкурил две папироски. Во рту металлический вкус и слюнотечение, но бросить курить — дело возможное, при нужде, конечно.

5 ноября. Наконец выбрался из Каменска. Выехали с Лемешенко на ее машине на моем горючем. Шофер, она и завврайзо Порошина закутались основательно, а я в своей шляпе и ботиночках дрог основа-

тельно. Выехали часов в 12.30, хотя собирались в 10. Дорогой стоило только отметить ущелье реки Багаряк, которую мы проезжали вброд, да метель, которая нас захватила при въезде в Кунашакский район. У Саров я, пока шофер «починял» машину, для того чтобы размяться и согреться, прошагал километра четыре и сразу почувствовал себя лучше.

Приехали в Челябинск часов в 7 вечера. Жени и Владимира нет дома — оба ушли в Легпром. Пообедал, и в Облплан: Лемешенко обещала устроить мне встречу с Белобородовым в 10 часов вечера, так надо было хоть в материале разобраться. Но проторчал бесполезно до 11 часов и ушел домой. Что-то такое приключилось с ногой. Еще в машине ее начало саднить. Дома обнаружил, что она у щиколки распухла, покраснела, и образовался какой-то рубец. Испугался — думал, рожа — и стал лечить домашними средствами, компрессом из свинцовой примочки. Помогло! Сегодня утром уже нет никакой красноты.

Если вчера снег я видел только на севере Челябинской области, то сегодня с половины дня он валит хлопьями в Челябинске. Всерьез это или просто так?

Вспомнил, что сидя в кабинете у Афанасьева, подслушал интересные цифры по экономике ИТК. Начальник ИТК хвастался Афанасьеву, что заработок на одного заключенного у него поднялся до 11 рублей. Вообще-то говоря, это ерунда, но он привел интересный подсчет. Средний заработок обычно был 9 рублей. 3 рубля шло на питание, 1 руб. на охрану, а 5 рублей в доход государству. Прибыльное предприятие, но чем они только кормят заключенных за 3 рубля?

Во вчерашнем номере «Челябинского рабочего» опубликовано постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в котором, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», 8 и 9 ноября объявлены рабочими днями. У нас это принято — проводить различные кампании «идя навстречу». Техника этого дела несложна. Верховные органы принимают секретное решение, затем по поручению их на одном, обычно крупном, предприятии местные организации, зачастую через выделение лиц из числа трудящихся, «проявляют инициативу». Это дело поддерживается таким же путем остальными организациями, и «пожелания трудящихся» выражены, остается только «пойти навстречу», и кампания организована.

Так всегда было с займами, где пожелания трудящихся удивительно совпадали с финансовыми расчетами наших финорганов, так было со сбором теплых вещей для Красной Армии, где даже не оказалось нужды в опубликовании решения, а достаточно было одного секретного решения ЦК ВКП(б), чтобы Айкашев и его друзья с ЧТЗ немедленно призвали всех трудящихся области следовать их примеру. Я не знаю, было ли на этот раз соответствующее секретное решение ЦК, но в том, что на этот раз было действительно непринужденное, вполне естественное пожелание трудящихся, сомневаться не приходится. Уверенность в том, что не будем отдыхать, в то время как на фронте такие дела творятся, я из уст рядовых людей услышал раньше, чем об этом успели поставить вопрос официальные лица, и никому, как это обыкновенно бывало, не потребовалось «разъяснять», никто это решение не обсуждает. Сделано так, как и должно быть, и иначе ничего быть не могло.

В Каменске узнал еще новую вещь: Сапрыкин является уполномоченным ГК Обороны по Челябинской области с соответствующей полнотой власти. Соответствующий уполномоченный есть и в Свердловской области, и, надо думать, в других областях.

6 ноября. Вчера в конце занятий и сегодня все утро подбирали площадку для организации складов и зарядного производства наркомата военно-морского флота. Почему флот забрался в Челябинскую область, непонятно, но это так. Площадка для складов, снаряжения снарядов и жилого поселка требуется в 20 квадратных километров. Окружать должна площадки километровая лесная зона, и в то же время должна быть обеспечена близость железной дороги, вода и 600 киловатт электромощности. Строить желают в таких темпах, чтобы уже через три месяца иметь возможность выпускать продукцию. Полуфабрикаты будет давать, между прочим, завод № 114.

Вчера после торжественного заседания, где Гольдберг угощал собравшихся докладом, скомпилированным почти дословно из доклада проф. Константинова и передовой «Правды» за 3/XI, слушали концерт с участием артистов Малого театра. Были тут и заслуженные, и народные, но... не произвели впечатления. Заметно, что декламируют и играют, как бы отбывая повинность, без души. Хорошо только рассказала отрывок из «Старухи Изергиль» какая-то народная

артистка, да ученик школы музыки сыграл на скрипке какой-то этюд. Это получилось что-то вроде плетения изящного кружева или вроде розетки готического собора.

Констатируем, что оборонная промышленность, имеющая $^1/_3$ капитальных вложений по области, за 9 месяцев, т.е. к концу строительного сезона, едва освоила ¼ плана и ввела в эксплуатацию только $^1/_{10}$ того, что намечалось по плану. Это, по меньшей мере, прискорбно. Правда, сейчас идут на максимальное упрощение конструкций, и это, несомненно, ускорит ввод в эксплуатацию, но план, очевидно, все же не будет выполнен по этим заводам. Но вообще не исключена возможность и перевыполнения первоначального плана по области, т.к. здесь не учитывается строительство эвакуированных заводов и, по всей вероятности, выполнение задания по расширению существующих заводов, в частности ЧТЗ.

7 ноября. Вот и праздник. Демонстрацию проводил вместе с народным ополчением. Вообще народа явилось негусто, но облплановцы явились все как один, что моему сердцу — председателя Октябрьской комиссии — было весьма утешительно. Площадь Революции, когда мы туда явились, была уже заполнена перед трибунами войсками. Сегодня холодно и дует ветер, но я не очень-то замерз, так как предусмотрительно завернул ноги в бумагу, а под пальто вздел овчину тещину. Ждать пришлось с час, после чего начался парад. Командующий прошелся по рядам, поздравил с праздником и прочитал короткую речь. Войска тронулись... и шли, по меньшей мере, полчаса. Никогда еще в Челябинске я не видал такого большого парада воинских частей. За частями и мы прошли строевым шагом с винтовками на плечах мимо трибуны у дома связи, и на этом наша демонстрация закончилась.

Вчера на торжественном заседании Моссовета Сталин речь держал. С нетерпением жду ее появления в печати, хотя основное содержание ее Морозович и рассказал. Но это, конечно, не то, что самому прочитать.

Морозович сообщил и другую новость: Соболев теперь не председатель облисполкома, и вместо него назначен Белобородов. Его мнение — не ужился с Сапрыкиным. Это возможно, потому что у Соболева характер был независимый, и он не стеснялся вставать в

оппозицию по отношению к обкому. Белобородов, думается, будет пешкой в руках Сапрыкина, что мне, как работнику облисполкома, не очень-то улыбается. Хотя, конечно, двоевластие в такой момент в области не желательно, и вообще лишь бы пошло на пользу делу.

Запишем, что в Каменске 1 и 2 ноября поделывал. После завтрака 1 ноября зашел к Иванову. У него народ. Какой-то раненый, которого я видел еще в поезде, решил во что бы то ни стало прописать свою семью в Каменске. Он доказывал, что у него здесь дочь работает, что он имеет право на первоочередную прописку, но ничего не помогло. Иванов признал все его права и заслуги, но в прописке отказал, указывая, что в Каменске могут быть прописаны только рабочие прибывающих заводов. Приходили люди вставать на учет. Один молодой красноармеец заявил, что он уже нашел себе работу электриком на СТЛЗ. Был он у линии фронта, работал в военкомате Тулы, но почему-то в армию не попал. Иванов хотел было пугнуть его тем, что его в порядке мобилизации могут и сейчас еще отправить на фронт, но парень этого не испугался. Тогда Иванов пообещал его отправить в колхоз. Вот это подействовало. Красноармеец пообещал созвониться с Главсевморпутем, который находится сейчас в Красноярске, и постарается узнать, не нужны ли его услуги там. В конце концов, нам удалось всех спровадить, и мы с Ивановым уточнили площади, необходимые для расселения прибывающих.

После этого я спустился вниз в райком к Лемешенко. Моментально в ее кабинет набились чуть не все районные работники, и все наперебой с превеликим ожесточением принялись доказывать, что районные организации выселять нецелесообразно, ликвидировать колхозы — чуть ли не вредительство. Я больше слушал. Но в конце концов мне надоело, и я внес предложение сейчас же проехать по селениям и посмотреть все на месте. Предложение принято, и мы с Лемешенко и райвоенкомом Рязанцевым на «газике» отправились в Мартюши и Колчедан.

Мартюши расположены напротив базарной площади города, на другом берегу Исети, и из-за отсутствия моста пришлось ехать кругом по невозможно избитой дороге. Село Мартюши состоит из двух частей: в саманных бараках живут спецпереселенцы, работающие на УАЗе, а в деревянных рубленых домах — сосланные из бывших

кулаков. Настоящая каторга. Но как спецпереселенцы живут безо всякой ограды и охраны, так и бывшие кулаки давно перешли на устав сельхозартели и живут колхозом.

В относительно недурных, принадлежащих колхозу домах живут довольно скученно колхозники в качестве квартирантов. У колхоза хорошие животноводческие постройки, есть сад, и вообще, видать, из бывших кулаков колхозники получаются недурные. Паничкин вот тоже мне рассказывал о таком «кулацком» колхозе в Красноармейском районе: самый зажиточный колхоз по району. Райцентра здесь не разместить: в домах колхоза всего 1000 кв. метров, и у районных организаций, конечно, нет денег платить колхозу компенсацию. Работников от УАЗа нет никакого смысла выселять.

Поехали дальше в Колчедан. Местность вокруг густо заселена, деревни чуть не сливаются друг с другом. Как и Мартюши, Колчедан состоит из двух селений: поселка стандартных домов бокситового рудника и старого Колчедана, где среди деревянных одноэтажных домов выделяются здания средней школы, одноэтажной, но каменной, и бывшего монастырского городка — деревянные, но двухэтажные. Обошли помещения сельсовета, школы, клуба и монастырского городка. Все занято, но из монастырского городка можно кое-кого выселить.

По приезде в Каменск попали в «воздушную тревогу», к счастью, не затянувшуюся. После этого битые полтора часа пришлось ждать, пока разыщут в РИКе докладную записку райкома на имя Сапрыкина.

А второго ноября кругом выходной. После завтрака раз пять был в горкоме — Иванова все нет. В РИКе Вайнтрауб не может никак добиться получения сведений о площади детского дома. Прошел в поисках «самосада» на базар, но ничего утешительного не обнаружил. В Горсовете наконец-то поймал Лиханова. Пошли с ним смотреть плотину на Каменке и райпромкомбинат. Каменка — речонка паршивая, но плотинка дореволюционной давности создает кое-какой подпор. Плотина сложена из огромных, 50х50 см бревен, но большинство бревен давно подгнили и держатся на честном слове. Райпромкомбинат расположился на площадке старинного, еще петровского времени, металлургического завода. Вниз от плотины, по обоим берегам Каменки, вырыт огромный котлован и выложен диким камнем, так

9 Заказ 1254

что получился довольно широкий заводской двор. В одном из углов этого двора даже сохранилась старинная доменка, с одного боку уже полуразобранная. Райпромкомбинат разместился в старом каменном здании механических мастерских. Из одного зала его вытеснил трест № 41, возместивший этот захват постройкой деревянного здания кузницы. Часть же здания, метров 550 по площади, стоит без перекрытий и крыши. Лиханов утверждает, что здесь в прошлую, империалистическую войну точили снаряды.

Но вот осмотрели и весь РПК. Что делать дальше? Время тянулось отвратительно медленно. Зашел в кинотеатр, расположившийся в старинно низком кирпичном здании не то церкви, не то торговых рядов. Там идут «Севанские рыбаки» и... полно ребятишек. На всякий случай заглянул в горком. Иванова таки застал, но толку от этого мало. Сидит, видимо, с женой, семечки щелкает и домой собирается. Значит, вообще этот день для работы пропащий.

Решил до обеда прогуляться, Каменск посмотреть. Пошел по Ленинской и дальше на УАЗ. Шоссе от Каменки круто поднимается вверх, и отсюда-то видно, в какой глубокой яме, вырытой Каменкой, расположен сам город Каменск. И ему лень вылезать из этой ямы: кончается подъем шоссе на плато — кончается и город. Влево видна ст. Синарская, за ней мутным пятном виднеется СТЛЗ. Вдоль шоссе, но несколько левее его, виден начатый строительством жилой поселок завода № 286. Шоссе врезается в лес. По бокам, на почве, изрытой ямами и «дудками», густо растут сосны. Здесь можно было бы организовать прекрасный парк, при условии проведения кое-каких планировочных работ.

Но вот шоссе, все глубже зарываясь в выемку, внезапно вырывается в теснину реки Исеть. С крутого берега ее я залюбовался великолепным видом. Внизу извивается в крутых берегах уже застывшая Исеть. Левый обрывистый берег зарос густым бором, по правому, несколько более пологому берегу, лепятся домишки деревни Байково. А вдали, вниз по течению, в голубой дымке вырисовывается ажурная голубая арка железнодорожного моста. Я не вытерпел и набросал эскиз этого вида: авось дома отец из него картинку сделает.

Вечером, скучая отчаянно, следил за игрой на колченогом бильярде в красном уголке дома колхозника и слушал радио. Последние

дни ничего немцам не сдавали, «ожесточенных» боев не вели. Октябрьское наступление немцев окончилось! Но немец не думает успокаиваться и, как сообщают по радио, опять подтягивает подкрепления. Сыграл в шахматы с каким-то воентехником второго ранга, и хотя переиграл его, но игрой своей остался недоволен — подъема, выдумки было мало. ...

8 ноября. День как день, и никакого праздника не чувствуется. Вчера на демонстрацию не явилось пять человек, да ушло с демонстрации трое. Не так-то уж много. Ополченцы и сандружинницы были на 100%.

Вчера приехал в Челябинск Гоберман. Толще он не стал с тех пор, как я его видел, но значительно свежее, и руки не так трясутся. Он потерял свою семью, которая должна была выехать в Каменск вместе с управлением строительством Дворца Советов и, кажется, не выехала. Сам он был начальником учебного комбината ЦСУ в Рязани и ехал до Челябинска через Горький, Киров и Свердловск две недели. По дороге ему сообщили, что на севере — в Вологде, Архангельске и т.д. — полно англо-канадских войск. Он связывает это с возможной интервенцией Англии в Финляндии, а через нее и в Норвегии. Поживем — увидим.

Наконец-то вчера вечером ознакомился с многожданной речью Сталина. Запишем основные моменты с комментариями. Схема доклада: 1) Вступление, 2) Ход войны за 4 месяца, 3) Провал «молниеносной войны», 4) Причины временных неудач нашей армии, 5) Кто такие «национал-социалисты», 6) Разгром немецких империалистов и их армий неминуем, 7) Наши задачи.

Новое по сравнению с тем, что мы отмечали в предыдущие годовщины Октября, в том, что мы ее встречаем в обстановке войны. «Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками». [О длительном характере войны ни слова, а между тем говорить о периоде войны — это значит говорить о длительном отрезке времени.]

«В итоге 4 месяцев войны <...> опасность не только не ослабла, а наоборот, еще больше усилилась». [Опасность усилилась, а после речи Сталина и уверенность в победе тоже усилилась. Таково действие уверенной речи действительного вождя народа.] Не жалея солдат,

Гитлер бросает все новые силы, чтобы до зимы захватить Москву и Ленинград. За 4 месяца мы потеряли 350 тысяч убитыми, 378 тысяч пропавшими без вести [сиречь — пленными] и 1020 тысяч ранеными [а всего, следовательно, 1748 тысяч], в то время как общие потери немцев составляют 4500 тысяч человек. Германия более ослаблена, чем СССР.

«Этот сумасбродный план (молниеносной войны) нужно считать окончательно провалившимся». На что рассчитывали в своих планах немцы и почему эти планы не осуществились: а) расчет на создание всеобщей коалиции против СССР, используя страх правящих кругов Великобритании и США перед большевизмом. Но немцы жестоко просчитались, так как угроза гитлеризма стала, в результате завоевания немцами почти всей Европы, страшнее, чем угроза революции; б) расчет на то, что после первых неудач Красной Армии задавленные противоречия между рабочими и крестьянами, между народами СССР воскреснут, начнется «драчка». Но «неудачи Красной Армии не только не ослабили, а наоборот, еще больше укрепили как союз рабочих и крестьян, так и дружбу народов СССР»; в) расчет на силу немецких армии и флота и слабость Красной Армии и флота. Немцы сильны тем, что имеют обстреляннную кадровую армию против нашей молодой армии, но: 1. Моральный дух наших войск, как и надо было ожидать, сильнее, чем у немцев. 2. Тыл у немцев по мере их продвижения ухудшается, а наши войска имеют прочный тыл. Поэтому наши войска недавно истребили под Москвой и Ленинградом до 30 немецких дивизий. [Вызывает сомнение утверждение, что немцы не могут ни минуты верить в правоту своего дела. У грабителей своя философия и свои понятия о праве, о чем ниже.]

Причины временных неудач Красной Армии: а) Отсутствие второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. «Немцы, считая свой тыл на Западе обеспеченным, имеют возможность двинуть все свои войска и войска своих союзников в Европе против нашей страны». «Но не может быть сомнения и в том, что появление второго фронта на континенте Европы, — а он безусловно должен появиться в ближайшее время (*бурные аплодисменты*), — существенно облегчит положение нашей армии в ущерб немецкой». [Сталин не Ваничек и не проф. Соловьев. Если он обещает второй фронт «в ближайшее

время», надо думать, у него к тому есть веские основания. Народ желает это заявление связывать с угрозой Хэлла Финляндии. Как будто бы это вполне вероятно, учитывая, что оттуда Англия может посуху наброситься на Норвегию и, проведя хотя бы несколько судов по Беломорканалу в Балтику, имеет возможность жалить Германию в самое сердце.]. б) Недостаток в танках («в несколько раз меньше») и отчасти в авиации («пока еще меньше»). [Вот он где гвоздь вопроса. Подозревалось это и раньше, но только сейчас это вскрыто так откровенно «В несколько раз!» Значит, был прав Паничкин, а не я. И тут немцы нас обдурили. Ведь в начале войны танкам такого значения не придавалось. Писали о пикирующих бомбардировщиках, мотоколоннах, авиадесантах и... между прочим, о танках. А немцы учли, какое значение имеют танки для наших просторов, и преподнесли нам сюрприз, в силу которого мы растеряли все западные республики. Мы готовились к войне самолетов, а танки недооценили, за что и расплачиваемся. Надо думать, фраза о том, что наша промышленность дает немало танков, предназначена для внешнего потребления, потому что пока я имею обратные сведения. Отнюдь не может понравиться и призыв больше строить не только танков, но и противотанковых средств. Если противотанковые самолеты, пушки, ружья являются средством активной обороны, то противотанковые рвы и надолбы в наступление за собой не потащишь, а пассивная оборона — мать поражения. Танков, танков и еще раз танков!].

Гитлеровцев с известными основаниями можно было считать националистами, пока они воссоединяли немецкие земли по Рейну, Австрию и т.д., но перейдя к захвату территорий, занятых другими народами, они превратились в империалистов. «Партия гитлеровцев есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира». Гитлеровцы не могут считаться социалистами, ибо их внутренний режим, лишенный элементов демократизма, существующих в ругаемых ими «плутократических» государствах, Великобритании и США, «является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме». [Сделайте поправочку на немецкую организованность этого режима, и все будет в порядке.]. «Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой

реакции». Следуют цитаты из высказываний гитлеровцев. Интересна последняя. В обращении немецкого командования к солдатам говорится: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки». [Вот в последних словах и заключается идеал, в который могут поверить и верят большинство немецких солдат. Хорош вывод из этого анализа гитлеризма:] «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат (*Бурные аплодисменты*). [Как говорится, давно пора на зверства ответить террором. Значит, в плен не брать? А если сами переходят к нам??]

Основания для разгрома немцев: а) моральная деградация; б) непрочность европейского тыла Германии, непрочность «нового порядка в Европе», основанного исключительно на насилии. Сравнение с Наполеоном: «котенок и лев». «Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами»; в) непрочность германского тыла. Пока собирали раздробленную Версальским договором Германию, у немцев был свой идеал, но сейчас население устало от войны. «В германском народе произошел глубокий перелом против продолжения войны, за ликвидацию войны»; г) коалиция СССР, Великобритании и США. Моторное производство этих трех стран втрое больше германского. Конференция трех держав постановила помогать нам систематически танками и авиацией, и мы их получаем, еще до этого Великобритания нам дала алюминий, свинец, олово, никель, каучук. США нам недавно предоставили заем в 1 миллиард долларов. [Все это факторы не немедленного эффекта и окажут свое влияние не сразу. Значит, расчет идет на исключительно долгую войну. Нежелательно.]

Гитлеровцы ведут захватническую войну, СССР и его союзники — освободительную. Наши цели: а) мы не хотим захвата земель чужих народов, в том числе и Ирана, наша цель — освободить нашу землю от врага; б) мы не хотим навязывать славянам и другим своего

режима, наша цель — освободить их от немецкого ига. «Никакого вмешательства во внутренние дела других народов». Но для достижения этих целей «нужно истребить всех немецких оккупантов до единого (*Бурные продолжительные аплодисменты*), пробравшихся на нашу родину для ее порабощения». Надо, чтобы тыл помогал фронту, и вся жизнь страны была подчинена интересам фронта. «Только выполнив эту задачу и разгромив немецких захватчиков, мы можем добиться длительного и справедливого мира» [Вот уж насчет длительного мира — справедливое сомнение. Мне кажется, что когда Германия будет разбита, «союзники» разрешат Японии, а может быть, и Турции (хотя последняя едва ли на это пойдет) напасть на нас с другого фронта, чтобы без нас установить «свой порядок» в Европе.].

9 ноября. Москва продолжает эвакуироваться. Вот уж несколько дней 1-й часовой завод пытается получить для себя помещение в Златоусте, но безуспешно. Ему были назначены для размещения две школы, но они заняты уже госпиталями. Он теперь пытается захватить здание Златоустовского драмтеатра, но на это местные власти не идут. Не лучше положение с заводом «Динамо». Ему надо часть производства разместить на ЧТЗ, часть же в гараже облисполкома. Однако гараж ему не дают, и он третий день бродит как неприкаянный.

Вообще вновь прибывающие заводы стали принимать не особенно приветливо. Наркомздрав приказал Облздраву передать здание яслей № 2 в Каменске заводу хирургических инструментов. Сегодня представитель завода был у Ковригиной. Лиханов его не пускает. Облздрав протестует против ликвидации яслей, а я их обоих поддерживаю. Пришлось этому представителю согласиться с нашим мнением и поехать осматривать Аргаяшскую больницу.

Все это очень понятно, так как перегрузка области эвакуированными предприятиями и населением огромная, а строительство идет плохо. Я уже писал, как дело обстоит с оборонной промышленностью, — могу добавить, что по терапевтическому, например, корпусу ничего не делается, «Мадрид» не достраивается. Плохо идет и строительство бараков для эвакуированных. Сегодня ездили с Гвоздевым на площадку. Он должен построить 80 четырехкомнатных землянок и 20 земляных общежитий. На площадке же пока высятся остовы только 9 бараков. Конструкция их чрезвычайно проста. Это что-то

вроде чердака небольшого дома, опущенного на землю, или деревянной двускатной палатки с деревянным полом, разделенных перегородками на четыре части. Каждая квартира имеет свой отдельный вход из тамбура, окно, очаг с плитой и кладовку у самого низа ската. На стройке не хватает леса, стекла и в первую очередь рабочих рук. Трудовая мобилизация проходит по городу крайне плохо. Кировский район, например, вчера выделил из 100 человек только 16, Советский из 80 — 17 и т.д. Глухов говорил сегодня у Грязнухина, что они собираются человека четыре судить, не знаю, как это поможет.

А предприятия все еще собираются прибывать. Вчера вечером у меня были инженеры НК Резинопрома. Во-первых, они сообщили, что Ярославский резиновый завод эвакуируется и что сейчас вообще у нас некому производить шины. А во-вторых заявили, что они посланы осмотреть макаронную фабрику на предмет приспособления ее под производство масок противогазов. Сегодня они были опять и заявили, что фабрика их устраивает. Не знаю, как только такая комбинация устроит Микояна.

Нашу сандружину сегодня ночью вызвали на разгрузку поезда с ранеными. Возвратились наши сандружинницы усталые, но гордые: еще бы, ведь на практической помощи фронту были!

10 ноября. Гоберман, кажется, отыскал свою семью. По крайней мере, дежурный диспетчер управления строительством Дворца Советов заверил его вчера, что она в Каменске. Он вообще последние дни все время находится в Облплане.

Сегодня он зашел и сообщил, что слышал по радио переписку между Рузвельтом и Сталиным. Если он только чего-нибудь не перепутал, а на это дело не похоже, то дело складывается замечательно. Основных два факта: 1) 1 миллиард долларов США дают без % сроком на 15 лет с первым взносом через 5 лет по окончании войны. Замечательно!!! Неслыханно благоприятные условия. Такие условия, что жалко, что только 1 миллиард дают. Но тут уж «наши вашим не уступят». Сталин заявил, что мы желаем поставлять в уплату этого займа недостающие США материалы (марганец?). Рузвельт предложил нас немедленно финансировать и передавать нам необходимое вооружение. (А мы уже приступили в Челябинске к постройке посадочных площадок для американских самолетов.). 2) Рузвельт по-

желал установить личный контакт со Сталиным, и Сталин ответил, что это и его горячее желание. Значит, скоро встретятся и кое-о-чем договорятся. Будем ждать декларацию.

В общем, в скором (месяца через два) будущем надо ждать улучшения на фронте, ибо сам Сталин пообещал, что через несколько месяцев, ну через полгода, ну через годик гитлеровский режим в Германии лопнет, а ведь до этого надо немцам наступать. Очень хочется в это верить.

12 ноября. «Бои с противником на всех фронтах». Это тянется уже больше двух недель. Ни немцы нас, ни мы их. Кульминационный пункт октябрьского натиска немцев был, очевидно, 16–17 октября, когда они едва не прорвались к Москве, заставив выехать из нее правительство и нагнав немалый страх на население. С тех пор такого напора не было, хотя его опасались и к нему готовили войска. На фронте неустойчивое равновесие: немцы выдохлись, и наши не имеют сил их опрокинуть назад. Вечно так продолжаться не может: тот, кто скорее подтянет свежие резервы, должен отбросить противника. Чего ждать: нового ли порыва немцев и нового нашего отступления вплоть до отдачи Москвы или же новой «Ельни»? На большее у нас, очевидно, не хватит сейчас сил, но и отбросить немцев к Вязьме было бы неплохо. Вчера и позавчера сообщали об ожесточенных боях на подступах к Крыму. Что там творится? В газетах нет никаких подробностей. Думается, что немцы усердно применяют здесь авиадесанты.

Последние дни обильно даются высказывания различных крупных деятелей буржуазных стран. Держат речи, как сговорились, и Черчилль, и Галифакс, и Гарриман, и Бивербрук. Все восхищаются мужеством русских, клянутся и призывают оказать всяческую экономическую поддержку СССР, надеются, что еще долго будет сопротивляться, но молчат, как проклятые, о том, когда сами будут воевать.

На приемах в посольствах СССР в честь XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции в СССР неизменно присутствуют все японские посланники, а в Токио даже сам министр иностранных дел Таго со своим заместителем. Что это: обычная вежливость или же признак сближения Японии с СССР?

Максим Максимыч опять в фаворе. Вчера сообщали, что он назначен вместо Уманского Чрезвычайным и Полномочным Послом

СССР в США, а сегодня, что он одновременно сделан заместителем Наркоминдела СССР. Что значит возобладание англо-американской ориентации. В 1939 г. его сняли с поста Наркоминдела и по существу принесли в жертву Гитлеру. И не символически, а всерьез, так как не склонялась бы (я уж и не помню точно где, но, кажется, на XVIII партконференции) его неспособность к работе. Видно, хотели всерьез с Гитлером ладить, да ошиблись, вот Литвинов снова и пригодился.

Второй день стоят небывалые для ноября, доходящие до минус 20 градусов морозы. Вот бы их на немцев.

Сушин ездил в совхоз под Троицк и привез мне на 200 рублей сала и мяса. В пересчете на базарные цены эта покупка стоит 800 руб. 600 руб. экономии! Ведь это больше, чем я в месяц на руки получаю. Выгодное дельце...

13 ноября. Госплан СССР требует прибытия с планом по местному хозяйству и соображениями по союзному хозяйству к 18 ноября в Куйбышев. А кто из нас поедет, неизвестно, Паничкин ли сам, я ли, или Рыжиков. Но сейчас приходится пыхтеть одному на просмотрах планов подведомственных мне отраслей хозяйства. По просвещению и здравоохранению мы значительно расширяем сети и контингенты, но резко сокращаем капиталовложения. Противоречие вполне закономерное в условиях военного времени: будем жаться, приспосабливаться и в гораздо худших условиях расширять объем работы.

Куда денешься, если к нам эвакуируют 15 тысяч ребят в интернаты да 16,5 тысяч в детские дома. Вообще война дает в культурных отраслях значительные поправки. Многих детей родители не пускают в школу, заставляя нянчиться с малолетними, так как детясли и сады переполнены. Но это не единственная причина отсева. В начале года мы сократили сеть мелких школ, расширив радиус обслуживания каждой школы. Это было правильно, так как ликвидировало карликовые, относительно дорогие школы и повысило до нормы наполняемость в классах остальных школ. Но сейчас транспортировку ребят никто не организует и организовать не может, а интернаты... пустуют. Семья может 12–14-летнего парня отпускать на 4–5 часов в школу в день, но не имеет возможности лишиться его «рабочих рук» на неделю.

14 ноября. Дело принимает, кажется, серьезный оборот. В четвертый раз меня пытается мобилизовать райком. Разговоров уже не ведут. Александров заявил, что он обо мне уже все знает. При мне напечатали постановление РК ВКП(б) о моей мобилизации, вручили мне его в запечатанном конверте и направили в горком.

Там в приемной у т. Андреева уже несколько человек. Инструктор записывает партийность, год рождения, место работы, домашний адрес. В приемную вышел Кузьмин. Подал ему военный и партийный билеты. «В армии служил?» — «Нет». — «Сборы проходил?» — «Нет». — «В народном ополчении занимаешься?» — «Да». — «Винтовку, пулемет знаешь?» — «Немного». — «Как здоровье?» — «Ничего». Пишет на постановлении райкома: «Зачислить», — и объясняет: «Завтра получишь повестку из военкомата, а 16-го вас повезут. Будь готов». И все. Сообщил Паничкину. Он, видимо, не очень доверяет этой мобилизации. Ну что ж, поживем — увидим.

Получил письмо от Чинякова. Письмо не то, что я ждал, а так — официальное. Но, видимо, живет неплохо и жаловаться ему не на что. В общем, надо полагать, скоро сами узнаем, как живут люди в Красной Армии.

Вот это завертывает ноябрь! Сегодня в 9 часов утра температура была минус 27 градусов, а значит, ночью не менее минус 30-ти. Небывалая для ноября температура. Но это, кажется, максимум, так как в 12 часов ночи температура была всего лишь минус 25 градусов.

15 ноября. Не ожидал, по совести. Правда, Паничкин еще вчера выражал сомнение в том, что меня вызовут повесткой, но я все же думал, что вызвать-то меня вызовут, а потом и отпустят. Но вот уже 3 часа, а повестки в райвоенкомат нет, и я начинаю думать, что ее и не будет. Очередной срыв. Но здесь не так уж обидно, потому что признали годным по всем статьям, но оставили как «незаменимого».

Сегодня снабженец Малого театра обязывал меня посещать все их спектакли. Интересный народ эти снабженцы. У каждого из них свой метод воздействия на лиц, от коих снабжение зависит. Вот был у меня, например, коммерческий директор Витаминного завода. Мушастикова, не устояв перед его напором, выписала ему что-то килограммов 20 бумаги. Ему этого мало, и он решил больше получить

от меня. Что он только не выделывал. И напускал на себя таинственность: «Вы знаете, какие мы препараты для армии приготовляем?», и показывал мне образцы своих рецептов, но я был тверд, как камень. Он вышел из себя: «Я же двенадцать лет работаю по снабжению. Как же вы мне отказываете?»

16 ноября. Ну вот и все уточнилось. Вчера я был на занятиях народного ополчения. Мы «специализировались» на легком пулемете. Порядка, конечно, опять мало. Во вторник с нами занимался Балашов — разбирали и собирали пулемет. В четверг занятия проводил уже Звягинцев — этот упирал на принцип действия пулемета; а в субботу нас отдали под начало... Морозовичу. Разобрали пулемет, он заставил меня лекцию о стволе читать. В перерыве я занялся сборкой пулемета, вдруг ко мне подошел отец и подал повестку — срочно вызывают на сборный пункт Я зашел к Паничкину и сказал, что ввиду вызова вечером не смогу быть в Облплане. Он удивился, что меня вызвали и обещал «посмотреть».

На призывном все устроилось очень быстро: выдали предписание явиться 16/XI к 13 часам, отобрали паспорт и военный билет и домой послали. Я опять в Облплан. Разобрал дела, передал кое-какие из них Маркову и Морозовичу, а Паничкину ничего передать не успел, так как он с Рыжиковым ушел к Белобородову. Дожидаясь его, просидел я с Марковым и Амбаровой до полуночи, а потом передал Маркову исполненные и неисполненные дела и домой пошел.

Женя немного всплакнула. Сегодня утром начались сборы. Прособирался до 12.15, очень ласково простился и — пешком на сборный. Там дали талон в буфет, а в буфете по нему получил хлеб, 2 булочки, 2 бутерброда и 2 стакана сладкого чая. Пришел папа. Нас заставили расписаться, что получили по 7 рублей, хотя денег пообещали дать после. Наконец в 3 часа построили, и мы пошли на вокзал.

Здесь мы расположились в здании агитпункта. В широком бараке дым коромыслом. Народу к отправке набилось куча, а кроме того провожающих у каждого полно, один я сижу сиротой. Кто на музыкальных инструментах упражняется, кто в домино дуется, кто с домашними разговаривает, а я сижу и записываю.

Куда, когда и зачем нас повезут? Направление никто не знает. Время тоже неопределенное. Из других команд знающие люди пуга-

ют, что еще, может быть, не одну ночь здесь переночевать придется, так как сидят тут по 3–4 суток. Зачем? Все уверены, что нас взяли на курсы комсостава. Это было бы неплохо. Я и сам уверен, что на фронт сразу не пошлют — это было бы просто нелепо.

Вовка спрашивает меня: «Ты, папа, на войну едешь?» — «Да!» — «А чего ты мне привезешь?» — «Гитлера привезу». — «А мы его тогда зажарим», — и давай всем рассказывать, что «папа мне жареного Гитлера привезет». Видно, он спутал Гитлера с колбасой, которую я привозил из Магнитогорска и которую мы с ним действительно жарили.

На улицах я уже давно пьяных не видал, да и откуда им взяться, если водочные заводы позакрывали. Но сегодня я был свидетелем двух случаев выпивки. Пили красноармейцы из команды, едущей из Караганды как будто бы в Актюбинск (на кой пес?). Где-то в Челябинске достали «Горного дубняка», ну и достигли градуса. А второй случай и того лучше. Из кустанайской команды какой-то широкорожий парень вытащил из рюкзака какое-то медицинское снадобье, в котором, по его словам, 95% спирта, и, разбавив его водой, давай сам выпивать и товарищей угощать. А напившись, давай нелепо врать про жареных поросят, которые с вилкой в боку с какой-то горы бегут и хрюкают.

Вообще, по-моему, такая вот транспортировка с остановками на несколько суток только разлагающе действует на предоставленных самим себе красноармейцев. И никто с ними в этом, с позволения сказать, агитпункте никакой массовой работы не ведет. Я не видел здесь, по крайней мере, ни одного среднего командира, ни одного политрука. Хотя это, наверное, объясняется тем, что это только еще мобилизованный народ и ими займутся в части.

«Бабы с мужиками, мужики с вещами — значит, сборный пункт» — такую реплику я слышал давеча на улице от проходивших мимо сборного женщин...

1943

В Челябинск отец вернется только через два года, в ноябре 1943-го. До этого дневник его фиксирует день за днем будни военно-политического училища в Свердловске и Шадринске, откуда он выпущен в звании младшего политрука; направление на Северо-Западный фронт, пребывание в резервном полку, работу в прифронтовом госпитале. Описание повседневной жизни тыловых городов, в том числе Москвы, через которую следует их эшелон, и поселков и деревень прифронтовой полосы, только что освобожденных от оккупации, по-прежнему неотделимо от последовательной фиксации того, что происходит на фронтах и в мире. В августе 1943-го в звании лейтенанта он командует стрелковой ротой, в боях под Брянском ранен; переводится из госпиталя в госпиталь — в Ясной Поляне под Тулой, в Костроме, пока родной Облплан не добивается его перевода поближе к дому, в один из госпиталей Челябинска. О жизни дома рассказывают письма родных; все, что связано с Челябинском, конечно, тоже отражается в дневниках — будь то случайные встречи с земляками на путях войны или вот такие публикации в газете:

12 февраля 1943. <…> «А все-таки я думаю, что Карфаген должен быть разрушен» — так повторял в древности Катон. «А “Бакал” все же должен быть построен», — твердил я при деятельном поддакива-

нии Морозовича и молчаливом одобрении Маркова. И вот «Бакал» построен. В «Правде» за 9/II описывается, как была построена первая очередь Челябинского металлургического завода. Сколько копий из-за него было поломано. Начало его истории относится к знаменитому постановлению ЦК ВКП(б) от 15/V 1930 г. по Уралмашу. Он включался в планы первой и второй пятилеток и все же по прямому приказу Пятакова в 1935 г. был законсервирован. Успели построить ветку от Свердловской линии с мостом через Миасс, несколько домов, да недостроили несколько вспомогательных помещений. Были неоднократные попытки использовать площадку то под школу тракторных механиков, то под пригородное хозяйство, но заключения Облплана, автором которых, с гордостью могу сказать, был я, были неизменно отрицательные. В период обсуждения третьей пятилетки академик Павлов разразился статьей в «Правде», в которой говорилось буквально, что «может быть, к лучшему, что в свое время завод был законсервирован», так как-де строить в безводной степи у Челябинска нецелесообразно и гораздо-де лучше начать строить завод заново на берегу р. Белой возле Уфы. Я тогда написал статью в «Правду», где доказывал нелепость этого варианта. Заводы металлургии строятся на линии, соединяющей руду с углем, а не за ее пределами — это раз. Во-вторых, доказывая дефицитность баланса воды в Челябинске, всегда его считали у плотины ЧГРЭС, а завод-то располагался ниже ее. В-третьих, доказывая, что с «Бакала» руда будет сама скатываться в Уфу, академик, кажется, «забыл», что металл-то в основном пойдет на Урал, т.е. ему предстоит обратное путешествие через хребет. Все эти соображения с расчетами я изложил в статье и направил ее в «Правду». Но пристало ли какому-то безвестному экономисту спорить с академиком? Я получил стереотипный ответ: «Ваше предложение направлено в Госплан». В Госплане я всем, кто только слушать меня хотел, доказывал, что воды для «Бакала» у нас хватит, что строить его надо у нас. Видимо, доводы были серьезны. Приехала комиссия выбирать площадку. Показали ей наглядно, что лучше Челябинска ей места не найти. И видимо, доказали. Приятно сознавать, что и твоего меда капля есть».

26 ноября. Лежу в ЭГ 1721 на ул.Свердлова в школе № 30 рядом с Алым Полем. Палата моя на 4-м этаже, № 36. Оборудование непло-

хое, в особенности лечебное: лаборатория, физиокабинет имеют все, что надо. Есть кварц, гальваноток, клетка Дарсонваля, парафино- и грязелечение, рентгенкабинет. В палатах обстановка неплохая: койки, окна с занавесками, цветы, тумбочки, электросвет, радио. Есть неплохая библиотека, кино почти через день. И все же мне не нравится. В палате постоянный гвалт: стонут тяжелораненные, распевают и вообще проявляют жизнерадостность легкораненные, запах стоит тяжелый — смесь гноя с одеколоном (шефы — парфюмерная фабрика — на праздники поднесли). Сношения с внешним миром (по крайней мере для тех, кто не нашел «способов») крайне затруднены: в город не пускают, на свидание пускают только по воскресеньям и даже по телефону разговаривать нужно разрешение начальника. Белья отчаянно не хватает: я четыре дня ходил в одном белье и без носков, и даже халат тряпочный и рваный. Тоже надо отметить и в отношении посуды: чашки и кружки из неглазурованной глины, вода через некоторые просачивается насквозь, пища проникает в поры и там загнивает, из-за чего получается резкий запах детских пеленок, ложки деревянные, частично не крашенные, обгрызенные. Питание неважное, хлеб примерно наполовину белый, и этот хлеб хоть темнее ранее мной употребляемого, но вкуснее наша русская, а не американская мука. Но черный ни к черту не годен — горчит и содержит много примесей. На завтрак — дежурная манная каша, 20 г масла и полусладкий чай или ложка изюма. На обед постные щи или суп и гуляш. Картошка скверная, как и вообще в этом году в Челябинске, пораженная какой-то гнилью. На ужин попеременно: винегрет (типичный силос) или манка и опять чай. Порядки обращения диковаты: по фамилиям не называют, а все Коля да Надя, и даже начальник отделения Вера Даниловна. Рядовые лежат вместе с офицерами, парикмахера ни черта не найдешь и вообще скверно. Но самое главное, конечно, в том, что лежу я «в двух шагах» от дома, а попасть в него не могу.

А дома мне успело за два дня понравиться. Собственно, не сам дом, а домашняя гражданская жизнь. Дома-то у нас грязно, холодно — Александра Прокофьевна [теща Б.С.Катаева] явно не успевает за всем следить, ну и мусор сутками не выметается, чайник не только почернел, а аж побурел от копоти, раковина умывальника стала безнадежно желтой. С топливом плохо, вместо угля — пыль, но

выручают щепки, которые притаскивают с завода № 541 (пединститут) работающие там Шура и Маруся (дивчины, проживающие у нас: Шура почти два года, Маруся же меньше. Эвакуированы из Ворошиловграда). Дом хорош для меня только тем, что там ребятишки, а когда их нет — благодетельная тишина.

27 ноября. В госпиталь я поступил только в обед 20.11, а до этого два дня ходил вольно. 18.11 вечером зашел Блювштейн, осведомился о здоровье и намереньях и пригласил в Облплан. Собственно, это было уже повторное приглашение, т.к. еще днем Валя [сестра Е.П. Катаевой] относила телеграмму и сообщила, что облплановцы жаждут меня увидеть. Вечером в десятом часу я с Блювштейном заявился в Облплан в промсектор. Там я застал Костюченкова, Гагарину и Елкину. Попытка поговорить с Паньшиным, чтобы он через Соболь передал Жене [Е.П. Катаева — в командировке в Москве] о моем приезде, не удалась, он ушел в облисполком, как передала дежурная.

Через несколько минут зашел в сектор Паничкин и увел меня к себе. Началась взаимоинформация. Основное я узнал уже из статьи Патоличева, но кое-какие подробности он сообщил мне дополнительно. Продукция возросла по сравнению с довоенной втрое, и главным образом за счет качества. На пяти домнах Магнитка дает столько же чугуна, сколько раньше на четырех, но гораздо более высокого качества. Танки стоят гораздо дороже, чем тракторы, и т.д. Дефицитность электробаланса и электроуглей почти полностью изжита, ЧелябТЭЦ доводится до 250 мВт (а как нас в свое время ругали в Госплане СССР за «незнание решений XVIII съезда», когда мы просили увеличить проектную мощность с 50 до 75 кВт), Бакальская ТЭЦ строится на 50 тыс. кВт, Магнитогорская доводится до 200 тыс. кВт, строится Зюраткульская ГЭС, и т.д. Хватает и воды, хотя роскошествовать не дают с ней. На «Бакале» одна доменная печь уже сушится, а вторая заложена. На Магнитке думают пустить 8 печей. На месте Стройсемь работает кузнечно-прессовый завод (цех ЗИС), в Миассе вот-вот должен быть пущен автозавод, в драмтеатре завод «Калибр», но для него уже что-то строится, дом печати и кино «Пролетарий» с прилегавшим магазином Горторга заняты под текстильную фабрику, работает табачная фабрика, построена домна в Уфалее, сильно рас-

10 Заказ 1254

ширился Златоустовский метзавод, Уржумка, и вообще в промышленности небывалый расцвет.

И совсем наоборот в сельском хозяйстве. Челябинская область на 70 процентов живет на привозном хлебе! — так, по крайней мере, утверждает Паничкин. Не ожидал. По моему мнению, юг (Бреды, Полтавка, Нагайбак, Агапово, Чесма, Троицк, Верхне-Уральск, Кочкарь, Уйский и Колхозный районы, не говоря уже о Еманжелинке, Чебаркуле, Миассе, Сосновке, Аргаяше, Бродокалмаке и Кунашаке) должен был бы с избытком удовлетворить область, по крайней мере, хлебом. Но нет рабочей силы, а кроме того, урожай сильно подкачал из-за скверной погоды: до июня засуха, а потом дожди. Ну, сельское-то хозяйство легче будет восстановить.

19 ноября днем я пробыл в Облплане, встретился с Марковым, Сальниковой, Валяевой, Ефремовой (стеклографистка), но большую часть времени провел у Морозовича. Он мне преподнес (за 25 р. 20 к.) сотню «Казбек». В 5 часов пошел в ЭП 98 на Красноармейской (б. райком ВКПб Советского района). Начальника Чулкова не оказалось, принял нач. эвакуационного отдела. Он засомневался для начала в подлинности вызова, потом направил меня к какому-то майору медслужбы, который высказал подозрение на остеомиелит (воспаление надкостницы), с каковым диагнозом меня и направили в ЭГ 1721, хоть я и просился, по совету облплановцев, к какому-то Тарасову.

Вечером я опять был в Облплане со специальной целью ознакомиться с библиотекой, о которой мне прожужжали уши. Впечатление осталось хорошее. Откуда-то библиотекарша, эвакуированная из Москвы, понатащила книг, и очень путных. На первый случай я разругал ей «Радугу», оспорил военные познания Л. Толстого и забрал для чтения «Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова», комедии Шекспира («Сон в летнюю ночь», «Как вам это понравится» и «Двенадцатая ночь, или Что угодно»), «Жерминаль и Плюраль» Тарле и «Историю последних политических переворотов в государстве Великого Могола» Бернье. Из библиотеки опять пошел к Паничкину. Там толковали о политике, слушали радио, и мне опять перепало три пачки «Казбека» и два куска духового мыла Троицкого жиркомбината. Паничкин в ответ на мое удивление по поводу не свойственной этому комбинату продукции заявил, что он и раньше мог это делать.

«Ну, это мало ли что мог», — возразил я. «Он и сейчас, если хочешь, такого мыла не выпускает». — «Это вот другое дело».

20 ноября днем я отправился в Облплан, распрощался (Паничкин и Морозович на месяц едут в Москву) и пошел к себе в госпиталь.

Здесь я занимался почти исключительно чтением. Упомянутые четыре книги я уже прочитал, причем первые две с особым вниманием. Кроме того, я прочитал 1-й том «Истории СССР» для исторических факультетов. Хоть большую роль в ее создании играл Шестаков, но особыми качествами она не блещет. Прежде всего, многоавторство, несмотря на <нрзб.> редактирование, сказывается в известной несвязности изложения. Стараясь во что бы то ни стало охватить на всех этапах историю всех без исключения народов СССР, авторы перегрузили книгу материалом, что явно помешало дать более глубокое изложение действительно важных событий. При такой установке о народах Поволжья в § 7 гл. XVI и в § 3 гл. XX пришлось говорить почти одно и то же, т.к. за 100 лет здесь ровным счетом ничего не изменилось, а вот выяснить причины (а не просто констатировать) кризиса и подъема в 16–17-м веках авторы не удосужились. Радищеву, который очень мало повлиял на развитие России, посвятили специальный раздел, а о Суворове, чья «Наука побеждать» сыграла немалую роль в победе над Наполеоном, сказано только вскользь, не больше чем о Минихе. Ну а какого рода «научная» точность применяется авторами, видно из следующей цитаты, взятой на 1-й странице собственно труда: «Энгельс называет низшую ступень дикости “детством человеческого рода”, указывая, что люди в это время находились еще в местах своего первоначального пребывания в тропических или субтропических лесах. Из этого указания Энгельса можно сделать вывод, что на территории СССР люди первоначально не обитали и появились позднее». Ну что тут научного? Даже и не позаботились показать, что для тех времен в СССР (хотя бы на юге) не было мест с субтропическим климатом (сейчас и то есть такие места). А потом хоть бы словом помянули, что эти указания подтвердились отсутствием находок при поисках. Аллилуйщина.

Только что нач. отделения сообщила, что меня решено перевести на амбулаторное лечение. Приказал Целев. Дело решится в понедельник, но и этому я рад. Завтра меня навестят, а послезавтра я буду дома. Глядишь, и Женя к этому времени приедет: ждем лучшего.

29 ноября. За это время Валя была у меня дважды, второй раз с Володей. Этот второй раз мне пришлось проявить достаточную энергию, чтобы повидаться с ними. Бабы, дежурившие в этот день, категорически отказались их впускать, ссылаясь на распоряжение начальника, а последний тоже было заупрямился, но в конце концов все же разрешил свидание только внизу и только на 10 минут. Ну мы неплохо посидели в санпропускнике, причем я выяснил, что Володька успел забыть все сказки, которые я ему рассказывал два года тому назад.

Вчера была у меня Маргарита [сестра Б.С. Катаева]. Одеяние ее было достаточно скверное, и даже руки все в застарелой грязи, след работы на подсобном хозяйстве. Впрочем, у нее оказались и более существенные следы этой работы: на левой ноге она в последнюю ночь обморозила мизинец и сейчас ее носит замотанной в какой-то брезент, что, разумеется, не улучшает ее внешность. Но в общем-то она выглядит здоровой и сама подтверждает, что на «подсобном» она поправилась. Постоянная же ее работа — уборщица в столовой. И это человек с семилетним образованием, имеющая (или имевшая) квалификацию портнихи, токаря, рабочего на геологоразведке и еще уж не знаю какую. О Нине [сестра Б.С. Катаева] она сообщила, что та где-то писарем работает, «главным образом по счетоводной части», и довольна, что попала наконец на фронт. Где этот фронт, неизвестно, но, видимо, она работает в каком-то штабе не ниже полка.

Вечером шли длительные разговоры в палате. Я прислушивался. Между прочим, Жук уверенно говорил о данных вновь выпускаемого танка «Иосиф Сталин», который он видел якобы на Кировском заводе, хотя, по его же словам, у ширмы, загораживающей танк, стоял часовой, «проинструктированный до бесчувствия». По мнению Жука, этот танк «дойдет до Берлина». Ну а объективные данные его таковы: мотор дизельный 900 лс (КВ 550 — 600 лс), скорость до 70 км в час, броня до 120 мм обтекаемой формы; вооружение — пушка ЗИС-В 76 мм и три пулемета. Несмотря на толщину брони, вес меньше, чем у КВ (41,5 тонн) за счет общего уменьшения габарита. Интересно, тот ли же самый новый тип имеется в виду, о котором мне говорил Паничкин? Но тот называл его просто новым типом КВ с каким-то номером.

Потом выступил с воспоминаниями об обороне Севастополя капитан <нрзб.>. Они носили отрывочный характер анекдотов. Вот, например, о порядках в 1-й Приморской армии ген. Петрова. В приказе т. Сталина об изжитии рукоприкладства имелась в виду именно эта армия, т.к. в ней дрались отчаянно. А вот как проводил митинги г. Петров. Наедет на какую-нибудь группу матросов и кричит: «Ну как, сдадим Севастополь или .у́я?», а матросы ему в ответ: «.у́я». Садится генерал в свою голубую машину и едет дальше.

Скверные моменты переживали во время эвакуации. Немцы уже в Севастополе, а остатки армии, тысяч 15, сгрудились южнее его. Ни продовольствия, ни боеприпасов, и кораблей нет как нет. Бойцам говорят, что вот-вот придет флот, а его все нет. Зашли как-то три миноносца, говорят, что им сказали о 500 чел. Ну и полезли в баркасы отчаявшиеся люди, потопили один, а все же увезли миноносцы каплю в море. Кто стрелялся, кто, привязав камни, в воду бросался, кто пытался пробиться немцам в тыл, партизанить. Но основная масса все же как-то отбивалась, ходила с незаряженными винтовками на танки, и немцы подчас пятились: черт ее знает, с чем идет эта отчаянная толпа.

Ну вот я и дома. Все уладилось довольно быстро. По совету нач. отделения, я поймал нач. госпиталя на лестнице и попросил его решить вопрос обо мне. Он сказал, что согласен меня отпустить, но велел дождаться 5 часов, когда он вернется из города. В 5 часов я его поймал у замполита, и он (уже в своем кабинете) заявил мне в присутствии начмеда, что он удовлетворяет просьбу обкома партии и отпускает меня работать в Облплан. Я, конечно, ничего не понял, но на всякий случай согласился с ним, что в Облплане работы много и что ему работники сейчас нужны. Затем «к слову» он попросил запланировать ему каких-то кафельных плиток, на что я ответствовал, что «погляжу, что можно сделать». Он выдал разрешение на получение вещей, и я пошел собираться.

Перед ужином меня вызвали к комиссару. Я ломал голову зачем, когда в коридоре меня схватил за руку Блювштейн и сообщил, что я завтра уж наверняка буду дома. Я возразил, что надеюсь быть дома через час. Он, оказывается, был у замполита, и тот ему дал такое заверение, не зная о решении начальника. Ну, мы с ним прошли к замполита-

литу, и тот дал мне разрешение на выход. После ужина я распрощался с ребятами и пошагал домой. Дома особых изменений я не нашел и все же так и не собрался сходить в Облплан, как намеревался, провозился с ребятишками. Ну как же плохо, что Славик только гукает, — он очень сообразительный парень.

4 декабря. В домашней жизни пришлось не то чтобы разочароваться, она, конечно, гораздо лучше госпитальной, а только что она не вполне оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Выходя из госпиталя, я был уверен, что Женя не сегодня — завтра явится. И вот 2-го получаем сразу три телеграммы: в одной она пишет, что приедет не раньше 10-го, во второй — что берет билет на 5-е, и в фотограмме, выражая всяческие сожаления о неблагоприятном стечении обстоятельств, опять-таки подтверждает свое намерение выехать 5-го. Это значит, что раньше утра 9-го ее и ждать нечего. А между тем мне удостоверение написали только по 10-е, и Вера Даниловна мне и вчера, и сегодня говорила, что меня скоро можно на комиссию направлять. Основание одно: рана под корочкой и скоро зарастет. А что пальцы еще не сгибаются, так это, видимо, никого не смущает. Правда, есть ряд обнадеживающих обстоятельств: Блювштейн говорит, что после 10-го мое удостоверение могут продлить, Даниловна согласилась сегодня с начмедом, что на комиссию меня надо послать по приезде жены, да и на парафин-то мне еще ходить до 17-го надо. Но все это мало определенно.

Второе сильное разочарование — это то, что не работает библиотека облисполкома. Библиотекарша легла в больницу только в этот понедельник и, следовательно, выйдет на работу не раньше как 9-го. Этот недостаток я компенсирую чтением своих книг и того, что у Блювштейнов достаю. Прочитал: «Мое поколение» Горбатова, «Государство Солнца» Смирнова, перечитал «Новеллы» Генри и журнал «Новое слово» за 1910 год. Но это все не то: читать что под руку подвернется, а не то, что хотел бы.

Впрочем, время у меня было занято — я разобрал немного архив отца, а заодно перебрал и шкаф с книгами. Книг и книжечек у меня не менее 500, так что едва в шкаф влезают, но какой бессистемный набор! Отобрал в отдельные папки отцовы документы, записки и рисунки. Документы годятся для его биографии (не обнаружил ни од-

ной его биографии). Записки частично являются выписками из книг, частично рецензиями, а есть также настоящие литературные произведения, коротенькие рассказы, с которыми я путем еще не познакомился. Рисунки, если только это не мое пристрастие, великолепны, и если не выцветут вконец, то могут быть украшением любой комнаты и вообще доставлять высокое эстетическое наслаждение.

Ну а вообще-то жизнь течет довольно однообразно. Утром встаю в 9–10 часов и направляюсь в госпиталь. Там завтракаю и иду на процедуры. Парафин чередуется с горячими ванночками через день, потом идет физкультура и массаж. Вчера принял 10-й, последний сеанс Дарсонваля и лучше себя после него не почувствовал, хотя и парафин мне мало пока что помогает. Потом наступает томительное ожидание обеда, после которого я вырываюсь из гнилого госпитального воздуха на свежий, как школьник. Впрочем, я прямо иду домой и дремлю часок или со Славкой вожусь, если «баба» уходит по магазинам, или же с разборкой вожусь.

Вечера проходят более разнообразно. 30.11 я был у Столбоушкиных. Кирьян в Москве, хочет у профессоров консультироваться, т.к. здесь его вылечить так и не смогли. Женя — секретарь Советского райсовета, «выродила» Сережку — славного, почему-то не красного и не морщинистого мальчугана, Ларочку я и не узнал. Она немного старше Славы, но взрослее его и говорит без умолку — тоже очень славная, хорошенькая девчонка. Татьяна Михайловна и Ксения (сестра Жени) — вот остальные члены их семьи. Дали мне стопку апельсинной настойки (сладкая и довольно вкусная), угостили салом, капустой и обедом. Живут-то еще ничего, лучше нашего, но уже тоже жмутся и жалуются.

Раза два-три был у Блювштейнов. Семья по-прежнему милая, только Ева Давыдовна стала беспокойнее и раздражительней.

Дважды устраивал ребятишкам концерт самодеятельности. Вот, для примера, сегодня. Пришла Тамара, восьмилетняя девчонка жильцов Блювштейнов. Мой Володька очень дорожит дружбой с ней, несмотря на разницу лет, на то, что она подчас издевается над ним. Впрочем, делается-то ведь это не со зла, а просто подурить охота. Ну и завели мы возню. По очереди качал их на ногах, устраивал им кучу малу, вертел их в воздухе, усаживал на колени и «возил на поезде». Особенно им, кажется, нравились детали: то, что надо

покупать билеты, компостировать их, мои объявления, что «поезд отправляется на Харьков, Киев, Минск, Москву, Донбасс, на Кавказ и кому куда надо». Потом я им устраивал «крушение», и они, особенно Славка, барахтались на полу, самозабвенно визжа. Потом начался концерт с участием застуженного артиста «беспублики» В. Катаева, международной артистки «СС и СР» Т. Ельневой, лауреата маленькой премии «орденопросца» Б. Катаева и солиста «Среднего» театра Р. Катаева. Пели, декламировали и танцевали. Даже Славка исполнил «соло на барабане» карандашом по моей папироснице и станцевал, крутясь, как кубарь, на одном месте, польку. Владимиру захотелось снова ехать, а когда я категорически отказался изображать паровоз, он надул губы и больше часа не желал принимать участия в наших играх, а под конец, когда увидел, что его дутье пользы не принесло, даже всплакнул. Впрочем, перед сном он попросил у меня прощения и просил взять его завтра с собой, — куда я пойду.

Плачет он довольно часто по разному поводу: то бабушка его прогнала, то папа в госпиталь уходит (это вечером 19.11), то что-нибудь не по-его бабушка сделала. Капризов у него немало, и бабушка не раз вынуждена обращаться за помощью к моему авторитету. По отношению к ней у него порой прорываются скептические фразы. Бабушка говорит, что ей надо идти к какой-нибудь «Михаловне». «Вот тоже скажет: к Михаловне — никакой Михаловны и нет», — замечает Владимир. «Какой она мне рваный шарф повязала, я в нем совсем запутался». Бабушка его уговаривает надеть курточку в постель, а то холодно будет. «Нельзя надевать курточку, а то вши заведутся».

Вчера мы с ним учились по букварю. Некоторые буквы ему знакомы, но складывает он их в слога и тем более в слова с трудом, больше по наитию, чем сознательно. Написано «Маша», он долго думает и наконец выпаливает: «шар», видимо, ничего не придумав, и только с моей помощью разбирается в тайне сочетаний этих четырех букв. Но вот «вова», «мама» и «Ктаев» — это он почти самостоятельно написал. В последнем слове не хватает переднего «а», но это уж не столь велика беда.

У Славы нарушен по-прежнему обмен веществ, и это сказывается в виде периодически появляющихся болячек, а может быть, и в его косолапости и косноязычии. Он еще не научился на горшок

проситься и то и дело прудит в штаны. С большим трудом выговаривает 4 слова: «баба, Валя, мама, папа» и предпочитает объяснять при помощи мимики и «ыканья». Но это отнюдь не немота: «ля-ля-ля», «та-та-та», «си-си-си» он за мной повторяет. И стоит на него посмотреть, как он начинает что-нибудь рассказывать или объяснять: прямо можно подумать, о великих событиях речь идет, — с такой экспрессией и выразительностью он жестикулирует и «ыкает». К сожалению, понять ничего не возможно. Порой он начинает орать во все горло, а разыгравшись, пугает меня: «ав-ав», но очень не любит, когда я в ответ «козу» покажу: «ме-е». Целуется он оригинально — подставляет щечку безразлично, скажешь ли: «Поцелуй меня» или «Дай я тебя поцелую».

6 декабря. От открытия, которое я вчера вечером сделал, не могу прийти в себя до сих пор. Разбирая и приводя в порядок документы, я наткнулся на письма, где какой-то член мужского рода именует Евгению Павловну «Женюшенькой» с приложением эпитетов «славная», «родная моя» и т.д. Вообще я не охотник читать писанные не мне письма, доказательством чего служит то, что я не пытался прочитать ни одного письма, адресованного Вале, или от Павла Спиридоновича [тесть Б.С. Катаева], хотя этих писем я обнаружил целую кучу. Но здесь я невольно прочитал эти послания и разыскал другие, написанные той же рукой.

Всего нашел я 4 письма из Кургана, датированные от 30.3, 6.4 и 13.4 сего года. Первое письмо, судя по содержанию, написано несколько раньше, да и адресовано: «Дорогая Женя и Валя!» Подписаны они все «Василий», и только на первом дешифрующая подпись «Уважающий Вас В. Сизяков». Это значит Василий Павлович! Так вот этот старый хрен, обремененный семьей и сединами, пишет нижеследующие строки: «Родная моя Женюшенька! ... Скучаю, моя милусенька, ужасно, даже не представляю, как я буду жить в таких условиях дальше. Каждый вечер в одиночестве вспоминаю тебя, твоих ребяток (слава богу, что «не моих») и всю эту милую родную семью, где я находил отдых (без меня, значит), о котором остаются самые теплые и неизгладимые воспоминания. Как нелепо я оказался оторванным от тебя, которую я так безгранично любил (вот оно куда пошло), лелеял (час от часу не легче), строил целую серию милых мечтаний, которыми я по

существу жил и радовался... Скажу тебе, моя родная, только одно, моя цель — это быть вместе, несмотря ни на какие преграды. (Поди-ка ты, пыл-то какой у старца)... Ну, будь здорова, моя славная Женюрочка, “жди и я вернусь”. Целую тебя. Василий».

Это из письма от 30.3. Письмо послано с попутчиком. В следующем письме от 6.4, видимо, пересланном обычным путем, излияний почти нет. Только в самом конце: «А как хотелось бы быть поближе к тебе. Ты себе не можешь представить. Ну что ж, я не оставляю надежды и настойчиво добиваюсь поставленной цели. Ну пока, родная, передай привет всем домашним. Василий».

Но вот в письме от 13.4, посланном с какой-то Рахилью, он распоясывается совершенно.

«Славная Женюшенька! ... Ну, детка, как же я соскучился по тебе. Вся моя душонка (именно) по тебе изныла, а чем дальше, тем больше чувствуется твое отсутствие. Как бы я хотел видеть, обнять (вот оно куда дело зашло) мою родную, близкую и беспредельно любимую (сволочь ты, сволочь!). Мне уже кажется, что я не дождусь до той минуты, когда я увижу тебя. Ничто меня не интересует, и жизнь здесь далеко от тебя становится беспредметной. По существу я не живу, а только скучаю и изнываю душой. Жизнь надорвана, и когда это можно восстановить (что? Что восстановить?) я даже себе не представляю... По почте писем не посылаю не хочу, чтобы кто-то знал мои сокровенные чувства и мысли (и меньше всего, видимо, я). Я это оберегаю и вторгаться в мои лучшие чувства (каковы же у вас худшие?) никому не позволю (придется обойтись без позволений). Передай привет Вале, бабушке и детишкам. Ну пока, мое золотко. Целую крепко и обнимаю. Василий. Пошли ответ».

Ну, вот и конец этим гнусным записям.

Ясно одно: влюбленный Василий Павлович жаждет встретиться с моей женой и жить с ней как со своей женой (куда же это он свою Зиночку дел?). Остальное, к сожалению, менее ясно. С одной стороны, такой тон письма возможен только или при большом нахальстве, или же когда отношения уже установились. Письма не уничтожены, и хотя их не особо секретно хранили, но и я о них ничего не знал, и если бы не случайность, и по сие время был бы в блаженном неведении. Но, с другой стороны, я и сейчас ни черта не знаю. Не знаю,

как они относились друг к другу до разделения областей, не знаю, как она отвечала на эти паскудные письма, не знаю, встречались ли они после них, не знаю, не поехали ли они в Москву — ничего не знаю. И не знаю, пока она не приедет.

А если да? Как бы я хотел иметь основания написать:

Я тебя люблю?
Не городи ерунду!
Целую?
    Понятно!
Потому что
        приятно.
Вот я с тобой и кручу.
Почему сейчас не хочу?
Мне нравится,
            когда я один
                    тебя целую,
Тогда и я
        не ищу другую.
Но если
      ты
        крутишь с другим,
То и крути
        с ним одним.
А я тут
    покорный слуга, —
С детства не нравятся
                бычьи рога.

Это вылилось экспромтом сегодня в госпитале. Но на дело, кажется, не похоже. Ложь в первой части. Я таки, кажется, люблю, и в этом мое несчастье. Мало ли губ и привлекательных было у меня на пути, да вот не тянуло их целовать. Но вторая часть в точку. Я не создан для любви втроем. Силой, мольбами — ничем не исправишь это проклятое «да» — значит, останется уйти. Но это жутко так, что не хочется к этому готовиться, не хочется об этом думать, пока все не станет ясным. А уж ясности я потребую. Всегда меня охватывало чувство какой-то тошнотворной гадливости, когда я видел, что меня

хотят обдурить. И заставлю отвечать саму ее. Кажется, что сумею разобраться, где правда, где ложь. Да и до сих пор (вернее, до моего отъезда на фронт) я не имел повода уличать ее во лжи. В скрытости — да! но не во лжи. (Но как же он, сука, при любом обороте дела, испортил мне встречу. Не прощу я ему этого никогда!) Но если она не лгунья, то как она могла писать такое письмо, какое я прочитал, выйдя из госпиталя. Оно возвратилось из Костромы и полно такой тоски разлуки, такой жажды встречи, что я даже расстроился, прочитав его. Что же? Двоих любить? Или обоих презирать с высоты своего эгоизма? Не хочу в это верить. Не хочу признаться в том, что я был такой болван до сих пор, что не разглядел человека, с которым прожил 5 лет и сверх того 2 года переписывался. Не может быть. Женя приедет и все разъяснит. Но приедет она не раньше 9-го, значит, еще 2–3 дня мучиться.

8 декабря. В госпитале проторчал сегодня часов до пяти: все дожидался консультации невропатолога. Он подавил мне рубцы и заявил, что налицо типичный ulnaris, что означает лучевой нерв. Лечение прописал: гальванопластику, а когда рана совершенно заживет, что-то обещал по бокам поставить, а после этого посмотреть. В общем, похоже, что до Нового года меня пролечат. Ранки-то у меня сейчас нет даже и в таком виде, в каком она была в Костроме, — так просто, болячка на широком шраме.

В госпитале дела творятся. Работница бухгалтерии, какая-то Лида, устроила растрату в несколько десятков тысяч рублей. На казенные и переданные ей на хранение деньги больных она устраивала у себя пьянки. На этих пьянках присутствовали и раненые лейтенанты и, между прочим, мл. лейтенант Ефремов из нашей палаты. Замполит об этом как-то узнал, вызвал Ефремова, нагонял его, что называется, и предложил ему выплатить 2000 руб. Почему не больше и не меньше, уж я не знаю, но только Ефремов вышел из себя, схватил бритву и давай резаться. Бритва ли оказалась тупая, как он говорит, или же он водил ею боком, как передавал мне Жук, но он только сумел поцарапаться. Ну и ходит сейчас с перевязанной шеей. У него наконец догадались отобрать обмундирование и собираются сплавить подальше, а он грозится жаловаться в особый отдел. Посмотрим, чем это дело кончится.

9 декабря. Во изменение обычая, я сегодня между завтраком и обедом удрал из госпиталя. Понес, собственно, менять книги,

но т.к. 12-ти еще не было, зашел к Пеленкиной. От нее узнал, что приехал Кирьян, и побежал в Облторготдел. Его там не застал и пошел в Облик. Библиотека еще не открылась, и я опять пошел в Облплан. На этот раз повидал всех присутствующих, в том числе Филимонову и Лиду Корсак. От нее я узнал, что Есилевич сейчас где-то около Великих Лук простым красноармейцем. Как это он, такой полудохлый, выносит походную жизнь? Непонятно. Встретился и с Иваном Александровичем Кругловым. Он был под Москвой на Можайском направлении, работал телеграфистом и был уволен вчистую, т.к. у него оказалась глаукома («желтая вода»).

Видел Саутину, сильно похудевшую и осунувшуюся после перенесенных болезней. У нее было два тифа, воспаление легких и еще какие-то болезни, так что она едва выжила. Сейчас она здорово сдала, но чертенок все еще в ней сидит, и она, к примеру, жалуется, что у них в доме ни одного мужчины нет, «кроме кота Васьки».

Дольше всех просидел я у Маркова, исповедуя его насчет экономики области. Впервые от него я узнал о существовании проекта пропуска р. Миасс через оз. Увильды для более надежного зарегулирования. Трудность здесь в том, что р. Миасс в излучине у дер. Ракаево (ближайшее расстояние до Увильды) ниже по уровню, чем оз. Увильды. Задача решается созданием нового, более пологого русла реки, начиная с траверса оз. Тургояк. Утверждают, однако, что это обойдется дешевле, чем постройка новой плотины на Аргази.

От него же я узнал впервые о том, что проложен южный обход ст. Челябинск от раз. Смолино на раз. Чурилово и что «Бакальский» комбинат уже имеет два выхода на магистрали, создавая возможность северного обхода ст. Челябинск. В результате грубая схема челябинского узла представляется в следующем виде. <схема>. Пунктиром показаны «северо-западный» обход и соединение Коркино с Камышным. Узелок получается внушительный, и при надлежащем развитии сортировки на пригородных станциях можно будет и работу ст. Челябинск сильно облегчить, и маршрутные поезда пускать в обход ее.

Вечером был у Столбоушкина. Особых изменений не заметил, кроме того, что чаще покашливает, да на голове появилась вполне определившаяся лысина. Но вообще-то у него положение вполне паршивое: процесс двухсторонний, а поэтому решительные опера-

ции вроде пневмотаракса ему не показаны: одно легкое лечить нет смысла, а два легких зажать нельзя — дышать будет нечем. Остается только менять климат, таковы у него и планы. Он хочет так и сделать: уйти на инвалидность и уехать в Восточно-Казахстанскую область к отцу, который там заведует трестом совхозов. Думает там прогулять с полгода, а потом просить перевод куда-нибудь на юг: в Крым, на Кавказ или в Алма-Ату.

16 декабря. Ну вот и Женя приехала. Еще 14.12 мама дала мне две телеграммы опять с разноречивым содержанием: в одной она сообщает, что в связи с приездом Баранова она приедет не раньше 18-го, а в другой, что выехала она 12-го с 16-м в международном вагоне и велит встречать. Встречать надо, стало быть, 15-го.

И я не пошел, а пошла мама. Почему? Ну, во-первых, поезд пришел в 12 часов, когда я был в госпитале, и я не смог бы принять массаж и пообедать. Но не это главное. В воскресение еще 12-го я почувствовал недомогание: озноб, ломоту, насморк, кашель. Я не пошел после обеда, как собирался и обещался, к Маркову и был прав, потому что провалялся с обеда и до утра понедельника. Был у меня жар, и я лежал в каком-то полузабытье, даже огонь не мешал мне дремать, вопреки обыкновению. В понедельник я с усилием поднялся и пошел в госпиталь. Во рту горечь, и есть противно, а к 2 часам я совсем раскрутился, так что опять провалялся до вечера. Лечился так: с утра и в обед по таблетке кодеина, а перед сном таблетка аспирина. Во вторник я уже весь вечер проболтал с Галей Блювштейн, но все же к среде я отнюдь не был уверен и боялся при неосторожности прихватить какое-нибудь осложнение.

И вот прихожу, а Женя дома. Обнялись, и так вдруг мне легко показалось, как будто к матери родной прижался. Оказалось, что часть вещей она оставила на вокзале. Ну и пришлось идти мне с ней. То есть она меня оставляла, но она со своим больным глазом все равно бы пошла, а я бы со своими опасениями остался: красиво? Да и не хотелось никак в этот день разлучаться, хотя бы на час. Ну и сходили, и довез, и ни черта мне не сделалось.

Долго я не решался заговорить о Сизякове, все ждал удобного момента для перехода на этот предмет, а он все как-то не подвертывался. И все же в конце концов объяснились. Она подтвердила, что он за ней ухаживал, но в такой определенной форме высказался только

в курганских письмах. Она ему на них не отвечала, и он прекратил их писать ввиду бесполезности. У меня нет оснований не верить этому, да и не хочу я верить в плохое.

Женя все же изменилась. Во-первых, от ее внешности веет духом какого-то «высшего света», этакая изысканность стиля, хотя платья-то подержанные и поношенные. Видать, Москва даром не пропала. Ну, а вообще-то вид у нее утомленный, и на худом лице морщин больше прежнего. Ох, нелегко ей солдаткина жизнь дается.

17 декабря. Да и болезней у ней стало не меньше. На желудок она, правда, не жалуется, сказываются последствия гастрита, острой формой которого она болела в этом году. Болела она и конъюнктивитом, да и приехала-то она с красным глазом и жалобой на резь.

Виной, конечно, недостаток питания и переутомление. Особенно утомительно было весной, когда этот огород из нее душу выматывал, и ей приходилось ложиться в 2–3 часа, с тем чтобы в 6 часов снова вставать. Насколько можно заключить из ее слов, вечерние работы в Облрлегпроме у нее бывают не слишком часто, хотя она и жалуется, что работать приходится одной из-за болезней ребят ее подчиненных. На службе ею дорожат. Когда делили город с областью, ее чуть-чуть не взяли в Горлегпром, но Баранов воевал с горкомом партии целый месяц и все-таки отстоял. Это ему не помешало, ссылаясь на то, что у Паничкина-де возможностей больше, оставить ее без литерной карточки. Впрочем, Женя утверждает, что для этого надо было оставить без нее беззаконно какого-нибудь директора предприятия, так как на весь аппарат Облрлегпрома дали всего лишь две карточки. Зато в остальном она не жалуется, что ее обделяют.

Как я понял, зарплата отнюдь не является для нее основным источником существования, так как и вообще-то ее, по теперешним ценам, очень мало, а кроме того, из 700 рублей ставки она на руки получает не больше 450 рублей, а остальное идет на вычеты: заем, денежно-вещевая лотерея, военный налог, фонд обороны. Мои 500 рублей тоже не помогают, так как с нее удерживают по 250 рублей за то, что они незаконно получали в прошлом году вместе с аттестатом и пособие как на красноармейца. В декабре она, кажется, рассчитается с этим долгом. На что же они живут? Выручают талоны на изделия легпрома. Она их загоняет, конечно, по рыночной цене и тем живет.

Иначе скандал. Вот из Москвы она привезла (по дороге купила) три кило топленого масла (все на совести торговок) по 433 рубля, 1,6 кило сливочного по 344 рубля, поллитра меда за 270 рублей и две курицы по 200 рублей. В результате у нее около 5000 рублей долга, но она как будто не слишком этим обеспокоена, так дешевы деньги. Купила она мне пачку «Метро». Цена на них 2 р.70 к., а заплатила она 50 рублей. Вот уж бешенство. Еще раз доказательство того, что при покупке подарков нельзя полагаться на себя. Мне все удовольствие отравила эта бешеная цена, и, знай заранее, я бы категорически запретил ей эту покупку.

Долго мы с ней толковали, что из Челябинска надо удирать. Ей он осточертел, а я не возражал, поставив условие, если ехать, так южнее. Перебрали все областные центры (в район она не хочет), обсудили их известные нам достоинства и недостатки. Решили, что она прозондирует почву в Наркомлегпроме и при наличии возможности немедленно же это дело организует.

Ну а теперь о ребятишках и их проделках. Володька строит пирамиду из коробок пудры, что мать привезла по заказам знакомых, и у него осталась лишняя. «Надо рассчитывать», — говорю ему. «А счеты есть, что ли?» — буквально понял он. Но вот пирамида готова, я хвалю: «А ведь другие ребята так не сделают?» — самолюбиво интересуется он. «У меня три белых коробочки», — сообщает он мне. «А сколько красных?» — интересуюсь. Считает: «8». «Ну, а всего сколько?» Он не пересчитывает, а в уме, видно, прибавляет по одному: «11» — гласит точный ответ. В арифметике он силен, если сумма не превышает 10, ответ всегда точен, ну а если больше, то иногда и не справляется: 7+7=16, и так бывает.

Ну, а чтение идет хуже. «Папа, что это у тебя?» «Папиросы», — неосторожно подсказывает мать. «Нет, погоди. Сейчас прочитаем. Это какая буква?» — начинаю я спрашивать. Он, не задумываясь, называет их подряд: «М — е — т — р — о». «Ну так, что получилось?» «Папиросы», — отвечает он, не задумываясь.

Это его братишка так разговаривает. «Славик, скажешь мне: тетя?» «Да». «Ну скажи». «Валья». Я научил его называть себя «я», а матери он сегодня говорил: «На». Но утверждают, что раньше он выговаривал и «Галя», и «Тамара», а сейчас, видите ли, не хочет. Он просто разучился, как разучиваются при рахите ходить.

18 декабря. Ну, мои госпитальные дела остаются в неопределенном состоянии. Начальник все обещает на комиссию вызвать, Вера Даниловна (кстати, ее фамилия Адамчук) тоже сгорает от желания поскорее от меня избавиться, а начальник отделения Беляева заявляет, что меня лечить будут. Корочка все еще не сошла, хотя Адамчук сказала, что она у меня вполне «надежная», и чуть было совсем не сняла повязку, но потом решила сделать мне последнюю мазевую повязку: «Чтобы к понедельнику корочка совсем сошла». Посмотрим, как она сойдет. Лечение идет по-прежнему: парафин, горячие ванночки, гальванизация, массаж.

Вот навязалось горе на мою шею. Моя массажистка, Дора Осиповна, в своей специальности мастак. Работала она лет 12 в московском физиоинституте и как начнет разминать руку, так мужику впору. Но на этом ее положительные качества и кончаются. На вид она маленькая старушенция лет 60-ти, но она с этим никак не хочет согласиться, и когда ее кто-то из ребят обозвал «бабушкой», она целый скандал подняла. Вообще обидчива она ужасно и постоянно всем возмущается. Да как! «Хулиганы какие-то, негодяи» — это по адресу раненых, азартно стукающих костяшками в «козла». Всем на свете она обижена. Уже вторую неделю она мне каждый день рассказывает, что у нее вычитают по 100 г через день незаконно выданный в ноябре добавочный хлеб. «Ну что это такое?» — любимое ее выражение. Ее хозяйка хамка, нахалка, хотя Дора Осиповна сама не стесняется интересоваться у той, когда та собирается помирать. «А она говорит, что еще пожить хочу. Ну что это такое?» Кто же нахалка? В общем, выслушивать ее неизменно обиженно-злобные сентенции — настоящее мучение. Но приходится отмалчиваться и терпеть.

Я теперь с сумкой. Как только Женя приехала, я стал просить сшить мне сумку хоть из плащ-палатки. Она говорит, что здесь не возьмутся шить. Потом сообщила, что сделала заказ в Троицк. Ну, это значит ждать полмесяца и уехать накануне присылки сумки, как это было в прошлый мой приезд с командирским поясом, который в конце концов пошел Шурке Блювштейну. И вот вчера она отобрала сумку у какого-то агента по снабжению с шорно-фурнитурной фабрики. Сумка кирзовая, упрощенного образца, но без нее как без рук, и я обыкновенной планшетке был бы рад.

11 Заказ 1254

19 декабря. Были сегодня с Женей в гостях у Маркова. Угостили они нас собственными маринадами: огурцы, помидоры, ранетки и даже чай собственного производства из шотландской розы. Все вкусно, мило, но как вспомнишь, что это сейчас стоит, всякая непринужденность исчезает.

Разговор повертелся вокруг разных предметов и наконец прочно остановился на огородах, тема для всех, кроме меня, животрепещущая. Вспоминали, как приходилось на «поливном» ковырять целину, как воры таскали продукты и с огорода, и из сараев, как после работы приходилось еще по 5–6 часов уделять огородам, сколько затруднений было с вывозкой продуктов, обменивались агрономическими опытами, и т.д. Мне оставалось только прислушиваться. Потом я допросил обстоятельно Женю относительно ее огородных дел. Засевала она в этом году 1400 м на четырех участках: 1) 1000 м на облплановских участках где-то у Градских Приисков; 2) 400 м на обллегпромовском участке в 6 км по Свердловской линии; 3) 150 м на облоновском участке у ПкиО и 4) 50 м на «поливном» участке Облплана на острове р. Миасс около завода ферросплавов. В общем она посеяла 1400 м картошки и 200 м прочих овощей, а собрала 23 мешка, или около тонны картошки с учетом того, что еще метров с 200 у нее вырыли соседи, «спутавшие» ее со своей. Но так как погода в этом году была для картошки очень неблагоприятной, то в зиму к Маркову удалось заложить только 8 мешков, т.е. около 400 кг. Этого едва ли до весны хватит, но тем не менее и это — великое подспорье.

24 декабря. Сегодня получил новую расчетную книжку. Вот пример, как не надо относиться к оформлению документов. Выплата денег мне за последние 4 месяца проходила с трениями. Я прибыл в дивизию с направлением в качестве командира взвода. Как таковому мне были записаны и основания для расчета в расчетную книжку: «командир стр. взвода, оклад 600 руб., аттестат 500 руб.». Но я взводом не командовал: со 2 августа, когда я вообще принял командование, я был командиром роты до 12.8, то есть по день ранения. Это фактически как комроты я получил, единственный раз в дивизии, зарплату: 725 руб. + полевые. А юридически? В день получки я просил изменить данные в расчетной книжке, но у раздатчика не оказалось печати, и он меня пригласил в свою финчасть. Хорошо сказать пригласил: это

было 9.8, и таким образом, я не выходил из боя до ранения. У меня остались: расчетная запись как на комвзвода и временное, действительное по 1 ноября, удостоверение как на комроты.

В Ясной Поляне мне без скандала заплатили 725 руб., но не изменили записи в книжке. В Костроме мне уже пришлось шибко скандалить и, выдерживая характер, не получать навязываемые мне 600 руб. Все же я своего добился. А в Челябинске я совсем не надеялся на удачу в этом отношении — ведь удостоверение-то было просрочено. Я сначала заявил, что у меня и книжки-то нет, а затем плюнул и решил идти на честность: показал книжку («из Костромы прислали») и удостоверение. Сначала начфин собирался МЭП запрашивать, затем стал тянуть до обмена книжек, но потом вдруг все устроилось как нельзя лучше.

Фин не обратил внимания на срок действия удостоверения и наоборот, обрадовался даже номеру приказа о присвоении мне звания лейтенанта. Он почему-то решил, что это основание для зачисления меня на должность комроты. Так и вписали в новую книжку, что я комроты и что мне следует оклад в 725 руб. А для меня это лишнее документальное подтверждение занимаемой должности в добавление к просроченному удостоверению. Так минус бюрократизации, умноженный на минус халатности, дал плюс юридического оформления фактической истины.

Последние дни я увлекся композиторством. Разыскал тетрадку с записанными (не всегда точно) мотивами, сочиненными в Челкаре для живой газеты. Записал я их в конце 1932 г., уже будучи в институте. Так вот я решил продолжить эту запись: вписал сочиненные во время войны «Четыре Ивана» и «Моряк», вспомнил челкарские «Старикам вновинку» и «Поутру белье на речку», а потом стал «творить»: заново придумал начало фокстрота «Дженни», сочиненного в свое время в честь Жени, т.к. старое начало у меня совсем из головы вон выскочило и записей его ничего не осталось, в корне переделал мелодию и добавил ей конец, оформил задуманный и записанный отрывками еще в институте «Вальс», оформил и приделал конец «Три точки», задуманные в 1941 г. уже во время войны, совершенно заново написал «На севере диком» и наконец положил на музыку пародию-«оперу», слова которой мне сообщил Столбоушкин в году 39–40-м. Есть наме-

рение положить на музыку свое собственное стихотворение «Ночью» и оформить вальс «Четыре времени года». В общем, «На севере диком» и начало «Дженни» мне нравится, и я бы мог сочинять музыку, если б не был так дико в этом отношении безграмотен. Без инструмента (хотя бы пары гитарных струн) я сплошь и рядом перевираю высоту, а такт записать — так это для меня целая проблема. И музыка-то у меня состоит из одного мотива, на аккомпанемент пороха не хватает, и вообще не на чем его изобразить. Надо бы свои музыкальные познания расширить.

Вот еще затруднительное положение. Еще в первый визит мой к Паничкину он мне намекнул, что если постараться, так можно бы было мне остаться в Челябинске. Живут же здесь Михайлов и Самойлов, по его представлению, с пустячными ранениями. (На самом деле у Самойлова не зарастают отбитые осколком пальцы на ноге, а у Михайлова сохнет правая рука из-за повреждения нервов.) Женя как-то узнала об этих разговорах и тоже принялась меня уговаривать остаться. А вчера Морозович возобновил уговоры: указал, что хватит с меня раны на руке, и что-де еще Лукреций советовал наблюдать треволнения жизни издали, и что в Челябинске сделать все можно, а за его пределами если и захочется, так трудно.

И я в самом дурацком положении. Паничкину сказал, что хочу до конца войны в армии остаться, а почему? Ему, конечно, сие не понятно. Жене начал было доказывать, что семья ничего не выиграет от моего пребывания дома, но что я мог ей ответить на осторожно высказанное ею предположение о «смертельной» опасности, которой я буду подвергаться на фронте. Отделался, но опять-таки малоубедительным заявлением, что из хлопот ничего не выйдет. Ну а Морозовичу мне вообще нечего было возразить, и пришлось только отмалчиваться. Не могу никому я признаться, что я без партбилета, что я в армии хочу добиться его возвращения. Ведь узнай они об этом, отношение «официальных» кругов ко мне, а главное, и к семье сразу изменится, и на кой пес мне нужно такое «облегчение». Нет уж, сам влопался, сам и выберусь, а там встречайте меня, друзья, с распростертыми объятиями.

Читал сегодня «Война и рабочий класс» №№ 9 и 10 за октябрь 1943 г. Статьи интересные. Вот, например, «О сроках войны» — полемика с Гопкинсом, который заявляет: «Я полагаю, что мы одержим победу

в 1945 г. как против Германии, так и против Японии. Я не считаю, что это слишком долгий срок для такой победы». Несомненно, что самые лучшие наши капиталистические «друзья» желают именно такого исхода, — ну что за интерес им воевать с Японией, когда с Германией будет покончено и Советский Союз освободит себе руки, а ведь меньше двух лет и не пройдет, пока будет раздавлена Япония. Но наши резоны тоже любопытны. Мы прозрачно намекаем на те социальные потрясения, которые переживали воюющие державы в конце прошлой войны. Мы утверждаем, что с точки зрения интересов Англии и США, выгоднее кончать войну скорее, и организация правительства Тито в Югославии и заявление о невозвращении греческого короля как будто бы на практике подтверждают наши «опасения».

Но непонятно, почему подобного рода «нежелательные» для капиталистов явления не получатся в случае затяжки войны с Японией. А ведь мы совсем обходим вопрос о продолжительности войны с ней. Морозович уверяет, что нас заставят с ней воевать, а я хочу надеяться, что этого не будет: уж слишком нам выгодно не воевать с ней и слишком невыгодно воевать. Ведь согласно смыслу декларации Рузвельта, Черчилля и Чан-Кай-Ши, Южный Сахалин и так должен к нам отойти, т.к. был у нас отнят в результате агрессии Японии. Может быть, конечно, предложен обмен на обмен: второй фронт на второй фронт. Но еще раз повторяю, что в такую возможность не хочется верить. Желательно надеяться, что у нас найдутся более убедительные аргументы. Кстати, мать как-то спрашивает: «Правда ли, что после войны Урал на два года отдадут американцам?» — проблема послевоенных долгов беспокоит массы.

Варга рассматривает проблему репараций. Он насчитал чудовищную сумму в 800–1000 млрд золотых рублей, которые обязана будет возместить Германия. Пожелания у него исключительно благие: удовлетворить в первую очередь мелочь — Польшу, Чехословакию, Югославию и нас. Отдать Англии и США заграничные капиталовложения, благо у нас их нет, а нам получить удовлетворение продуктами производства и рабочей силой. Все это хорошо, но вот пойдут ли на это наши союзники?

А вообще — какая куча противоречий не только между государствами, но и внутри их. Партизаны в Югославии дерутся с четниками

Михайловича, в Польше против партизан создаются с благословения «польского правительства» военные организации, с которыми и нам, поди, придется столкнуться, едва мы войдем в пределы Западных Украины и Белоруссии, и т.д. и т.п. Сложная штука политика.

25 декабря. Вчера возвратилась с подсобного хозяйства Маргарита. Еще 16.12 она туда уехала «на пару дней». Этакая ориентация начальства привела к тому, что она не захватила надлежащего количества хлеба и последние пять дней сидела на одной тушеной капусте. На наружности ее это, впрочем, мало отразилось. Да и трудно что-нибудь заметить на фигуре, облаченной в драповое желтое пальто, не снимаемое даже ночью, и вообще Маргарита со своей самостоятельно остриженной ножницами головой, в грязнущей (мыла нет) мужской сорочке вместо блузки, в огромных подшитых валенках — производит малопочтенное впечатление. Но все же об искусстве, несмотря на вульгарность ее речи, я могу говорить с ней. Она любит петь и играть, и у нас с ней общие воспоминания о челкарской «художественной» деятельности.

Стригли Славку. Начал я, пообещав качать его на ноге. Но сумел я ему снять только перед. Дальше ни за какие «поезда» он не соглашался предоставить мне свою голову, тем более что пришла «мама». Но мама-то его и обдурила. Усадила его на колени, он принялся чертить, а она принялась за вихры. Подсел я и выдумал новую забаву: я надрезал кусок бумажки, а он их отрывал. Что тут занимательного — понять не могу, но ему эта забава не надоедала (вообще если уж за что примутся, так готовы продолжать без конца, и конец мне приходится всегда самому объявлять), и мы с ним нарвали целую кучу бумажек, пока Женя не закончила свой труд. Правда, он порой кырячился, делал попытки отбиться от надоедливых ножниц, но увлеченный отрыванием бумажек, не мог уделить этому вопросу надлежащего внимания. Немота его особого характера: порой он никак не может вспомнить слово «папа», а на днях все утро кричал: «папка». Слыхал я от него и слова «дядя», «пить», но все это как-то временно — покричит, а потом опять «ыкать» начнет. А сегодня так и вовсе сложное слово говорит: «па га ди», но без смысла и, поди, скоро забудет его.

28 декабря. В воскресенье ходили с Женей в цирк — первое мое посещение зрелищного предприятия в Челябинске. По пути зашли в

кино «25 лет Октября». Народу не протолкнуться, билетов нет. Женя говорит, что это обычное явление. И понятно: 500-тысячному городу тесно в трех кинотеатрах, и хотя цены на первые места повышены до 6 рублей, — что это составляет по теперешним ценам? В цирке не лучше: билеты не продают, хотя у кассы народ толпится, на всякий случай. Случайно Жене удалось у какого-то дяденьки перекупить билеты, да еще по цене цирка: 10-й ряд — 10 руб. Я все боялся, как бы здесь фальши не было, но, видимо, билеты были куплены на всякий случай и просто оказались лишними. Программа не из блестящих. Оригинальным, но в достаточной степени противным оказался номер «лягушки»: сходство с изображаемыми животными, вопреки эстетическим требованиям, довольно близкое. Ничего особенно интересного не показал и Дуров (внук). Скотов у него много, они сравнительно послушны, и все. Несколько интереснее других номер «собака-математик»: немецкая овчарка превосходно научилась по незаметному намеку тащить нужную цифру.

Для характеристики современных цен и спекуляции. Женя получила талон на туфли. Туфли эти она загнала какой-то Дине Павловне за 2000 руб.+16 кг муки (прогорклой и несеяной) + около 1 кг сахара +1 литр водки = 5000 руб. Так как литр водки стоит 800 руб., кило сахара 600 руб., то мука обошлась по 100 руб. за кило, что по сравнению с базарными ценами дешево. Долгов у Жени около 5 тысяч рублей, и поэтому она продала еще свое платье за 2500 руб., и все этого ей не хватает, надо еще что-то продавать. (Только что она мне сообщила, что Степанов, техрук их кожеобувной мастерской, обещал ей «устроить». Она должна принести 86 руб. и промтоварные талоны, а он под видом починки головок сошьет ей туфли, которые можно будет продать за 2000 руб).

Вчера я устроил Володьке анкету. Любимые его песни: «Уходил моряк из дома» и «Ты ждешь, Лизавета»; любимая игра — в «поезд» (см. выше); любимое стихотворение «Уж небо осенью дышало»; играть он больше всего любит со мной и с Тамарой.

Вчера официально санкционировано снятие повязки с раны. Собственно, она слетела еще в воскресенье, да и в пятницу болячки уж не было. Остается долечивать палец, а он, собака, не поддается пока лечению.

Повадился с 12 до 14 часов время проводить в Облплане: то у Маркова, то у Морозовича, то в библиотеке. Марков все угощает меня секретными новостями. То сообщит, что сварочный завод изготовляет АПП (авиационные подогревательные приборы) с описанием действия и указанием количества выпускаемых изделий, то расскажет (и в который раз — видимо, по старческой забывчивости) об опытных стрельбах ружейной гранатой Сердюкова. Он ею восхищен. Благодаря вогнутой сферической поверхности тротила сила взрыва и тепла концентрируются в фокусе, находящемся несколько впереди крышки. Выстреливают гранату обычным винтовочным патроном, взрыв происходит в момент соприкосновения с препятствием. Граната свободно проплавляет 37 мм броню с расстояния 150 м. Весь недостаток в «невозможности прицеливания». Вот это-то мне и не понятно, хотя об этом я слышал еще в ВПУ. Прицел можно сделать выносной и вообще какой угодно, да и кроме того, применяют же немцы ружейные гранаты. Непонятно.

С Морозовичем зашел разговор о религии, вернее, о современном потворстве ей. Начал он с того, что передал «из источника, не подлежащего сомнению» о беседе церковников со Сталиным. Они просили «для создания базы» отдать им Троицко-Сергиевскую лавру и открыть что-то вроде курсов по подготовке священнослужителей. Сталин им лавру якобы отдал, и она уже срочно приводится в «божеский» вид, а вместо курсов рекомендовал открыть духовную академию. Морозович полагает, что это для наведения церковников на марксистский путь, а я, ничего не полагая, считаю версию Морозовича вздорной. Он развивает такую теорию: церковь, особенно за время войны, сильно окрепла.

Ее поддерживают такие дяди, как Туполев, который, не задумываясь, как-то выложил на нужды церкви 300 тысяч рублей, а в Сталинграде за один день церковники умудрились собрать «в кружку» 800 тысяч рублей. Кстати, рассказал о своей калужской двоюродной сестре, которая, после смерти мужа на войне, обратилась к религии. Но он считает, что мир с церковью у нас временный, для единения народа на время войны. Придет время, и мы снова начнем усиленную борьбу с «опиумом для народа». Похоже на правду, но все же от официальных выступлений придется воздержаться до полу-

чения особых указаний. Ну а неофициально-то я готов хоть сейчас с любым верующим болваном схлестнуться. Жаль только, что попы ищут не диспутов, а слабоумных идиотов: ищут и обрящут.

Эпидемия гриппа носит угрожающий характер. У Жени в плановом отделе больны все сотрудники. Сегодня медсестра Августа рассказывала, что она, захворав гриппом, пошла в поликлинику и застала там очередь гриппозных в 150 человек. Ослаб народишко, здорово ослаб.

Делаю игрушки на елку. Восхищаются не только детишки, но и взрослые. Кому только передать это «искусство»? Детишки маленькие, а Женя такими пустяками не интересуется.

«Ночь прохладой тихо дышит» продвигается, но медленно: великовато произведение-то.

29 декабря. Записываю со слов Жени о последних часах отца. Накануне, т.е. 9.4, он сильно поругался с Маргаритой. Ночью он звал Женю (последние дни это с ним часто бывало: спросит просто, спит ли она, или о своих снах расскажет), но та спала и не слышала. Утром 10.4 Володька капризничал, не хотел одеваться, и мать его отстукала ремнем. Потом она, позавтракав, обратилась к отцу: «Папа, идите картошку есть, ведь остынет». Он промолчал. Женя обернулась к нему и увидела, что у него глаза мутные. Он что-то хотел как будто бы сказать и не мог. До 9 часов оставалось 10 минут, и Женя побежала на работу.

Волнение с Володькой и испуг от такого состояния отца привели ее в нервное расстройство. На работе она расплакалась и не могла даже звонить по телефону. Попросила Валентину Ивановну, но та не смогла сговориться со скорой помощью — отказались выехать. Позвонила Женя сама в поликлинику, ей сказали, что раньше 2 часов врач не придет, но в конце концов согласились прислать сестру. Женя отпросилась домой.

За ее отсутствие отец сумел сказать несколько слов Маргарите. Та спросила: «Что с тобой?» — «Голова болит». — «И только-то?» — «Разве этого мало? Я умираю». Это были его последние слова. Александра Прокофьевна вытащила все-таки какую-то старуху-врача из скорой помощи, пришла сестра из поликлиники, папе сделали камфарные уколы, и он впал в забытье. Когда Женя пришла, он спал.

Спал он как будто нормально, но Жене и Маргарите показалось что-то неладное, и они принялись его будить. Дыхание его перестало походить на дыхание спящего, но глаза он не открывал. Его спросили: «Чаю хотите?» — он кивнул головой, но рот открыть не мог. Ему разжали насильно рот и влили чай, но он не смог его даже проглотить. Он опять уснул, Маргарита куда-то ушла, и Женя стала готовить ему белье в предвидении того, что его придется отправить в больницу. Приоткрыв одеяло, она увидела, что оно все покрыто вшами, хотя отец накануне был в бане и сменил белье. Она, чтобы этого безобразия не заметил врач, заменила ему одеяло простыней.

Вдруг папа начал ртом ловить воздух и потом протяжно застонал. Стонал он минут 20, потом опять заснул. Через некоторое время он повернулся на спину, сложил руки на внезапно втянувшийся живот, выпрямил насколько мог ноги, и Женя увидела, как кожа на нем стала приобретать мертвенно-восковой оттенок и черты лица стали заостряться. Он помочился под себя, два раза легко вздохнул и замер. Смерть наступила ровно в 12 часов дня, а вся агония тянулась три часа. Поликлиника, где он лечился, без врачебного осмотра дала справку, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг и паралича сердца. Обмыла его соседская старушка за кусок хлеба. Лежал он дома после смерти 4 дня и не «тронулся». Видимо, так истощал, что и гнить нечему было.

Несчастный конец его жизни лучше всего описан им в вернувшемся его письме Нине от 29.3, то есть за 12 дней до смерти. Тут и ругня Маргариты, и попреки Прокофьевны, и голод, и бессилие, и чувство отчаяния, и все-таки необъяснимое отцовское чувство к Маргарите.

Потом у нас с Женей состоялся крупный разговор об этой самой Маргарите. Женя ее обвиняет в чрезвычайной нечистоплотности, в разведении вшей, в непочтительном отношении к Ал-дре Прокофьевне, в нежелании принимать участие в коммунальных делах и наконец в дискредитации меня своим видом и поведением. Это все так, но когда я спросил, что же от меня требуется, она сделала круглые глаза: «Это ты меня спрашиваешь?» Из дальнейшего разговора, обиняками правда, выяснилось, что единственный выход — это выселить Маргариту из квартиры. Куда? В общежитие ее очень свободно могут не принять. «Ну тогда, значит, мне придется высе-

ляться». — «Куда? У тебя есть квартира?» — «Придется искать». Вот такой веселый разговор.

Я знаю все пороки Маргариты: опущенность, лень, легкомысленное отношение к жизни, непрактичность, упрямство, крикливость и т.д. Но что с ней делать? Сама она, хоть и догадается, но не уйдет; она не может и не хочет жить одна. А как ее прогнать? Хотя бы и имелась эта возможность (может, это возможно, но хлопотно и скандально), ведь так просто выбросить ее мне жаль. Я ей не отец, но брат, да еще старший. Жалко же ее, дуру неумытую. Придется все же поговорить с ней на тему о переселении, хотя заранее от этого разговора путного ничего не жду.

Купил сегодня в Когизе: Беллюстин «Как постепенно люди дошли до настоящей арифметики», Эмме «Шрифт» и пару нот. В Когизе, и раньше не отличавшемся изобилием, — мерзость запустения...

1944

1 января 1944 года. 0 ч. 40 мин. Ну вот и Новый год встретили. Я мог бы сходить к Столбоушкиным, например, усиленно приглашали меня в госпиталь, но я остался дома. До 12 ч. делал игрушки на елку, а в 12 ч. Женя принесла водки, разбавленной водой и сдобренной сахаром. Пойло получилось достаточно муторное, но с тем большим воодушевлением мы с ней пили: «За победу, за мир, за исполнение желаний».

Володька вчера явился с разбитым носом: говорит, что наткнулся в темноте на лестницу. Кровь залила ему весь рот, так что я даже испугался. Но виду показывать было нельзя, иначе поднялся бы рев неуемный. Я принял деловой вид, быстро раздел его, умыл холодной водой и положил на подушку с закинутой головой, так что, когда прибежала бабушка с запоздалым оханьем, Владимир уже и охоту потерял плакать. Вообще маленькие чаще всего плачут не тогда, когда им больно, а когда имеется соответствующая обстановка, сочувствующие близкие или возможность чего-либо добиться плачем.

Память у него сильная. Мать ему привезла из Москвы серию картинок — загадки и отгадки к ним — всего штук 20. И вот он вчера подобрал отгадки к загадкам совершенно точно. Спрашиваю: «Кто тебя научил так складывать?» — «А я видел, как ты склады-

вал, и я так сложил». А складывал я их всего один раз полмесяца тому назад.

А вот что он мне заявил сегодня. Я начал бриться утром, он говорит: «Ты вечером будешь хороший?» Я возразил, что я, во-первых, всегда хороший, а во-вторых, если он подразумевает бритье, то я обреюсь значительно раньше вечера. «Но ведь я уйду в садик и не увижу тебя бритым до вечера». Я обругал его субъективным идеалистом, но на него это мало подействовало.

Сегодня я ему доверил плетение цепи, беря на себя только соединение концов лент, и он с задачей справился вполне успешно.

Сегодня в кабинете Морозовича Паничкин рассказал о функциях уполномоченного при СНК СССР по делам православной церкви. Оный уполномоченный распределяет фонды: на ризы, свечи, ладан, позолоту, строительные материалы на строительство церквей, муки и вина для причастия, легковых автомобилей для высокопоставленных мракобесов и т.д. Он же наблюдает, чтобы не было богохульства, а также контрреволюции в церквах. Штат у него 110 человек и в каждой области уполномоченные. В Челябинске это место занимает б. секретарь Кыштымского РК ВКПб.

Встретил Старцева. Он сильно исхудал, ходит с палочкой, жалуется на язву желудка. Впрочем, благодаря ей он избавился от замдиректорского места в пединституте. Собирается засесть за описание природных богатств области, причем оказалось, что это «наша» с ним старая мысль. Что-то я этого даже не помню. На улице встретил Хохловича. Тоже худой стал Иван Мироныч, и седых волос много. Жалуется на загрузку.

Вот еще одна разновидность спекуляции. Евгения Павловна за 300 руб. купила рабочую продуктовую карточку 2-й категории. По ней надлежит получить: 400 г сахара, 400 г жиров, 1,8 кг мяса и 1,2 кг крупы. Если все это получить и продать на базаре, то разница будет пахнуть тысячами. Но получить по карточке удается не всегда и не всем, и вот карточки идут по сравнительно низкой цене. Женя собирается купленую карточку сдать в столовую, т.к. с 1.1 там требуют для получения обедов или сухого пайка сдачи рабочей продкарточки, тогда как раньше это шло добавочным питанием. Ну вот, значит, купленая карточка будет отоварена полностью.

А собственную карточку она все же всеми правдами и неправдами думает отоварить.

10 часов 30 минут. Сегодня с Владимиром ходили в цирк. Ну, программа сокращенная и посредственная. И сам Дуров, переняв славу предков, едва ли перенял их искусство. Его дрессированную обезьянку надо все время поправлять и попросту делать за нее. Да и другие номера или примитивны слишком, или же идут негладко. Владимир не утопал в блаженстве и не визжал от радости. Он напряженно всматривался в происходящее на арене, исправно хлопал, когда все хлопали, но мне не понравилось его излишне сдержанное поведение.

Вообще он малоподвижен, пассивно отвечает на внешние воздействия: его ударить — он расплачется, а не возвратит ни в коем случае удар. На двор гулять он не просится и вообще на воздухе бывает мало. Интересно, что это: влияние среды, в частности бабушки, которая вечно боится, чтобы «ребенок головку не застудил», или же еще возраст сказывается — двумя годами позже я целые дни пропадал на улице. Он, впрочем, пешком прошел весь путь до цирка и обратно пешком, а это добрых 5 километров будет. На обратном пути случился инцидент. Сначала он заявил, что писать хочет, но когда я предложил свернуть в проулок, то сказал, что потерпит до дома. У горбольницы вдруг оказалось, что он какать хочет. Дальше — больше: он разревелся и сообщил, что он в штаны наложил. На лестницу я его просто втащил подмышкой. Оказалось, ложная тревога — ему просто показалось.

Вечером была устроена елка. Ребятишек налезло десятка полтора, а так как с некоторыми пришли мамаши, то в комнате поворотиться негде было. Елка получилась приличная. Игрушки моего изделия и покупные, прошлогодние покупные — вешать негде было. Мало было блеску, но пестроты достаточно. Нашлось несколько огарков, и минут 15 елка ими освещалась. Маргарита изобразила деда-мороза и раздала подарки: по паре конфеток, урючинке и сладковатому прянику из горькой муки. Но что за беда — подарки были приняты с большой радостью. Как полагается, водили хоровод, пели хором и «Елочка, елочка, как ты мила» и «Вылетают кони да шляхом каменистым», декламировали — словом, развлекались в меру своих способностей и разошлись в десятом часу с неохотой, по настоянию родителей.

В числе их зашел за своей Галиной и Женька Галактионов. Работает он на старом месте — экономистом в топливном секторе паровозного отдела управления ЮУЖД. Как железнодорожника, его не призывали. Он как-то умудрился округлить свою физиономию, но эта полнота ему не идет и кажется болезненной.

5 января. Не писал, так как взял у Паничкина карту Украины и срисовывал ее себе.

Лечение продвигается к концу. От гальванизации, что ли, с электродом на свежем рубце, но у меня образовался там пузырек, каковой Адамчук определила как ожог. В воскресенье мне опять сделали наклейку. Во вторник она слетела, и больше ее не возобновляли. Закончил курс парафинолечения, принял сегодня двадцатую ванну. Адамчук, видимо, отчаявшись разогнуть мой палец, решила послать меня на комиссию и только хочет проконсультироваться со специалистом каким-то. Скоро, значит, опять потопаем.

Нашел папину открытку к Рите. Делаю выписку, касающуюся Володи. «Вчера вечером приехал Вовочка с бабой. Мы думали, что они приедут числа 17-го. Доехали благополучно. Вовик здоров, весел, подрос на 1½ см, пополнел, говорит гораздо лучше. Например, спрашивает: «Это у вас уборная?» Ему говорят: «Да, уборная». — «У нас в Лобойкове тоже есть уборная». Сообщил мне, что приехал поездом в вагоне, а у бабани есть «паскарт» (плацкарт). Я, — говорит, — пойду на войну. — С кем же ты будешь воевать? — С кошкой. Ты, дедушка, тетради проверяешь? — спрашивает меня. Я говорю «Да!» — «Ну, дай и я буду проверять, чтобы ученики деили ошибки». Меня теперь зовет дедушка Степан, а не дидя Путя».

Это относится к возвращению с бабушкой из Лобойково 16.11.40, когда Володе было два года, т.е. сколько сейчас Славе. Разница в разговоре колоссальная. Славу я сегодня научил про штаны говорить «наны», да и то он все сбивается на «ныны». Ну, да ведь и понятно: Володя учился говорить в предвоенные годы, когда условия были совершенно иными. Он питался гораздо лучше, имел возможность ездить, хотя бы вот с бабушкой на три месяца в деревню. Выехали они тогда 20.8, а приехали в ноябре. В 1939 году он ездил с Женей в Алма-Ату, куда и я к ним приезжал. А Слава даже не имеет возможности побегать зимой по двору из-за отсутствия одежды

подходящей, — поневоле будешь «ыкать» да объясняться руками, как немой.

Сейчас Блювштейн сообщил, что Сальникова, почему-то через НКВД, получила извещение о смерти брата. Он участвовал в десанте на Керченском полуострове. Блювштейн утверждает, что погибли все, кто участвовал в десанте. Этак Керчь нам обойдется в огромные потери. Но непонятно, почему же тогда не было сообщений в газете.

Вот условия работы Маргариты. Работает она в литейном цехе [завода имени Колющенко] землесевом. Рабочий день с 8 ч. утра до 8 ч. вечера, в том числе один час на обеденный перерыв. Но уходит она в 6 – 7.30, а приходит в 9.30 – 10 часов, т.к. надо время на ходьбу и на завтрак с ужином. Выходных дней нет. И на Новый год отпускали только перевыполнивших план. Значит, дома она бывает 8–9 часов. Так работает. А вот оплата: 300–350 руб. зарплата минус всякого рода вычеты рублей до 100 с лишним. Питание в столовой трехразовое: на завтрак вода с вареной капустой с добавкой растительного масла, на обед те же щи и тушеная капуста с кусочком омлета или мяса и на ужин те же щи. За все это 2 руб. 50 коп. — 3 руб. в день + 1 руб. за 1кг хлеба, положенного работающим в литейке. Остатки заработка уходят на табак 10 руб. за стакан на 4–5 дней и мыло 120 руб. за 200 г кусок или же 1 кг хлеба. Положение типичное и сугубо незавидное.

Вот Шура. Она работает станочницей на 541м. Рабочий день также 11 часов без выходных. За декабрь она заработала 1100 руб., а на руки получила 500 руб., остальное ушло на подоходный и военный налоги, заем и денежно-вещевую лотерею и на налог на бездетных. Питание такое же. Вот сегодня, говорит, на первое было щи из одной свеклы, а на второе 50 г соленой рыбы. Хлеба она получает 700 г Жалуется на упадок энергии и надеется на две вещи, несущие, по ее мнению, ей облегчение: скорое окончание войны и возвращение «домой» на Украину.

Между прочим, это общее стремление всех эвакуированных. Челябинск им солоно пришелся, и все стремятся из него удрать. И уж бегут, пользуясь всяким подходящим случаем. Бегут москвичи, туляки, украинцы, даже ленинградцы, и те бегут. Зоя Александровна (жилица Блювштейна) позавчера горячо возмущалась мыслью, что ее могут не взять в Киев, куда возвращается часть мединститута.

Моя массажистка (Лифшиц Дора Осиповна) пишет седьмое письмо в Москву с просьбой вызвать ее обратно в физиотерапевтический институт. Зам. Баранова и директор Златоустовской обувной фабрики (оба киевляне) вслух грезят о времени, когда им можно будет вернуться в Киев, и глубоко уверены, что это так и будет.

8 января. Вчера принял последний, 15-й сеанс гальванизации (полагалось мне 12, но об этом только вчера мне Адамчук сказала, а сегодня последний раз меня массировала Дора Осиповна: она эту процедуру со мной уже раз 35 производила. В понедельник я должен идти на консультацию, а затем, надо полагать, на комиссию.

10 января. Владимир — нервная и раздражительная личность. В субботу он, уже улегшись на постель, начал звать: «Мама! Мама!» Бабушка ему говорит: «Ну чего тебе?» — «Я не тебя зову». — «Ну, так ты мне не нужен». — «И ты мне не нужна», — и расплакался. Оказывается, он не только бабушку третирует, но и с матерью вступает в серьезные пререкания. Вот вчера идет он с ней из гостей и рассказывает, как он незаметно дошел с папой до водонапорной башни. «С тобой у нас ведь ничего не выйдет», — заявляет он под конец. Пришел домой и заявляет, что завтра в садик он пойдет в новом костюме. Мать объясняет, что костюм новый и в садик найдется что надеть. Он упрямничает. Мать тоже сердится, и Володька в раздражении замечает: «Ты, что ли, шьешь сама костюмы?» Мать обещает отдать костюм Вове Баженову: «А Вовка Баженов все равно вор!» Одним словом, перечит без конца. Сегодня утром поднял хай, что у него потеряли бумажку-анкету, которую он приносил для заполнения из детского сада, и ревел, пока не пришел к нему я. Он утих моментально. Я ему внушил, что он бестолочь, раз полагает, что его мать и отец меньше его разбираются в важности той или иной бумажки, сказал, что бумажка у меня, а когда он ее попросил, велел ему одеться и умыться, а потом прийти за ней ко мне. Парень сразу изменил тон и стал веселее.

Но способности у него подходящие. Он без фальши поет, научившись от меня «Уходил моряк из дома» и «В землянке». Правда, он не выдерживает такта и вдох делает в самом неподходящем месте, но ноты берет правильно. Очень любит чтение сказок. Я ему прочитал сказки Жуковского и Пушкина, а также из сборника «Сильные и храбрые», и больше всего ему понравилась сказка о царе Салтане.

12 Заказ 1254

Он понимает и юмор. Играя, я спел ему на вольный мотив «Подражание Гейне» Козьмы Пруткова. Заключительная фраза «И пальцем копает в носу» привела его положительно в восторг. И вот — дитя века. Я ему читаю: «Намедни к нему подъезжает чиновник на тройке лихой», — он спрашивает: «Он на машине подъехал?» — «Нет. На тройке, на лошадях. Машин тогда не было». — «А лошади тогда были?»

У Ростислава другие способности. Вертясь все время около бабы, он в совершенстве постиг искусство домашней работы и нередко пытается, вопреки неизвестно чему противящимся взрослым, применить свои познания на деле. Он то и дело пытается помогать бабе топить печь, а она его ругает. Он настаивает (упрямства у него много) и начинает хныкать. Я как-то подошел к нему во время этого занятия и шлепнул, в целях вразумления, по заду линейкой. Он сразу прекратил плач и долго потом в полном недоумении держался за свой зад руками. Утащил как-то у бабушки горох, набил им карманы. Но надо же найти ему применение. Он его ссыпал в свою писальную чашку, а затем, так как воды под рукой не оказалось, преспокойно напрудил в нее.

Что это не случайность, свидетельствует следующий факт. Спичек у нас нет, и мы жжем коптилку. Бабушка как-то дала мне прикурить и зажгла коптилку. Я ушел в комнату и слышу, как она ругает Славу за то, что тот задул у нее лампочку. Тот ей что-то объясняет на своем языке, а она ему отвечает: «Эта лампа (имеется в виду семилинейная) у меня не горит». Тогда Славка, не долго думая, бежит в комнату и... волочит бидон с керосином. Знает, видно, что без керосина толку не будет.

Если только я запою: «Принеси мне в землянку посылку», он начинает вопить: «Мама! Мама!». Я сначала ничего не понимал и только потом догадался. Там есть припев: «Или Таня, или Маня, или Женя — все равно», так вот ему ни Тани, ни Мани не надо, а надо лишь «маму», т.е. Женю.

Начинает напевать «Вылетают кони да шляхом каменистым», конечно, только начало и на своем языке: «По-ли-та-ли та-ли». Разговор у него в общем не улучшается: вместо «папа» у него получается «баба», «паба», «бапа». Научил я его вместо штаны говорить «наны», да и то у него чаще получается «ныны». Вот «Вова» он говорит довольно ясно, а себя (по моему же наущению) называет «йя». Слышал

я от него «тпруа» и «дать» вместо дай — вот и все его успехи в этом направлении.

Пришли они с елки у Снегиревых. Я прошу: «Славик, дай конфетку». — «Н-на» (это не «на», а «нет»). — «А вот Володя мне даст». Володя дает с готовностью. Поколебавшись, Слава тоже дает. Я ее развертываю — буря протеста. «А вот Володя мне совсем даст». Беру у Володи, развертываю и ко рту подношу. Буря повторяется. Конечно, и Володя с радостью взял обратно конфетку, но, во-первых, он надеялся, что это только шутка, а во-вторых, он по природе меньший собственник, чем Слава, который воображает, что ему принадлежит весь мир и что дело только за тем, чтобы отстоять свои права от покушений и запрещений.

Неожиданно зашел Мишка Абрамов. Я его с 1936 года не видал, немудрено, что сразу я даже не мог вспомнить его имя и фамилию. Он рассказал свои злоключения. Он работал агрономом в каком-то из северных районов тогдашней Челябинской области. Подружился с одним педагогом. Педагог в пьяном виде рассказал ненадлежащий анекдот. Дело было в 1937 г. Педагога взяли. «Как это вам, члену партии, пришло в ум анекдоты такие рассказывать?» — «Да ведь все рассказывают». — «Например?» — «Ну вон хотя бы агроном Абрамов». Взяли агронома Абрамова. Следствие тянулось полтора года, и хоть на суде педагог отказался от своих показаний в части Мишки, последнего осудили на 5 лет, а педагога на 10. Был Мишка в лагерях, лес рубил, на железной дороге работал и курсы какие-то по этому случаю кончил. Выпустили его в 1942 г. Война. Его мобилизовали, но потом отобрали малоблагонадежных на строительство ТЭЦ. Там он работал прорабом на строительстве промводопровода, а затем стал начальником планового отдела 4-го строительного участка. Вот что значит «синтетик» — сколько у него сейчас специальностей. Своим положением доволен. Получает 1000 рублей, а дополнительно зарабатывает по 15 руб. в час на курсах, о питании и не думает, одет неплохо, и только водки ему, видно, не хватает. Но злоключениями своими расстраивается. Вообще-то он парень энергичный, но развития ему не хватает. А потом, у него внешность и повадки какого-то придурковатого крестьянина. Даже Прокофьевна справилась — все ли у него дома. А ведь на самом-то деле далеко не дурак.

Кстати, Маргарита мне сообщила, что в эти же годы Васька Малышев отсидел три года за то, что по пьянке не нашел разницы между политикой Сталина и Гитлера.

Наконец-то получил письмо от Нины. Житьем не нахвалится. Служит поваром-инструктором и одновременно работает за писаря: работа «интересная, разнообразная и ответственная». К Октябрю получила в приказе благодарность. Жалуется, что «настоящей войны еще не видела. Даже не видела, как разрываются снаряды», хотя была на передовой и «присутствовала при стрельбе прямой наводкой».

Вчера весь день гулял. В три часа вышел с Мишкой и проводил его до Спартака, а сам пошел в госпиталь. Оттуда пошел к Морозовичу, в то время как Женя с Володей ушли к Степанову. Разговор как-то не совсем настраивался, но на музыке мы сошлись. У них хороший патефон и недурные пластинки, хотя с иголками обычный кризис. Прослушал много арий и сцен из «Евгения Онегина» (чудесно все вплоть до пустяка — куплетов Трике), арию Руслана, Мельника. Наконец он мне дал «сумнительную» музыку — «Кикимору» Лядова. Нормальная сказка, но после «Евгения Онегина» действительно звучит «сумнительно». Особенно хороша 1-я часть. Я у них пообедал и пил чай с вареньем и картофельными бисквитами. Недурно. Вообще Елена Сергеевна показала себя хорошей хозяйкой. А Николай Петрович у нее в послушании.

Мы сговорились с Женей встретиться у Костюченковых, но она туда пришла с Володей в 6 часов и через час увела его спать, а я смог вырваться только к 9-ти часам. Дмитрий Григорьевич, так как я решительно отказался ждать пирогов, решил донять меня холодной закуской. Вынудил меня выпить две стопки водки и угостил красной капустой под уксусом и колбасой. Вообще я вчера пьянствовал. Дома утром мать дала попробовать с полстопки свекольной настойки, у Морозовича я выпил стопки полторы вина, смесь «Токая» с разливным красным, так что выпил я в общей сложности около четырех стопок и, главное, без особых последствий, только болтлив, кажется, стал.

Костюченков мне сообщил, что местная промышленность ширпотреба дает до 70% своей продукции и выпускает его больше, чем до войны. Военное производство на предприятиях местной промышленности сокращается, и, например, Магнитогорский завод вместо мин

снова выпускает металлоширпотреб. А на рынке ширпотреба нет. Секрет в резком сокращении выпуска республиканского и союзного подчинения и значительном поглощении военными организациями и всякого рода ОРСами. Взамен я рассказал о своих военных подвигах, и время подошло к 10 часам. Я побежал домой. Абрамов днем предложил билеты в кино, и надо было успевать к 11 часам. Дома я разбудил задремавшую было Женю, и мы пошли в кино им. Пушкина. Там встретили Хохловича с благоверной. Он опять начал убеждать, что меня надо «вытянуть», хотя бы через генерала Катукова (командует УрВО), и хвастался, что ему удалось вытащить своего зама Мелихова.

Смотрели картину «Джордж из Динки-джаза». Английский ура-патриотический фильм, не особенно убедительный. Я слыхал после окончания его такой отзыв: «Я смотрю его четвертый раз и... прямо не знаю что» — так, стало быть, восхищена. Музыка типично джазовая, комизм песенок улавливается с трудом. Герой обсыпается мукой, мажется в тесте, и это вызывает громовой хохот. Жене понравились напряженные моменты, когда этот Джордж на волосок от разоблачения разыскивает шифр немецкого шпиона. Пожалуй, привлекательно то, что, несмотря на свои подвиги, Джордж держится отнюдь не героем, а пугается, дрожит, но все же выполняет намеченное. А вообще — шаблон.

Я заметил, что как ни двигаем мы немцев на Украине, левый фланг у нас сильно отстает. Так было на Донце, так было на Днепре. Ну, это реки имеют такую конфигурацию. Но сейчас мы перешли старую границу в Ровенской области, а немцы у Никополя еще на левом берегу. Думается, причина такова. Когда придет час окончательного разгрома немцев, из Украины им придется самим удирать или оставаться там в плену, а нам к этому времени следует быть как можно ближе к западу для решения соответствующих судеб. Сейчас мы с севера прикрываемся Припятью, но вскоре, видимо, придется Рокоссовскому приналечь и обеспечивать Ватутина с севера.

16 января. Как всегда, решающие события наступают неожиданно и занимают столько времени, что записывать некогда. В понедельник консультация ввиду отсутствия профессора была отложена на среду, а в среду 12.1 Адамчук, по ее словам, потому что профессор неведомо когда приедет, а также по требованию ведущего хирурга

предложила мне в 4 часа явиться на комиссию. В 4 часа я первый вошел в перевязочную 2-го отделения, где уже сидели ведущий хирург в качестве председателя, секретарь комиссии, нач. 3-го отделения и Адамчук. Зачитали эпикриз и прослушали по моей жалобе сердце и велели одеваться. 13.1 утром я встретил Адамчук, и она мне сообщила, что я признан ограниченно годным 2-й степени, но что МЭП пришлет утверждение только дня через два. И вот, когда я явился на обед, ст. сестра мне заявила, что я снят с довольствия и что мне надо получить в медчасти документы, а в финчасти расчет. Последнее я проделал быстро, а медчасть оказалась закрытой до 5 часов.

Дома я переоделся в свою военную одежду, чем привел мать в окончательное расстройство. В медчасти мне выдали: «Свидетельство о болезни № 15443», где между прочим записано: рост 172 см, вес 64 кг. Объективные признаки болезни: Общее состояние хорошее. Со стороны внутренних органов без особенностей. На сгибательной поверхности правого предплечья свежий рубец 5х5,5 см, спаянный с подлеж. тканями. В н/3 того же предплечья второй рубец 1×1 см. Сгибательная контрактура IV, V пальца, понижение чувствительности по ходу локтевого нерва». «На основании ст. 116 графы второй расписания болезней приказа НКО СССР 1942 г. № 336 признан: ограниченно годен II ст. с переосвидетельствованием через три месяца».

Дали справку о ранении, в которой указано, что я тяжело ранен. Вот этого я не ожидал, да и в предыдущих госпиталях меня все время считали легко раненным. Дали направление «Командиру УрВО, г. Свердловск», не указав срок явки, и еще какую-то справку о нахождении на излечении в госпитале. В складе ОВС мне заменили штаны и гимнастерку на новые, но тоже на х/б, дали теплое и холодное белье, портянки, валенки, полотенце... и все. Нет, говорят, у нас зимнего обмундирования. В продскладе продуктов дали на 5 дней (спутали, думали, что в Горький еду), но только хлеб, масло, гороховый концентрат и сосиски. Сахару не дали и табаком удовлетворили только по 15-е. Самое же главное, что в свидетельстве о болезни не было помянуто о расширении сердца (вернее, аорты), и мне не дали требование на билет. О последнем-то я совсем забыл, но об исправлении свидетельства я хлопотал, хотя и безуспешно. Все со мной соглашались, но не оказалось на месте секретаря комиссии,

которая одна могла исправить свидетельство. Так я и плюнул пока на это дело.

Итак, я воевал 10 дней, а лечился ровно 5 месяцев. Дорого обошелся государству мой боевой опыт. И в результате я так ранился, что еще минимум три месяца не смогу воевать. В общем, что касается меня, то дай бог всякому такое «тяжелое ранение». Рана меня почти не беспокоила и «золотистую» ленточку я заслужил легко. Если бы не записи да карты, я за это время рисковал совсем облениться.

Что же дальше? Меня направляют в УралВО с таким заключением, что, по словам Якова Мироновича (ординатор нашего отделения), я годен только для работы в глубоком тылу. Лезть куда-нибудь в дыру — слуга покорный: или Челябинск, или «действующая» — так и буду ставить вопрос.

Принял меры: просил Морозовича позвонить Ефимову (он как начсклада НКО имеет всякие связи в УралВО) , а также просил Паничкина замолвить слово перед Облвоенкомом. Результатов пока еще нет, но надеюсь на это. Ехать решил 17 или 18/I и по приезде загляну прежде всего к Ефимову, адрес и телефон которого я взял у Блювштейна. Женя едет со мной, и хочется верить, что обратно мы вернемся вдвоем. Она получила по этому поводу условную «командировку».

Третий день сижу на домашнем рационе, и надо сказать, после госпиталя чувствовал бы себя голодно, если бы не случайные обеды на стороне. 14-го пригласил меня в столовую № 1 Морозович, а вчера с Женей ходили в столовую № 2. Обеды сравнительно приличные, мясные, вкусно приготовленные, но явно рассчитаны на удовлетворение не современных аппетитов: порции маловаты.

Сделал две карты масштаба 1:500000 районов Кривого Рога и Первомайска. Поместил все населенные пункты Большого Атласа мира. Нужны такие же карты районов Николаева, Винницы, Одессы и Львова, и тогда представление об Украине будет полное.

Обучаю Ростислава искусству говорить. Вот надо ему сказать «молока», он потихоньку говорит «мА-ли-ка», а потом бухает вслух «ма-ка-на». Меня стал звать «боба», а Маргариту «ита». На вопрос: «Кто молодец?» — уверенно отвечает: «Йя», а «Кто бестолочь?» — «Мау», — что означает: «Кошка дурра, а я молодец».

Шура рассказывает о присланных на их завод девчатах с Северного Кавказа. Прислали их 350 человек. Недовольны они страшно и недовольство выражают открыто. Прежде всего, питание со здешним несравнимо, а работа тоже дает знать о себе. Они заявляют, что немцев они не боялись — немцы их не трогали, а боялись они партизан. Вообще настроения явно антисоветские. Паспорта у них отобрали, но несмотря на это, их осталось только 170 человек — остальные разбежались кто куда. Конечно, их поймают и в концлагеря поместят, но вот Шура заявляет: «А все равно, куда хочешь, только бы с завода уйти». А потом и надежда, что авось искать не будут.

19 января. Ну и скандальный денек выдался 17/I. Женя утром заинтересовалась цветом кантов погон. Я говорю: «Посмотри на шинели». Хватились — а шинели-то нет. Женя убежала на работу, а мы с матерью перерыли все на свете и ничего, конечно, не нашли. Шинель исчезла бесследно. Надо полагать, что ее свистнули накануне вечером, потому что Маргарита перед уходом в ночную смену ее видела. Вместе с шинелью пропали и мои перчатки. В общем, предстоят неприятные объяснения с начальством на месте новой работы. Вечером мы с Женей пошли в сапожную мастерскую. Она взялась для них составить годовой отчет, и ей надо было встретиться с их плановиком, женой Кальмаевского. Мы опоздали и решили идти в кино «25 лет Октября», устроенное вместо занятого под текстильную фабрику «Пролетарий» в б/ресторане «Южный Урал». Смотрели мещанскую драму из жизни Западной Украины «Мечта» — картину достаточно нудную, очевидно, в силу неудовлетворительного содержания, несмотря на отдельные удачные места.

Когда мы пришли, то оказалось, что на нашей постели уложили какого-то Тиграна, заврайоно Чебаркульского района, приехавшего по делам в Облоно. Это меня буквально взбесило. Безо всяких церемоний меня выбросили с моей койки, даже словом не предупредив об этом. А так как Валентина держалась вызывающе («Подумаешь! Ничего и не случилось»), а Евгения сразу стала на ее сторону и даже заявила (явно неверно), что это она разрешила занять койку, то это меня еще больше взвинтило. Я характеризовал поведение Валентины как нахальное, бросил Жене упрек, что она думает о том, как выгнать мою сестру, а своей предоставляет возможность вольничать, как той

вздумается. В ответ Женя заявила, что она-таки и выгонит Маргариту, то есть напустит на нее саннадзор, и тот ее выгонит за вшивость. За то, что я отказался ложиться в угловой комнате и улегся на Маргаритин сундук, Женя обозвала меня самодуром. Словом, атмосфера была и так напряженная, а тут еще мать вступилась. Полились обвинения самые нелепые, и тем не менее досадные. Я просил ее замолчать, но безуспешно. Тогда я начал одеваться. Мать, видя это, тоже накинула пальто и побежала жаловаться к Блювштейнам. Это переполнило чашу. Я поспешно оделся и выскочил на лестницу. Открывается дверь, и Блювштейн спрашивает: «Куда ты, Борис Степанович?» — «Гулять», — ответил я весьма неприветливо. Бешенство душило меня, и я, ничего не замечая, добежал, непрерывно куря, чуть не до Спартака, затем вернулся назад и начал расхаживать перед домом. Я то раздумывал, как могло все это получиться, размышлял над последствиями, вспоминал о деталях только что произошедшей стычки, снова бесился и снова успокаивал себя умножением двузначных чисел в уме.

Наконец, несколько утихомирившись, я вернулся домой. Валентина и мать сидели у кровати Жени и по моему возвращению сразу рассыпались по своим местам. Я не мог спать рядом с Женей, на Маргаритин сундук улечься значило опять поднять целую бурю по обвинению в обовшивленности, да и спать что-то не хотелось. Я дочитал «За сына» Генриха Манна, произведение довольно слабое и по-обычному туманно запутанное, а затем принялся за «Шпиона» Фенимора Купера. Закончил я его к семи часам, когда наши начали уже вставать. Я улегся одетый на освободившуюся кровать и уснул как убитый. Проснулся я во втором часу и пошел в город. Обрился, постригся, купил майорские погоны и вернулся домой. Здесь в первый раз за день поел и принялся переделывать с помощью Маргариты погоны.

19 января. Несмотря на размолвку, Женя все же решила ехать со мной. Она достала бронь через капитана НКГБ Рожкова, который всегда ей устраивает транспортные дела, так как она ему устроила пошив одежды в мастерской. Мы пошли уже в 12 часов ночи, и когда пришли, билеты уже выдавались. С трудом дождавшись своей очереди, я сунул бронь, но кассирша отказалась давать билеты, так как у нее, по ее словам, остались билеты только едущим «по приказу».

Несмотря на это, я не отошел от кассы и через некоторое время снова сунул ей свою бронь. На этот раз она бронь взяла, но билеты все равно не дала, придравшись к тому, что по моему направлению билет можно получить только по требованию. Мои просьбы и увещания не помогли. В воинской кассе билеты на № 82 уже не продавали. Знакомого Жене начальника вокзала на месте не оказалось, и мы, забрав бронь, не солоно хлебавши вернулись домой. По дороге коснулись вчерашнего скандала, но ни до чего путного не договорились. Временное равновесие установлено, но надолго ли?

Ростислав явно начинает овладевать речью. Это еще не осмысленные слова, но хватит и того, что вместо однообразного «ыканья», хотя бы и в различных интонациях, он начинает употреблять в объяснениях неосмысленные, но членораздельные слога: «та-ли, ко-ва-ли, ма-ли-ка» и т.д. Есть он может до бесконечности. Вчера, например, мы все ели как-то в разное время: то я свой суп, то Вова, вернувшись из садика, то Женя, то Валя, и кто бы ни ел, слышался отчаянный вопль: «Йя-йя», — и, добившись своей доли, Славка уминал ее, с тем, чтобы с появлением нового лица и новой порции еды снова завести свою музыку: «Йя, йя». Под конец я стал серьезно опасаться за его живот. Но он, видимо, уже привык набивать его всякой дрянью.

20 января. Вчера Женя с утра снова отправилась в поисках брони. Вернулась она во 2-м часу с полным успехом. В кассу дан пресловутый «приказ», чтобы выдать Катаевой два билета в мягкий вагон. Но надо было позаботиться о моем удостоверении. Я пошел в Облплан. Морозович сразу отказал. Он как-то выписал командировку Гале Блювштейн, а она с ним попалась, и Морозовичу пришлось пережить неприятность. Я к Паничкину. Тот: «Пожалуйста». Пришлось решить ряд вопросов. Меня командировали в Свердловский Облплан, обозвали старшим экономистом, дали срок на 10 дней. В основании написано было «Приказ по Облплану № 12» (приказ, конечно, не издавался), номер исходящий поставили липовый, но зато печать и подпись действительные, и главное — на фирменном бланке. Затруднение стало из-за паспорта. На бланке стоит подпись: «Действительно по предъявлении паспорта серия … №…», ну а я паспорта с 1941 г. в глаза не видел. Пришлось поставить номер старого паспорта. Липа получилась форменная Попутно я узнал две новости (для меня, конечно).

Саша Преображенский, провоевав 4 месяца, погиб на Керченском полуострове. Это первый работник Облплана, о гибели которого стало известно. Вторая новость заключается в том, что мое письмо Паничкину, оказывается, было предметом обсуждения профсоюзного собрания, и мне был послан коллективный ответ. Но ответа я так и не получил ввиду моего перемещения из резерва СЗФ в мае 1942 г.

Славку выучил еще одному слову: «Дай». Так как я в ответ на такое требование давал то конфетку, то ручку поиграть, то он им быстро овладел в совершенстве. Он, правда, с большими затруднениями и перерывами между словами сказал целую фразу: «Баба ... дай ... ката (кашу)»

Вечером мы с Женей наперегонки стали дочитывать «Мордиус и К°» Локка. Хоть я начал позднее ее, но обогнал и кончил раньше. Ей вообще это не удалось, так как надо было идти на вокзал, и конец ей рассказал я. Роман в диккенсовском духе, хотя и в современном тоне. Мордиус — отменный негодяй. Тимоти — воплощенная добродетель, а «Осенний листочек», с виду легкомысленный, но совершенно неожиданно оказывается добрейшей души человек, выручающий Тимоти из беды, когда его все забросили. Конец, конечно, благополучный.

У кассы встала Женя, а я вышел подышать свежим воздухом. У нас с ней не было справок о санобработке, а без них могли и не дать билетов. Какой-то парень рассказывал другому, что он сейчас был в бане № 3 и за 5 минут получил справку.. Со слушателем я кое-как разыскал баню. Сидит женщина-одиночка и скучает: «Давайте командировку». Вот тебе и на: они обе у Жени. «Напишите на отдельной бумажке». — «Не имею права. Давайте какой-нибудь документ». Дал я ей справку о болезни, и мне безо всякого даже осмотра шлепнула свой штамп.

Пришел я в кассовый зал, забрал удостоверения, оставил ей вещи и побежал уже один в баню. Объяснения мои были спутаны и сбивчивы, но благодушие и благожелательность санпропускной дамы были безграничны. Терпеливо она еще раз тиснула свои штампы, в том числе и на удостоверение отсутствовавшей Жени. Со справками я успел вовремя, и через несколько минут мы уже имели билеты в мягкий вагон, а еще через некоторый промежуток времени мы уже лежали на мягких диванах. С 1941 г. я не ездил в мягких вагонах и с удовольствием растянулся на своем ложе. Выехали мы в половине пятого, а проснулись в 11.30.

[В Свердловске в штабе УралВО ждет назначения]

Удивительно теплый год, вернее, теплая зима. Сильнее морозов не должно быть, а между тем я разгуливаю в сапогах, а главное, с открытыми ушами. Конечно, я несколько попривык, но морозы хотя бы зимы 1941/42 года заставили бы забыть всякую привычку. Поди, не ниже минус 20 градусов, может быть, с хвостиком.

Еще при выходе из госпиталя я заметил, что у меня неладно с деснами. Я думал, что поранил их хлебной мякиной. Но скоро они начали кровоточить, опухли и стали дурно пахнуть. Я догадался, что нажил цингу и решил принять меры. У Джека Лондона в «Смок и Белью» я вычитал о чудодейственном влиянии на цинготных сырой картошки. Я решил попробовать и стал жевать ее в сыром виде, а сегодня так и прямо только с промытой под краном кожурой. Организму, видно, нужно, противность почти совсем не ощущается. И кажется, положение улучшается. Правда, десны днем зудели, но уже не кровоточили, да и опухоль спадает. Продолжим это лечение.

<…>

25 января. Вот ведь деятельная натура. Не дождавшись моего звонка, Михаил Мироныч [Хохлович] поднял меня звонком вчера в двенадцатом часу ночи. Сообщение его сводилось к следующему. По его инициативе Облисполком, в частности Гольдберг, написал письмо генералу Катукову с просьбой освободить меня от воинской службы и направить в распоряжение Челябинского облисполкома. Хохлович будто бы лично отнес такое письмо в гостиницу генералу Рабиновичу, начальнику АБТ войск округа, и тот обещал передать его генералу Катукову. «Как ты на это смотришь? Я все время говорю, что Паничкин сам должен был этим делом заняться». — «Я хочу сказать Вам то же, что и говорил в свое время Паничкину: до конца войны я хочу остаться в Красной Армии, а там, надеюсь, меня задерживать не будут». Хохлович (по телефону видать) руками и ногами замахал: «Только не говори так в округе — тебя наверняка тогда не отпустят». — «Я того и хочу». — «Но надо учесть, где ты больше пользы принесешь…» и т.д. Одним словом, я кланялся и благодарил, а обещать ничего не обещал. Жене просил передать, что моя судьба решится завтра: или склад, или общий отдел. На этом наш разговор и закончился.

<…>

А все же удивительно мягкая зима стоит. Ведь Миасс под мостом так-таки и не замерз полностью, на быстрине осталась большая полынья. В штабе округа я подслушал сегодня, что в Ленинграде сейчас +2°, в Москве и Киеве +1°, и это в дни, когда «Стоял мороз такой жестокий, что птицы мерзли на лету». В этом году не замерзнешь.

<...>

<u>**31 января.**</u> Обычное отставание от событий. 28.1 я позвонил Ефимову, чтобы узнать, звонил ли он в штаб насчет меня. Тот ответил, что Успенский до 11 ч. на занятиях, и советовал мне первому позвонить. Я в 12 ч. звоню и слышу ответ: «Мы решили вас направить по вашей просьбе». Сейчас же звонок Ефимову. Он велел приходить оформляться, и я обещал прийти к 3 часам (к обеду). Прихожу в контору — «Подполковник обедает». Взял талон у Крымко и пошел в столовую. Не успел поздороваться: «А что, Борис Степанович, если бы ты сегодня поехал в Челябинск?» — «Если прикажете». — «А я так и прикажу». Я было хотел отложить поездку до завтра, но Яков Федорович настоял «на сегодня». Я должен был помочь Челябинскому отделению организовать вертушку и везти ее, погруженную, в Свердловск в качестве начальника эшелона. Челябинское отделение ликвидируется в основном, и надо имущество его перевезти на основной склад.

Началось бешеное оформление на роботе и выписка командировочных документов. Потом часа полтора Ефимов меня инструктировал, так что когда все кончилось, до отхода поезда на Челябинск оставалось 10 минут. Домой попасть нечего было и думать. Я вскочил на пикап и помчался на вокзал. Купил перронный билет и без его помощи по тоннелю пробрался на перрон. Там оказалось, что № 82 еще и не приходил, хотя он в 17.15 должен был уже уйти. Ждал я его прихода часа полтора, а по приходе выяснилось, что посадка будет примерно через час. Люди, билеты имеющие, заняли очередь и стали ждать посадки. А мне чего было ждать? Мне, безбилетному зайцу, требовался удачный случай, а не в очереди его надо было ловить.

Я пошел на старый вокзал. На офицерской кассе четкая надпись: «Выдача билетов только по предъявлении справки о санобработке». Это, а также проклятая застенчивость, ясно представлявшая мне, как все с удивлением и насмешкой будут смотреть на меня, требующего билет на № 82, который по расписанию, хоть и не в действительности,

уже давно ушел, помешала мне даже попытаться получить законный билет. Погрелся в читальне и опять пошел на перрон, с расчетом, что стоявших на перроне уже впустили, а посадки еще нет, и я, пользуясь пониженной бдительностью проводников, сумею проскочить в вагон. Но оказалось, что еще никого не впускали.

Опять пришлось бродить по перрону, прижимая голыми руками (варежки я где-то у Ефимова оставил) сверток с хлебом и рыбой, выданными мне в качестве сухого пайка. Но вот начали понемногу народ впускать, и хоть народ перся дуром, привычные контролеры успевали проверять билеты. На мое счастье, я заметил, что какой-то красноармеец, поспешно прибежав, позвал своего друга за собой. Я сразу заподозрил неладное и побежал за ними. Подозрения мои оправдались: противоположная дверь вагона необъяснимым образом оказалась открытой. По буферам пробрался я в тамбур, а оттуда в вагон. Поспешно скинув шубейку, я сделал вид, что сижу уж здесь по крайней мере 7 лет. Краем уха слушал, как проводница ругалась на кого-то за открытую дверь, требовала с кого-то билеты, но делал вид, что сие меня не касается.

Я развернул сверток и начал ужин. С голодухи рыба показалась вкусной, и, не учитывая соленость, я съел ее порядочный кусок. В наказание я мучился жаждой всю ночь, пока не напился прямо из умывальника. Впрочем, не было недостатка и в других неудобствах. Хотя я довольно рано забрался в вагон, но места на верхних полках были уже заняты, и ночь пришлось дремать в полусидячем положении, принимая самые нелепые позы. Кроме того, в вагоне оказались клопы, разгуливающие по пассажирам довольно бесцеремонно.

Билеты с меня так и не спросили, и 29.1 в 11 часов я прибыл в Челябинск. Дома, как и надо ожидать, баба и Слава да еще вернувшаяся из больницы Маруся. Слава меня на этот раз признал сразу и обрадовался весьма. Мать меня накормила вчерашними щами, и я часок вздремнул. Потом пошел разыскивать склад 307, расположенный в районе ст. Шершни. Пошел пешком по Уфимскому тракту. Дул сильный холодный ветер прямо в лицо, но я к нему довольно скоро привык. Дошел почти до складов Госрезервов. Тут меня какой-то дядя поворотил обратно к складам в березовой роще. Но это оказался склад НКО 371 (продовольственный), и мне оттуда

пришлось выходить тропинкой на ст. Шершни, где я наконец и разыскал склад 307.

Начальника склада Золотовицкого не оказалось, а главбух Ларионов направил меня обратно в город, заявив, что Золотовицкого я завтра увижу. В 18.40 шел поезд на Челябинск, но я почел за лучшее идти пешком, надеясь дойти раньше и дешевле. Обратно я пошел уже по Троицкому тракту, но дойдя до радиостанции, в наступивших сумерках, не нашел ближайшего пути и проплутал по бесчисленным дорожкам.

Вечером собралось все семейство. Начались рассказы о ребятишках. Сообщили, что Славка обижал Володьку, и вообще чуть ли не сильнее его. Это, конечно, не так. Ростислав (возможно, и в силу возраста) более склонен к физическим упражнениям, а Владимир, вообще парень, не умеющий за себя постоять, кроме всего боится, что Славка будет пищать и ему попадет, и поэтому предпочитает сам жаловаться на него. Но что Славка, очевидно, и в силу своего неумения говорить, является превосходным жестикулятором, — это факт. Женя рассказывает, что как-то она пригрозила Славке зажарить его. Он призвал бабу и нажаловался на мать. А чтобы было понятнее, так он свою задницу в печку засунул. Впрочем, выговор у него, кажется, улучшается. «Папа» он опять хорошо говорит, не говорит вместо «я» — «йя».

30.1, в воскресенье, я к 9 ч. пришел на вокзал и через 20 минут уже ехал опять на Шершни, заплатив за это удовольствие 1 руб. Застал я и Золотовицкого, и Преклонского, и представителя ЗКУ (управления передвижения войск). Они, впрочем, скоро уехали в город, а я остался «наблюдать за погрузкой». Впрочем, наблюдать мне надоело, и я сам начал грузить, что, безусловно, в мои функции не входило. До обеда грузили только работники склада, а после обеда Золотовицкий привез целый взвод в 45 человек, и дело пошло скорее. Я, впрочем, вскоре пошагал обратно, справедливо решив, что дело погрузки и без меня сделается.

Вечером между Женей и Евой Давыдовной завязался животрепещущий, но нудный разговор о том, в каком магазине хуже отоваривают карточки, как получить продукты и т.д.

Сегодня я день посвятил устройству личных дел в Облплане. Прикрепить жену к «Гастроному № 5», где снабжаются начальники

секторов Облплана, мне не удалось, но зато у Амбаровой я выпросил лампочку на 120 В (до сих пор у нас дома все лампочки были на 220 В и горели едва-едва), у Морозовича получил талон на 120 г махорочного табака, курительную бумагу и красно-синий карандаш, а у Элеоноры Ивановны Елкиной курительной же бумаги и 4 блок-книжки. У Кирьяна получил талоны на 200 г легкого табака и записную книжку, а кроме того, записку к начальнику Военторга УралВО Овчинникову с просьбой помочь мне приобрести звездочки, обмундирование и вообще, что потребуется. У Кирьяна приехал отец, и Кирьян окончательно решил с ним ехать. Я ему велел писать на квартиру. Вечером звонил на склад, но Золотовицкого так и не застал. Завтра придется ехать с утра, тем более что надо получать или сухой паек, или талоны на питание.

3 февраля. Командировка близится к концу, но конец, как всегда, дается труднее. 1.2 я решил попасть на склад с утра. Понадеявшись на свою скорость и на привычное опаздывание поезда, я вышел из дома поздно и сам запоздал к отходу. В наказание мне пришлось опять идти пешком, на этот раз вдоль пути. Шел в сапогах и убедился, что зимой в сапогах идти тяжелее. Ноги приходится напрягать, чтобы не поскользнуться, походка получа…

5 февраля. Согнал меня с места нач. станции Шершни, так и не дав закончить. Так вот… походка получается четкая, зато бедра болят. На складе я пробыл часов до 12-ти, пока не смылся Золотовицкий. Я хотел ехать с ним, но он не советовал, обещая, что я в санках ноги поморожу в сапогах. Пошел опять пешком. На складе меня кормить отказались, и я пошел на продпункт Ленина, 72. Оттуда меня направили на Кирова, 90, к коменданту города. Там, когда выяснилось, что я работаю в Свердловске, дали талоны в столовую на Воровского, 2, т.е. в бывшую Центральную Гостиницу, «аннексированную» на время войны КЭУ гарнизона. Обед сготовлен неплохо, только что порции маловаты, а главное, что все это безо всяких очередей. Вечером у Блювштейнов занялся копированием карт районов Ленинграда и Львова, пока Женя не позвала купаться. Плиту добре раскалили, и я вымылся не хуже, чем в бане.

2.2 завтракал в столовой. Там есть стол с надписью «Для УДП и СП». Буквы должны означать «спецпитание» и «дополнительный

усиленный паек», а вот Морозович говорит, что первый означает «сейчас помрешь», а второй — «Умрешь днем позже». После завтрака ушел к Жене и оттуда звонил Золотовицкому. От него узнал, что Ефимов разрешил грузить часть вагонов на 500-й км и что Золотовицкий намерен к 18.00 Москвы закончить погрузку. Я пошел домой и закончил у Блювштейнов р-н Львова. К 3 часам пришла Женя, которая тоже собралась ехать в Троицк в командировку. Я отдал ей 3 талона на ужин и 1 на завтрак, а в обмен забрал на дорогу 10 печеных картошек. Одолев без особых затруднений двойной обед в столовой, я собрался и пошел на склад.

Здесь я прижал Золотовицкого и заставил его изложить свои планы на дальнейшую перевозку. С его слов, с трудом набрали груза на 4 вертушки, но кажется, и все 5 будут. Оформили документы, а тут и паровоз подошел, начал вытягивать вагоны и формировать состав. Пошли на станцию. Паровоз, который должен был нас отвезти на ст. Челябинск, был заказан на 22.00, но так до утра и не пришел. Понемногу все разошлись, и я остался один, с тем чтобы по прибытии паровоза забрать проездные документы.

Как на грех, случилось происшествие. Делали маневры и случайно толкнули плохо закрепленный состав. Станция стоит на уклоне в сторону Челябинска, ну состав и тронулся, все ускоряя ход, разрезал выходные запертые стрелки и едва был остановлен «башмаками» каким-то не растерявшимся стрелочником. Здесь я впервые увидел действие центрального стрелочного управления. Все было спокойно, как вдруг ДСП взглянул на электрифицированную схему стрелочных путей станции и, схватив телефонную трубку, закричал в нее: «Первый! Что это у вас делается?» Ответ, очевидно, был неутешительного свойства, ибо дежурный разразился неистовой, хотя и не очень горячей руганью. Тон повысился, когда вошел виновник происшествия, еврей, составитель. Посыпались оскорбления: «Паразит», «Жидовская рожа», «Киевский вредитель»; дальше следовали обвинения: «У тебя, я знаю, чемоданное настроение, ты каждый день сводки читаешь, все о том, что под Житомиром твоим делается, а не о работе думаешь»; «Ты просто нарочно вредительствуешь: Пускай я их подведу», — и наконец пожелание: «Я б тебя здесь сейчас пристукнул, да не хочу за такого паразита отвечать». И все это как-то без особого вооду-

13 Заказ 1254

шевления, вроде по долгу службы. Еврей тоже воспринимал это как должное, и только хотел все предложить что-то для исправления положения, но разошедшийся дежурный его не слушал и продолжал свое. Вызвали ДС, доложили диспетчеру, составили акт, рассортировали составы, и снова потекла жизнь станции. Мне надоело ждать, и я пошел в теплушку, где и не замедлил уснуть.

В Челябинск мы попали 3.2 часов в 11, а выехал оттуда в шестом часу вечера. Я успел сбегать в агитпункт, почитал там пару старых журналов «Красноармеец», а остальное время читал газеты, принесенные в вагон пом. ЗКУ л-том Преклонским и пытался сочинить музыку на слова Пушкина «На холмах Грузии». Теплушка оказалась довольно паршивая: много дыр, везде дует, и даже раскаленная печка мало давала тепла в конце вагона. Впрочем, на постели, выданной нам Тулуповым по распоряжению Золотовицкого, под одеялом да под шубейкой одетому спать вполне можно было.

Ехали довольно быстро и, главное, без излишних остановок. <…>

В Свердловск мы прибыли в 1 час дня. <…>

Зима, хоть и со значительным опозданием, наступила: без предварительного опубликования декрета январские морозы перенесены на февраль. И безо всяких поблажек — что называется, дух захватывает. Ефимов, на основании каких-то прогнозов ж.д. бюро погоды, обещает раннюю весну. Посмотрим!

А какие события! Немцев лупят под Ленинградом, окружили у Корсуни, сшибли у Ровно и Луцка. Еще один рывок, как этот последний, и мы в Польше. Я еще в январе высказывал предположение, что наши попробуют прорваться на Стырь и Серет, чтобы и прикрытие иметь, и к границе достаточно близко быть. Посмотрим, прав ли я был. По-моему, теперь должны последовать удары на юго-западе в направлении Тернополя.

7 февраля. Снова в Челябинске. Вертушку нашу на обратном пути должны загрузить дровами в Уктусе, а разгрузить на Электростанции. Преклонский пообещал дать на все это 6 часов, но никто в это не верит, и Ефимов рекомендовал мне ехать с пассажирским поездом. Через л-та Покасова, заведующего бронями ВОСО округа, мне было обеспечено место в плацкартном вагоне, и я, пообедав и захватив за ужин хлеб и рыбу, пошел в 2 часа на вокзал. Поезд отчаянно запоздал,

билет я получил в первом часу, посадка была произведена в 2 часа, а выехали в половине третьего.

8 февраля. Продолжаю. Время тянулось муторно долго. Единственное развлечение — чтение мемуаров Бисмарка — доставляло мало удовольствия: слог тяжелый, изложение полно непонятных намеков и ссылок на неизвестные мне издания. Отметки на карте занятых нами за последнее время пунктов заняло мало времени. Могу похвалиться предусмотрительностью: из изготовленных за последнее время карт не используются только карты Крыма и Первомайска.

Пришлось сходить на пункт саносмотра. Очередная формальность с очередной странностью: транзитных пассажиров осматривают, местных нет. Медсестра так и высказалась: «Мы только московских осмотрим». Выходит, что московские вши супротив свердловских не в пример вреднее.

В 8.50 вечера снова «важное сообщение»: немцев взлупили у Никополя, опять окружено и уничтожается свыше 5 дивизий. Отрадно, и весьма, хотя с моим предположением не совсем сходится. Я ведь полагаю, что к моменту, когда немца надо будет громить вконец, нам важнее всего быть к западу, а на юге он и сам сдохнет. Но впрочем, видать из общего хода событий, что главные силы на Украине в руках Ватутина. У него даже более, чем требуется, растянулся фронт, он таки, право, становится громоздким, и таки не мешало бы его или разбить надвое, или же передать часть его протяжения Коневу, с тем чтобы последнего компенсировать за счет Малиновского или Толбухина. На севере нежелательное замирение под Лугой и Гдовом. Желательно, и именно к 23.2, овладеть Псковом, но для этого надо, очевидно, чтобы СЗФ взялся решительнее за Старую Руссу, рванулся на Дно и совместно с остальными двумя фронтами охватом и штурмом захватил Псков.

В вагоне сверх обыкновения было жарко, и видно, поэтому я, проснувшись уже в 11-м часу, встал с опухшей физиономией. Сердце дает себя знать. 4.2 я, лежа на диване, вдруг почувствовал, как оно затрепыхалось ни с того ни с сего. В вагоне я встретил знакомого, фамилию его я так и не вспомнил, но, кажется, он трамтрестом управлял. Прочитал взятую у него книжку о экипаже миноносца «Стойкого» из периода Отечественной войны. Это — ряд очерков,

написанных не ахти. Начнет писать о каком-нибудь эпизоде, ну, думаешь, сейчас развернется героика — а дело оканчивается пустяком. А действительная героика проходит вяло, скучно: никак автор искусством композиции не владеет.

Ехали мы 12 часов с частыми и длительными остановками. Стояли мы в Муслимово, в Баландино, в Чурилово. Из разговоров пассажиров я узнал, что эвакуация ЗИС в разные места Союза и развитие этих филиалов привело к организации целого главка ЗИС, который объединяет, между прочим, заводы в Миассе, Ульяновске, Кузнецке и других местах. Вот показатель развития промышленности СССР в военное время. На Миасском заводе уже 5 автомобилей стоят на конвейере.

В Челябинск прибыли 7.2 в 2 часа дня. Идти домой было тяжко. Во-первых, я приехал в валенках, а в Челябинске, как назло, теплынь: с крыш капает, и на улице Елькина между улицами Спартаком и Воровского я уже вечером видел подмерзший поток. Да и 4 и 5.2, когда в Свердловске стояли трескучие морозы, здесь только бушевал ветер вроде, очевидно, сегодняшнего — сильный, с поземкой, но не с слишком низкой температурой. А вчера так и ветра не было, ну мне и приходилось париться. Во-вторых, захваченные с собой хлеб и рыбу я, соблазняясь примером многих, умял часов в 6 вечера, и утром мне пришлось только облизываться, видя завтраки других пассажиров.

Вдобавок при выходе с перрона со мной приключилась кратковременная, но очень взволновавшая меня неприятность. Решив, что в поезде проверять документы много хлопотнее и что мы все равно изволили запоздать, челябинская милиция взялась проверять документы при выходе с перрона. Ну а я засунул их в книгу, сразу не обнаружил и минут 10 шывырялся по сумке и по карманам, воображая себе все последствия, если я их где-нибудь посеял, что от меня вполне ожидать можно.

Но в конце концов я добрался до дома и застал дома по обыкновению бабу и Славу. Впрочем, не совсем так: у Валентины опять были гости. Как я узнал несколько позже, наш дом вообще превратился в гостиницу. Одновременно собрались сессия Облсовета по вопросам просвещения и сельского хозяйства и актив легкой промышленности. Ну и гостиничный фонд города, загруженный к тому же постоянными

жильцами, не выдержал. У нас одновременно ночевало 4 человека. С двумя из них я познакомился. Один из них — директор ОРСа Миасского автозавода, организованного на базе Чебаркульского свиносовхоза. Второй — Флейшман, директор Троицкого кожзавода, о существовании которого я узнал впервые. Завод организован во время войны в помещении «Смычки», которую выселили в какой-то мельзавод. Впрочем, кожзавод уже пристроил новые здания и вообще, по заявлению Флейшмана и Жени, приобрел вполне солидный вид. Выпускает он полувал и хром. Сам Флейшман — эвакуированный из Винницы, где он был зампред Горсовета, а до этого директором какой-то «крупнейшей» фабрики легкой промышленности. При эвакуации он уничтожал невывезенное имущество, потом был ст. инструктором в политотделе дивизии. Был забран на работу в политотделы МТС и был начальником политотдела МТС Троицкого района. По ликвидации МТС отправился оттуда в Облвоенкомат, но был оставлен Обкомом ВКП(б) на работу в партаппарате райкомов, сильно от этого дела отбрыкивался и при содействии случайно очутившегося в Челябинске замнаркомлегпрома сделался директором кожзавода. Хвастаться он мастер, но при всем том, видимо, человек дела и действительно сумел организовать производство, используя свои легко завязываемые при его общительности и услужливости связи.

Мать меня накормила капустой и солеными помидорами — витаминозная, но малопитательная пища. Талоны у коменданта я получил, но дожидаясь задержавшуюся Женю, я на ужин запоздал и все же, не дождавшись Женю, поужинал супом и картошкой с салом. Ни черта не наелся, но, видимо, глаза были не сыты: утром я проснулся сытый. Позавтракал неплохо. В гостинице мне дали масляную кашу и миску кофе. Да еще дома перекусил картошки с помидорами.

На поезд, как водится, опоздал. Под сильным боковым ветром прошел на склад и... Золотовицкого не застал. Впрочем, узнал все, что нужно. Вертушка еще не пришла (вот тебе и 3 часа на погрузку), груз подобран для «Сортировки», за исключением двух вагонов бумаги, погрузки которой требует начвещ округа, но которая обычно идет на Центральный. Один вагон, данный дополнительно для вертушки, уже загружен ватным обмундированием, да еще 8 платформ с обозом хотят к нам прицепить — состав выйдет солидный. Грузы

подтаскивают к месту погрузки и подсчитывают, пути расчищают — словом, готовятся вовсю к приему вертушки.

Тулупов, который сейчас замещает Ларионова, дал мне 2 талона на завтрак. Оба завтрака (кусочек рыбки с тушеной морковью) легко уместились на одной тарелке, а так как хлеба я не взял, закуска получилась сугубо не солидная, хотя она помогла дождаться обеда. Уехал я в 3.20 с поездом, и прямо в столовую. Обед стоит 1 р. 05 коп. и соответствует цене: жиденькая лапша и винегрет со сметаной. Женя утром мне дала талон в гост. «Южный Урал». Я пошел и застал в вестибюле Вакулова, Костюченкова, Саутину и Маркова. Вакулов всем рассказывал, что обед неважный и дорогой (22 руб.). Это, а также очередь у вешалки, заставили меня повернуть кругом. Только дорогой я сообразил, что при базарной цене хлеба в 200 руб. кило, только 200 г хлеба, полагающегося к обеду, стоят 40 руб. Талон я отдал Валентине. Вечером ужинать пошли с Женей. Нам повезло. За хлеб по 75% эквиваленту выдавали пончики, а ужин состоял из стакана сметаны и кофе. Женя еще в Троицке испортила себе желудок и сильно им страдала. Сметана, хоть и очень жидкая, подействовала бальзамически. Как мало надо для ее исцеления и как трудно его достичь.

9 февраля. От Жени позвонил на склад: «Вертушка разгружается». Опять мне делать нечего. Впрочем, было дело, к которому я приступил с великим трепетом и большой неохотой. Ефимову я сказал, что аттестата у меня нет и шинели нет. Он сначала обещал составить акт, но в последнее свидание наше собирался спросить Крымко, как следует оформлять такие дела, и собирался поручить сделать ему запрос госпиталю. Я заверил его поспешно, что я и сам сумею в Челябинске за аттестатом. У меня была слабенькая надежда на осуществление следующего плана: я сдаю госпиталю мою старую, еще ЧПУскую шинель, которую я в апреле 1942 г. оставил папе, передавшему ее по наследству Маргарите, а мне дают аттестат, по которому следует, что шинель за мной не числится. Шинелишка эта извозилась и замызгалась до того, что и на утиль-то ее сдавать совестно, а не то, что в госпиталь, однако это был единственный выход, чтобы не оказаться лгуном в глазах Ефимова.

И вот я в госпитале. Кладовщик (или нач. ОВС, не знаю) меня узнал, но попросил подождать, пока он с ранеными разделается. Наконец я

ему изложил свое дело в том духе, что аттестат я потерял, а заодно нельзя ли сдать старую шинель, чтобы иметь возможность получить на складе новую. Он подумал и сказал: «Можно». Я чуть не запрыгал от радости. Он с моих слов снова выписал аттестат, а на вопрос «Когда занести шинель?» — ответил: «Не надо». Я буквально выскочил из госпиталя, как ошпаренный, и с радости завернул вполголоса парочку многоэтажных матов, которым я обучился еще в профшколе. Все бы неприятности так кончались. Но вот природа человеческая — при всей радости у меня мелькнула мысль: «Как было бы хорошо, если б и уворованная у меня шинель сейчас была б цела». То, что я никогда б в этом случае не пошел в госпиталь исправлять аттестат, конечно, во внимание не принимается.

В Облплане узнал печальную новость — убит еще один облплановец — Лева Паенсон. Паничкин еще в начале войны клеветал на него, что он от войны уклоняется, и вот он был трижды ранен и погиб на поле боя, а Николай со спокойной совестью просиживает кресло. Надо думать, Грункина безутешна.

Приходил за справкой о работе в Облплане Кирьян. Едет дня через два. Морозович обрек его заранее. Ему это легко быть так «объективным», а мне хочется вместе с Кирьяном верить, что смена климата, степной воздух и обильное питание еще поставят его на ноги. Воевал же Усиков с одним легким.

Вот и здесь холода наступили, не свердловские, но все же солидные.

Интересно, что Славка на своем тарабарском языке порой выговаривает и «мо-ло-ка», и «ва-лян-ки», но заставь его сказать «молоко», и выходит либо «ко», либо «ма-ка», либо «макана». Следовательно, произносить слова он вполне способен, но орган, управляющий произношением слов, у него бесконтрольный и действует помимо сознания.

10 февраля. С утра на складе. На поезд чуть не опоздал: он тронулся, а мне еще пробираться через два пассажирских состава, да еще тетка впереди меня путалась. Хвост уже прошел мимо меня, когда я очутился на нужном пути. Однако я все-таки догнал поезд.

Погрузка уже началась. Встретился с Преклонским, посмотрел, что грузят, выбрал новую теплушку и часа в 2 уехал с ним на товарном

в Челябинск. После обеда я прилег и так вздремнул, что только Женя уж меня чуть не в 8 часов разбудила. Я хотел наскоро поужинать и успеть к 9-часовому поезду, но Женя стала у меня просить совета по следующему делу. Будучи в Троицке, она установила, что директор шорноседельной фабрики Сосонко для «успешного» выполнения плана пустился во все тяжкие. К патронным сумкам не приделал лямки, но зачислил их не только в валовую, но и в товарную продукцию; вместо нормального офицерского ремня нарезал из импортного сырья узких ленточек, которые у него в Курске забраковали; неправильно обсчитал валовую продукцию по нескольким видам продукции и таким образом «досрочное выполнение» плана натянул. Троицкий горком ему дал выговор и сообщил в Обллегпром, Облик, обком и Наркомлегпром. Кажется, ясно — очковтиратель, но положение осложняется. Директиву любым способом выполнить план дал заместитель Баранова Каталь, и у Сосонки нашлись покровители в области (представитель Троицкого горкома на активе так и не выступил с разоблачением) и есть в НКЛегпроме. Дело хотят замять, но Женя опасается, что есть люди, которые хотят это дело довести до конца.

14 февраля. Закончу. Я Жене посоветовал: 1) не визировать ни одного отчета, где будет фигурировать это «выполнение»; 2) поговорить конфиденциально с знакомым ей майором НКВД о том, что надлежит ей предпринять. Я таки за такую настойчивость в разоблачении здорово пострадал, но иного совета я не мог и не хотел давать.

До склада добрел пешком. Там меня встретил торжествующий Тулупов: «Теперь вас приходится ожидать для оформления документов». Но поспешишь — людей насмешишь. Номера вагонов кое-где в открытых листах оказались неправильными. Золотовицкий на этот раз стал просить у Ефимова уже не людей, а бензина. В 11 часов, сдав свой мешок в теплушку, я пошел на станцию за документами. Пока шла формировка, пока списывала конторщица номера вагонов, пока выправили мы с ней ошибки (на один вагон спутан был номер, на один — совсем не выписана ведомостичка), время пошло на 5-й час. Я укутался в полушубок и проспал часов до 8-ми, пока не пришел Золотовицкий. Он просил передать Ефимову папаху, которая почему-то не подошла полковнику Мореву. В свою очередь, я просил его прислать плотника, чтобы уделать дверь, и снова задремал.

В полусне я слышал, как орудовал плотник, пока не двинулся наш состав. В Челябинск прибыли 11.2 в 10 часов, а выехали в 1 час дня. Все это время наша охрана, а вернее, то, что от нее осталось, была как на иголках. Оказалось, что в 6.30 нач. караула, забрав с собой троих бойцов, уехал в Челябинск в свою часть получать продукты. Ну и прополучал: уехали без него и без продуктов, а главное, без надежды, что он догонит нас до Свердловска. Оставшимся досталась двойная тягота: нести охрану за отсутствующих и животы подтянуть до предела. Ну, дал я разводящему кусочек хлеба, ну дал взаимообразно из своих запасов Преклонский, но потребность удовлетворить этим, конечно, было нельзя.

В Свердловск прибыли 12.2 в 11 часов. <…>

Вертушка ушла из Свердловска еще 13.2, а поезд № 82 вышел по существу из Свердловска 15.2 в 5 ч. утра и пришел в Челябинск в 4.15 вечера.

Дома мама и Слава. Лексикон его продолжает расширяться. Он знает слова: «Бобо» (тоже «Вав-ва», т.е. больно), «Баб-ба-ба» (падение), «Тай» (там), «Пока, пока» (до свидания, «Ура» (Шура), «Ута» (Маруся), знает свою фамилию: «Ка-та-ни-на». Если раньше он говорил, когда ему тоже надобно было что-нибудь, «Й-я, й-я», то сейчас спрашивает: «А я?» Взял привычку, если ему что-то говоришь, переспрашивать: «Да?» Уже говорит не просто «Дай» или «Дай я», а «Дай мне». Пить просит: «Пи», сладкое — «Нца». Это все за мое отсутствие выучился. Пора, пора.

Вечером с Женей пошли звонить на склад в горбольницу. Стравил в автомат 3 гривенника, и все зря. Один раз 43, 2 звонка оказался занят, а потом телефонистка перестала меня слышать. Я пошел в помещение скорой помощи и у разбуженной медсестры попросил разрешения позвонить по настольному телефону. Сначала попал почему-то в управление трамваев к какому-то Мельникову, и только при повторном звонке нащупал Золотовицкого. Он только и сказал, что вертушка разгружается и что он завтра будет дома до 11 часов.

Вчера я пошел к 9 ч. на вокзал, по пути задержался разговором с какими-то лейтенантами, ищущими полк самоходной артиллерии, и бесплодной попыткой купить билет на поезд. Поезд стоял впереди вокзала, и я не смог догнать его, когда он тронулся у меня под

носом. Встретил Преклонского, и он затащил меня в продпункт, узнать о сроках подачи вертушки. По тамошнему ж.д. телефону он не смог добиться диспетчера, и нечего было и думать позвонить в склад. Пришлось шагать пешком. Под ветер идти было не трудно, но все же сапоги давали себя знать, в особенности в сочетании с теплыми штанами. На складе я изложил Золотовицкому свои и Ефимова претензии по части погрузки, и мы прошли с ним по территории, рассмотрев грузы, предназначенные к отправке. В обратный путь я тронулся во втором часу. На этот раз идти против ветра было еще труднее, и я совсем обезножел. Дома закусил вареной картошкой и завалился спать.

Вечером с Женей пошли на концерт Ленинградского академического ордена Ленина театра оперы и балета им. Кирова. За билет 10 ряда пришлось платить по 40 руб., хотя Женя говорит, что в Большом театре 8-й ряд стоит 30 руб. Она высказала предположение, что это из-за малой вместимости театра. И в самом деле, несмотря на такие бешеные цены, театр оказался набитым битком. Обычный довоенный состав публики изменился, из знакомых я увидел только Голубовского, Сумина, Водовозова и Кубышева.

Выступали, видимо, звезды второй величины, т.к. среди лауреатов Сталинской премии, орденоносцев и заслуженных артистов не нашлось ни одного народного артиста. Выступали Прицкер (рояль), Позен (виолончель), Холмина (сопрано), Мшанская (меццо-сопрано), Плешаков (бас), Претков (бас), Дудинская, Стуколкина, Каплан и Андреев (балет). Еще какая-то красивая, но недостаточно легкая на ногу балерина (Войтнис) танцевала что-то из «Корсара». Программа, состоящая главным образом из классических номеров (вальс из «Коппелии», песнь Варяжского гостя, ария Гремина, «Мелодия» Рубинштейна, «Колокольчик» Гурилева, танец из балета «Баядерка», танец «Вальс-каприс» Рубинштейна), исполнялась без того особого класса мастерства, которого всегда ждешь от артистов наших академических театров. Пожалуй, одна Дудинская местами была увлекательна, по поводу же большинства остальных номеров хотелось скорее хлопать композитору, чем исполнителю, хотя и относительно последнего трудно было бы сказать что-либо худое. Всеобщее воодушевление вызвал заключительный номер концерта «Баллада о русском солдате» Прицкера в исполнении Фрейдкова. Но, как справедливо выразился долго раскланивавшийся

исполнитель, значительную часть аплодисментов следует отнести за счет патриотических чувств зрителей.

Домой пришли уже в первом часу. Женя помазала ломтик хлеба кашей, которую баба получает для Славы с молочной кухни, и этим ограничился наш ужин. Перспективы питания семьи очень плохи. Картофель — основной продукт питания до сих пор — почти весь кончился. Покупать его по цене 50 руб. кило нет никакой возможности. Не хватает и хлеба. Мать вчера купила на базаре немного больше кило за 180 руб., и его сегодня уже нет, в то время как по карточкам хлеб взят уже по 19.2. Единственная надежда на привоз продуктов из командировок. Женя из последней поездки в Троицк привезла сала и помидоров, но все это привозится в столь малых, а потребляется в столь больших размерах, что надежным источником покрытия продовольственного дефицита командировки считаться не могут. Остается одно: загонять вещи и жить впроголодь. Так и идет дело. 13.2 Женя продала на базаре отрез на платье за 1200 руб. и жалуется, что денег уж нет. Были у нас с ней планы: устроить как-нибудь пельмени. Для этого надо кило 2 мяса (600 руб.) и хоть полтора кило муки (300 руб.) — это настолько дорого, что пришлось эту дурь из головы выкинуть. Да что там пельмени. Женя давно мечтает о каше. Я привез пшено, но каша не вышла, официально из-за отсутствия масла, а на самом деле — «чтобы не съесть все сразу». Вот он, организованный полуголод. Женя вчера выразила даже уверенность, что нам уже не придется попробовать пирожного. Я в это, конечно, не верю, но мечты о пирожном придется отложить действительно в долгий ящик.

Статья Варги «Планы послевоенной стабилизации валюты» («Война и рабочий класс» № 15, 1943 г.) меня заинтересовала как раз тем, о чем в ней не говорится: вопросом о стабилизации нашей валюты. Излагая планы Кейнса и Уайта, он признает, что «Советский Союз... заинтересован в том, чтобы валюты тех стран, с которыми мы ведем торговлю, были устойчивыми», но так как «у нас цены — а стало быть, покупательная сила рубля в государственном товарообороте устанавливаются плановым порядком» (подчеркнуто мной. Вся сила в том, что государственный товарооборот отнюдь не удовлетворяет потребностей населения, и наряду с ним существует частный, где цены устанавливаются отнюдь не планово), то «тем самым

отпадает также возможность каких-либо предложений в области экономической политики в отношении Советского Союза со стороны какой-либо будущей организации, будь то Международный банк или Валютный фонд».

Это все так, надо полагать, что мы и после войны будем продолжать благодетельный изоляционизм в области внешней торговли и валютной политики, но что будет делаться внутри страны для предотвращения расширенной инфляции? Именно расширенной, ибо в известных и довольно солидных размерах она существует и сейчас ввиду наличия свободной торговли.

Варга говорит как об источниках послевоенной инфляции о банковских вкладах (капиталистов) и вкладах в сберкассах (населения), накопляющихся в силу недостатка товаров на рынках и готовых обрушиться на освобожденный от военных ограничений рынок, что вызовет дороговизну и обесценение денег. У нас банковские вклады можно и попридержать и направить куда надо, да и не думаю, чтобы они у нас накоплялись, а не шли в дело, хотя бы на огромное промстроительство, не прекращающееся за все время войны. Население тыла едва ли усердно делает вклады в сберкассы — ввиду все понижающегося курса рубля это и невыгодно, и для подавляющего городского контингента просто невозможно из-за недостаточного снабжения и связанной с этим необходимостью закупки продуктов по «вольным» ценам. Остаются следующие три крупных источника скопления свободных денег населения: 1) вклады фронтовиков на полевых книжках, слабо используемые из-за невозможности реализации денег; 2) средства, получаемые крестьянством за реализацию с/х продуктов. Хотя реализация продуктов идет в сравнительно небольших размерах как из-за невыгодности реализации в падающих рублях, так и из-за недостатка с/х продуктов и затруднений в их транспортировке, но цены так выросли, а продуктов ширпотреба выпускается так недостаточно, что у крестьян могут быть и есть подчас очень значительные суммы. (Взносы сотнями тысяч в фонд Красной Армии. Рассказ Жени, как колхозник, купивший у нее отрез, вынимал деньги из базарного кошеля, набитого пачками денег.); 3) облигации госзайма. Последние хоть и представлены крупной суммой, но не представляют особенности военного времени и частично сдаются государству. В случае

нужды всегда можно и затруднить их реализацию или даже консолидировать на менее выгодных условиях. Высокие цены на рынке, кроме всего этого, создают большой денежный фонд в обращении. Этот фонд уходит в конечном счете в сокровища, рассмотренные выше, но и из него же пополняется вследствие невыгодности хранить падающие деньги.

Инфляция у нас налицо, и до конца войны она неизбежно будет возрастать. Следовательно, задача сводится не к предотвращению, а к ликвидации ее в послевоенные годы. Очевидно, надо изъять деньги у населения, поскольку невозможно в ближайшее время отоварить всю массу денег. Этим делом занимаются и во время войны. Сюда относятся такие мероприятия, как военный налог, денежно-вещевые лотереи, сборы взносов в фонд Красной Армии (Головатов, теперешние взносы украинцев), подарки бойцам (собираются деньги и покупаются из магазинов) и т.д. Военный заем ничем не отличается от обычного и поэтому сюда не входит. Это все прямые изъятия, и они являются основными, но частично применяются и косвенные. Это повышение цен на табак, коммерческие обеды, повышенные цены на промтовары (Женя уплатила по талону за валенки Славе 115 руб.).

После войны часть прямых обложений (военный налог, фонд Красной Армии, подарки бойцам и, может быть, лотереи) отпадет. Даже если ввести сборы в помощь пострадавшим от оккупации, и то значение прямых изъятий в большей мере должно упасть. А между тем необходимость изъятий не уменьшится. В широких масштабах и то только спустя несколько месяцев после войны можно наладить производство ширпотреба, не требующего с/х сырья и как раз менее необходимого населению. На этом много не выкачаешь денег. Остается один исход — расширить ассортимент и увеличить размеры сбыта «коммерческих» товаров. Карточки на продтовары ликвидировать никак нельзя, ибо цены из-за недостатка хлеба у государства прыгнули несусветным образом. А вот промтовары и, может быть, такие, как табак, сахар, мыло, можно и без карточек пустить. После сбора урожая (если только он не окажется слишком низким) можно будет думать и об отмене карточной системы на хлеб, может быть, при некотором повышении госцен на него.

Вот так, на тормозах, в меру изъятия излишних денег, может быть ослаблен госконтроль над личным потреблением. Это еще не означает начала изобилия, которое может наступить (если только не начнется новая широкая полоса промстроительства или военного строительства) не ранее чем после двух урожайных лет. Вообще от войны больше всего пострадало сельское хозяйство. Не только Челябинская, но и Свердловская область, и даже Татария «отстают», мягко выражаясь, от выполнения госзаданий, поставленных, надо полагать, с учетом имеющихся трудностей. Но после войны сельское хозяйство должно и может быть восстановлено в первую очередь. Без этого никакой дальнейший рост не только легкой, но и тяжелой промышленности невозможен.

Кстати, из цифр, приведенных Варгой, следует, что 1 фунт стерлингов = 26,25 руб, а один доллар = 5,25 руб.

Выписка из журнала «Война и рабочий класс» № 12, 1943 г., статья Сергеевой «О религии и церкви в СССР». «Таймс», передовая 17.9.43 «Русская церковь»:

«Главное значение возрождения патриархии и Синода надо усматривать в национальной жизни внутри России. За последние 7–8 лет советские вожди критически пересмотрели идеи, которые были приняты в качестве догмы во время революции 1917 г., подкрепив и укрепив одни из них, изменив и отказавшись от других. Идея патриотизма и преданности родине освобождена от того пренебрежения, с каким к ней относились в первые годы большевизма, теперь она глубоко почитается. Восстановлена поруганная и осмеянная в свое время святость семьи и семейных уз… Частью этого общего процесса — политический порядок, при котором обоюдная лояльность вполне совместима. Избрание патриарха <…> можно понимать как признание русскими свободы «вероисповедания». Сергеева отмечает, что политика наша не менялась, а вот «Таймсу» приходится как-то объяснять ложь свою в прежние времена.

Чикагская «Сан» 21.9.43 г.: «На заре революции в России церковь рассматривалась как оплот царизма, и поэтому против нее вели борьбу. Чем сильнее становится советское правительство, тем меньше оно опасается церкви, которая, со своей стороны, уже больше не ведет себя как враг государства». Сергеева замечает: «Тут есть зерно истины».

18 февраля. Наконец-то немецкая группировка у Корсуни ликвидирована, 70–80 тысяч фрицев лишены возможности больше вредить. Но следует отметить еще два обстоятельства. 1) Немцы сопротивляются еще отчаянно и в плен не сдаются: разложение еще не дошло до необходимых для поражения размеров, и фрицы все еще позволяют фюреру дурачить себя. 2) Хотя стенка кольца была не так уж толста и хоть она подвергалась двойному сжатию со стороны не менее 20 дивизий, все же немцам так и не удалось ее прорвать. А что же они смогут сделать против нашей обороны с одной стороны? «Незначительно вклиниться»?

Я было высказал сегодня утром опасение, что к 23.2 мы не успеем взять Псков. Валентина с многозначительным видом заявила: «Помяните мое слово — на днях вы услышите о Пскове и Крыме». Я начал ее исповедовать относительно источника. Оказалось, что это заявляла инспектор Наркомпроса, которая сие слышала в поезде от увешанного орденами партизана. Источник «авторитетный», но ничего, конечно, невероятного в сведениях, от него исходящих, нет. Молчание оперативных сводок ровным счетом ничего не доказывает. Для сердца советских граждан гораздо приятнее взять Псков 23.2, а не 20.2. Так почему бы не доставить нам это удовольствие, тем более что для этого надо только задержать опубликованием составленное сообщение.

19 февраля. По существу, эти три дня бездельничал. 17.2 я до 2 часов писал, потом пошел заказал Жене лекарство для глаз, а потом опять ушел домой, и только с приходом Жени и по ее, по существу, настоянию, сходил в детский сад «за Вовой», а по существу позвонить на склад. Какая-то девица ответила, что вертушка пришла, но не грузится. Ночевал спокойно.

18.2 пошел в госпиталь за печатью. Кладовщик сделал удивленное лицо: «Как это я вас забыл предупредить, что надо у подполковника поставить печать?» С полчаса я ждал Тейтельмана только для того, чтобы он сказал: «А печать находится у секретаря». Зашел к Жене, и с ней сходили в столовую № 2. Обед получился неплохой: вкусный картофельный суп и кусок мяса с гарниром из каши. Женя говорит, что это нам просто повезло. По пути захватил Женино лекарство и побрился в ДКС за пятерку. Вечером опять дома, даже звонить на

склад просил Женю. Ей ответили, что недогружено 7 вагонов, которые должны быть даны дополнительно, и что я могу спать спокойно.

Однако я не очень-то был спокоен и сегодня утром пошагал на склад. Там узнал, что эти 7 вагонов так-таки и не поданы, но без них Золотовицкий не хотел отправлять вертушку. Побрел обратно. Вечером пошел за Вовой со специальной целью звонить на склад. Золотовицкий ответил, что вертушка погружена, но еще не вывезена со склада. Я заявил, что буду ждать ее в Челябинске, а документы-де пускай передают карначу. Затем позвонил жене Баранова, не застал ее дома и передал ее дочери, чтобы первая часа через 3–4 ждала у агитпункта на вокзале.

Единственно путное дело сделал — прочитал «Пармский монастырь» Стендаля. Не помню, читал ли я его раньше, но сейчас я его читал как в первый раз. Порой его рассуждения утомляют, но в целом я увлекся, и не только фабулой, довольно занимательной, но и изложением, остроумным и оригинальным. В последнем много общего с Проспером Мериме.

24 февраля. Как и надо было полагать, вертушка с отправкой задержалась. Я пошел на вокзал в одиннадцатом часу, через служебный вход проник на перрон и долго искал ЗКУ. Поиски производил на пространстве от вокзала до этапного коменданта. Постепенно амплитуда поисков сокращалась, и я попал наконец куда надо. Дневальный долго не хотел меня пускать, но я все же прорвался к самому коменданту участка. На мой вопрос майор ответил, что вертушка стоит в Шершнях. Пошагал в Шершни. Участок с автоблокировкой, да еще расположенный наполовину в пределах города, ночью выглядит эффектно. Красные и лишь изредка желтые и зеленые огни светофоров бросают перед собой резкие интенсивные лучи, внезапно исчезающие при приближении к источнику света: обычный эффект прожекторов. По бокам и вдали светятся более скромные огни зданий, и все это в темной вате безлунной облачной ночи. Впрочем, снег создает иллюзию дополнительного свечения.

На станцию я пришел почти в час, и конторщица мне сообщила, что вертушку только начали вытягивать со склада — до этого часовой, не имея распоряжений, не впускал паровоз на территорию. Какой-то парень, не то смазчик, не то осмотрщик, рассказал, что

арестовали за воровство его хозяина, действовавшего заодно с шайкой воров-железнодорожников. Способ, который применяли, очень прост. Осмотрщик «проверяет» вагоны. Отодрал разделку — подшлемники, брать не стоит. Во втором тоже барахло, ну а в третьем пачки хрома. Тут подходит охранник с винтовкой: «Ты чего здесь?» — «Разделку укрепляю». Охранник уходит со спокойной совестью в хвост состава, а вор с неменьшим спокойствием отдирает разделку и выкидывает пачки хрома в полувагон стоящего на соседнем пути порожняка. Про одного из членов этой шайки ДСП Черных рассказывает, что тот за короткое время купил корову за 15 тыс. рублей и дом за 30 тыс. рублей.

Вообще воровство развелось сейчас в сильнейшей степени. Еще когда отправлялась наша вертушка в первый рейс, Преклонский рассказывал о показательном суде тоже над шайкой железнодорожников, которая за короткое время разворовала десятки тонн продовольствия, загоняя в темные тупики вагоны, в которых, по данным входящих в шайку весовщиков, находились интересующие грабителей грузы. Главарей шайки расстреляли, но это мало помогает. Вот еще показатель слабого действия наказаний, когда экономика толкает на антиобщественные поступки. И никакая казуистика по поводу того, что не все же воруют, здесь не поможет. Кто-то ворует «на законном основании» (блат), кому-то случай не подвертывается, кому-то трусость мешает, но так или иначе всеобщая нехватка действует развращающе, и мораль явно в упадке.

Вот Немкова рассказывает о другом суде над группой малолетних обитателей дома Облисполкома. Все дети почтенных родителей: у одного мать — инструктор обкома ВКП(б), у другого отец — дивврач. Возраст «преступников» от 14 до 16 лет. Таскали они что-то из какого-то ларька. Здесь уж не непосредственно улица, а развращающее влияние взрослых сказывается. В деревне не легче. Мать Татьяны рассказывала, что в соседней деревне Филатово чуть не каждую ночь грабят то тот, то иной дом. Действует будто бы шайка грабителей, выпущенных из тюрьмы в связи с мобилизацией. Вот уж этого я не понимаю. Ну, людей не хватает. Но ведь таких молодчиков далеко не всегда отправляют в действующую армию, а наоборот, чаще оставляют на тыловых работах. Ну так почему бы

14 Заказ 1254

их и не использовать в концентрационных лагерях? Здесь я, видимо, чего-то не знаю.

Документы оформили к 5 часам, и я пошел спать в теплушку. На станции Челябинск мы стояли чуть ли не весь день и тронулись лишь в пятом часу вечера 20.2. За это время я прочитал какие-то «Лучи смерти» неизвестного автора. Интересно лишь как развлечение.

Двигались быстрее обычного, и 21.2 в 11 часов прибыли уже в Свердловск. <…>

Но всему приходит конец. Нас вытащили наружу, и печка нагрелась до того, что пришлось раздеваться. Вообще наша теплушка приспособлена на 12 человек. По бокам настланы верхние нары: на одной стороне располагается 9 человек бойцов, на другой — мы с Преклонским. Кроме этих поперечных, есть еще двухэтажные продольные нары, идущие вдоль закрытых дверей теплушки, противоположных входу. Вверху устроился самый пожилой и почтенный боец команды, умеющий устраиваться с относительным комфортом. Внизу место карнача и разводящего, весьма дружных молодых ребят. Это, так сказать, официальное население теплушки, но, как правило, нет недостатка и в дополнительном населении. Мы твердо и довольно грубовато отказывали всем, кто просится, хоть люди ссылаются и на срочность дел, по которым они спешат, и заверяют, что у них есть документы на право проезда с товарными поездами, а порой и подкупают обещанием поделиться картошкой или табаком, которые они с собой везут. Но это все «чужие», а есть и «свои» То Преклонский сажает работников своего ведомства, то работники склада едут. В этот раз в теплушке набралось 19 человек. Кроме нас, 12-ти, ехали: Зоя [З.И. Морятова, племянница Е.П. Катаевой], Баранов и 5 человек сдатчиков имущества — ребятишки лет 15–16. Баранов и Зоя устроились на наших нарах, а сдатчиков засунули вниз. Вообще там холодище, но на этот раз было сравнительно терпимо. Впрочем, они и этому были рады. Приехали они еще с первой вертушкой, и все «сдавали». Ничего из питания у них уже не было, в Свердловске их не кормили, и они вынуждены были кое-что распродавать с себя.

Для комфортабельного житья теплушка не приспособлена. Собственно, это даже и не теплушка, ибо вторая обшивка у нее отсут-

ствует, и ветер свободно проникает в многочисленные щели. Крыша худая, и хоть на ней нет большого количества снега, едва только солнышко пригреет, с потолка начинается капель. Впрочем, потолок мокнет и при резком изменении температуры от холода к теплу внутри. Печка, как и всякая «буржуйка», греет только тогда, когда ее топят, при этом, в силу большого количества щелей, равномерности в нагреве различных частей вагона нет никакой: у печки жара, а в концах вагона с понижением от верха до низа идет зона холода. На головках сквозных железных болтов и на железных косяках слой инея и льда даже тогда, когда в вагоне тепло. Топят больше дровами, не всегда давая себе труд укоротить их надлежащим образом. Из-за этого дверца порой не закрывается, и дым заполняет вагон в дополнение к постоянно возобновляющемуся табачному чаду. Но хоть и менее заметно, но, кажется, больше всего копоти дает светильник — обыкновенная консервная банка с керосином и хлопчатобумажным фитилем, который выпускают, чтобы он не гас, достаточно высоко. Нелегальным путем ребята раздобыли понемногу лопату, лом и топор и легальным — ведро и котелки. Кочергу и подножку смастерили сами.

Время в теплушке идет томительно долго. Читать более или менее удобно можно только на стоянках, и при этом днем. Ночью светильник хоть и сильно коптит, но свету дает настолько мало, что мои попытки читать при нем вызывают неизменные замечания: «И охота глаза портить?» На ходу так трясет и кидает из стороны в сторону, что читать хоть и не совсем невозможно, но очень трудно. И остается во время хода или сидя курить, или же спать. Спишь в теплушке, несмотря на тряску, много. Этому, видимо, способствует и укачивание, и одуряющая атмосфера, и томительное безделье. Впрочем, порой долго лежишь, не засыпая и прислушиваясь к ходу поезда. Он то катится, все ускоряя ход, под уклон, так что качания вагона принимают устрашающий размах, то вдруг делает рывок вперед, как добрый рысак под кнутом, так что котелки летят с печки и люди валятся с ног, когда с уклона переходит на подъем, то наконец тарахтит и болтается на стрелках, с тем, чтобы со скрежещущими тормозами встать на станции для набора ли воды или в ожидании встречного.

Мы долго стояли на Сортировочной, еще дольше на ст. Свердловск и выехали только в половине пятого вечера. Дальше дело шло не лучше.

Из Уфалея мы выехали в 4 часа утра, а в Шагол прибыли в 6 часов вечера. 22.2 мы с Зоей варили рыбную лапшу, и так как вымочить рыбу не догадались, то лапша получилась такая соленая, что у меня на губах выскочили мелкие пупырышки. За это я был наказан на другой день непрерывным зудом и болью в деснах, хоть в этот день я пил только молоко (поллитра — 25 руб.) и ел хлеб с маслом. Вообще мне, видно, надо, как дистрофику, сесть на бессолевую диету и во всяком случае потреблять поменьше соли.

Слезли мы вчера на Электростанции, так как наш состав из-за прицепленных к нему платформ с самолетами должен был идти «на горку» и вообще мог простоять на Электростанции неведомо сколько. Шли с половины девятого до десяти вечера, т.е. полтора часа, измучились здорово, но пришли удачно, так как угодили к ужину, состоящему из щей и пирожков. Женя в воскресенье продала Валентинино пальто за 4 тыс., свое платье за 2 тыс. и пару моего белья за 400 руб. и хоть отчасти расплатилась с долгами и купила продовольствия. Денег, впрочем, уже нет, да и продукты подходят к концу. Мои продукты придутся кстати. С картошкой же я зря мучился. В вагоне, хоть я и прятал ее в самый холодный угол, она отошла, и даже опускание в холодную воду ей мало помогло — она превратилась в малоаппетитную киселеобразную массу.

Женя даже не встала меня встречать, ее все мучают желудочные боли. Я ей привез желудочные капли, порошки белладонны и болеутоляющие пилюли, но больше надеюсь на действие белого хлеба и масла. Но всего этого мало, и я прямо отчаиваюсь что-либо придумать более радикальное.

Как я и опасался, Псков к 23.2 не взяли, но Кривой Рог, конечно, не уступит ему по своему значению, да и на северо-западе дела идут не так уж плохо. Двинулся весь Северо-Западный фронт, Дно накануне падения, и скоро вся рокада Ленинград — Витебск будет в наших руках, а это немцу будет здорово не по носу, так как он не сможет помешать быстрой переброске наших войск с одного участка фронта на другой и сосредоточению их на нужном направлении. А их сейчас там, по-моему, три: Псков, Идрица и Витебск.

Конев — маршал. Уж не в пику ли немцам, награждающим своего дохлого командующего 11-м корпусом, или же из уважения к старо-

сти почтенного генерала армии? Почему не маршал Рокоссовский? Правда, в Белоруссии у него успехи невелики, но ведь Сталинград все же раза в 4 солиднее Корсуни, да и летом 43 г. никто успешнее его не действовал. А уж если брать успехи последних месяцев, то пальма первенства по справедливости должна быть отдана Ватутину или Говорову. Темное дело политика.

25 февраля. За дорогу я прочел «Разгром» Фадеева и «Крестьянин» Молчанова. Последняя книжица, несмотря на обилие бытовых подробностей, страдает и композиционной беспомощностью, и ходульностью речей, в особенности активистов, и неубедительностью деталей сюжета. Вчера одолел «Флаги на башнях» Макаренко. Вот владеет человек языком. И возражения против него имеются, а читается книжка легко, и какой-нибудь Соломон Давыдович возбуждает невольно смех вслух. Но какой-то осадок неполноценности остается. Вроде как бы описывает человек увлекательно свой идеал, согласиться с которым нет желания: и интересно, и не верится, и не хочется, чтобы так в точности и было.

Вчера Женя принесла билеты в драмтеатр на «Три сестры». Я было начал отговариваться небритым видом, но пришлось сходить к Соломону и выбриться (кстати сказать, несмотря на солидную бороду и советские толстые клинки, очень недурно) его безопасной бритвой. Затем начался ужин, и только без десяти минут девять Женя побежала, а за ней минуту спустя я. Только мы вошли в вестибюль, мне сразу бросилась в глаза фигура лейтенанта-танкиста с красной повязкой с надписью «Комендантский надзор» Мне сразу стало не по себе. И в самом деле, едва я ринулся к вешалке, он меня окликнул: «Товарищ лейтенант!» Я подошел, и он на меня насыпался: «Где вы видали такую военную форму?» Формы такой — полушубок, валенки, погоны без звездочек и снизу пиджак и галстук — я нигде, конечно, не видел и поэтому попытался перевести разговор на несколько другие рельсы и стал доказывать, что мне шинель не выдали. «Идите сейчас же отсюда, а то я вас отправлю к коменданту». К коменданту мне не хотелось по многим причинам: с собой у меня документов нет, у коменданта я не регистрировался, а на командировочном удостоверении не отметил прибытие. Не вступая в дальнейшие пререкания, я смылся.

А все же моя картошка на что-нибудь пригодилась. Вымочили ее в холодной воде, очистили, смололи на мясорубке, смешали с мукой, что я привез, и испекли нечто вроде оладьев; горячие на скоромном масле они оказались приемлемыми на вкус. Маргарита из остатков картошки приготовила сегодня преснушки. Она муки положила больше, но зато масла у нее не было. Ничего — опять-таки есть можно.

Сделал благое дело: сходил в баню. По-настоящему-то я в ней с июля 1943 года не был, а все ограничивался госпитальными санпропускниками, в которых не распариться, а только скукожиться можно. Да и менял белье я давно, так что вшей развел. Баня знакомая «Челябстроевская» — небольшая, но приятная.

Разговоры в предбаннике — современные. Банщица с какой-то теткой по очереди ругала красноармеек, которые сейчас лучше живут, чем с мужиками, а все потому, что «хвостом треплют», «блядуют». Попутно про какую-то красноармейку заметила с негодованием, что та боится, как бы он не вернулся домой: «Ведь он убьет меня!» — «Убивать таких мало», — заметила собеседница банщицы, истощенная бабонька лет 35–40. «Чего там убивать? Вешать таких мало», — авторитетно заключила банщица. Потом банщица с негодованием говорила, что с нее опять требуют деньги на красноармейских детей. «Все говорят на Красную Армию, а сами по себе разбирают. Вон у нас на Элеваторе: что в магазин привезут, все себе да себе, а детям ничего не дают». — «Конечно, — поддержал ее какой-то красноармеец, — Красной Армии много требуется, ну только и зря много говорят». Его сосед с негодованием рассказал, что подарки прислали красноармейцам: «Мы сами за ними и ходили, а поели все командный состав». Потом разговор перешел на отсиживающихся в тылу. «Если пошарить в самом Челябинске, так много лоботрясов найдется, которые порошку не нюхали. А тут вот три раза был ранен, и опять на фронт собираемся», — сказал первый красноармеец. Банщица поддакнула: «Вон у нас директор какой жирный да здоровый ходит». — «На фронте и больной, и здоровый может быть, — меланхолично заметил второй красноармеец, — пуля она всякого найдет». Везде встречаешься с такими разговорами, и, несмотря на то, что здесь и вздору, и непонимания много,

к сожалению, и основания для них есть. И первое основание — всеобщее (за сравнительно малым и тем более бросающимся в глаза исключением) оскудение.

Славке вчера от меня попало. Он любит баловаться с ножами (как, впрочем, и с другими, для игры отнюдь не предназначенными вещами) и обрезал себе палец. Баба притащила его на мой суд. Я ему нашлепал заднюшку да еще и плакать не велел. Но все же он в конце концов удрал к бабе и там дал волю своему горю. Но зато в моем, по крайней мере, присутствии, хоть сам давай нож, так он от него отказывается: «Н-на-к», — или же надуется с обиженным видом.

И вообще он уже приучился слушаться меня беспрекословно и даже не жалуется по-прежнему на мои запреты первому встречному. В частности, вчера и сегодня днем спать его укладываю я. Сколько трудов стоит эта процедура бабе: Славка дурит, капризничает, удирает от нее. А я спокойно его раздеваю, укладываю, песенку спою… и он уже посапывает с полуоткрытым ротиком. Впрочем, он сегодня спривередничал: начал я ему петь колыбельную Дунаевского, так он потребовал Моцарта и под нее спокойно уснул.

Вообще слух у него развивается. Он довольно верно поет целые музыкальные фразы из «Есть на севере хороший городок», «В бой за Родину» и еще ряда песенок, наслушавшись их от Володи.

Днем из больницы я позвонил на склад. Отвечал Ларионов. Я ему сказал, что у меня до вчера была температура 39,1°, и узнал, что вертушка погрузится только завтра.

Вечером пошли в кино. Валентина посулила нам два билета. Но у нее никак не получается с выполнением обещанного: что она для меня ни делала, все сделано помимо обещанного, и почти все, что она обещала, остается невыполненным. Так и сейчас. Билеты у нее уже были, но она умудрилась их потерять. Женя пошла с ней в Облоно посмотреть, не там ли она их оставила, а я прошел прямо в кино. Женя пришла, когда уже восьмичасовой сеанс начался, и, конечно, без билетов. Продавали мальчишки на этот сеанс билеты за 10 руб. (вместо 7 руб.), но я категорически запротестовал. Женя куда-то исчезла на несколько минут и вернулась с билетами на 9-часовой сеанс, хотя в кассе их уже не продавали. Опять всемогущий блат — у нее есть какой-то знакомый администратор.

Смотрели картину «Фронт». По содержанию это почти рабское копирование пьесы, думается, что возможности кино можно было бы лучше использовать. С военной точки зрения, картина боя дана довольно убедительно. Я бы подумал, что груда подбитых танков на таком узком пространстве — преувеличение, если бы не видел поле боя под Дубно на дороге Козельск — Ульяновск. Игра вполне убедительна, только Мирон вышел каким-то затененным, да и переход Благонравова на стезю истины не совсем оправдан. Очень хорош Бабочкин в роли Огнева, в особенности когда он командует у себя в землянке.

26 февраля. Совершенно неожиданно явилась Зоя. У нее проверили документы и, убедившись в отсутствии пропуска, отобрали командировочное удостоверение и предоставили выпутываться из этого положения, как сумеет. Она поехала без билета, т.к. без командировочного удостоверения билета ей никто не дал, ну и нарвалась на штраф. Сначала она решила пожить у нас дня два, «навести порядок», а к вечеру передумала и решила ехать опять в теплушке.

Днем сегодня в поликлинику ЮУЖД к Еве Давыдовне. Поликлиника, вообще говоря, большая, построена на славу и имела, видать, очень приличное оборудование. Одни мягкие кресла из гнутых труб в коридоре чего стоят. Но все это обветшало, давно не ремонтировалась, и хоть из-за неособенно давнего пуска в эксплуатацию поликлиники (кажется, в 1940 году) не успело прийти в настоящую ветхость, однако облупилось, пообтерлось и потеряло вид. Впечатление молодого здорового оборванца.

У меня язвенный стоматит. Питание тут ни при чем — болезнь инфекционная. Где же я ее подцепил? У Жени был такой стоматит, и даже похуже моего, но он был у нее с сентября по октябрь и к моменту нашей встречи уже прошел. Я же первые признаки почувствовал в первый день по выходе из госпиталя. Не в госпитале же я его поймал. Но где бы я его ни поймал — штука неприятная. Дальнейшее его развитие грозит изъязвлением десны, обнажением корней зубов, сильным кровотечением и т.д. Лечение тоже не из приятных. Когда десны мажут марганцовкой, а затем перекисью водорода для выделения кислорода, то, кроме того, что надо сплевывать пену, ничего неприятного нет. Но прижигание медным купоросом — вещь противная. А когда лечиться, если мне

надо ехать? Главное же в том, что я носитель заразы, и того и гляди, заражу еще своих домашних.

С поездом в 16.40 доехал до склада. Там Ларионов. Вертушка загружается, документы не готовы, и предстоит соединение ее с 16 вагонами на 8 км. Уедем не иначе как завтра к вечеру. Во всяком случае, решил ночевать дома и только завтра утром разыскать теплушку и в ней поселиться.

Проходя через базар, я увидел разложенные книжки. На базаре, согласно объявлению, под угрозой штрафа, можно торговать только пищевыми продуктами, но это так же, как и другое объявление: «Обменивать товар на товар воспрещается» — совершенно не соблюдается. На земле продают всякое барахло, а с рук продают обувь, одежду. Я приценился к «Учебнику шахматной игры» Ласкера. На переплете цена 5 р. 70 к., а спросили с меня… 80 рублей. Интересно, кто же это по такой цене книги покупает? И сколько тысяч по такой цене моя библиотека стоит?

27 февраля. С утра стали с Зоей собираться на поезд и около 11 часов отправились из дома. На вокзальной площади я оставил Зою у касс пригородных поездов, а сам пошел в ЗКУ узнавать о местонахождении вертушки. Она оказалась на месте в Шершнях, чего нельзя сказать о Зое. На площади ее не оказалось, не обнаружил я ее ни в камере хранения, ни в зале для транзитных пассажиров.

Я пошел в агитпункт. Зою я там не увидел, но зато заметил «Войну и рабочий класс» № 3 за 1944 год и не утерпел, чтобы не прочитать. Особенно интересного нет. Какой-то Балтийский разоблачает польских панов. Мне понравилось только объяснение, почему можно сейчас и нельзя было в 1939 году ставить вопрос о передаче районов с преобладающим польским населением Польше. В самом деле, ведь тогда это означало отдать их Германии. Мы должны были стараться забрать как можно больше, но это «больше» из-за сопротивления Германии, разбившей Польшу не из-за наших прекрасных глаз, естественно, не могло выйти далеко за пределы Украины и Белоруссии. Этим и объясняется, что мы сейчас не можем давать Польше большие уступки. Вообще наши уступки объясняются тем, что наша страна единственная, которая признает самоопределение наций вплоть до их отделения. Одно только остается для меня неясным:

почему мы не ставим вопроса о плебисците в спорных районах, а сразу соглашаемся на их передачу? Неужели мы так точно осведомлены о их пожеланиях?

Толченов в который раз доказывает осуществимость вторжения англо-американских войск в Западную Европу. Разве это теперь определяет сроки открытия второго фронта? Мне вот, например, очень не нравится то, что Черчиллю приходится отвечать на вопрос: «Осталось ли что от духа соглашений в Москве и Тегеране?» Да и борьба Рузвельта с конгрессом не сулит ничего хорошего. Ох, сильна оппозиция Второму фронту и далеко до его открытия. Зимнее наступление мы закончим числа 15 марта, и как бы далеко мы ни продвинулись, — решающего окончательного удара немцам мы до тех пор не нанесем. Начинать наступление без нас союзники не будут, да это просто и неразумно с военной точки зрения. Значит, открытия второго фронта надо ждать не раньше 1 июня. А между тем много охотников ждать конца войны к 1 мая. Уверена в этом Валентина, какой-то бухгалтер на складе мне вчера говорил: «А мы все ждем, что к 1 мая война кончится». Придется подождать.

Из агитпункта я пошел в Шершни. Снег сегодня уже не падал, но его и за предыдущие 2–3 дня, когда он валил почти непрерывно, выпало достаточно, а тут еще хоть и не очень холодный, но сильный встречный ветер. У входных стрелок Шершней я наткнулся на Золотовицкого. Узнав, что раньше вечера вертушка из Шершней не выйдет, я поворотил с ним обратно. Так, вскользь, я ему помянул про свой мнимый грипп. Он сразу предложил мне остаться дома на эту поездку ввиду моего недомогания и ввиду того, что с вертушкой едет он. Он обещал изложить все это дело надлежащим образом Ефимову, привезти мне продукты и довезти Зою до места. Около комендатуры ЗКУ встретили Преклонского. Он написал записку на свою квартиру, чтобы туда пустили Зою дожидаться его, а Золотовицкий дал записку Ларионову, чтобы меня за его отсутствие обеспечили хлебом. Что мне еще было нужно!

При выходе на привокзальную площадь я наткнулся на Зою, которая все это время бродила как неприкаянная. Я ей изложил обстоятельства дела, отдал половину продуктов, взятых нами на дорогу, и отправился домой.

9 марта. Вот это запустил записи. Но зато проделал большую работу. Забрал у Паничкина, уехавшего кстати в Магнитогорск, карту Украины и чуть не всю оккупированную Украину и Бессарабию снял в масштабе 1:500 000. Не успел снять Южную Бессарабию и нет у меня теперь подробной карты Западной Украины. Вышло 10 планшетов. Эти карты отнимали у меня почти все время. Остатки его употреблял на хождение в столовые.

С питанием дело получилось не совсем ладно. Сначала, с согласия Жени, я не поехал в Шершни за хлебом, надеясь на приезд Золотовицкого 1–2 марта, затем все ждали его со дня на день. Ну и дождались «до мату». Женя получила литерную карточку Б, по которой, кроме обычного пайка, полагается довольно солидный сухой паек и обеды в профессорской столовой, а главное, что удалось с помощью Морозовича прикрепиться к Гастроному № 5, где отоваривание производится почти на 100%. Кроме того, загнав кое-какое барахло, Женя покупала хлеб с базара. Но отсутствие моего хлеба и пришедшей к концу картошки всем этим не компенсировалось. Я-то еще страдал менее. 6.3, например, я позавтракал вместо уехавшей в Карабаш Валентины в столовой № 20 кашей с каким-то черным маслом без хлеба и пообедал в профессорской столовой. Эта столовая расположена в кафе гостиницы «Южный Урал», и, по крайней мере в 3–4 часа, когда столовая открывается, в ней масса народа, отнюдь не профессорского вида. Но обеды неплохи. Первое: или суп с пшенкой, или щи без картошки, сдобренные маслом. Второе — мясное с ложкой каши и, кроме того, пара ломтиков колбасы и масло или омлет на так называемую холодную закуску. Ко всему этому полагается 200 г хлеба. Обед платный, но что значит сейчас 4–5 рублей!

Особенно плохо пришлось 7.3. Я узнал, что Золотовицкий наконец приехал, и проискал его по городу, так что упустил возможность позавтракать и ограничился обедом. Вечером было только 2–3 ложки супа и грамм 100 хлеба, а утром только чай и столько же хлеба. И это при условии, что Женя хлеб по карточкам забрала за два дня вперед.

Вздохнули только вчера. Я получил наконец паек свой, правда, хлеба всего лишь 2,4 кг, но на первое время хватит, а мать получила февральский паек Жени по СП да еще литр вина в Гастрономе № 5. Ну, и закутили. Я даже в столовые не пошел. Вечером выпили по

рюмке вина и сварили кашицу с мясом. Словом, 8 марта отпраздновали по-настоящему.

За едой я все-таки успел прочитать несколько книжек. С любопытством просмотрел «Русский литературный язык». Говорится о тех же самых вещах, что и в школе, но говорится совсем не по-школьному. Больше всего меня заинтересовали исторические экскурсы и обобщения. Из отделов мне больше понравилась лексика и меньше синтаксис. Перечитал «Каменный щит» Хмельницкого и «Людоловы» З. Тулуб. Произошла переоценка ценностей. Первый раз мне «Людоловы» понравились больше «Каменного щита». А сейчас в последнем я обнаружил и дух эпохи, и выразительность описания, и умный патриотизм. А вот в «Людоловах» я увидел разбросанность сюжета (особенно это заметно из-за того, что у меня только первый том) и не совсем убедительные диалоги. Говорят люди неплохо, но это даже и лишне. Стремясь отыскать всюду классовые корни, Тулуб заставляет пахолков легко разбираться во всех тонкостях классовой борьбы. Отношения классовой борьбы лежат в основе поведения людей классового общества, но это подпочва, которая выбивается наружу только в редких случаях, а обычно не видать за довольно мощными бытовыми наносами. Видно, уж так мы приучены к примитивной политэкономии, что я с первого раза даже и не приметил неестественности слишком большой познавательной способности действующих лиц. Прямо-таки непонятно, как при таком высоком классовом самосознании люди позволяют себя дурить. Вот ведь какая это трудная штука показать проявления классовой борьбы в повседневной жизни людей.

Спит Слава беспокойно, и, кажется, основная причина это то, что он перед сном набивает себе живот нашим ужином, ну а часов в 11–12 поднимается с ревом. Инстинктивно чувствуется желание объяснить самому себе непонятное томление, и начинаются капризы: «Пи», «Маме». Мать как-то положила его к нам, и я часов в 5 проснулся мокрый с ног до головы: Ростислав Борисович спрудил. Пришлось переодеться и уйти с кровати. Мочится он не только ночью, но и днем, очевидно, совершенно непроизвольно. Из-за того, что он не может предотвратить намочение штанов, он их не любит и предпочитает ходить с голой задницей. Показательно, что когда он «сходит» на ночь,

он спит гораздо спокойнее. В одном у него улучшение: прямая кишка перестала вылазить.

Вот Володя спит спокойнее, и мочевой пузырь у него крепкий: бывает, до утра не поднимется, и сухой. Иногда во сне он бормочет и ворочается, но для впечатлительной детской натуры это нормально. Интересно их отношение к вину. Володя пьет, и ему нравится, Слава же категорически отворачивается. Как это отразится в них в дальнейшем? Мать рассказывает, что Николай потихоньку у отца отпивал вино, а Сергей категорически от него отказывался. А сейчас Николай пьет нормально, а Сергей запивает основательно. Вообще наследственность деда Павла меня беспокоит.

10 марта. Я опять пишу дома. Все еще никак не можем уехать, хотя еще вчера днем погрузка была закончена. Грузили в трех местах: на таможенном тупике, на левом элеваторном и со складов Росснабсбыта. Вот сводка-то этих трех частей и задерживает все дело. 9.3 я просидел на ремплощадке до 1 часа дня, дожидаясь хлеба, который Золотовицкий обещал доставить мне со склада. Но со склада привезли только банку консервов взамен 600 г мяса, которое Золотовицкий, по его словам, вынужден был выкинуть из моего пайка из-за того, что оно начало портиться. Хлеб же он мне обещал доставить на дом вечером. Я ушел, имея в виду, что на 14 часов дана готовность по погрузке. Я начал (уже в 8-м часу) объяснять Жене, на всякий случай, как разыскать ремплощадку, когда наконец пришла работница конторы ремплощадки и принесла 4 кг хлеба, по моим подсчетам, больше на 1 кг 200 г, чем следует. Я окончательно успокоился и стал собираться.

Вышел из дома в 11-м часу ночи. Дошел до Таможенного и заколебался: «А может быть, не вывели?», но поленился свернуть и прошел к ЗКУ. Там мне сказали, что кольцовка на ветке Запада. Потом уж я сообразил, что в нее входит и таможенный, два элеваторных тупика, и Архиповская ветка. На переселенческом составитель мне сказал, что вертушка стоит на левом элеваторном пути. Я прошел туда, но обнаружил только какие-то платформы. Перешел на главный элеваторный, нашел там вертушку, да не свою — разгруженную. Пошел на таможенный и у танкового училища наткнулся на теплушку. Забрался в нее и проспал до 9 часов утра.

А утром выяснил, что вагоны-то с таможенного все же перегнаны на левый элеваторный и здесь осталась только теплушка. Получил накладные, выявил ошибки в накладных, неопломбированные вагоны, позвонил диспетчеру, чтобы перегнали теплушку в левый элеваторный, и пошел домой. Кстати, в разговоре с Женей выяснил, что она забыла положить мне пшено на дорогу, и обнаружил отсутствие мыла. Дома часов в 12 закусил щами и выпил чай и пошел обратно. Успел как раз к тому времени, когда начали перетаскивать теплушку. Я залег и проспал до 7 часов вечера, а затем опять пошел домой. На ветке Росснабсбыта получилось уширение пути, и это до сих пор задерживает формирование кольцовки, т.к. не могут договориться, кто будет ее ремонтировать. Ветка принадлежит лыжной фабрике, и ни она, ни железная дорога не хотят брать на себя это дело. Вот и ждем у моря погоды.

Замечено, без каких-либо исключений, что когда я приезжаю сюда в сапогах, здесь метель и мороз, а когда в валенках — оттепель. Не было исключений и на этот раз. Приехал я в валенках, и вот с 4 марта развезло. 6.3 я пошел в драповом пальто и в фетровой шляпе и не замерз. Дошло до того, что по ул. Карла Маркса до Обллегпрома из-за разлива по ул. Елькина я не смог пройти, даже будучи в ботинках, и был вынужден обходить по ул. Труда. Вчера и сегодня солнце не показывалось, температура воздуха значительно понизилась, и только к вечеру немного согреет. Вопреки первоначальному проекту ехать в ботинках, я решил ехать в валенках, и не в полученных в госпитале, а в старых протертых: не все ли равно, что сдавать?

Днем сегодня от Славы услышал два новых слова: «танки» и «мока», т.е. корова. Оба предмета он увидел на улице в окошко. Видимо, улица на него влияет возбуждающе и будит в нем скрытые разговорные возможности. А вообще он способен привести в отчаяние своими приставаниями. Ему не с кем играть, значит, надо обращаться к взрослым. А по обыкновению ребятишек, вообще не склонных к разнообразию и предпочитающих бесконечное повторение понравившихся развлечений, он одно и то же повторяет тысячу раз. Сегодня он минут пять окликал то спокойно, то требовательно, то, наконец, со слезами: «баба». А баба сидит на стуле и чуть не падает со сна. Наконец она откликнулась: «Ну чего?» — «Пара ба-б-ба-ба». И опять: «Баба! Баба!

Баба!» — «Ну чего тебе?» — «Пара баб-ба-ба». И свое сообщение о падении неведомой «пара» он способен повторить раз 10–15, до слез обижаясь на невнимательность. Владимир, конечно, говорит свободно, но не всегда правильно. На лексику его влияют окружающие. Он, например, говорит «палихмахтер», «полуклиника» — влияние бабы. Замечал я у него челябинское «дык». А вот образец его синтаксиса и одновременно суждений. «Я ходила за стружкой», — говорит бабушка. «Говорят “за стружкой” за одной когда», — замечает ей Володя.

У Дельбрюка в его «Истории военного искусства», 4-й том которой папа купил перед войной, на странице 254 есть замечание, звучащее злободневно. Замечая, что война требует огромных средств, из-за чего «верховные хозяева вооруженной силы весьма часто увещевают полководцев не слишком дерзать и ставят высшей целью не положительный успех, а сохранение вооруженных сил», он дальше пишет: «Эти соображения приобретают особое значение в коалиционных войнах, где победитель, понеся жертвы, в конце концов, пожалуй, бывает вынужден себе сказать, что выгоды-то достались не ему, а его союзникам; в особенности, может быть, потому, что победитель уже не располагает необходимыми силами, чтобы ограждать полностью собственные интересы». Ну разве первое не звучит во всем поведении наших союзников? В газетах и выступлениях они ссылаются на авторитет военных, чтобы доказать свою неподготовленность, а втихомолку тянут за узду ретивых Александера и Эйзенхауера, чтобы те, чего доброго, не ввязались в решительную драку.

А о последнем замечании не мешает и нам подумать. Изгонять немцев из СССР за нас никто не будет. Но дальше? Если к этому времени не будет второго фронта, надо будет подумать об активной обороне или о переговорах с Германией, идя на риск не добиться конечной цели — разгрома гитлеризма. Вконец обессилеть перед лицом до зубов вооруженных Англии и США и тем самым предоставить им решать дела Европы и наши собственные — перспектива не менее неприятная, чем иметь рядом с собой недобитую, но тоже обессиленную Германию. Она, по крайней мере, не меньше нашего потратит времени на восстановление. А признав порочность всей внешней политики и гибель всех надежд рядовых немцев на теплое место под солнцем, на что может рассчитывать Гитлер? На револю-

цию и на переворот во всяком случае. Во всяком случае, для него я не жду ничего хорошего, и может быть, правильно не добивать его, а предоставить ему сдохнуть самосильно. А то уже Стеттениус собирается договариваться с Англией о Польше, а нас только поставить в известность, о чем они договорятся. Кому это может понравиться? Не нам, конечно.

13 марта. В ночь с 10 на 11.3 нас долго таскали около завода Колющенко, так что я было решил, что 11.3 мы всяко уедем. Поспешное суждение. Его рассеял Преклонский, пришедший после полудня. Он сообщил, что к нашему составу, ввиду того, что он на этот раз вышел коротеньким, — всего 36 вагонов по длине, — будут прицеплять еще ряд срочных транспортов, но что станция так забита, что формировку негде делать. Знай я об этом с утра, я бы сходил еще раз домой, хотя прямо совестно объедать свою семью. Но я не думал вообще, что мы так задержимся, и поэтому спокойно съел утром полбанки консервов, а днем из всего наличия пшена и сала сварил кашу и, хоть ее получилось порядочно, умял ее в один присест. Зато до вечера есть не хотел. Вечером сходил в агитпункт, взял газеты и как раз вернулся вовремя: наш состав оттянули к югу, и там началась формировка.

На другой только день, 12.3 в 9.25 «Москвы» мы тронулись. Я приготовился голодовать, т.к. у меня осталось полбанки консервов, которые я и уничтожил к полудню. Но выручил Преклонский. Он мне отдал полкотелка жирной каши, да я еще на каком-то разъезде купил на двоих за 50 руб. литр молока, ну и прожил день неплохо.

Еще 11.3 я обнаружил у Арбузова (разводящий) журнал «Затейник» № 9 за 1940 год, и там мне понравилось коротенькое стихотворение Пришельца «Прощание с лагерем». Загорелось желание положить его на музыку. Нехитрый мотив сложился довольно легко, и я 12.3 записал его в размере $^2/_4$. Но затем ход поезда, сам по себе трехчетвертной, подсказал новый размер — ¾, в каком я его сегодня и записал.

Преклонский принес «Британский союзник» от 27.2.1944. Основной интерес в нем представляет речь Черчилля в палате общин 22.2.44. В сокращении «Челябинского рабочего» она выглядела очень куце, а в ней, оказывается, много любопытного. Вообще, как и обычно, он выражается сугубо осторожно, чтобы не сказать хуже. Вот, например, его заключение по самому животрепещущему вопросу —

о сроках войны: «Я никогда не считал, что срок окончания войны в Европе уже очень близок или что Гитлер стоит накануне краха, и я, конечно, не даю каких-либо гарантий и даже не разделяю каких-либо надежд на то, что в 1944 году завершится война в Европе. Не давал я никаких гарантий и относительно иного исхода событий». ?

Интересны данные о наличии и распределении сил противников. У Германии все еще 300 дивизий, хотя в значительной части сокращенного состава. Из этих дивизий 25 находятся в Италии и 20 на Балканах, в том числе 18 дивизий на фронте у Рима и 14 дивизий, действующих против Тито. У Тито, в свою очередь, более ¼ миллиона людей. Англо-американские бомбардировки оттягивают ⁴/₅ немецких истребителей и еще больше бомбардировщиков. В то же время: «Наше производство самолетов <…> уже сейчас оставило далеко позади германское производство. Авиационное производство русских примерно равно нашему, а одна только Америка выпускает в 2 или 3 раза больше самолетов, чем немцы».

В «Событиях недели» в этом же номере поминается заявление фельдмаршала Рундштедта, командующего немецкими войсками во Франции: «Мне известно, что противник заканчивает приготовления к наступлению, но мы готовы». Черчилль также отмечает подготовку немцев к отражению вторжения на континент и даже «готовят <…> новые средства нападения <…> либо при помощи самолетов, управляемых по радио, либо путем использования ракетных снарядов». В «Событиях недели» указывается, что немцы уже применяют, и небезуспешно, радиоуправляемые планирующие бомбы.

Вот, в изложении Черчилля, события в Югославии. Михайлович, собрав остатки войск старой Сербии, первый начал войну с немцами, но дошел до того, что «некоторые его командиры сочли возможным договариваться с итальянскими и германскими войсками о взаимном прекращении военных действий в определенных горных районах». Маршал Тито начал по почину коммунистов борьбу с осени 1941 г., но сейчас его движение стало массовым и национальным. Его «борьба опрокинула соглашение сторонников Михайловича с противником. Михайлович решил подчинить их (сторонников Тито) себе». Ну и получилась междоусобица.

Центр всей речи в следующем абзаце:

15 Заказ 1254

«Задается вопрос: оказались ли долговечными хорошие отношения, установленные в Москве и Тегеране, или они себя не оправдали на протяжении минувших недель? Означают ли, например, заявление «Правды» (какое?) или статьи, появляющиеся в различных органах Советского правительства, охлаждение англо-русских или американо-русских отношений и возрождение подозрительности со стороны России по отношению к ее западным союзникам?

Я считаю себя в полном праве заверить Палату в следующем сверхважном пункте: ни одно из достижений Москвы и Тегерана не утрачено. Три великих союзника абсолютно едины в своих действиях против общего врага. Они в равной степени исполнены решимости продолжать войну любой ценой, до победного завершения, и они считают, что после уничтожения гитлеровской тирании перед ними откроется широкое поле дружественного сотрудничества», Категоричность этого заявления знаменательна, хотя не во всех частях его можно согласиться с Черчиллем. Решимость воевать до конца есть, но у некоторых союзников она пока что не в полной мере подтверждена делами.

А «единство взглядов» видно из отношения к притязаниям Польши. Здесь Черчилль ходит вокруг да около. «Во исполнение нашей гарантии, данной Польше, Великобритания объявила войну нацистской Германии (повод идет за причину) <...> и судьба польской нации занимает первое место в политическом мышлении правительства» (с чего бы это?). Есть у него и весьма здравые суждения, тем более важные, что они заявлены официально. «Мы сами никогда в прошлом не гарантировали от имени правительства какую-либо особую линию границы Польши. Мы не одобряли оккупацию Вильно поляками в 1920 году. Британская точка зрения в 1919 г. нашла отражение в так называемой линии Керзона, которая, во всяком случае, представляет собою беспристрасный подход к этой проблеме». Это следует во всяком случае запомнить и при случае напомнить. Но вот образец его виляний (это уже грубость): «Я глубоко сочувствую Польше, этому героическому народу, национальный дух которого не смогли сломить целые столетия злоключений. (В подтверждение «События недели» сообщают, что 2-й польский корпус под командованием генерала Андерса принимает участие в боевых действиях на итальянском фронте. Вот уж истинно: один ничего не делает, а другой ему помогает.) Но я также сочувствую, —

продолжает Черчилль, — русской точке зрения. Я не могу считать, что русские требования обеспечения западных границ (наша мотивировка несколько иная) выходят за пределы разумного и справедливого». Всех, т.е., по существу, никого, ублаготворил. Он говорил, что со Сталиным он договорился относительно компенсации Польши «за счет Германии, как на севере, так и на западе». Еще раз скажу: «На здоровье!» Вообще надо усумниться в возможности длительного господства Польши над немецким населением, но пускай себе грызутся, мы всегда согласимся их рассудить.

Заключение гораздо симпатичнее выступления. «В Тегеране мы, прежде всего, пришли к соглашению об одном — о том, что мы обязаны в торжественном единении и изо всех сил обрушить на гунна удар с суши, с моря и с воздуха в предстоящие весну и лето». Весна наступила. Будем с нетерпением ожидать.

17 марта. Продолжу по порядку. К нашей кольцовке в числе других вагонов прицепили и вагон с заключенными, которых направляли из Челябинска в Еланский концлагерь. Их охрана обращалась с ними более чем демократически: пускали и на прогулку, и на базар, и вообще распустили. Результаты не замедлили сказаться. В Укагане, где мы стояли минут 10, группа этих заключенных, человек 8, успели под чистую ограбить дом, хозяйка которого уехала за дровами. На беду грабителей, хозяйка успела приехать до отхода поезда и, не растерявшись, отправилась с вертушкой в Уфалей. Там устроили обыск и большую часть успели отобрать. Остатки были выброшены по дороге. Случай кончился благополучно, но спрашивается: где взял один из заключенных гармонь, которую он отдавал за литр водки?

В Свердловск прибыли в 8 ч. утра 13/3. <…>

По неведомым причинам Ефимов меня разжаловал из зав. обособленным отделением в зав. хранилищем, а это влечет снижение зарплаты с 750 до 575 руб. За февраль Женя уже получила 500 руб., так что я не могу даже 110 рублей займа оплатить. За март платить будут неведомо когда, да и все равно там надо будет хоть 300 рублей по аттестату отдать, а остатки, поди, за заем удержат, да и на табак надо. Ведь у меня при отъезде было два стакана табака, так из этого запаса пришлось и в дороге снабжать Преклонского, и вечером 13.3, когда

он приперся ночевать под предлогом игры в преферанс, да и утром 14.3, когда у меня вообще оставалась щепотка. Сейчас я живу тем, что сумею «подстрелить», и… окурками. Как когда-то в институте, хожу по коридору и по лестницам, высматриваю «кузнецов» пожирнее и потрошу их.

Надо бы просить помощи Жени. Таня говорит, что она мне звонила 14.3, да меня дома не было. Позвонил я ей на другой день вечером, так ее на работе не оказалось. Не вижу выхода из денежного и всех других связанных с ним кризисов.

<…>

Нельзя достаточно восхищаться действиями наших войск на юге Украины. В решающем месте мы опять сумели сосредоточить превосходящие силы. А какова неожиданность! Никто, и я, конечно, в том числе, не ожидал, что в разгар самой распутицы грянет такой удар. Для того, чтобы на него решиться, мало иметь великолепно выученные войска, надо было, и при этом совершенно скрытно, провести огромную подготовительную работу. И куда там моим предположениям до чудесной действительности. Я ведь думал, что наши постараются отрезать немцев от района Львова, а затем передохнут и начнут понемногу теснить немцев к югу. А тут серия ударов один не легче другого: Корсунь, Волочиск, 6-я армия, выход к Днестру, и каждый удар важен не только своим непосредственным результатом, а и перспективами, которые он сулит. Какие «котлы» завариваются на пагубу немцам у Николаева, Винницы и Брацлава! И ничего не меняет неудача со взятием Тарнополя и Проскурова. Во-первых, все равно возьмем, а во-вторых, так и должно было быть. Ведь это открытые фланги, вся задача которых заключается в том, чтобы приковать к себе побольше немцев и не пустить их на восток.

Я лично нынешнее сражение на юге Украины расцениваю выше Сталинградского, хотя оно еще не доведено до конца. Здесь ведь такие огромные пространства, такая масса войск! А мастерство дробящих ударов здесь прямо изумительно. Жду с нетерпением захвата Могилева-Подольского, Котовска и прорыва от Проскурова на юго-восток через Буг на Жмеринку!

21 марта. Ростислав Борисович расширяет свой лексикон. Он говорит: «баки», «деньги», «там», а не «тай», «дай мне это», а не «дай

мне иа», выучил имя «Лара» и слова «банька», «иди», «патка» (печка), но по-прежнему не может выговорить «Слава».

Вчера был в Облплане. План ремонта у нас подработан, но с перенасадкой они возиться не хотят. Зашел к Паничкину. Он мне предложил занять место помощника Белобородова. Как бы я хотел крикнуть: «Согласен! Забирайте меня скорее!» Но куда я годен беспартийный? Пришлось ограничиться неопределенными разговорами.

26 марта. Я кончил тем, что завел «Словарь Р.Б. Катаева», в котором попытался зафиксировать даты произнесения им тех или иных слов и выражений. Получается довольно солидный фонд с полсотни слов и фраз. Ведение в дальнейшем я возложил на Валентину, учитывая ее сравнительную свободность и любовь к Славке, но, по совести, мало надеюсь на ее аккуратность.

Что касается предложения Паничкина, то он, кажется, ставится на серьезную ногу. О моей демобилизации в округ пошла телеграмма за подписью Белобородова. Паничкин передавал мне пожелание Белобородова видеться со мной, а Елкина передала мне, что меня ждут в ком. № 52, т.е. в отделе кадров. Никуда я не пошел, действуя в этом отношении в полном контакте с Женей. Она очень боится, что если меня сейчас заберут в Челябинск, то и после войны я там застряну, а ей это страх как не улыбается. Пусть идет дело на самотек, а когда уж дальше идти будет некуда, то откажемся в открытую.

Случилось неприятное происшествие. В Челябинск приехал б/механик Воздвиженского завода и стал искать случая обменять на белье рыбу, привезенную им с собой. Женя взяла с собой пару моего белья на работу, но механик туда не пошел, а пришел прямо к нам домой и, увидев там мамины туфли, изъявил желание приобрести их за 12 кг сига. Завернул их в вещмешок Золотовицкого и понес, захватив с собой мать. Завел он ее в Облпищепром, а сам пошел «искать нужного человека»... да так и не вернулся. Через Туркина выяснилось, что он не имел никакой командировки и, надо полагать, просто сбежал с завода. Ну что ж, и жаловаться некуда. В довершение несчастья Женя потеряла (в этом она только подражает своей старшей сестре) талоны на хлеб в общей сложности на 2,4 кг.

Отчасти это компенсировалось тем, что она получила 10 талонов на коммерческие завтраки в ресторане «Южный Урал», по ко-

торым положено по 100 г хлеба на талон. Сходили мы с ней туда однажды. Ждали с час, пока нас только впустили, да потом с полчаса пока подали. А подали зеленые помидоры и пшенную кашу с маслом. В заключение подали стакан чая с вином. Так, мне дали две порции, но я сравнительно неплохо закусил. Но стоит это удовольствие 14! руб., по подсчетам Жени, в семь раз дороже государственной цены. Вот она, реализация идеи о выкачке средств у населения. Путь единственно возможный, и все же менее обременительный, чем какой-либо другой. Ведь по базарным ценам один хлеб 14 руб. будет стоить.

Дела склада реализовал не блестяще. От облисполкома получил справку о фактическом ремонте за 1943 год и заверение, что больше этого они выполнить не способны. Легпром уверяет, что «Смычка» перенасадку валенок взять на себя не сможет, а Горплан заявил, что он вообще никакого письма не получал. Пришлось ему от руки написать, и он обещал в понедельник требуемый материал выслать.

Женя мне достала: брючный ремешок, сумку бригадира (на манер рюкзака) и 450 руб. денег. Кроме того, у приехавшей Любы (воспитательница Анненского детского дома) «купил» 13 стаканов самосада (по моим подсчетам, на 100 руб.), предоставив рассчитываться домашним.

24.3 Володю привела домой воспитательница и, за отсутствием Жени, принесла жалобу мне. Сей достойный юноша устроил в детсадике форменный бунт. Начал агитировать ребят, чтобы те не ложились спать, в ответ на увещания воспитательницы обозвал ее желтоглазой и кошкоглазой (Женя в этом месте моего рассказа не выдержала и фыркнула), а потом даже излаял ее матерно. Валентина и мать пришли в форменный ужас и все не могли никак удовлетвориться Володькиными извинениями, тем более что он произносил их невнятно и со сконфуженной улыбкой, которая им казалась дерзкой. Откуда он мог набраться такого вольнодумства? Вообще-то говоря, конечно, отсутствие домашней дисциплины (он и матери, не говоря уже о бабушке, со спокойной совестью дерзит) сказывается. Ну, а тут еще и влияние «дурного общества» сказывается. Завелся у него друг, какой-то «Игорь с лыжной фабрики», который, видимо, подчинил его себе (Володька, по крайней мере, жалуется, что тот его мнет) и научил разным хорошим вещам.

Славка выдумал новый фокус. Стоит Жене пощелкать языком, как он предостерегает: «На-к (имитация щелка). Папа маму а-та-та». С чего бы это он взял? Неужели мои шлепки ему кажутся столь же мало обоснованными?

А память у него хорошая. Прививали ему какую-то холеру еще до моего приезда. И вот баба потащила его в ту же поликлинику к врачу для освидетельствования на предмет выписки соответствующего питания. Так он такой зев поднял, едва узнал поликлинику, что баба никак не могла его успокоить.

У Морозовича я прочитал № 2 и № 3 «Журнала Московской Патриархии» за 1943 г. (год издания первый). Серая грубоватая обложка, славянская вязь букв, вверху осьмиконечный крест. Содержание тоже сероватое. В начале официальный отдел, послания патриарха и митрополитов, поздравления по случаю восстановления патриаршества. Затем статьи и очерки. Фактические данные я отметил следующие. Патриарх Сергий после 17-летнего несения сана патриаршего местоблюстителя избран на свой теперешний пост собором епископов православной церкви 8.9.43 и интронизирован 12.9.43 г. Одновременно при патриархе избран Синод из 6 человек митрополитов и архиепископов, из них 3 постоянных и 3 переменных.

Приветствий куча, но все от духовенства. Большинство только радуется, но есть и не совсем понятные приветствия и пожелания. Вот митрополит Вениамин из Бруклина пишет: «Надеемся, это поможет примирению в Америке». Кого с кем? Не понятно. А вот какой-то загадочный Аристотель Парутса из неведомого Педхоклас'а загнул и вовсе нечто невразумительное: «Бог, ниспровергший (?!) персидскую войну (которую?), знает, как ниспровергнуть русскую войну». Вот-те и на! Мы говорим: «Да здравствует священная война с немецкими захватчиками», а он ее собирается ниспровергнуть. Да и как это войну можно ниспровергнуть? Ну хоть бы еще одного из воюющих, а тут саму войну. Поди, перевод подгулял.

После приветствий некто, скрывшийся под инициалами С.А., излагает свои впечатления от интронизации и встречи архиепископа Иоркского, прилетевшего из Англии на аэроплане и пробывшего у нас с 13 по 28 сентября. Описание богослужения не особенно впечатляет, хотя зрелище было довольно помпезное. Заявляет, что храм

не вместил всех желающих присутствовать. Еще бы: я и то, поди, не пропустил бы случая поглазеть на патриаршую службу, которую не видел с 1916 года, когда в Иваново приезжал Тихон со своим знаменитым протодиаконом Розовым.

Затем идут собственно статьи. Алексий Ленинградский «Святой благоверный Великий Князь Александр Невский, покровитель Северного Края». Посредственное изложение наших популярных брошюр. Ничего «святого», кроме имени. Николай Украинский «Разрушение и смерть» — о зверствах гитлеровцев. У нас это, конечно, более сильно получается, поскольку пишут «сведомы кмети»; и тот же экзарх Украины дает статью «Танковая колонна русской православной церкви им. Дмитрия Донского». Собрано среди православных около 8 млн рублей плюс золото и серебро. Не так-то уж много по сравнению с общими масштабами сборов, даже если прибавить около 2 млн рублей сборов местных на другие колонны и эскадрильи, что около 1,5%. При этом надо учесть, что солидная часть взносов принадлежит не пастве, а пастырям. Так, в Свердловске протоиерей внес 100 тыс. руб., священник из Ижевска внес 273 тыс. руб., в селе Шубино священник еще 100 тыс. руб., из 150 тыс. руб. по г. Кузнецку 115 тыс. руб. внес настоятель, и т.д. Таково содержание № 2.

В № 3 от 15.11.43 Сергий требует молиться «о властях» по тому случаю, что «Господь… возглаголал в сердце Правителей наших благое и о Церкви своей святой» (Притч. 8, 11). Последовательное «кесареви кесарево». Николай лает изменников Родины, какого-то епископа Поликарпа Сикорского, митрополита харьковского Феофила Булдовского и иже с ними. Не по линии православия проходит водораздел между патриотами и изменниками, почтенные. И из вашей среды предателей достаточно.

Интересна комедия с возвращением в лоно православия обновленческого епископа Михаила Постникова. Для начала Сергий заявил, что его раскаяния недостаточно, тем боле что он (О ужас) на св. Пасху евхаристию принимал у обновленцев, но затем над ним смилостивились и не только приняли в лоно православия, но и снова возложили архиерейский сан. 1) На таких условиях возвращаться к православию можно. 2) Не очень-то сильна православная церковь, если на таких условиях принимает любого обновленца.

Статья Алексия «Христианство и война с гитлеризмом» обосновывает войну с немцами цитатой: «Бог научает руки верных своих на ополчение и перста их на брань» (Пс CXIII, I). Слабенько. Наизусть помню: «Взявший меч от меча и погибнет». Тем и удобно Писание, что в нем на любую точку зрения подходящий тезис найдется. Но почему верующие не видят его противоречий? Надо разобраться на досуге в сознательной слепоте верующего вообще.

Ну и наконец интересна статья «Учреждение духовно-учебных заведений». Намечено открыть в Москве Православный Богословский институт (типа духовной академии) и по епархиям богословско-пастырские курсы (типа семинарии). Принимать будут лиц не моложе 18 лет с образованием для института высшим или полным средним и на курсы с образованием не ниже семилетки (думается, такова установка правительства, чтобы «не соблазняли одного из малых сих»). Изучать будут только богословские науки и Конституцию СССР: в институте 3 года, на курсах 2 года. Уклон не столько пропагандистский, сколько практический. Студенты нуждающиеся будут иметь стипендию и общежитие, обучение бесплатное. Редактор сего журнала смиренный Сергий.

Общее впечатление, что сила не так-то уж велика, как казалось, и держится во многом авторитетом правительства. Уверен, что после войны, как справимся, потеряют многих из своего стада.

<…>

Ну вот, мои предположения сбываются. Отрезали немцев по Серету и даже чуть-чуть дальше и крошим их с флангов и тыла. Вышли уже на границу с Румынией. Прыгать от радости хочется далеко не мне одному. Есть основания полагать, что к 1 мая Южная Украина будет очищена от сукинсыновых подлецов. А это значит, что урожай в этом году соберем несколько больше, чем раньше, и будем чувствовать себя крепче. В лагере сукиных сынов разброд, кто кого оккупирует, не поймешь, ясно только, что сие не от хорошей жизни делается и ни к чему хорошему не приведет. Рузвельт и Черчилль предупреждают своих солдат о предстоящих жертвах и тяготах, но я теперь поверю, когда вложу персты в язвы.

<…>

В Центральную Партийную
комиссию при ГлавПУ РККА
от члена ВКП(б)
п/б № 3055858 Катаева Б.С.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

16 июля 1943 г. я был задержан Особым отделом 11-й армии ввиду обнаружения переписанного моей рукой текста фашистской листовки и тут же парткомиссией тыла 11-й армии был исключен из рядов ВКП(б). После проверки обстоятельств дела Особый отдел установил, что в моем поступке не было злого умысла, ввиду чего я был освобожден без предания суду или разжалования. В политотделе тыла, куда я обратился по освобождении, мне сообщили, что мое дело уже отправлено в парткомиссию армии, и немедленно направили в отдел кадров армии, не дав мне решить партдело. Не могли они мне дать и адреса парткомиссии армии и вместо этого предложили написать и переслать через них заявление по прибытии на новое место службы.

Я был назначен командиром стрелковой роты 1090 сп 323 сд и немедленно сообщил свой адрес в политотдел тыла, но ответа не получил. 12.8.43 г. я был ранен в бою и направлен в МСБ. Оттуда я написал в армейскую парткомиссию через редакцию армейской газеты. В конце августа секретарь дивизионной парткомиссии сообщил, что меня вызывают на армейскую парткомиссию, но после переговоров с нач. отделения медсанбата, тот заявил, что категорически возражает против моей поездки и что поэтому разбор моего дела будет отложен до моего выздоровления. 12.9.43 г. меня из МСБ эвакуировали для лечения сначала во фронтовой, а затем в глубокий тыл в гг. Кострому и Челябинск. 12.1.44 г. я был выписан из госпиталя с ограничением 2-й степени и УралВО был направлен на работу в склад НКО № 307, где нахожусь и по настоящее время.

Я направил в Ваш адрес письмо с просьбой указать, как мне добиться пересмотра моего дела, но ответа до сих пор не имею. Так как адрес парткомиссии 11-й армии мне до сих пор не известен, то я вторично обращаюсь к Вам с просьбой указать, что я должен предпринять, чтобы мое дело было пересмотрено в возможно кратчай-

ший срок. Я уже 8 месяцев лишен партбилета, и хотя мое исключение не утверждено армейской парткомиссией, я фактически лишен возможности принимать участие в партийной жизни.

Убедительно прошу Вас, товарищи, помочь в этом деле, я же со своей стороны обещаю всей своей последующей работой загладить этот свой проступок и оправдать доверие партии.

27.3.44 г.

член ВКП(б) с 1939 г. ч/б № 3055858 л-т Катаев

<…> Спать лег только в третьем часу. До этого сидел и дожидался последних известий. Пал Николаев, у Каменец-Подольского все яснее обозначается «мешок», наши пошли в наступление на Одессу с северо-запада. По старинному каламбуру: русские на Прут — немец на Серет. Положение немцев в Крыму все обреченнее. И чего они держатся? Наши войска сковывают? Не так-то, поди, уж много там наших войск. Так, нечто вроде усиленной охраны концлагеря с особым режимом, в каковой уже давно превратился Крым для находящихся там немцев. Освобождение, и притом сравнительно быстрое, Украины и Молдавии столь очевидно, что невольно напрашивается вопрос о дальнейших операциях, о направлении следующих ударов. В Румынию мы вступим, но едва ли будем далеко залезать — распылять силы. То же относительно Чехословакии и южной Польши. Благородно выступать в качестве освободителей, но это можно отложить и на «ужо потом», когда немцев на западе потрепят. А нам еще свою территорию освобождать надо да поскорее там жизнь налаживать, чтобы к моменту мирных переговоров быть в полной силе. Значит — Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва. В Белоруссии для решения вопроса надо прорваться на Минскую возвышенность, что и пытался, видимо, сделать Рокоссовский своим не совсем удачным продвижением на Бобруйск. Вопрос: стоит ли продолжать эти лобовые атаки? Не лучше ли прорваться от Луцка на Ковель и, двигаясь вдоль З. Буга на север, у Бреста пересечь канал Буг — Припять и войти с фланга в глубокий тыл немцам в Белоруссии? Это нелегко, но и не труднее, поди, чем брать в лоб один за другим оборонительные и, видимо, неплохо организованные рубежи немцев.

Эстония представляет интерес как транзитный путь из Германии в Финляндию и также, видимо, станет ареной ожесточенных боев. Здесь движение от Нарвы обязательно должно сочетаться с движением от Пскова, для воздействия на немецкие тылы. Ну а Литва и Латвия прямо выводят в Восточную Пруссию, а это само по себе заставляет немцев бросить сюда последние силы (если они у них к тому времени останутся). Но на всех этих фронтах жду боев не раньше конца мая: не Украина здесь, чтобы в распутицу наступать. И так я прихожу к выводу, что по крайней мере в ближайшие месяцы мы далеко за границу не полезем. Интересно, что надежду на это таят многие. Баранов, например, и даже мой дежурный контролер Докучаев спрашивали меня прямо: «Интересно, пойдем ли мы дальше за границу?» В ответ я цитировал «Правду»: «И не будет им передышки до самой их смерти». Так оно, конечно, и будет, но это не означает, что так-таки на всех фронтах передышки не будет или что надо наступать только на юге. <...>

Наши серьезно прут немцев на Серет. Неплохо, но лучше бы скорее кончали с югом и западом Украины. Неужели даже на юге это труднее? Но дни Одессы и Тирасполя сочтены, сильнее нужен нажим на Кишинев и дальше на юг до Измаила, после чего здесь и передохнуть можно было бы. А на западе немцы, похоже, сильные силы бросают в контратаки, не хотят пускать нас на Буг, не хотят Львов отдавать. <...>

Одесса наша! Маргарита может успокоиться. Не знаю, с какой стати, но она все время беспокоилась: «Как далеко осталось до Одессы?» Радиоприказ мы слушали с Барановым: он зааплодировал, а я соскочил, притопнул и изматерился с радости. И знаешь, что изничтожить несколько дивизий интереснее, чем взять город, а вот радость все-таки так и охватывает.

Жуков первый получил орден «Победы». По заслугам. Только за его могучим заслоном Конев и тем более Малиновский могли расправляться без помехи с украинскими армиями немцев. Ну, Василевский, видимо, координировал действия трех фронтов. Хорошие генералы, выращенные нынешней войной. <...>

Ну-с, попробуем полусамостоятельную хозработу. Хорошо то, что хозяином буду; плохо то, что опыта нет. Будем надеяться на приобретение этого в процессе работы.

__17 апреля.__ Выехал я из Свердловска 15.4 в 10 часов вечера. Нагрузился основательно: в полевую сумку засунул все свои книги и бумаги, в сумку тракторных механиков сложил сухую картошку, водку и часть продуктов, в вещмешок ушли остальные продукты до 22.4, да еще оказался сверток с накладными и парусиновым костюмом — всего 4 места: два через плечо да два в руках. Бронь для меня заказывал Барщевский, но ее почему-то в кассе не оказалось. Тем не менее мне выдали плацкарту, и я даже сумел постель получить за 15 руб., так что ехал с полным комфортом.

Отмечу, кстати, что в вагоне видел первую ожившую муху (там, впрочем, у моих соседей мыши рыбе хвост отгрызли), а вчера дома обнаружил комара, которого и не замедлил ухлопать. Природа оживает, и немудрено при такой теплой и тихой погоде, какая стоит последние дни.

Приехал я в Челябинск в субботу в десятом часу утра, и сразу домой. Встретила меня мать: еле ноги волочит, но чуть только почувствует облегчение, так сейчас же поднимается с постели. Женя, которая получила освобождение на работе по случаю болезни мамы, ушла за «питанием» и стричь Славу. Я их отыскал в бане. Славка для начала никак не хотел признавать отца в блестящем офицере, но потом по голосу узнал и уже не хотел оставаться с матерью.

Остаток дня провел дома, рассудив, что срочных дел у меня на ремпункте нет, а отметку о прибытии я успею сделать и в понедельник.

В воскресенье мы с Володей пошли в баню. Он очень стеснителен с посторонними. Я едва заставил его отдать билеты банщице, и то только когда она подошла к нему сама. Это у него от меня и должно быть во что бы то ни стало изжито. Я, уже будучи взрослым, страсть не любил обращаться к незнакомым людям, а в 1918 году, по словам папы, меня невозможно было заставить купить газету. Это не мешало мне хулиганить и, например, бегать по тротуару в Иваново и останавливать прохожих криками: «Куда ты идешь?», за что какая-то горничная осведомилась: «Ты что? Угорел?» Это, пожалуй, именно противоположное проявление той же самой застенчивости. Вот и Володька, по словам Вали, 16.4 выбегал с криками навстречу проходившим машинам. Он и со мной проявил нежелательное стремление состязаться в скорости с машинами. Когда мы шли еще в баню, он меня убеждал

сойти с ж.-д. ветки, так как впереди в метрах двухстах стоял маневровый паровоз, который «может пойти и задавить». А вот на обратном пути он внезапно решил перебежать дорогу идущей машине (правда, она шла сравнительно далеко, так что я и не сразу догадался, что это он сорвался бежать). Вообще за ним сейчас приходится глядеть в оба. Осваиваясь с улицей, он пускается в опасные эксперименты. Вчера я заставил вылезти из помойки, а Валя жаловалась, что он изволит скатываться на заднице с крутого бугра возле дома. Я склонен его оправдывать: осваивается с окружающим миром и мало соображает о последствиях этого взаимодействия, но мать, в особенности тетка Валя, в отчаянии и то и дело честят его хулиганом. Ну а сообразить, что их потворство упрямству и капризам Славы ведет прямо к таким же результатам, они просто не хотят: Слава маленький, очень симпатичный, и этого достаточно для того, чтобы оправдывать все его выходки. Ну а если они окончательно не могут с ним справиться, то начинают грозить: «Вот папа возьмет ремень и тебя а-та-та». Эффект полный, хотя и совершенно нежелательный.

Вечером 16.3 я обучал Володю цифирному искусству до того, что он запротестовал: «Я больше не хочу писать». Пришлось разъяснить ему разницу между работой и забавой: «Работа — то, что хоть и нежелательно, но необходимо, а забава — то, что приятно, хотя и не необходимо». Потом занялись письмом. Он почти самостоятельно написал: «Катаевой Нине Степановне Володя Катаев», хотя все время пытается пропустить гласные буквы. Не одна ли здесь причина с писанием «под титлами» наших предков.

Роясь в ящике со старыми журналами в сарае, я отыскал свою записную книжку 1928 года и записи, относящиеся к моему преподаванию географии на курсах НКВД в 1937 году. Обширный материал для автобиографии.

Наконец сегодня с утра пошел на ремплощадку. Застал там Шадрина. Предъявил ему свой мандат и стал знакомиться со своими будущими владениями. На левоэлеваторном тупике смотрели подлежащие ликвидации хранилища Яшкина, на таможенном Баженов принял 1 хранилище, а Самелов продолжает принимать остатки у Сентешенко. Последний должен быть уже арестован, но оставлен для сдачи имущества, и о предстоящей ему участи, кажется, только

догадывается. Под навесом 16 женщин и ребят занимаются распоркой утиля для ремонтного материала. Я напустился на контролера за грязь в сторожке и двойной проверкой заставил его навести порядок.

Вообще сейчас троевластие. Золотовицкий сдал уже неделю ремпункт Шадрину, но сохраняет еще какое-то верховное командование, хотя занят какими-то неизвестными мне делами и вчера, например, появился в обед как ясный месяц и тут же смылся. Шадрин считается начальником ремпункта, и как к таковому к нему обращаются все за разрешением всех вопросов. Но он предпочитает советоваться со мной. Я охотно советую, сам даю установки, но от дел Шадрина не отстраняю. Вообще мне было бы удобнее, чтобы он остался начальником пункта и действовал бы в качестве уполномоченного ремотдела по г. Челябинску. Но Ефимов и Калетин хотят забрать его в Свердловск, так как на него падает подозрение в причастности к имевшим место расхищениям.

Ремонтная работа стоит из-за отсутствия транспорта: для машины нет ни шофера, ни горючего, одна лошадь, к тому же хромая, отправлена Золотовицким в Таянды для подвозки сена, а одна истощала до последней степени.

19 апреля. Еще горе. 17.4 у Жени вскочил на ноге прыщик. К вечеру она почувствовала слабость и усталость, но не обратила на это особого внимания, как на обычное дело. Вечером она читала ребятам сказки (я уже лег спать) и так уморилась, что стала впадать в забытье. Володьку, видимо, сильно встревожило это, и он несколько раз пытался разбудить: «Мама! Мама! Ты умрешь». Вчера мы с ней встретились в столовой № 2. Она жаловалась на озноб, потягивание и на боль в ноге. Вечером я встретился на пути домой с Маргаритой, и она сообщила, что Женю привезли домой до окончания работы и что у нее были Ева Давыдовна и Зоя Александровна и что-то ей давали. Дома от Жени узнал подробности. Вернувшись из столовой, она совсем себя почувствовала плохо. Отпросилась у Котталя домой, но идти не смогла, и ее в шестом часу привезли на машине. Температура у нее поднялась до 38,6°. Наши домашние врачи дали ей стрептоцид и аспирин, уложили, укрыли и грелку поставили. Она почувствовала себя несколько лучше, хотя ногу, несмотря на спир-

товой компресс, продолжало драть и боль отдавалась аж до паха. Вечером она кушала, хоть и без особого аппетита. Сегодня я вызвал из райполиклиники врача на 12 часов. Температура утром у нее была 37,6°. В бумагах нашел свое письмо к папе от 7.6.37 г. с изложением обстоятельств рождения первого нашего ребенка. Записываю выписку из письма.

«20 мая Женя родила девочку, и она оказалась мертвой. Как Женя рассказывает, так в этом ничего нет удивительного: принимали ребенка плохо, и возможно, что он при своем крупном росте (а он был очень крупный) просто-напросто задохнулся. Но его унесли для вскрытия, и когда мы с мамой стали брать, нам выдали справку, что смерть произошла от... «врожденного люэса». Можешь себе представить, как это огорошило меня. И эту же гадость они не постеснялись высказать Жене, которая в это время лежала в больнице. Она буквально пришла в ужас и, конечно, отнюдь не могла «поправляться» в больнице. Да ее там и не особенно держали. 24 мая ее выписали и дали направление в вендиспансер. Даже писать не хочется, что было в эти дни. Мы верили крепко друг в друга, но ведь это могло быть бытовое заражение, и возможность эта нас просто сводила с ума. Женя всячески крепилась, но это ей не удавалось, и она так рыдала, что я опасался за ее рассудок. И вот где сказалась наша любовь: несмотря на то, что предполагать можно было вообще черт знает что, мы ни разу не усомнились в невозможности измены друг другу. Как только Женя немного оправилась, она 1 июня сходила и отдала кровь на исследование. Результат получили 5 июня. Оказалось, все сплошная ерунда! Все три реакции, которые они там употребляют (Вассермана и еще какие-то) дали отрицательный результат, кровь оказалась совершенно чистой. С нас как гора свалилась. Когда Женя пришла ко мне с результатами, я ушел с работы, и тут-то мы исповедали друг другу все то, что мы за это время испытали и что друг от друга скрывали, чтобы не растревожить друг друга еще больше. Дело на этом, конечно, не кончится, мы постараемся добраться до настоящей причины смерти ребенка, но по крайней мере самое страшное уже позади. Сама Женя медленно, но поправляется, и как только ей в Объединении сумеют дать деньги за отпуск, я ее отправляю в Елань».

Вот эта длинная выписка. Но я припоминаю и иные подробности. Мама принесла Светлану (как мы ее уже заранее назвали), и она лежала на столе: полная, большая, с ссадинами на лице и теле. Мать подала мне справку из больницы. Я прочитал слово «люэс» и спрашиваю мать: «Ты знаешь, что это слово значит? Врожденный сифилис». Мать засуетилась, заохала: «Да откуда же он может быть?»

Хоронить Светлану мы ходили с матерью вдвоем вечером. Я нес гробик подмышкой, а мать шла рядом с лопатой и все просила: «Дай я понесу». Схоронили Светлану на кладбище у радиостанции, и сейчас от ее могилы ничего не осталось. Как только Женя начала вставать, мы с ней пошли в больницу выяснять причину такого диагноза. Врач, производивший вскрытие, для начала удивился, что мы сами пришли: «Обычно приходится после такого диагноза вызывать родителей». Потом он разъяснил, что внешний вид трупа говорит за то, что ребенок умер именно вследствие врожденного сифилиса, что микроскопический анализ он еще не производил, но едва ли он даст что-либо новое. Потом Женя получила на обоих приглашение явиться на обследование в вендиспансер по ул. Коммуны. Там нас тщательно осмотрели, пытали о наследственности, в частности старались узнать, не было ли в родне мертворожденных. Я отвечал, что о таких не знаю. (Потом я узнал, что Мария Михайловна первого ребенка тоже родила мертвого.) Потом я ходил на переселенческий пункт, и там у меня вытягивали кровь на исследование. Перед тем как идти за результатом, я сильно волновался, но отрицательный результат реакции Вассермана принял как должное.

Пошли опять к врачу. «Обследовались, ничего не обнаружено. Как же так?» — «Да, — отвечает, — микроскопический анализ тоже не подтвердил предположений». Выдали нам справку, что ребенок умер от внутриутробного удушения, и на этом дело и закончилось.

А по рассказам Жени, дело обстояло следующим образом. Так как она родила впервые, то ей это было очень трудно, и она чуть ли не трое суток не могла разродиться. Родила она ночью, когда около нее была только малоопытная сиделка. Тащили ребенка, говорит, щипцами, ну и наделали ссадин, введших врача в заблуждение. Сама Женя ничего в этих делах не понимала (перед родами мне ее пришлось серьезно уверять, что ребенок появляется не через задний проход),

16 Заказ 1254

а кроме того, она была сильно истощена трехдневными схватками и мало чего соображала во время родов.

В остальной части письма речь идет о планах отпуска. Женю я хотел отправить в Елань 9–10.6. Сам собирался дождаться приезда папы к 24–25.6 с тем, чтобы 1.7 с ним уехать в Елань, а если мне отпуск с 1.7 не дадут, то его туда отправить, а самому ехать с 15.7. План этот в общем, кажется, осуществился — во всяком случае в этом 1937 году мы были в Елани и в Мачехе.

22 апреля. Погода взбесилась. Вчера шел снег. Сегодня ясно, но ночью вода замерзла, на окнах узоры мороза, и ветер как с цепи сорвался.

Ну а работка скандальная. Собственно, работы-то настоящей еще нет, так как хоть горючее на 500 кг перевели, но шофера нет. А вот народ распущен до конца. Приехал из Свердловска из командировки татарин Байзаков. Приехал с чужой командировкой и неиспользованным литером. Проехал без билета, а командировкой спутался со своим другом, тоже ездившим в Свердловск. Друг-то почему-то сюда не приехал, а на командировке пометка, что не то по 10.4, не то по 14.4 выдана рейсовая карточка, да еще на два дня продуктов. Байзаков клянется, что 4 дня ничего не ел. Велел ему дать карточку с 17.4. Он три дня вообще не был после этого, а потом приходит и заявляет, что у него карточки все вышли. Что он делал эти три дня? «Отдыхал немного после Свердловска». Куда карточки дел? Водку выменивал, молоко выменивал. И все это с самым спокойным видом произносится, облокотясь и чуть не лежа на печке. Мы отобрали у него военный билет и отдали его Третьякову, чтобы тот сдал его в Свердловске, — иначе где гарантии, что этот Байзаков поедет в Свердловск, а если и поедет, то не сбежит по дороге? Так хватает нахальства изумляться: «Почему у меня военный билет взяли?»

Сегодня целый бунт. Девчата желают распорку обмундирования производить в столовой, а то в хранилище холодно. На крики ушло min 15 минут.

А сколько требований отпуска и увольнений. Брат и сестра Потаповы наперебой требуют увольнения, выставляя причиной болезнь матери. Но сестра по крайней мере не скрывает, что основа всего — огород. Ну если всех на огород отпускать — никого не

останется. Контролер Добросмыслов требует отпуска для устройства детей ввиду смерти жены. Но в конце концов выясняется, что жена у него умерла 6 лет назад, и все это один предлог для этого же огорода. Этого контролера пришлось заменить другим — Колбиным, т.к. этот пропускал всех и с дровами, и с досками, и с наворованной у соседей рыбой. Да, работы с народом предстоит много, а здесь нет ни партийной, ни комсомольской организации, да и местком-то еще не избран.

Позавчера с Володей начали писать письма тете Нине. Ну, я-то свои 3 открытки за вечер и прикончил, а Володя над своим письмом трудился два вечера. Использовали готовый макет изд-ва «Челябинский рабочий». Там впечатаны начала всех разделов ребячьего письма: «Здравствуй дорог…; Я живу…; В кино я видел…» и т.д. Остается заполнить пустые места. Вот их Володя и заполнил печатными буквами. Ведь вот пишет же он и нечасто ошибается, какую букву надо поставить, и ошибки эти сводятся к полному игнорированию гласных. А читать не может. Мало того, он не различает в речи не только слоги, но и слова. И в письме он их, без указаний если, пишет подряд.

Вписали рост его и Славы: 111 и 88 см. Сочинили с матерью ему табель: письмо — хор., рисование — хор., пение — отл., декламация — отл., дисциплина — поср. Последнее печальное обстоятельство объясняется настоянием Жени. Я-то бы ему поставил min хор., но мать жалуется, что он только меня и слушает, а без меня ему надо тысячу раз повторять одно и то же, а если принуждать, то он выставляет претензии: «Чего ты дерешься?» Пришлось согласиться.

А писали мы по случаю получения от Нины письма. Она переселилась на Кольский полуостров, так, по крайней мере, следует из ее сообщения, что в июне здесь солнце не заходит. Живет уже не в землянке, а в конуре, огороженной с одной стороны палаткой, с двух снегом, покрытой плащ-палаткой и печкой в середине. Приходилось спать и под открытым небом у костра. Попадала под артобстрел. Но не жалуется и пишет, что не пугается. Видимо, все же участок попался не такой спокойный, как раньше, да и они, похоже, к активным операциям готовятся.

Женя поправляется. Стрептоцид вообще делает чудеса и всякую гниль побивает лучше даже, чем мы немцев. Она вчера уже бродила по

комнате, сходила в поликлинику, а сегодня собирается идти в очередь за литерным пайком. Выхода нет иначе: сегодня утром пришлось удовольствоваться граммами 80-ю хлеба с маслом. Я-то еще пользуюсь талонами в 3-ю и 2-ю облисполкомовские столовые, и хоть не очень сыт без хлеба-то, но все же лучше себя чувствую, чем они дома. Пробовал и обеды при складе: неплохие, хоть и не знаю, за какой счет они покрывают мои порции. Видимо, это не так-то уж трудно, раз вчера буфетчица осведомлялась, почему такое я у них не обедал.

Сегодня слышал от Ростислава: «голька» (иголка), «гонь» (огонь), «талин» (Сталин). И вообще он многие слова уже повторяет, но вот себя упорно зовет, неведомо почему, «Рем», хотя на вопрос: «Где Слава?» — показывает на себя: «Вот».

Всюду, куда ни зайдешь, разговоры о еде. В ОРМ как-то мне пришлось посидеть часа полтора в конторе. Обсуждались достоинства сегодняшнего обеда и сыпались жалобы на то, что наесться никак не удается. Вчера Марков занес нам семена гороха и бобов — опять разговор о еде. Он рассказывал, что получил талоны на дополнительное питание в ресторане «Южный Урал», ест дополнительно три раза в день и ни поправиться, ни даже насытиться не может. Сегодня в Горплане разговор опять-таки о еде: что ели, что есть предстоит, где бы что получить для еды. Всеобщее недоедание. И быть ему еще года два, если только в этом году война кончится.

На фронтах непривычное замирание. Я всегда понимал, что наступление не только не может, но и не должно быть, в отличие от преследования, непрерывным. Но неприятна остановка под Севастополем, Яссами, Кишиневом, Станиславом, Жлобином, Витебском, Псковом, Нарвой. До всех их остались считанные километры. Но эта остановка, кое-где многомесячная, говорит о том, что достигли их на выдохе и остановились едва ли в выгодных условиях.

Англичане беспрецедентно стеснили дипломатов. Признак! Но сколько времени продлится инкубационный период? Да и вообще может быть — пыльный буран. Из «Истории дипломатии» следует, что Англия всегда воевала чужими руками. Какие основания сейчас ей действовать иначе?

25 апреля. Вот когда я начинаю понимать размеры огородной кампании. По тем улочкам и переулкам, по которым я хожу на работу,

вскопаны не только приусадебные участки, но и «тротуары» — проезд оставлен только по середине дороги. Недаром горсовет был вынужден объявить для всеобщего сведения, что самовольно захваченные участки будут отбираться. Не погонять, а сдерживать огородников приходится.

В воскресенье и я почин сделал. Собственно, начали копать наш участок на дворе Женя и Шура еще с неделю тому назад. Но они именно только начали. В четверг я продолжил, а в воскресенье заканчивал. Взрыл, по моим подсчетам, 65 кв. м. Земля со всячинкой. На этом месте сваливали всякую дрянь, а посему в земле кирпичи, стекло, тряпки, а самое главное — избыток каменноугольной золы, ни на черта не нужной. Опыт вскопки оказался нелегким. Несмотря на работу в варежках, я набил и сорвал мозоль на правой ладони, а поясница только сегодня отдохнула. Но есть стремление, прямо жадность к работе, а это самое главное, — в работу-то я втянусь. В следующее воскресенье думаю копаться на острове, там с полсотни метров имеется.

Имеются перспективы и в иных местах. Участок ремпункта у пересечения ж.д. и Троицкого тракта за нами как будто закреплен, и начКЭЧ полковник Морев собирается его вскопать своим трактором за мзду в 1,5 га. Здесь мне соток 5 обеспечены. На облплановском участке (15 км за городом) за нами около 10 соток закреплено. Можно рассчитывать на участки Легпрома и Облоно, да если прыть особая будет, я и на территории ремплощадки метров 50 могу вскопать. Словом, земли хватит — соток 25 будет.

Из них надо min 10 соток занять под картофель, чтобы собрать тонны полторы (годовая потребность), а остальные под прочие культуры пустить. С семенами перспективы таковы: 100 кг картошки я должен получить из Свердловска, сколько-то даст Облплан, и думается, этого хватит. Могут еще Женя с Валей что-то достать, да бабушка обрезки клубней собирает, но все это пустяки. Потребные 1,5 центнера, я думаю, будут обеспечены. В крайнем случае, Шадрин собирается кое-что из Увельки привезти. Гороха и бобов, полученных из Облплана, хватит с избытком. Марков обещал мне корней табака, есть у нас большие запасы, правда, не проверенного на всхожесть проса. Требуются огурцы, помидоры, репа, свекла, кабачки, но здесь

Валя хочет что-то соображать. В общем, перспективы недурны, необходима их быстрейшая реализация.

Морозович вчера сообщил, что в Москве коммерческий хлеб по 50 руб. кило продают. Это, наверное, на 25% дешевле московского рынка (наш-то рынок 120 руб. кило держит). Ну что ж: скот кормить по этим ценам дороговато, цены рынка должны снизиться, доходы государства возрасти. Цена подходящая. Морозович тоном разочарования какого-то заметил, что видимо, девальвации не будет. Я ему ответил, что я и заранее предвидел этот выход из инфляции.

Слава возмещает недостаток слов их всевозможными комбинациями. Получается что-то нацменовское. Володя заставляет его скорее пить чай с молоком, потому что он свой-то уже выпил: «Это пить? Да? Молоко пить? Не-ет!» — возражает ему Слава. «Я это катти м-мам» (Я эту кашу буду есть), — говорит он мне сегодня. «Нет, эту кашу буду есть я», — заявляю я. «Папа катти м-мам, я катти м-мам. Да», — возражает Слава.

Володя прогрессирует. Вчера все писал по заданию мамы свой год, месяц и число рождения, и все правильно. Показывает мне: «Что я написал?» — «Юла». — «Нет, Юля». В вопросах правописания, конечно, еще не разбирается. Я все стремлюсь прививать ему трудовые навыки. В воскресенье он мне граблил землю, огораживал участок камнями, отнес домой 4 полена, мою куртку. Сам чистит себе сапоги, постель убирает. Вот заставить его найти что-либо — гиблое дело: или мать с бабушкой примется допрашивать, где ему взять, или заявляет, что «Нету».

В воскресенье я собирался ехать в Свердловск, но уже в двенадцатом часу ночи заметил, что у меня пропал билет на обратный проезд. Пришлось все это дело отложить на сегодня, т.к. в понедельник на Свердловск поезда нет.

Женя поправляется, и хотя ей велели еще лежать до 23.4, но она уже разгуливает вовсю. Зато мать хиреет. И вот по утрам я встаю раньше всех, в 6 часов, и начинаю подготовку к уходу. Ну, конечно, прослушаю последние известия, а затем дрова колю, печку разжигаю, бывает, что сам разогреваю еду, чайник кипячу и народ поднимаю.

Сегодня ко мне заявился мл. лейтенант Забиякин, работник Смерш внутренней контрразведки. Представился мне и сообщил, что он будет нас «обслуживать». Ну, будем посмотреть, как он будет «обслуживать».

27 апреля. Выехал в Свердловск вчера в 5.15. Целую ночь снова пришлось проторчать на вокзале. И не придумаю, как мне от этого удовольствия избавиться в дальнейшем. Сунули нас в вагон № 3, предназначенный для перевозки раненых. Высадилось из него человек 30, но когда мы туда ворвались, там было все равно тесно, как в бочке. О том, чтобы поспать, нечего было и думать. Приткнулся на краешке скамьи и просидел так до Свердловска.

Ехал народ всякий. Группа раненых ехала откуда-то из-под Самарканда домой и в гости на Урал. Эти уже вышли из строя: у одного нет кисти левой руки, другой с ногой нянчится. Говорят, что в Средней Азии уже вишню продают. Вот бы куда. А то у нас то захолодки, то отпустит, а зеленеть-то деревья еще и не думают. Так, кое-где травка выглядывает щетинкой. 25.4 первый дождик взбрызнул.

Ехал один парень. Ранен был в череп, валялся месяца три в госпиталях; левый глаз у него до сих пор красный и ни хрена не видит, хоть он после госпиталя месяцев 6 в тылу пробыл. Что-то он напрокудил, по его словам, домой отлучился, судили его и на фронт отправили. Едет сейчас в отдел кадров округа за направлением в штрафной батальон. Едет с сопровождающим младшим лейтенантом, у которого все его документы: чтоб не сбежал. Ну, тип-то он подозрительный. Вслух соображает об обмене в Свердловске казенного обмундирования, в вагоне чуть было мену гимнастерок с одним раненым не сообразил. Организовал игру по схеме рулетки на деньги, но возбудил всеобщее подозрение и закрыл свою лавочку.

<…>

3 мая. Что-то такое похожее, приближающееся к довоенному празднику. Торжественного заседания не было, демонстрации не было, но дома по-праздничному. Прибрались, подчистились, подмылись. Маргарита и Шура отдыхали (Маруся на бюллетене), и даже стряпню устроили, и даже гостей позвали. Перед праздником малость разжились. Валентина привезла какао, кислое молоко, Женя принесла жир, литра 3,5 водки, 3 литра вина, тушенку, пшено, кедровые орехи, я добыл 1,5 литра водки, 400 г печенья. Водку загнали,

купили муку, молоко, яйца и испекли пирог с кашей и мясом, пирожки с той же начинкой, пирожки с картошкой и даже какие-то бисквиты. Вчера вечером пришли Блювштейны (четверо) и Зоя Александровна. Выпили (я и не знал, что Галька водку пьет), закусили, чаю попили, в карты сыграли. Соломон научил нас в какую-то «девятку» резаться, ну я и выиграл (за вычетом проигрыша Жени) 1 р. 80 коп.

В ночь с 1-го на 2-е ходил во 2-м часу ночи проверять посты на своем ремпункте. Пришел, долго путался с запором, но все же открыл калитку, прошел в контрольную, обнаружил дремлющего разводящего, прошел в контору, обнаружил лежащего на столе дежурного Крупина. Заставил его взбудоражить всю охрану. Прошли на территорию Снабчермета, часовой у хранилища № 17 выскочил из будки и нагло врет в глаза: «Да я в будку и не заходил». Ну, наругал всех, да и домой.

4 мая. Хотя сегодня в воздухе похолодание, но впервые я заметил на деревьях зеленую опушку. Это несомненное следствие дождя, прошедшего 2 мая. До этого же стояла прохладная сушь.

У нас все еще никак не отрегулируется вопрос с земельным участком. Работница управления городского архитектора Немцова передала землю Окружной ремонтной мастерской Главснабу НКВ, а заодно от доброты душевной прирезала им и часть земли склада 556, где сеял Баранов и др. Ну так она свою ошибку признала, но выкопировку плана участка не дает — желает нам ее вручить одновременно с вручением Главснабу. Те ее не могут поймать, и дело тянется. Нет еще до сих пор ясности и в вопросе обработки земли. Нач. КЭЧ полковник Морев все еще морочит нам голову обещаниями. Решили ждать до субботы, а там делить на участки. Был я 30.4 на участке. Земли много, и земля хорошая. Есть и вода.

Шофер прибыл, горючее есть, но машина стоит из-за неисправности аккумулятора, а с ней стоит и вся работа.

10 мая. Работа эти дни форменным образом застопорилась. Еще вечером 6 мая наши работники (Шадрин, Ляховецкий, Семенов, Офицеров и еще 1 рабочий) уехали в Увельский р-н за картошкой. Обещал Шадрин вернуться в воскресенье вечером или в крайнем случае в понедельник утром. А в действительности сегодня в полдень заявились только Ляховецкий и Семенов. Они оставили машину в Таянды и сами приехали на поезде. Задержка, по их словам,

произошла потому, что у перегруженной машины перегревался мотор и чуть не через 2 километра надо было подливать воды в радиатор. Полагают, что к вечеру она приползет.

А за это время надо было возить валенки в ремонт, обмундирование из прачечных, перевозить имущество из хранилища Яшкина и вообще работать. А мы сидели и руки сложили.

А тут еще дела прокурорские. У Сектименко таки не хватило против документов больше 3000 дцм^2 кожи и сколько-то маскировочных костюмов. Я написал письмо военному прокурору с просьбой задержать Сектименко до выяснения, но кажется, его сам РВК задержал, а не прокурор. А прокурор (вернее, его помощник капитан юстиции Эмдин) меня вызвал по другому делу. Он заинтересовался, во-первых, офицерскими вещами Гайнетдинова, а во-вторых, делом какого-то Панкратова насчет нехватки каких-то кож. Велел вчера в 9.00 прислать к нему Шадрина, а он хорошо, если завтра будет.

Слава, можно сказать, научился говорить. Он выговаривает уже почти все слова, но, конечно, перевирает их часто. Он научился узнавать Сталина и Ленина и все время требует «тиньку» (книгу).

Севастополь освобожден. Освободилась армия Толбухина. Интересно именно сейчас взглянуть на перспективы. Прочитал я «Правду о войне 1914 г.» Литтль Гарта. Правда здесь очень часто приносится в жертву оригинальности и национальной ограниченности. Но пища для размышлений богатая. Еще раз добавочные сомнения о возможности скорого открытия второго фронта. Даже когда все оговорено, когда налицо единое желание добиться быстрейшей победы (а этого, ох, не чувствуется), единое наступление тормозится индивидуальными особенностями военачальников. Один боится за репутацию, другой войска жалеет, третий пытается проводить свою политическую линию, и т.д. и т.п. Много еще препятствий на пути ко второму фронту. А без него? И без него немцу капут, но не сразу. Сдастся немец, когда перспективы хотя бы на почетный выход из войны исчезнут, или же когда внутри будет невтерпеж от голода и всеобщего оскудения. Разгромить армию его одними нашими силами едва ли можно. В 1918 г. и перевес был большой, а все же разгром, говорят, не удался. Правда, техника и тактика войны изменились и за укреплениями отсидеться нельзя, но ведь вот что неизвестно: сколько

же живой силы нами уложено при штурме укреплений? Идти напролом можно, когда имеется избыток, большой перевес сил. Не думаю, чтобы такой избыток был у нас. Значит, ломиться нам будет трудно, а немец перебрасывает свои силы с запада на восток и тем самым снижает наши возможности наступления. Кто нарушит передышку? При удобном случае мы. Но надо, чтобы немцы или часть сил оттянули, или чтобы представился случай разгромить без особо больших потерь крупную группировку немцев. А то и подождать можно. В конце концов, нам не к спеху.

Чтобы страна стала в 1944 г. экономически жить хуже, чем в 1942 или 1943 г., так этого не заметно, скорее, наоборот. Надоело воевать, но терпеть еще можно. А вот немцу ждать, поди, некуда. Блокада как-никак сжимается, заводы разрушаются, урожайные земли теряются — чем дальше, тем хуже. А если все хуже, то надо чем-то своих фрицев утешить. А ведь утешение может быть одно: военный успех. Дразнить наших союзников едва ли с руки, на сербах много не отыграешься, да они не являются воюющей стороной. Значит, надо на нас лезть. Где? Если слушать Литль Гарта, так там, где меньше всего ждать можно. Ну, так это менее всего вероятнее правый фланг 1-го Украинского через Пинские болота. Какой дурак туда попрется? Вот еще от Ковеля нажать туда-сюда. А в общем, можно ждать в любом месте попытки немцев добиться эффекта (на более серьезное они и рассчитывать не могут). Ну что ж, лишь бы разнюхать, где они желают стукнуть, а там можно и повторить по-прошлогоднему Орловско-Курскую битву. Вот уж после этакого пассажа душевное равновесие немцев и нарушится, может быть, и лапки кверху поднимут. Жду летом свирепых боев.

<…>

Всю дорогу читал «Современную историю» А. Франса. прекрасный язык, изумительно острая мысль, огромная эрудиция в вопросах истории культуры. Но ограниченность интеллигента. Ведь только такому интеллигенту, как мне, могут не надоесть бесконечные рассуждения героев, скудость действия, длительные экскурсы в область философии, истории и экономики. И вот что я заметил: если А. Франс углубляется в прошлое, он пишет интереснее и убедительнее, но стоит ему коснуться современности, как он становится бледнее, суше и… —

как это выразиться — неправильнее. Дух исторического прошлого он передает изумительно, а вот современный дух у него проявляется гораздо хуже. Ну а когда он берется за будущее, да простит меня его гений, получается сплошная галиматья. Аббат Куаньяр и профессор Сильвестр Боннар написаны лучше, чем «Современная история», а в этой последней две первые части интереснее последней. А уж какую утопическую ерунду несет автор устами проф. Бержера, когда начинает мечтать о будущем и способах достижения этого будущего. Предприниматели, видите ли, зовут себя мозгом предприятия, а посему им и надлежит удовольствоваться этим возвышенным сознанием, не претендуя на повышенное вознаграждение. Следует ссылка на 4 августа 1782, когда дворяне единодушно отказались от своих привилегий. Как это звучит убедительно! Нет, уж лучше не браться бы Франсу за вопросы переустройства, не портить бы впечатления. Вот так и всегда с иностранным искусством. Смотришь какой-нибудь «Большой вальс», млеешь от удовольствия, и в заключение какая-нибудь «умилительная» сцена примирения экс-революционера Штрауса с императором Францем-Иосифом. Ложка дегтя.

17 мая. Славин разговор: «Папа. Я копать патьким питоль» (Я копать лопаткой пошел.) «Я тпру-тпру. У маленька мня бададит. Я домой. У бададит мня нет. Вот» (Я гулял. Маленькая машина хотела меня задавить. Я ушел домой, машина меня не задавила.) И такими перлами он походя сыпет — записывать только некогда.

Грандиозная спекуляция. Валентина и Женя получили по талону материал. В воскресенье оба куска Женя продала за дороже. Из этих денег уплатили за 50 кг картошки 1250 руб. и за 5 кило сметаны 139 руб. Дешевизна неслыханная. Картошка стоит на базаре в 2 раза дороже, а сметана в 8,5 раз. Дешевка потому, что картошку со сметаной привез Шадрин из района. Паралич транспорта влечет за собой острую нехватку продовольствия и спекулятивные цены на базаре.

24 мая. Посевная близится к концу. 18.5 с Женей и тетей Машей вскопали поливной участок на острове, 22.5 Женя с тетей Машей его засадили, оставив место для помидоров и капусты. Всего в участке 50 кв. м засажено метров 10. В воскресенье 21.5 Женя с тетей Машей засадили участок Легпрома: 500 кв. м картошки, 9 кв. м разных овощей. Почва не истощена, но обработана плохо. В тот же день я на

«Юннате» вскопал 87 кв. м, из них 12 кв. м из-за ошибки Александры Прокофьевны — соседям. Почва задерненная и местами еще сырая. Здесь надо еще вскопать около 60 кв. м и засадить до 150 кв. м. 23.5 Женя с Шурой с утра, а я с 10 часов садили на участке Облплана. Здесь нам отвели 700 кв. м. Из них мы под картошку заняли до 600 кв. м, а остальное засеяли просом. Почва уже истощенная, картошку на 70% садили с суперфосфатом, а на остальную площадь суперфосфат просто рассеяли. Это отняло много времени.

Сегодня я с прислугой Зины Валеевой (тоже Шура) засаживал участок ремпункта. Земли здесь взял 1200 кв. м: 280 кв. м засеял просом, 260 кв. м горохом, 345 кв. м занял под картошку, 144 кв. м под бахчи и 86 кв. м под огородные культуры: свекла сахарная, морковь, репа и горох. К 2.30 у нас все уже было закончено. Почва здесь обрабатывается уже третий год, земля рыхлая. Суперфосфат я клал только под свеклу. Оставил участок под помидоры метров в 80. Остается разделаться с «Юннатом» (дело Валентины) и высадить рассаду поздних культур: помидоры, капуста, табак.

Дни стоят жаркие, настоящие летние. Ждем с нетерпением дождя, а он собирается, да никак не соберется. 21.5 прошла было небольшая гроза, но почву только чуть сверху смочила. Впрочем, Женя где-то слыхала, что еще будут заморозки. От челябинского климата всего ждать можно.

Усталость большая, ломит с непривычки поясницу, болят ладони и ноги ноют. У меня губы обметало, все загорели. Но у меня лично настроение «боевое»; хорошо, что отсадились, готов в воскресенье опять этим делом заняться.

Но еще неизвестно, буду ли я в воскресенье дома. 18.5 вечером на пикапе приехал Ефимов, так что я и не знал. 19.5 я собирался к 11 часам идти к Еланчику и потому на ремпункт с утра было не пошел, но за мной прислали лошадь, и пришлось ехать. Ефимов представил меня в областных организациях в качестве уполномоченного по заключению договоров на стирку и ремонт (надобности в этом, впрочем, особой не было), просмотрел проект решений гор- и облисполкомов, наругал меня за неправильное хранение имущества (больше «для порядка»), велел избавляться от ненужного барахла, обещал дать бензина и полуторку, да с тем и уехал. И вот завтра с утра я решил

поговорить с ним по телефону. Если он днями пришлет полуторку, а с ней все, что мне надо (хлеб, муку, бочки под бензин, мыло, удостоверение etc.), то я был очень бы рад не ехать в Свердловск. В противном случае завтра же надо ехать, чтобы в воскресенье утром быть дома.

Я было обрадовался. 14.5 мы с Женей и Володей ходили к Шадрину в надежде получить сметану, и вот Володя задает вопрос: «Если небо совсем расперевернуть, что там будет?» Вопрос философский, но дошел он до него, оказывается, не самостоятельно. 21.5 мы с ним были на «Юннате», и я в его присутствии рассказал об этом Морозовичу. Володя выслушал и добавил от себя: «Там бог». Вот тебе и на. «Нет там бога». — «А почему бабушка говорит, что там бог?» — «Ничего не знает твоя бабушка. Нет совсем никакого бога». — «А зачем его нет?» Извольте отвечать на такой вопрос. Сегодня вечером поругался на эту тему с Александрой Прокофьевной, но, конечно, без толку: только Женя надулась.

29 мая. С тридцатипятилетием вас, Борис Степанович. Половина жизни всяко прожито. По-английски это только переход от юности к зрелости. Но мы не англичане, и у нас государственные умы в двадцатых годах образуются. Не особо-то оправдываются в наших условиях и другие наблюдения восточных стран, что с 30 лет человек уже не учится, а только учит. Отец мой и в 40 лет учился, да и мне запрету в этом нет. Перспективы все же в общем неопределенные: «Что день грядущий мне готовит?» Слишком много неизвестных в уравнении моей жизни даже и на ближайший ее отрезок. Восстановят меня в партии или нет? Куда попаду я по окончании войны? Ни пункт, ни место работы неизвестны. Удастся ли (всю жизнь мечтал) хоть «кандидата наук» завоевать? Вот они, каковы неопределенности с перспективой.

А итоги в общем надо считать удовлетворительными. Образование имею высшее, положение, авторитет, по крайней мере в Челябинске, завоеваны, жена хорошая, ребят двое и тоже пока неплохие. Физически начал сдавать: аорта, говорят, расширилась, глаза стали хуже видеть, волосы стали редеть, рука покалечилась. Но ведь серьезного-то еще ничего не случилось. Задыхаться не особо задыхаюсь, затемнение глаза перестало появляться, очки еще не ношу, да и поредение далеко

еще не лысина. А так ходить могу и на 20 км, копаю по сотке в день, ношу по 25 кг на 3 км.

2 июня. Еще не окончательно, но уже более или менее определенно решилось мое партийное дело. Еще в субботу Женя мне сообщила по телефону, что на мое имя пришла телеграмма: «Выезжайте заседание окрпарткомиссии уралво свердловск 31 мая разбору вашего дела представьте характеристики места работы — столяров». И, конечно, она во всем этом ничего не поняла. Ведь я ей до сих пор об исключении не говорил. Не потому, конечно, что вообще хотел скрыть, что было бы даже нелепо, а просто хотел сначала внести в дело полную ясность. Поэтому и на сей раз я, несмотря на ее настояния, не дал ей толком разъяснения, обещая все разъяснить по приезде.

Выехал я во вторник, устроился в вагоне посредственно, но все благодаря любезности девушек-милиционеров, направлявшихся в Коростень, имел возможность вздремнуть на нижней полке. Одна из них (Маруся) рассказывала, что весь апрель немец усердно бомбил Коростень. В налетах участвовало по 65–70 самолетов, воздушная тревога каждый день, а бомбежка через день — через два. От города остались одни развалины, но главный объект бомбежки, ж/д узел, работу почти не останавливал — все повреждения исправлялись тут же.

Приехал в Свердловск 31 мая в 2 часа дня. Майор созвонился со Столяровым, называл его и Иван Денисовичем, и просто Денисовичем (друг его) и выяснил, что мне надо приходить во двор штаба УралВО к 5 часам, и попутно рекомендовал меня как стоящего человека. Тут же написал мне хорошую характеристику, и я направился навстречу своей судьбе. Настроение пакостное. Каждый раз, как затрагивается это дело, — это все равно что застарелый свищ перевязывают: и больно, и в пользе не особенно уверен. Рассудок говорит, что нет смысла в излишнем волнении, я стараюсь даже занять мысли посторонним, и кажется порой, что это удается, но на проверку оказывается, что где-то под сознанием мысль об этом не покидает меня, в результате повышенная нервность и порой головная боль. Не мог, конечно, внести успокоение и прием, оказанный в приемной парткомиссии.

Капитан, оформляющий дела для комиссии, заявил, что дело мое скверное, и показал решение парткомиссии тыла 11-й армии. Там

причиной исключения, помимо хранения листовок, указана «политическая неустойчивость», выражающаяся в недоверии к правительственным сообщениям и даже иронизировании над ними. Так ведь это значит, что я колеблющийся элемент, готовый в любой подходящий момент пасть в объятия любой контрреволюции. Обвинение очень серьезное, чтобы не сказать больше.

Я заполнил анкету и в последний пункт дал объяснение. Признал ошибку по хранению листовок и заверил, что не имел при этом никакой вредительской цели, а насчет записей в дневники заявил, что они, будучи только беглыми заметками, не могут характеризовать мое понимание событий.

Ждать пришлось до 11 часов.

Вошел, сел и… началось. Началось обычное непонимание. Людям непонятно, ни зачем я переписывал листовки, ни даже зачем я веду дневник. Так и говорят: «Времени лишнего было много». Я говорю, что если я пишу, что «интересно, почему не дают немецких сведений о потерях», так я не недовольство выражаю и не недоверие к советским данным, а просто стараюсь понять: «почему так надо?», а мне отвечают, что не мое это дело, если не помещают, то следовательно, так и должно быть. Несомненно, так и должно быть, но почему?

Поговорили и отпустили безо всякого результата.

Вчера майор был у Столярова и привез неутешительные вести. В моем выступлении на парткомиссии опять ничего не поняли и записали прямо-таки нелепые вещи. Мне приписали заявление, что я листовками интересовался из-за недостатка официальной информации. Прямо какого-то дурака из меня строят. Ни одна листовка, даже в форме газетки, не может быть источником информации. Она рассчитана на одну-единственную цель: внушить человеку определенное направление мыслей, и сведения, какие она может сообщать, заранее и совершенно явно сугубо необъективны. И эта необъективность не сдерживается в данном случае соображениями о необходимости поддержания длительного авторитета, потому что это однодневка и действует главным образом на чувства, а не на разум. Идиотом надо быть, чтобы проверять какую-либо информацию подобным совершенно недостоверным материалом.

Так вот в такие идиоты меня и зачислили. Не столько обидно, сколько досадно на такое нежелание (именно нежелание) понять человека. Парткомиссия решила записать мне строгий выговор с предупреждением, но это решение еще нуждается в окончательном утверждении начальника политотдела округа. Это уже, конечно, легче, чем политическая казнь посредством исключения, и Ефимов так прямо говорит, что через полгода и выговор снимем. Но мало меня все это утешает. Впрочем, отложим это до получения партбилета.

<…>

7 июня. Второй фронт. Наконец-то! Три года ждали. Услыхал о нем вчера от техника-лейтенанта, что монтирует нам химчистку, а потом от Целева, которого встретил на пути домой. Масштаб операций как будто бы подходящий. Как верно выразился зампред Облстройсоюза: «Лишь бы поглубже увязли, а потом на попятный трудно будет идти». Но это, конечно, далеко не все, требуется, как справедливо указывает «Красная Звезда», чтобы операции носили характер смелого маневра. Вот тогда немец оттянет войска с нашего фронта и… незамедлительно получит по зубам. Есть только одна опасность, что начнется возня с созданием плацдарма и дело затянется. Но будем надеяться на лучшее. Во всяком случае, возможность разгрома Германии уже в этом году отнюдь не исключена. По этому случаю в 11-часовой «перекур» организовал 15-минутную информацию, которая, кажется, всем понравилась.

Погода переменная, но с уклоном в холода. Похолодание началось с 27 мая, и только сегодня я осмелился не надевать шинель. Идут дожди, мелкие и кратковременные. На огородах появляется зелень, но довольно слабо — тепла не хватает.

Получил сегодня письмо от Нины. Получила значок «Отличный повар» и жалуется на слякоть. На фронте затишье. Ноги у нее отекают.

В семье финансовый кризис. В воскресенье Женя не сумела ничего продать: давали ей 2000 за ее пиджак, так она не продала. А мое пальто осеннее так совсем не хотят покупать.

<…> 12-го уехала наконец Женя в Москву. Получил от нее телеграмму о благополучном прибытии. Денег увезла с собой тысячи три, хотя пришлось продать мое сукно на гимнастерку и ее туфли. Туго с деньгами, а их надо много. Неожиданно удачно продали парусино-

вый костюм, который я получил на складе вместе с парой кальсон за 66 руб. Какому-то татарину его всучили в воскресенье с приплатой 600 руб. за кувшин с 2 литрами скоромного масла. Если рыночная цена масла 700–800 руб., то костюм пошел за 800–1000 руб. Татарин, видно, спер кувшин у бабы своей, ибо очень торопился, по его же признанию, скорее выпить.

Вчера был на огороде ремпункта. Почему-то на грядках взошел только один горох. Не взошли и огурцы. Зато тыква, картофель и горох повылезли основательно. Неизвестно положение с просом: трава есть, но просо это или пырей, я так и не разобрался. Подергал я там немного сорняков, да и пошел домой. Надо бы свои поля все хоть осмотреть.

Наши жмут на Карельском перешейке. Время и место выбраны удачно. Немцы не посмеют на нас двинуть стратегические резервы из-за боязни не справиться в Нормандии, а в то же время переброску тактических резервов через Финский залив мы им всячески затрудним. Неужели удастся продвинуться на Хельсинки? Тогда песенка финнов спета. Из Карелии они сами уберутся и пардону запросят, а мы их и обдерем как липку.

1 июля. Рокоссовский — маршал. Давно пора. Москва, Сталинград, Центральный фронт, Белоруссия — имя Рокоссовского во всех этих наиболее гибельных для немцев местах связано с наиболее гибельными для них последствиями. Недаром могла сложиться (вне зависимости от ее точности) такая версия: Рокоссовского-де перебросили осенью 1943 г. в Белоруссию только для того, чтобы отвлечь внимание немцев от Украины. А ведь в 1937 или 1938 году его обвинили во вредительстве и, кажется, сажали. И вообще до осени 1941 г., когда имя генерал-лейтенанта Рокоссовского стало прочно связываться с упорным сопротивлением, а затем и контрнаступлением на Волоколамском направлении, о нем и не слышно было. Он, Жуков и Василевский — по-моему, наиболее талантливые наши генералы.

Немца здорово лупят в Белоруссии, но я все еще жду нового, наиболее гибельного для них удара по направлению — Ковель, Брест, Белосток — все основные коммуникации немцев были бы обрезаны, а с запада мы прикрылись бы Бугом.

17 Заказ 1254

На работе страда. Стирка идет в норме, развез в ремонт я около 140% июньского задания, но ремонт не движется: все еще раскачиваются. Много времени отнимают всякие совещания и посещения начальства. Не успел проводить майора Козлова, на мою голову свалился подполковник Бельский из УВС ГКУ КА. С ним побывали в прачечных и артелях. Жду окринтенданта.

А тут еще всякие мелкие неприятности. КЭЧ выселяет из Первомайской, 110. Зав. столовой требует заключения договора на обеспечение столовой транспортом, обещая в противном случае прекратить снабжение.

Кирьян приехал в Челябинск. Я был у него 28 июня. Процесс у него перестал развиваться, и вид у него неплохой. Он собирается 5 июля ехать в Чебаркуль и пробыть там месяца два. Интересен его рассказ, как его сводный брат Григорий Липягин (он, по-моему, учился у меня на подготовительных курсах в Плановом институте) попал на работу в НКВД. Он окончил Ленинградский университет, и в день выпуска нач. спецчасти направил его в НКВД. Там ему дали литер и направили в Москву. Явившись в указанное место, он подвергся опросу о проработанных предметах и узнал после этого о своем зачислении на работу в НКВД по специальности (он литературовед). Семью его поместили сначала на даче, а потом дали и квартиру. Обеспечили всем, но уйти с работы он уже не может, хотя преподавание литературы его более привлекает.

5 июля. Володя уехал в Анненский лесной санаторий. 2.7 Валя уехала с ним. Он очень радовался, но прощался с чувством: я до сих помню его ребячьи мягкие губы, которые он мне протянул на расставанье. Валя говорит, что он вел себя неплохо, но к вечеру начал похныкивать и справлялся, скоро ли она за ним опять уедет.

Я серьезно расхворался. Простудил, видимо, правую сторону головы. Болит горло, порой ломит нижнюю челюсть и ухо. Глотать можно, а кашлять больно. Один день зубы так заныли, что на правой стороне есть нельзя было. К врачу, по своему обыкновению, не иду. Со вчерашнего вечера начал принимать стрептоцид. Если не поможет, то придется, видно, все же обратиться в гарнизонную поликлинику.

Наступление в Белоруссии развивается в бешеных темпах. Еще днем 3.7 Морозович предсказывал мне, что к концу недели надо

будет ждать освобождения Минска. Я сказал, что-де, может быть, это случится и раньше, но, конечно, я и не ждал такого стремительного финала. Когда вечером я услышал о предстоящем «важном сообщении», я долго ломал голову, на каком же это новом фронте наши перешли в наступление, и был бы гораздо менее удивлен, если бы услышал, например, о взятии Пскова. Известие о взятии Минска свалилось буквально как снег на голову.

В воскресенье 2.7 мы с Маргаритой ходили на огород Облплана. Просо совсем не взошло (колосков 10–15 в счет не идут). Картошка средняя и, видимо, нуждается во влаге. Провели прополку и рыхление картошки.

Женя сообщает, что задерживается до 10 июля и просит денег. Я исчерпал все свои ресурсы, и послать нечего.

С 15.7 у нас должен начать свою деятельность «Особторг». Интересно будет проследить влияние его работы на цены рынка.

С завода им. Колющенко снято производство «катюш». Поселившийся здесь военный завод уехал куда-то, увозя с собой станки и людей.

7 июля. Взят Ковель, и, что особенно примечательно, взят войсками Рокоссовского. Меня всегда смущала необходимость 1-му Украинскому фронту для взятия Бреста двигаться на север. А теперь, если это 1-й Белорусский, то надежда на удар от Ковеля на Брест и Белосток превращается почти в уверенность.

Женя прислала Вове ко дню рождения роскошный по нынешним временам подарок: 3 яблока, две конфекты «Мишка» и пять обычных карамелек. Пишет, что надо денег. Я очень остро понимаю ее ощущения (так много товаров, и вдвое, втрое дешевле челябинских), но что я могу сделать. Продан весь материал мне на костюм, и продавать больше нечего. Дома второй день ничего не варим. Меня и Валю выручает столовая, а мать и Слава сухоядением занимаются. Недаром он вчера все хлеба у меня просил.

11 июля. Славка развивается и начинает фортели выкидывать. Я ему говорю: «Ты чей сын?» — «Папин, и мамин, и тети Валин, и бабушкин», — отвечает он заученно. «А раз ты мой сын, то должен дать ягодку». — «Нет, я тебе не дам». — «Ну так ты не мой сын». — «Ну и путькай». И так ему это понравилось, что он раз пять повторил

свое: «Путькай». Но потом-то он раздобрился и дал нам с тетей Валей не по одной, а по две ягодки рябины. Врет он без зазрения совести. «Ты почему не дал бабушке ягодку?» — «Я даль», — врет он прямо на глазах у бабушки. Та возмущается: «Где же это ты дал? Где ягоды?» — «Я поель», — не смущаясь поясняет он.

Вчера целую нотацию бабушке прочитал. Ночью он раскричался — живот болит. Потом мало-помалу успокоился и заявляет бабушке: «Мне нельтя леб давать, а ты даваиш. Мне надо параки давать» (Мне нельзя хлеб давать, а ты даешь. Мне надо пироги — в данном случае речь идет о домашнем печенье — давать.)

12 июля. Интересно выговаривает Слава слова с шипящими: «Тятимся кутять» (Садимся кушать); «Полоти это» (Положи это); «Тятьким» (Из чашки).

Злоба дня — новый закон об охране материнства и младенчества. Что и говорить — закон радикальный. Уловить и угадать его возможные последствия трудно, но попытаемся. Цель ясна — всеми средствами повысить рождаемость и сохранение «молодняка» в возрасте до 1 года (самый «смертный» возраст). Средство, с точки зрения обывателя, допускаются не особо благовидные: всячески поощряются одинокие (незамужние) матери, мужчины избавляются от затрат на содержание ребенка — «сплошной разврат». В вагоне я так и слыхал суждения, что «порядочная девушка, конечно, не допустит внебрачного ребенка», и большое сомнение насчет алиментов.

Ну а я в свое время сам приходил к заключению о необходимости взятия государством на себя заботы о материальном обеспечении детей и о разложении расходов на содержание ребят на все общество. Это, конечно, только справедливо. Но как и всякая социалистическая справедливость, это только справедливость для большинства, выгодная для общества, но не для всех граждан. Обществу нужны живые дети, а потому несчастная Евгения Павловна после неудачных родов со Светланой продолжала бы платить за свое несчастье налог на бездетность. А ведь сколько таких, которые даже не по своей, а по мужниной воле рождают только мертвых или полумертвых. А за что будет платить Маргарита? Ведь она добросовестно потрудилась над рождением троих ребятишек и тяжело переживала смерть каждого. Но нужны дети, и этому подчинено все.

20 июля. Женя приехала. Худая и по-московски завитая. Насчет перевода есть надежда только на прибалтийские республики. Полна московских впечатлений, из которых основные — «Особторг», салюты и шествие пленных немцев.

14 сентября. Запустил записи до невозможности. И некогда, и руки не лежат. Ну а все же надо кое-что отметить.

В конце августа (28.8) приехал с тетей Валей Володя из Анненки. Стал вроде свежее и румянее, но особой склонности к полноте не обнаружил. Скорее, он вытянулся, и мать говорит, что он среди малышей детсада выглядит совсем большим. Чтением увлекается и читает, что ему под руку попадется, абы читать. Ну, это наследственное.

Интересное явление я обнаружил на днях. Нарисовал Владимир лодку, флаг над ней во всю палубу и на нем надпись. Но что написано, не разобрать. «Что это?» — спрашиваю. «Герой». И в самом деле «герой», только написано в зеркальном изображении (йорег). Я-то вот никак сразу не изображу, а он даже и не заметил, что шиворот навыворот написал.

Читает быстро, смысл написанного схватывает на лету. Идем по улице: «Это какая улица?» — спрашиваю, он мельком взглядывает на вывеску: «Крас. Урал», — докладывает. А вот пишет и менее охотно, и только печатными буквами.

В садик ходит теперь в старшую группу и к 8 часам. Поднимаю его в 7 часов, но с трудом. Раньше он сам вскакивал, как только заиграют Гимн Советского Союза, а сейчас пока приходится его поднимать, да и то он норовит, при благосклонном содействии бабушки, опять завалиться на кровать к Славе.

Неприятная история с ним вышла на днях. Зашел к Набоковым в кухню, спустил трусы и предложил Светлане «жениться». На этом их застала «Ясное море», ну и учинила скандал. Мать его допросила, и он заявил, что это у них в садике одна девочка обучала этому мальчиков. Надо полагать, что это не преждевременное желание, а несусветное обезьянничанье с не стесняющихся присутствия детей взрослых.

Вслед за Володей из Магнитогорска вернулась Женя. Поездка была поистине драматической. За время ее пребывания там умерло трое знакомых ей людей. Отравилась жена врача Виноградова

Сравнительно редкий вариант трагедии возвращающегося фронтовика. Вернулась женщина-военврач с расстроенной нервной системой. Муж — не дурак до чужих баб — всячески третировал свою жену и стал внушать ей мысль о сумасшествии. Ну, та не выдержала и отравилась. А Женя с ней встречалась в гостинице. В гостинице же проживала мать с единственным 17-летним сыном. Так этого сына зарезало трамваем как раз перед отъездом Жени. Но больше всего ее потрясла смерть Рахлина, директора Магнитогорской обувной фабрики. Она с ним была в хороших отношениях. Вечером он вручил ей сверток с туфлями для нее и ребятишек, а утром другого дня она узнала, что он, едучи на работу, попал под трамвай и, сильно изувечившись, помер после многочасовых мучений, не теряя сознания. Вообще в Магнитогорске трамвай режет публику почем зря. Ходит быстро и часто, но не удовлетворяет потребностей. Публика виснет, срывается и попадает под вагоны.

Ходя так близко от смерти, Женя и сама ее коснулась слегка. Встречаю 29.8 и глазам не верю: моя Женя с подвязанной рукой идет. Оказывается, ей в вагоне так дверью прихлопнули палец, что совсем раздробили кончик вместе с ногтем. Он у нее и по сие время болит, и она ходит по бюллетеню. Да это бы ладно, а то у нее и второй палец разболелся неведомо почему и болит хуже раздробленного, так что ночами спать не дает. Ну а это все и на общем состоянии сказывается. Глядишь, кругом бабоньки жиреют с урожая, а моя Женя хиреет: обидно и чем помочь не известно.

Ростислав развивается. Обезьянничает напропалую, жадно схватывая виденное и слышанное — дурное и хорошее, безразлично. Вот начнет Володьку «гадиной» ругать (у него же научился) или пинками его награждать. К похвалам чувствителен. Лучший способ заставить его что-нибудь сделать — это объявить, что иначе он не молодец. Он еще для порядка поупрямится, а потом сделает и сразу же требует признания: «Я уже теперь молодец!» Подтвердишь ему, так и этого мало: «А мальчишка нет!» Ну и соглашаешься: «Ну где же там мальчишка может быть молодцом!» Всем хочет помогать, но, к сожалению, помощь его почему-то систематически отвергается. Вот, например, заявляет мне: «Я пойду стирать, а то мне некогда», а через минуту слышишь возмущенный голос бабушки и рев Славки:

помощь отвергнута. Сочиняет понемногу целые рассказы. Раскроет книжку и читает: «Мама пошла на базар. Мальчишка говорит: Дай мне книжку. Мама говорит: Не дам. Я дам Славе. И дала». Как-то днем он будит Марусю: «Маруся, вставай. Тебе пописать надо», — и сует ей свой горшок. Меня спрашивает, трогая мокрые половики на дверях: «Это ты обдул? Нет?» — «Нет, что ты!» — заверяю я его. «Ну тогда ты молодец».

Любопытен очень. Чуть заметит, что взрослые что-то рассматривают, сейчас же свой нос сует: «А ну-ка какой. Я посмотрю какой-то».

На всякого рода внушения и замечания стандартный привычный ответ: «А я больше не буду».

И жадный. Как чуть чего, сейчас же заявляет: «Мне много надо». И дай ему много, но если он видит, что еще осталось, — просит: «Еще немножко».

Погода на удивление. Вторую неделю стоит жаркая сухая погода. Вчера и позавчера стояла такая жара, какой и в июле не было. А сегодня уже похолодало, было несколько раскатов грома, и дождичек взбрызнул. Для уборки самое подходящее время. Но мы еще медлим. В воскресенье мы с Маргаритой нарыли мешок картошки да сумку гороха и репы. В следующее воскресенье есть намерение прикончить участок Облплана. Да как-то на днях надо разделаться с «Островом». Там есть, поди, мешка два картошки, с мешок редьки и свеклы да с сумку моркови. А капуста вообще может не получиться, так, какая-то мелочь. Для всего этого одной подводы хватит, только носить далеко.

<…>

20 сентября. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Всего ожидал, но не такого оборота событий. 16 сентября приехал Баранов и вручил мне приказ № 133 от 7.9.44 «…3. Начальника Челябинского ремпункта лейтенанта и/с т. Катаева Б.С. после сдачи дел (Баранову) откомандировать в распоряжение Отдела кадров ОИУ Уралво». И хоть бы слово объяснения: почему? За что? И Баранов ничего сказать не может. Он только выдумал длительную процедуру сдачи, которой я подчинился беспрекословно. Мне затяжка выгодна, ибо надо устроить кучу дел до отъезда. Во исполнение намеченной программы я замазал наружные рамы в воскресенье выкопал картошку на участке Облплана, утеплил погреб, завез 4–5 кб/м дров, но дел еще до черта: копать

картошку у Легпрома, на ремпункте, на Острове и Юннате, замазать внутренние рамы, добыть дополнительно картошки у Облплана и т.д. Как на зло испортилась погода. Уже в воскресенье дождик моросил, а в понедельник лил вовсю, вчера немного брызгал. Сегодня была ясная погода, но к вечеру небо снова заволокло.

28 сентября. Вчера в 11 часов ночи приехали с Барановым в Свердловск. <…>

Дома дела оставил в более или менее благополучном состоянии. Основные поля картошки (Облплан, Легпром и Ремпункт) не только выкопал, но и свез домой, а легпромовскую и один мешок облплановской картошки после сушки даже ссыпал в погребной сусек в количестве 290 кг.

<…> Урожай, таким образом, неважный — далеко до 20 т с га, но важно, насколько его хватит. Считая по 1 кг на едока в день (красноармейская норма 700 г в сутки), должно хватить до апреля. Что-то даст Облплан, Валентина хотела до 600 кг получить — словом, по предварительным подсчетам, получается неплохая перспектива.

Дров также хватит, ну а на уголь у Жени есть твердые надежды. Куда они только его девать будут. Окна я все замазал и вату для затычки достал (правда, часть ее пошла на утепление ребячьих пальто, пошитых из полученной мной фрицевской шинели). Вставить не удалось внутренние окна, т.к. Женя все еще рассчитывает достать белил для покраски рам. Ну, да ведь главное то, что наружные рамы вставлены за сухо. Погода благоприятствовала всем этим операциям — всю неделю стояла сухая, хотя и прохладная, а временами облачная погода.

[В Свердловске на время решения кадрового вопроса зачислен в резервный полк]

18 октября. Записываю рассказы украинского партизана, ныне лейтенанта, ехавшего в Свердловск.

Как гитлеровцы привлекали к себе население.

Отняли у бабы фрицы корову и зарезали. Она в отчаянии идет жаловаться к коменданту: «Детишки… последнюю коровенку…» — «А муж где?» — «Да в армию взяли». — «Так! Значит, с нами воюет?» — «Да ведь заставили. А я-то чем виновата?» И вот комендант вдруг приказывает выдать ей новую корову. Баба, пришедшая, пожалуй,

только горе излить, безумеет от радости и готова за немцев глаза выдрать. А корова-то ей досталась от такой же голодной семьи, но заподозренной в сочувствии партизанам.

Так же и «торговлю» фрицы организовывали. Пограбят партизанские семьи, а потом их имуществом торгуют. Съестными припасами, как подлежащими сдаче, совсем торговать запретили. Но налоги-то платить надо? И несут на рынок последнее, продают из-под полы. Заметит патруль — расстреляют на месте и хоронить не дают дня три.

Киев немцы захватили неожиданно. Первое наступление немцев на Голосеево было отбито, и Бок захватил его обходом от Чернигова. Еще за два дня до падения Киева Ярославский в Харькове заявил, что немцы не были в Киеве и не будут. Не успевшие выехать евреи встречали Бока с хлебом-солью, но, конечно, не смягчили его тем. Немцы загнали их на минированный Крещатик и там их подорвали. А кто уцелел, тех постреляли.

Партизан этот бывал несколько раз в Киеве и утверждает, что в июне 1942 г. там были разрушены только вокзал, здание ЦК КП(б) У и наркоматов, а город в целом, в частности и Крещатик, был цел.

Как немцы шахты восстанавливали.

В Сталино на восстановление шахты фрицы согнали всех уцелевших рабочих. Хочешь не хочешь, а пришлось работать под руководством немецких инженеров. И восстановили все-таки. На открытие шахты прибыло начальство, генерал. Торжественно спустились в шахту и… больше не поднялись. Шахта была взорвана, и попыток восстановить ее больше не делалось.

21 октября. Интендантская рота ликвидирована. Нашего командира гвардии старшего лейтенанта Сашку Кашина направляют куда-то в распоряжение ГУЛАГа, а нас 19.10 передали в 10-ю роту 3-го батальона.19.10 мы целый день перетаскивались в новое помещение, а 20.10 потратили на благоустройство его. Комната, пожалуй, несколько меньше прежней, но так как мы в ней оставили только 10 двухъярусных кроватей, то кажется она свободней. На окна повесили гардины, на тумбочки поставили цветы, кровати украсили марлевыми занавесками, ну и вид в комнате сразу стал привлекательней.

Меня новый комроты назначил комвзвода с очевидной целью избавиться даже от необходимости проводить занятия. Конспекты-то

я составил, но так как поймать можно только Орехова да Ордина, то из занятий ничего не получается.

<…>

31 октября. Ну, кажется, за интендантов взялись. 29.10 Ечманов уехал в Челябинск (черт возьми! — не с зависти, с досады) в танковую бригаду зам. нач. ПФС. Увез с собой Юрку, сынишку лет 12-ти. Мать у него умерла во время блокады Ленинграда, и Ечманов таскает его с собой. Хорошего мало. Отец как товарищ неплох, и сына, видимо, любит, балует его. Но сам выпивает при всяком удобном случае, матом кроет и безо всякого случая, так что даже привычным интендантам приходится его одергивать, убеждая не лаяться хотя бы при сыне. И в результате такой кочевой жизни Юрка до сих пор окончил только три класса. Г.-майор Владимиров, будучи у нас, рекомендовал устроить Юрку в Суворовское училище, и отец как будто бы соглашался и узнавал, как и куда надо обратиться, но потом палец о палец не ударил для устройства этого дела и в беседе со мной заявил, что ему вовсе не хочется, чтобы сын его каял всю жизнь. А Юрка — парень хороший. Черты лица красивые, с людьми обращаться умеет, и не развязно, а с приличной детской застенчивостью. Выполняя поручения отца и его товарищей, продавал на базаре вещи, ездил за овощами для полка и часто по сему случаю приносил то морковь, то капусту. С жизнью-то он знакомится в полной мере, но по нонешним временам этого ой, маловато.

Отослал с ним письмо домой, но не очень-то уверен, что оно дойдет. <…>

Вчера вернулся из командировки Самылин. Расстроен в доску: в Челябинске у него в первый же день, когда он возвращался от коменданта на вокзал, вытянули все документы, в том числе и партбилет. Для меня он ничего не сделал, и мое письмо даже не помнит: не то у него вытащили, не то он его опустил в ящик.

<…>

Вечером л-т Чигирь рассказывал о своем пребывании в ШБ (штрафной батальон), в просторечии именуемый «школой баянистов». Не так страшен черт, как его малюют. Воюют они там без погон (и у нас в батальоне многие офицеры рядились перед боем в старые гимнастерки и снимали погоны, чтобы не привлекать излиш-

него внимания фрицев), не получают доппаика и денежного содержания и... кажется, все их лишения на этом кончаются. Насчет того, чтобы бросать их в наиболее опасные места, так тоже не очень. Вот построил их начштаба полка и сказал: «Мы вас, конечно, не собираемся в самое пекло толкать. Мы ж понимаем, что вы вчерашние и завтрашние офицеры, что на вас много средств затрачено. Вы же не рядовые штрафники. Вот нужно провести такую-то операцию. Проведете — и нам будет хорошо, и вам будет хорошо — будем ходатайствовать о досрочном восстановлении вас в правах. Недаром и мои «друзья» по КПЗ не только без страха, но и с нетерпением ждали назначения в ШБ, зная, что им там будет во всяком случае лучше.

5 ноября. Прибыло к нам солидное пополнение: с полсотни мл. лейтенантов, выпускников Златоустовского пехотного училища. Офицеры образца 1944 года. Все зеленая молодежь. Из 37 зарегистрированных 32 человека 1925 года рождения, 2 — 1924 г., один — 1921 г. и один «старик» 1907 г. рождения. Образование довольно низкое: только один окончил 9-летку, семь человек имеют семилетнее образование, 14 человек — шестиклассники, 11 — пятиклассники и 4 имеют только 4 класса образования. Учились они полтора года и строевой выправки понабрались, а чего другого — неизвестно. Обмундировали их неплохо: имеют по 3 пары белья, суконное обмундирование, кирзовое снаряжение, шапки искусственного меха, но длинного и блестящего.

Навязался я сделать международный обзор для нашего подшефного детсадика. Пошел я туда к 10 часам. Детсад № 73 Облкоопинстрахкассы. Ну, потолковал с заведующей, и представили меня детишкам в качестве «дяди Бори». Ну и облепили они меня, аж идти нельзя: того и гляди какую-нибудь Галю или Владика раздавишь. Воспитательница рассадила их чинно в круг, и они по очереди принялись для меня «декламировать», а потом хором песни пели. Ну разве имеет значение то, что в чтении нет ни грамма выразительности, а в пении правильного тона? Какую-то девчушку я забрал на колени, рядом Галя, у которой отец через два года безвестной разлуки явился из плена, так ласково прижимается, человек пять других ребятишек с увлечением колотят мне по ладони в такт песне, — удовольствие, лучше которого и не придумаешь. С большим бы настроением я повозился бы с ними

прямо на полу, да ведь приходится считаться с присутствием воспитательницы. В 2 часа я провел беседу с работниками детсада и тоже получил удовлетворение, т.к. хотя они одновременно и слушали, и занимались стряпней (беседа проходила на кухне), но с искренней заинтересованностью задавали вопросы, не стесняясь и прерывать меня замечаниями и вопросами. В заключение меня накормили обедом: немного, но сытно, вкусно. <…>

6 ноября. Праздник начался и для меня с утра. Пошел на утренник в детсад. Опять облепили ребятишки. Они наряжались к представлению и хвалились своими нарядами. И тут сказывалась, даже в таком нежном возрасте, разница натур. Девочки к нарядам относятся серьезно, одеваются с увлечением, и видно, что это доставляет им истинное и длительное наслаждение. Ну а мальчишки — те тоже похвалятся и тут же об этом позабудут и готовы ради возни тут же и порвать и помарать свой костюм. Приглашенные — родители и «начальство» — собирались долго, но наконец-то праздник начался. Пели, декламировали, плясали без особых способностей, но с увлечением. Впрочем, «украинец» Саша неплохо плясал вприсядку, и кое-кто из девочек показывал свои таланты неплохо. Я поздравил их с праздником и посулил скорую победу — возвращение домой родных. Впрочем, смысл моих речений, так же, как и лозунги воспитательниц, едва ли доходили до сознания ребятишек полностью — уж очень они были увлечены праздником. А после «концерта» нас (меня, Налюбина и «начальство») ждало угощение. Выпили по стаканчику наливки, несколько стаканчиков жиденького пива, дали нам тарелку щей, по паре мясных пирожков и на десерт по паре стаканчиков кофе с конфетами, хворостом, ватрушкой с повидлом — не так много, но вкусно. И в заключение получил приглашение на завтра в 8 часов вечера на квартиру. Налобин сказал, что он будет дежурить, тогда Ольга Григорьевна со смущенным смешком просила прислать какого-нибудь холостого незанятого офицера «для ее приятельницы» и получила обещание, что это будет выполнено. <…>

К Ольге Григорьевне мы пошли вместе с Чигирем. Сначала не могли найти 3-й дом Горсовета, но язык «довел до Киева». У нее сидели зав. детсадом работников Уралво Агата Яковлевна и какая-то бесцветная Дора, которая, впрочем, скоро смылась. Выпили по стопке водки,

стаканов 5–6 пива, закусили консервами и жареной картошкой с мясом, пели, танцевали и разошлись уже в третьем часу. Я покинул Агату Як. на попечение Чигиря, но почему-то у них дело не вышло.

<…> Наконец-то произошло мое объяснение с Женей по поводу моего исключения из партии. 11.11 я пошел к Павловым и заказал с их телефона разговор с Женей. Несмотря на «молнию», переговоры начались только в 2 часа. Она сообщила, что уже имеет на 12.11 билет на Москву и велела использовать ее телеграмму о «тяжелом состоянии» Вовы и мамы, с тем, чтобы я приехал в Челябинск до ее отъезда. Но так как телеграмма-то не была заверена, то ничего из этого и не получилось. С большим волнением она допытывалась, что значит письмо, полученное на мое имя из Москвы, об исключении меня из партии. Я ей подтвердил, что меня исключили, а подробности обещал сообщить в Москву. Обещание я выполнил в тот же вечер и написал подробный отчет о всем этом деле на Главный почтамт.

В общем, получилось нехорошо — вышло, что я скрывал от нее нескрываемое. Ну, это потому, что сначала на радостях встречи не хотел ее огорчать, потом надеялся, что все скоро решится и я уже смогу говорить об этом как о прошлом, а потом решил, что ей и так, поди, все известно, так же, как известно, например, Амбаровой, которой я ничего не говорил. Но оказалось, что она об этом и не подозревает, и тем страшнее ей все показалось. В общем, ей теперь должно быть известно все, и ее дело решать о наших дальнейших взаимоотношениях, а я готов ко всему.

<…>

Вчера 48 мл. лейтенантов получили для заполнения личный листок по учету кадров, а сегодня уже разъехались мелкими командами в Бершедь (под Молотовом), Кунгур и Чебаркуль замкомвзводами. Там они под наблюдением штатных комвзводов подготовят себе в течение 1–2 месяцев взводы и отправятся с ними на фронт. Это куда лучше, чем, как я, принимал неведомо кого и повел сразу в бой.

Уехали мл. лейтенанты, а с ними уехала и моя авторучка. Чуть было не сперли и книгу «Робинзон Крузо», которую я взял у Павловых, да ладно, что вор у вора дубинку спер. Я ее обнаружил у одного оставшегося мл. лейтенанта, и он объяснил, что он ее «взял» в одной тумбочке у ребят, опасаясь, как бы они ее не увезли. Пропадала же у них моя

кружка, да я ее вечером увидел на столе и без дальнейших разговоров прибрал себе в тумбочку. Вообще воруют они без зазрения совести друг у друга и вообще где что плохо лежит. У своих же вытащили тысячи полтолры денег, взломали каптерку и унесли обмундирование. А Шибаев, что поочередно буйствовал и каялся на праздниках, еще в ЗПУ был уличен в краже обмундирования. Говорят, что и взлом каптерки его рук дело. Ну и доблестное офицерство.

<…>

Между прочим, повсеместное распространение воровства всем обрыдло. В детсадике я говорю о необходимости забрать у немцев все награбленное, а воспитательница спрашивает: «А вот у нас кто награбил во время войны, — будут его после войны судить или нет?» И похоже, осталась недовольна ответом, что у нас и так есть законы против расхитителей государственной собственности. Ей кажется, что для искоренения этого грабежа нужны специальные законы. А когда я заявил, что у немцев официально признана система отправки домой награбленного в виде посылок, уборщица привела факт, как какой-то полковник трижды присылал посылки с фронта с «награбленным» рисом, отрезами материала и т.д. И поди вот ей докажи, что это, возможно, его прод- и вещсодержание, что, наконец, это может быть единичное, наконец, исключение. Помирились только на том, что повадился кувшин по воду ходить — там ему и голову сломить.

24 ноября. Что-то необычное. Даже в 1941 году я не помню, чтобы во второй половине ноября стояли такие холода. Вчера в бане, а сегодня от Чигиря, который вернулся из инспекционной поездки на аэродром у Каменска и, следовательно, располагает достоверными сведениями, я слыхал, что 23 ноября температура была минус 29 градусов. Что же это в январе-то будет?

28 ноября. Я снова в Челябинске. Но по порядку. 25.11 Беркутов, заходивший в приемный покой, принес мне записку от тамошнего капитана с предложением явиться 26.11 в 11 часов за предписанием. Я сразу решил, что дело пахнет Челябинском, так как Финкель перед своей второй командировкой в Москву говорил, что для меня что-то в этом духе намечается. И действительно, в назначенный срок я получил предписание о назначении меня завделопроизводством

части ПП 62822 в г. Челябинск. По секрету мне капитан сказал, что речь идет о 33-м запасном танковом полке. Я не стал много разговаривать ни о должности, ни об условиях, решив, что Челябинск все искупает. <…>

Предчувствия не обманули. Поезд опоздал на 8 часов, и я только в 7 часов попал в вагон. В шестом часу вечера поезд остановился у моста через Миасс. Я спрыгнул с него и пешком дошел до дому. Как я и предвосхищал, Володька с радостным криком: «Папа приехал!» — бросился мне на шею. Слава спал, и встреча с ним была менее экспансивна. Он заметно подрос, стал свободнее говорить, но, видимо, из-за того, что вверху у него только корешки вместо зубов, шепелявит. Позднее пришла Маргарита. Она поправилась и даже похорошела. Работой просевщицы в литейке довольна и уходить с нее не собирается. Сыграл партию в шашки с Володей. С законами игры он еще не особо освоился и на доске теряется.

Завтра устраиваться. Есть два «но»: 1) я никогда не работал завделами и 2) заявка была послана 29.9, а я являюсь 29.11. Сомнения не во мне (с работой-то я быстро справлюсь), а в начальстве.

<u>**1 декабря.**</u> Устроился. Никакие «но» не помешали. 29.11 я во втором часу пошел к коменданту города, узнал, что штаб дивизии помещается чуть не тут же рядом по ул. К. Маркса, отыскал бригадного интенданта подполковника Дорофеева и представился ему по всем правилам. Он-то и выразил наибольшее сомнение, справлюсь ли я с такой сложной работой. Обещал вечером доложить командиру и велел приходить на другой день к 9 часам. Я пошел в Облплан к Морозовичу, но оказалось, что он уехал в Москву. Завернул к Маркову и узнал у него две существенных новости: 1) Магнитка строит седьмую домну и проектирует восьмую; 2) линия Челябинск — Златоуст электрифицируется к Новому году.

Вчера в 9 часов пришел к Дорофееву, получил назначение и отправился в полк, штаб которого оказался расположенным на... Первомайской, 110, там, где было наше общежитие. Так вот, оказывается, кто нас выжил-то оттуда. Но выгнали меня в дверь, а я пролез в окно в то же самое помещение. Там, где жил Шадрин, — ОВС, где Ляховецкий — учебная часть и нач. ПФС, а в общежитии — канцелярия ПФС и финчасть. Подождал я пом. ком. по МТО капитана

Френкеля и не дождавшись, пошел в строевую часть. Там заполнил личный листок и пошел опять наверх. Капитана опять нет. Выписал сухой паек и, т.к. склад оказался закрытым, пошел домой. Вечером часов в шесть получил сухой паек и пошел снова в штаб. Там встретил нач. ПФС гв. ст. лейтенанта Астахова и его пом. ст. л-та Шибанова. Просидел с ними в ожидании Френкеля часов до восьми и, созвонившись с ним по телефону, уговорился встретиться 1.12 в половине десятого.

Зашел на почту, послал телеграмму Жене, письмо Павловым и опустил письмо по поручению Шмакова.

Сегодня утром поймал наконец неуловимого Френкеля. Но особо большого толку от разговора нет, ибо, видимо, не особо-то он в вопросы учета вникал. Но я сейчас ловлю каждое слово, относящееся к работе, чтобы не очень уж вислоухим себя в разговоре чувствовать. Уговорились, что с 1.1 я возглавляю всю хозканцелярию, а пока буду «влезать» в ОВС, тем более что там подлежит замене ст. писарь Лебедь — опытный работник, но строевой и почему-то к секретной работе не допущенный. А пока приказано составить план работы. Это оказалось не так-то просто. Цунаев — нач. ОВС — занят обеспечением маршевой батареи, а Лебедь вплотную сидит на отчете. Чтобы не терять зря времени, занялся изучением приказов и циркуляров, относящихся к учету и отчетности по ОВС.

На питание меня прикрепили к столовой № 5, что против штаба бригады. Не знаю еще пока, по какой норме нас кормят, но количество и качество пищи несравнимо с ОПРОСовскими На обед, к примеру, суп картофельный, жареная рыба с картошкой, вермишельная запеканка и стакан кофе. Ну и приходится платить за питание рублей 8–10 в сутки. Жалко, но придется переходить на сухой паек, а то ведь по утрам и вечерам все равно дома закусываю, а это для дома будет накладно.

Снега нет, мороз с ветром, под ногами лед. Ходить трудно, и один раз я уже шлепнулся.

Наконец-то ознакомился с ответом Парткомиссии ГлавПУРККА, он краток и весьма неприятен: «Ваше заявление, адресованное КПП при ЦК ВКП(б) переслано нам. По существу сообщаем, что Вы решением парткомиссии при Глав ПУР РККА от 26.9.44 из членов ВКП(б)

исключены. Наше решение для Вашего ознакомления направлено начальнику ПУ УралВО, куда и просим обратиться. Член ПК при ГлавПУР РККА полковник Чурсин». Час от часу не легче, уж заочно начали исключать. Обязательно надо порезче письмо в ЦК.

3 декабря. Где я работаю? Это один из трех полков (13, 30, 33), входящих в состав 7-й запасной танковой бригады. В просторечье и наш полк «учебно-танковый», но на самом деле его полное наименование 33 Учебный тяжелый полк самоходной артиллерии (33 УТПСА). Недаром я сначала недоумевал, откуда взялись в танковом полку дивизионы и батареи. Полк, что называется, полнокровный. Состоит из 6 дивизионов, 24 батарей, а всего до 40 подразделений, Вот их состав: 1 дивизион (у цирка) 1–5 батареи, 2 дивиз. (Каштак) 6–10 батареи, 3 див. (Шершни) 11–15 бат., 4 див. (Шершни) 16–18 бат., 5 див. (Медгородок) маршевый, 6 див. (Шершни) 19–24 бат.; кроме того приемно-распределительная батарея (Медгородок), ремонтная батарея (Шершни), бат. резерва офицерского состава, полигон, танкодром, артснабжение, трансп. взвод, хозяйств. взвод, музык. взвод, санчасть, ПФС, склад, ремонтная мастерская ОВС, клуб, парикмахерская, подсобное х-во и отдельными подразделениями числятся офицерский состав и маршевый рядовой состав. Всего же в полку насчитывается свыше 6 тыс. человек, в том числе свыше 600 офицеров, из которых 270 человек постоянного состава, а остальной переменный. Вот где возни-то. Немудрено, что 4 работавших до последнего времени в ОВС писаря (Лебедь, Бахарев, Фомин, Сахарова с работой не особо справлялись. Ну, надо думать, что отсутствие и организации тоже сказывалось.

Думал, что выходных дней не полагается. Пошел в столовую к половине одиннадцатого, а оттуда в штаб — там никого, кроме Фомина, который, как оказалось, здесь же вместе с Бахаревым и ночует на столах. Позвонил Кирьяну, и уговорились, что я к нему зайду к четырем часам. Ну и убивал время, поскольку домой по морозу вовсе не интересно идти. До часу просидел в канцелярии за изучением форм отчетности и составлением чайнворда. С половины второго до трех пробыл в областной библиотеке, в «Историческом журнале» № 7–8 и № 9 прочитал статьи о Курской битве, о историографии Петра I, о школьной реформе 1918 года, а потом пошел в столовую и оттуда

18 Заказ 1254

к Кирьяну. Дела его плохи: полмесяца он уже не встает с постели, т.е. из дома не выходит, и врач ему и не обещает скорый выход. Потощал по сравнению с тем, что я видел последний раз, и на скулах неприятные красные пятна. Да и Евгения-то у него расхандрилась, лежит с какой-то невралгией. Не очень, но все же жалуются на ребятишек: Лариса худеет, а Сережка, имея 1 год 1 месяц, на ногах еще не стоит, и палец у него неведомо почему нарывает. Видимое дело — дурная наследственность. Проболтался я у них до половины восьмого — и в столовую. А оттуда домой, а теща-матушка щами потчует. Определенно я переедать начал.

Говорят, что Женя прислала телеграмму: деньги получила, просит еще 1500 рублей, обещает выехать числа десятого, стало быть, раньше 15-го и ждать нечего, что выедет. Телеграмму дома затеряли.

Морозы трескучие. Не по прошлому году зима обещает быть суровой.

На Венгерских фронтах опять приказ за приказом, похоже, что скоро всю Венгрию очистят и примутся за Австрию и Словакию. Почему-то в приказах стали писать не только комфронта, но и начальнику штаба.

4 декабря. «Шлявик» все выдумывает. Начал он смачивать свои штаны, да вовремя их с него спустили. Вот я ему и говорю: «Иди сюда, я тебе надеру». — «А почему?» — «А чтобы в штаны не напускал» — «А я больше и не буду». — «Врешь ты все. Иди, я тебя надеру». — «Не надо». — «Почему?» — «Я не люблю, когда меня надирают». — «А почему не любишь?» — «А то у меня зубы заболят».

Мелкие мы люди, по-мелкому живем, мелкое и любим. Памяти о себе не оставляем и любим скоропреходящее. Что поем? Пели «Легко на сердце», пели и взрослые, и дети, пели до хрипоты, до надоедливости. А кто сейчас поет, кому она сейчас нравится? «Вечер на рейде» как уж всем нравилась, а ведь уж приелась, уже забывается. И сказать нельзя, чтобы вещи были плохие, — просто неглубокие, быстро до дна исчерпываются. А более глубокие кажутся, видно, больно сложными, не получают распространения. И так во всех областях «духа». Картинки — простенькие, приятные, яркие (розочки, видок); книги легонькие, увлекательные (приключения, мелодрамы). И все это быстро надоедает, приедается, забывается и следа особого

не оставляет, просто так служит для поддержания установленного уровня.

<u>**5 декабря.**</u> Представился командиру полка. Это мое первое представление командиру части (если не считать Ефимова) за все время войны. Сошло все благополучно. Доложил о своей работе в армии и до нее. Полковник выразил надежду, что с работой справлюсь, и рекомендовал ознакомиться с приказами.

По всей Европе бывшие правители оккупированных Гитлером стран по мере освобождения их стран пытаются вновь установить предвоенное статус-кво. А так как статус-кво на 62,5% было фашистским, то правители, естественно, натыкаются на сопротивление масс, подпольных партий и вообще всего т.н. «движения сопротивления». В конечном счете основной силой, решающей режим страны, являются союзники. В Болгарии (наиболее удачно), Румынии, Польше и Финляндии дела вершили мы, а поэтому Сатанеску уходит в отставку, нац. ком. освобождения по требованию основавших его партий пытается преобразоваться во временное правительство. Особый разговор с Югославией. Здесь Тито еще до контакта с нами занял настолько прочное положение, что с ним должен был считаться всякий, кто хотел хоть какую-нибудь роль играть в Югославии. Уже в Италии дела хуже: несмотря на сопротивление коммунистов и социалистов, Бонолис все же пытается организовать правительство. А вот уж Бельгия, Голландия и Дания в этом отношении совсем распоясались: Пьерио дошел до расстрела демонстрантов. Еще не ясно, чем дело кончится, но парочка примечаний напрашивается: 1) Если бы Гитлер только немного поделикатней, повежливей обошелся с правителями оккупированных им стран, все они — и в Польше, и Бельгии, и других странах, безусловно, встали бы на его сторону, настолько их склонность к фашизму очевидна. 2) Как, поди, рвет и мечет Рачинский и иже с ним, следя за действиями Пьерио: и ругают его за «недостаточную последовательность», и завидуют его возможностям, и бешено ненавидят СССР за то, что тот не дает им возможности развернуться.

Шуре с Украины прислали посылку: сухие фрукты и тыквенные семечки. Девица она простая, и поэтому мы компот варим и семечки грызем.

7 декабря. В Греции, кажется, хуже, чем в Бельгии. Дело дошло до вооруженных столкновений: англичане палят по партизанам и получают ответную пальбу. Нехорошим дело пахнет.

Встретил двух Петровичей. К Николаю зашел сам. Он рассказал очередной анекдот. Выскочивший из метро москвич, видя салют, спрашивает у старичка: «Что взяли?» «Суфле». «Опять в Венгрии?» «Да нет, в магазине за углом». Зубоскальство над венгерскими названиями. Зашел разговор о Пугачеве, и он заявил, что ему непонятно, почему богатеи поддержали Пугачева. Я ему сказал. Он стал допытываться, «в каком историческом труде я нашел такое объяснение». «В Челябинском рабочем». — «Читайте». Я прочитал заметку о расстреле демонстрации в Греции, но для него оказалось это непонятным. Я постарался ему объяснить, что одни борются с фашизмом, а другие только с немцами (хотя Черчилль уверял в обратном), и пока эти понятия совпадают, движение сопротивления используется, а как только они разделяются, партизан разоружают или даже расстреливают.

Андрея встретил на улице. Его новости: деятельность ремплощадки свертывается, осталось всего 32 человека, Баранов с Шадриным скандалят. Приглашал на Новый год.

8 декабря. Астрахан сообщил, что Женя в Москве поправилась, устроилась очень хорошо. Виделась в Москве с Николаем. Астрахан рекомендует ждать Женю 13.12. Ждем!

Ал-др Николаевич Френкель (директор санатория в Анненке) был у нас вечером. Он недавно болел брюшным тифом, потерял 15 кг, но уже поправляется, что приписывает целительному воздуху своего санатория.

Сообщил, что в Крыму и Белорусии цены на с/х продукты резко поднялись вверх, и радуется на снижение цен в Челябинской области. У них в районе мука 300 руб. за пуд, корова 10000 руб. (в Белоруссии 70000 р.), картошка 40 руб./кг. Увлекается и говорит, что скоро можно будет жить на жалование. Но сам же говорит, что учителя получают до 1000 руб. в месяц, на хлеб тратят 20 руб. и имеют возможность купить два ведра картошки и пару килограммов масла. Этого, конечно, для житья недостаточно, и хлеб-то ведь по госцене получают. Рановато еще карточки отменять. Хотя он же говорит, что иждивенцам уже дают только по 150 граммов.

Купил и разучил наконец «Уралочку» Хачатуряна. С июня 1943 г. она меня мучает, когда я ее услышал в исполнении джаза автобата 11-й армии.

10 декабря. На мосту вчера встретился с «Ваничкиной Анечкой». Иван, говорит, в Венгрии. А в Облплане увидел Генриховну: «Вениамин к югу от Риги». Один я из призванных облплановцев в Челябинске отыграюсь.

Написал сегодня на 4 страницах заявление в КПК при ЦК ВКП(б). Указал на все нарушения устава при разборе моего дела. Подтвердил и еще раз прощения просил за переписывание листовки. Категорически отверг обвинение в политической неустойчивости. Дела мои не говорят о неустойчивости, слова всегда говорил, как требуется. А дневник... Ну что дневник? Да мало ли что для себя под влиянием минуты написать можно. Это беглые заметки для памяти, а не политический документ. Уж если по нему судить, так надо все брать, а не судить по случайным записям. Пошлю завтра. Очень хочу надеяться на благополучный исход. Не может быть, чтобы не разобрались, не увидели. Если же нет? Не знаю, что уж тогда и делать.

Женя прислала телеграмму: задерживается до 16.12 и просит срочно выслать денег. За книги, что ли, приняться? Больше продавать у меня нечего.

11 декабря. Сегодня весь перерыв посвятил поиску денег для Жени, и почти безрезультатно. Опросил Филимонову, Валяеву, Михайлову, Маркова, Паничкина, Морозовича, и только последний обещал 100 руб., а остальные и копейки не дали. Паничкин заявил, что в последнюю зарплату с него пришлось 76 руб., да еще бухгалтерии должен около месячного оклада. Жалуется на частые поездки в Москву (в год раз пять), которые съедают не только командировочные, но и основную зарплату. В свое время я таки жил на командировочные, да еще и экономить мог, а сейчас сумма командировочных резко снижена, а стоимость жизни повышена. И вот Паничкин, получающий 1600 руб. в месяц, да еще тысячи 1,5–2 в виде премии за перевыполнение плана сбора «металлолома» (премии так много, по словам Паничкина, выдают, что их платят кому попало, в т.ч. Гольдберг в месяц тысяч 3–5 получает), сидит, как рак на мели. Сходил в Когиз, предложил им открытки — не берут.

Беседовал с Суминым о погоде. Сейчас температура до 30 градусов. Обещают такую t° и бесснежность держать весь декабрь и январь, пожалуй. Я встретил утром двух бабонек со снежным румянцем на щеках.

13 декабря. Настойчивость восторжествовала в момент, когда я начал падать духом. Вчера вечером выяснилось, что у меня 300 руб., у Валентины 200 руб. — кошкины слезы. И вот Валя посылает Дору к Нюське-нацменке, и та, о радость! тащит 1000 рублей. У Маруси взяли 100 руб. на перевод, и я отправился на почту. Опоздал: успел отправить только телеграмму. Отправил сегодня, но только 1400 руб., т.к. за телеграмму взяли 22 руб. да за перевод (молния) 89 руб. 75 коп. Не хватило 11 р. 25 к.

Ну-с, я взялся за настоящее дело. Сегодня проверил счета двух батарей. Не обошлось без путаницы и недоразумений, но Лебедь (ст. писарь ОВС) помог.

Наконец-то отослал письмо в КПК.

16 декабря. Вчера весь день пробыл в ДКА на инструктивном совещании по инвентаризации имущества. Проводил совещание подполковник Блудинский. Подготовил совещание неважно. Собрали не всех, кого хотели, начали на час позже и, главное, не заготовили достаточно бланков, так что пришлось или тянуться к соседу, или же мысленно представлять, о чем говорится. А по окончании вопросы, и главным образом — по текущему моменту. Из ответов подполковника выяснилось, что основной упор идет, и чем дальше, тем больше, на ремонт. Новое почти исключительно для придания офицеру внешнего благоприличного вида: речь идет о суконном обмундировании, которым обещают обеспечить всех.

Попутно использовал случай и срисовал с карты центральной Европы масштабом 1:1000000 недостающие мне населенные пункты.

Купил в Особторге 2 пачки «Беломорканал» и 1 коробку спичек. Заплатил по номиналу 75 руб. (пачка Беломорканала 35 руб., спички 5 руб.), а фактически 50 руб. Покупкой остался недоволен: и папиросы, и спички дрянь.

19 декабря. Наконец-то у меня времени начинает не хватать. Учет в ротах оказался так запутанным (не во всех, конечно), что сверка с некоторыми занимает по несколько дней. Да и в основном учете ф. 69 брехни гораздо больше, чем требуется. На носу инвентаризация

и годовой отчет. Придется, пожалуй, ночами поработать, не говоря уже о выходных.

Женя прислала телеграмму: «Выехала восемнадцатого поезд 16 вагон 6 обязательно встречайте меня». 2 слова лишних. Приедет, значит, завтра или послезавтра.

Шура принесла новый слух, по ее словам, широко распространенный (сейчас я спросил Валю, и она подтвердила, что тоже слышала). Некая планета (а быть может, комета), в 4 раза больше Земли, соскочила со своей орбиты, мечется как угорелая и думает соприкоснуться с Землей, от какого прикосновенья на Земле ничего не останется и наступит конец света. Александра добавляет подробности: 1) планета горючая; 2) столкновения надо ждать в ближайшие три месяца; 3) летит она в направлении Японии, но последняя почему-то уцелеет; 4) известия о планете передавали по радио. Интересно бы узнать подоплеку такого слуха.

Владимир уже не только расчленяет фразу (без частичек, конечно) на слова, но и узнает части речи. Я ему организую разбор предложений по схеме: о ком говорится? Что он делает? Как делает? Какой он? И т.д. Ответы довольно удовлетворительные.

Вот когда английский лев свои когти показывает. Что-то Черчилль уже не толкует о невмешательстве во внутренние дела освобождаемых, помалкивает о недопустимости территориальных приобретений во время войны. Миновало время Атлантических хартий, перспектива победы налицо, ну, видимо, и аппетит проснулся. Бевин проговорился, что-де Англия не может отказываться от защиты своих интересов на Средиземном море. Каким же это интересам Англии угрожает ЭЛАМ? Уж не пообещало ли греческое правительство Англии остров Крит или хоть часть его в аренду? Вот и боятся, поди, что новые демократические правители не подтвердят обещания. И шлют подкрепления, в то время как Рундштедт пытается наступать. Ну, не дай бог, не убивши медведя, из-за шкуры раздерутся.

21 декабря. Слухи о комете находят реальное основание. По крайней мере, Морозович утверждает, что ему профессор географии из пединститута говорил, что открыта новая комета, которая приблизится до видимости простым глазом к февралю 1945 г. Но слухи ползут самые дикие. Морозович слыхал, что комета ударится о Таганай.

Марков слыхал, что кто-то по Библии вычитал о комете и связанном с ней «гладом и мором». Есть вариант, что поморят только неверующих, в связи с чем целые классы объявляют себя верующими. Это уже серьезнее. Видно, что попы пытаются подработать. Ну а что касаемо Таганая, так он уже дышит, и Златоуст лавой залило. Между прочим, мать сегодня утром говорила, что Златоуст водой залило. Вот ведь как они, слухи-то переплетаются.

Неприятное явление. Вчера у нашего писаря Фомина из нашей комнаты свистнули шинель и телогрейку. Писаря проходятся насчет возможности пропажи моей шинели.

22 декабря. Женя приехала вчера в 4 часа дня. Похудела, измучилась в нетопленом вагоне, да еще с месячными. Багаж — 4 солидных места — едва втроем донесли до трамвая. Она по своей слабости прихватила для Легпрома да полсаквояжа для Блювштейна. Но и своего оказалось много. Николай помог ей купить кое-что в генеральском магазине, в т.ч. добрый бостон на костюм. Для меня она привезла 11 стаканов самосада по 5 руб., пачку папирос, носки, 20 шт. лезвий для бритвы. Больше всего досталось, пожалуй, ребятишкам: игрушки на елку, книжки, рисовальные папки, конфеты, мандарины, яблоки, паровозы с вагонами, фетровые валенки, чулки, лыжный костюм и шапка для Вовы и кажется, еще что-то. Для всех масла 4 кг и поллитра меда (в обмен на ношеные туфли), лук. Одним словом, авансовый отчет блестящий.

С 13.12 погода заметно потеплела и ветерок подул, а вчера и сегодня немного и снежок шел.

28 декабря. Ну вот у меня опять времени не хватает. Я забросил уже сверку с батареями и в качестве члена комиссии по инвентаризации переселился в Шершни. Расположились там подразделения довольно тесно, заняли все бывшие хранилища и даже еще землянок понарыли. В основном каменном здании заняты все три этажа: вверху штабы дивизионов, внизу общежития пяти батарей. Тесно, грязно, темно (койки загораживают окна) и прохладно, так что все ходят в верхней одежде. В двухэтажном доме по-прежнему столовая и квартиры, в одноэтажных хранилищах — классные комнаты.

Работа моя должна была бы сводиться к контролю за правильностью инвентаризации, но пришлось начать с инструктажа. Вчера

вечером я в основном знакомился с тем, что сделано и как сделано. А сегодня с утра собирал писарей по дивизионам и диктовал им формы и номенклатуру вещевого имущества. Дело затянулось до обеда. Я пошел разыскивать уполномоченного по ОВС по третьему дивизиону ст. л-та Крючкова, чтобы вместе с ним ехать с поездом 3.20 в Челябинск, и тут произошло забавное происшествие. В полумраке подвала дневальный принял меня за подполковника, и скомандовав: «Рота, смирно!» — отрапортовал мне, что «рота находится на месте». Я аж растерялся и только после рапорта велел посадить людей и отчитал дневального за незнание знаков различия. Отчитал, между прочим, только так, для порядка. Живо вспомнился мне случай, как я сам, «желторотый» курсант, вызывал в 1942 г. командира роты «на выход» к какому-то старшему лейтенанту, и как мне влетело за это дело.

Дома очередной кризис. Долгов до черта, чем рассчитываться не известно. В магазине у Жени еще ничего не получали, не то потому, что там ничего не дают, не то потому, что сходить в магазин некому. Ведь в основном все питание в этом месяце проходило за счет моего пайка. А он хоть и не плох, но на шестерых явно недостаточен. Но все это преходяще. Получит Женя по своему литеру, и все будет в порядке. Во всяком случае, полагаем Новый год провести, как полагается: организуется складчина у Блювштейнов, и готовится елка у нас.

У Владимира — пора калечения слов. Сознательно выговаривает «пижнак», «пижначок» вместо «пиджак», «челобук» вместо «человек», «первушки» вместо «первый» и т.д. Я ему как-то предложил исполнить баркаролу: «Про корову?» — обрадовался он и с тех пор иначе говорить не хочет. Словотворчество!

Ну а Славик силен. Я его вчера подхватил, прижал к себе, так он такой преднос изобразил, что чуть ногами за нос не задел. У Володи этот трюк получился не сразу и хуже.

Володе поручено в детсаде разучить стихотворение о Деде Морозе. Текст выучил он сналета и даже читал его с кое-каким выражением. Я попробовал углубить и улучшить эту выразительность: не доходит. Он заучивает, но не осмысленно, мою интонацию, а смысла в ней, видимо, не особо много видит.

Комета «исчезла». Обманул профессор Морозовича — по авторитетному разъяснению «Челябинского рабочего», видимых комет на

19 Заказ 1254

ближайшее время не предвидится. Ну и жаль: хоть бы паршивенькую кометку за свою жизнь увидеть. Комету Галлея 1910 года я «не помню», а ждать ее появления в 1985 году несколько долго.

30 декабря. Нежданно-негаданно попал в оперативные дежурные. Наспех закончил составление для Бахарева сводных ведомостей и побежал домой. Наскоро побрился, кое-как приколотил подметку (я уж в валенках начал было из-за нее ходить), перекусил — и в штаб. Прочитал инструкцию, доложил о прибытии зам. нач. штаба и получил от него инструктаж. Он особо напирал на то, чтобы лучше смотреть за арестованными, отобрать у них (буде окажется) табак, ножи и шинели. Ознакомился с расположением постов, получил в секретной части пароль и пошел на смену караула. Здесь я малость попутал: сначала скомандовал караулу направо, а уж потом вручил начальнику пароль. Пошли докладывать майору Истомину (нач. штаба), а они не принимают — заняты. Ну хоть бы продержал минут пять, а то больше полутора часов держал моего сменщика.

Я за это время успел сходить в караулку, отпустить со старшиной ПРБ Прач одного его арестованного, у которого кончился срок отсидки. В гаупвахте в это время стоял стон от песен, которые распевали арестованные. Не додумавшись до способа их обуздания, я так-таки и не решился вмешаться. Но зато вмешались другие. Черт принес какого-то полковника. Он вызвал капитана Новикова, а тот забрал меня и дал предметный урок, как обращаться со своевольниками. Он их выгнал в гимнастерках на улицу, прочитал им мораль и заставил помаршировать по двору в таком виде. Шагали неплохо, в ногу, и видать, эти решительные меры обуздали непокорных. Но потом опять получился конфликт. Капитан приказал на работу выходить без шинелей, а когда дело дошло до пилки дров, то начкар не мог заставить их выйти. Позвал меня. Я в ответ на все доводы заявлял, что приказание есть закон, и слегка прицыкнув, без особого труда заставил двоих выйти на пилку.

И вот наконец Истомин соизволил нас допустить до себя. Мне досталось за фасонное козыряние, а потом последовала дополнительная инструкция относительно тушения света и наблюдения за кабинетами во время топки печей. Дальше все шло довольно нормально. Мой помощник и рассыльный наговорили кучу ужастей о составе кур-

сантов. Чуть не половина воры и бандиты. Да еще какие! Некоторые имеют по 10–12 лет тюрьмы, один 45 дней ждал исполнения высшей меры. Ну и отличаются. Группа свиснула масла на 97 тыс. рублей, вторая бумагу на 70 тыс. рублей. Одни умудрились, будучи свободной сменой караула, поставить у вагона с пшеницей своего часового и утащили несколько мешков. Курсант 1-го дивизиона проник на хлебозавод, стащил сколько-то буханок хлеба и был застрелен при попытке удрать. Остается только удивляться, как умудряются отдельные батареи давать 100%-ный выпуск. Надо думать, сгущают ребятки краски.

Образцы армейского остроумия. 1) «Медаль за оборону Челябинска» тыловикам. 2) Как «отбой» — думаю: останусь на сверхсрочную. Как «подъем» — «Как бы она провалилась, эта военная служба».

К двум часам пошел с карначем проверять посты. На обратном пути настигает нас группа офицеров. «Где здесь 33-й танковый полк?» — «А вам зачем?» — «Имеем туда направление». Оказалось, что это пополнение из Казанского училища. Хотел я их направить в Брос, это аж в медгородок, да пожалел и разрешил расположиться в приемной штаба на полу. Ладно, если не влетит утром.

Вообще из всевозможных списков и расписаний на стене можно много чего узнать, что посторонним и знать не полагается. Вот, например, точный состав бригады: 30 УТП, 13 УТПСА. 7 УТП. 33 УТПСА. Узнать это можно из списка телефонных номеров, вывешенных на стене. Здесь же перечень дивизионов, позывные наших командиров и начальников, а также частей бригады. Едва ли надлежит такие сведения вывешивать на стене, хотя бы и на доске дежурного.

31 декабря. В остальном мое дежурство закончилось в таком же нормальном духе. Офицеров сдал Коновалову, а кроме них еще прибыли и были направлены ПРБ 3 команды рядовых из 11, 5 и 4 человек, да еще мелкие группки офицеров. Говорят, что это еще слабое движение — обычно бывает больше. И в самом деле, сегодня я слыхал, как Цунаев давал Шакуне инструкции по случаю прибытия команды офицеров в 200 человек.

С арестованными, кроме приема трех человек на постой, еще пришлось столкнуться дважды. Выхожу я из караульного, а у входа тетенька с узелком толчется. В чем дело? Арестованному принесла передачу, и разводящий ее убеждает: «Ничего не знаю. Здесь дежур-

ный по части, с ним и разговаривай». Какой сомнительный случай нашелся. Вот таким путем попадают на гауптвахту и водка, и табак, несмотря на то, что специально вчера капитан Новиков толковал о строжайшем соблюдении режима, который ведь включает и известные ограничения в пище, и несмотря на то, что вообще гражданских лиц положено пропускать во двор только по разрешению дежурного. Ну, прогнал сердобольную бабоньку, распек и разводящего, и часового у ворот. А между тем их действия понятны: ведь они и сами в ту же гауптвахту могут попасть, и сами могут нуждаться в таких поблажках. Между прочим, как-то неладно, что штатный сержантский состав попадает на гауптвахте в компанию своих бывших подчиненных. Ст. сержант Давыдов (мой помощник — помкомвзвода 13 батареи) рассказал, как одного старшину арестованные, когда он очутился в равном им положении, заставляли петь петухом и били за нежелание доставить им это развлечение.

Второй раз пришлось столкнуться с арестованными, когда уже вечером явился какой-то сотрудник Смерш и потребовал доставить к нему в комнату двух арестованных для допроса. Требование его я приказал выполнить и ограничился докладом начкора о том, что его указания выполнены. Смена моя явилась вовремя. Комвзвода ПРБ л-т Распопов принимал дежурство с придиркой, заставил все кругом подмести и воды принести. Хотел было принять от меня и электролампочки в штабе, но тут уж я не согласился: я их не принимал, описи их нет, да и почему им предпочтение перед столами, стульями и другим инвентарем? Капитан Новиков отказался принять у нас рапорт, и пришлось ждать Истомина. В общем, ушел я с дежурства в восьмом часу.

Сегодня какой-то неопределенный день. По смыслу постановления Совнаркома, 1 января день нерабочий, а о воскресенье 31.12 ничего не сказано — стало быть, тоже нерабочий? Но почему же 5.12 был рабочий? Впрочем, это вопрос академический. Учреждения города не работают, наши девчата тоже гуляют, но говорят, что придется отрабатывать. А для нас все равно день рабочий. Пришел я почти в 10 часов, просмотрел несколько рабочих ведомостей по инвентаризации, дал кое-какие указания и занялся сверкой по мастерской. В третьем часу получил у Астахова талон на табак в горвоенторг (на папиросы-то мне уже не досталось), поругался с Цунаевым за то,

что меня в список на пошив костюма не включили, папирос не дали и забыли на утренник пригласить моих ребятишек, и пошел в магазин № 8 (во дворе 1-го дивизиона) за табаком. Получил 200 г «Колхозного», купил ребятишкам в «Когизе» по 4 новогодних книжечки, и на этом закончил сегодня свою «трудовую» деятельность.

[На этом последняя тетрадь дневников отца заканчивается; дальнейшее (а он вел дневник, по крайней мере, до конца 1945-го), увы, утрачено. Впору мне писать о том, что отложилось в памяти тогда почти семилетнего мальчика, ходившего в старшую группу детсада. Из разговоров взрослых запомнились упоминания о Ялте, общее сожаление о смерти Рузвельта и, конечно, нетерпеливое ожидание конца войны, взятия Берлина, пленения и наказания главных фашистов — все четыре на букву Г: Гитлер, Геббельс, Гиммлер, Геринг... Весна 45-го в Челябинске была поздней и бурной, во дворе нашего дома грязь и лужи неимоверные, и когда, наигравшись, мы явились домой, бабушка, раздевая брата, помню, в сердцах воскликнула: «Вот на этих штанах я бы Гитлера повесила!» Начало мая было солнечным, ярким. Пасха в тот год пришлась на 6 мая, и радость двойного праздника была чрезвычайной. В День Победы я надел свое зеленое пальтишко (перешитое из немецкой шинели) и отправился через всю улицу Воровского и улицу Кирова в гарнизонный штаб, где в этот день дежурил отец, под конец заблудился и чуть не уснул на какой-то скамейке; разбудила и указала дорогу домой какая-то женщина. Осенью я пошел в первый класс 5-й начальной школы, отец уже работал в Облплане. Но в ноябре с ним случился удар, угасание его длилось почти тридцать лет, в течение которых мама нас с братом растила, по существу, одна. Тетя Рита до пенсии проработала на заводе Колющенко, после помогала ухаживать за отцом и ослепшей бабушкой. Тетя Нина со своим полком дошла до Австрии и погибла там за несколько дней до конца войны, 1 мая 1945-го. Два года назад мне вместе с моей дочерью Катей удалось отыскать могилу тети Нины на советском участке городского кладбища в городке Нойнкирхен.]

Б.С. Катаев, 1929 г.

Е.П. и Б.С. Катаевы, 1936 г.

Да здравствует великое непобедимое знамя
МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА-СТАЛИНА!

Актовый зал

Приказ № 121
по Челябинскому Педагогическому Институту от 8 июля 1941 г.

Сего числа ухожу в РККА. Дела института передал своему заместителю т. Старцеву В.С.

Директор [illegible]

Ускоренный выпуск

СТУДЕНТЫ ЧЕЛЯБИНСКОГО ПЕДИНСТИТУТА В 1941 г.

Студенты физико-математического факультета

Работа в подсобном хозяйстве

Военные лагеря

Борьба за грамотность студентов

Студенты исторического факультета

Ликвидация рабфака (выпускники рабфака)

Тульский патронный завод

ДРАВСТВУЕТ 1е МАЯ – БОЕВОЙ СМОТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ

Здание старого вокзала Челябинска

Площадь Революции

Улица Спартака (ныне пр. Ленина), 1936 г.

Благоустройство площади Революции

Здание Главпочтамта на ул. Кирова

Масштабное строительство на ул. Спартака (ныне пр. Ленина)

Строительство Челябинска продолжается

Массовое мероприятие на площади Революции

Вид старого Челябинска. Поселок Кирсараи

Вид на ул. Воровского со стороны пл. Революции, 1934 г.

Старые и новые здания на ул. Кирова

Строительство на площади Революции

У стадиона «Динамо»

Комментарий историка

Заметным явлением в новейшей уральской историографии Великой Отечественной войны стало формирование такого исследовательского направления, как история тыловой повседневности. Его разработка предполагает обязательное обращение исследователей к источникам личного происхождения (эго-документам), особое место в ряду которых занимают дневниковые записи современников событий. По сравнению с письмами и воспоминаниями дневники не имеют явного публичного адресата, пишутся «для себя», выполняют многие функции: фиксируют наиболее важные для их авторов события и переживания, служат эмоциональной отдушиной, выступают средством самопознания и способом саморазвития. Кроме того, они создаются в ситуации незавершенного жизненного отрезка («настоящего») и не скорректированы знанием о том, что будет дальше.

В отличие от других видов источников личного происхождения дневники военного времени (и «фронтовые», и «тыловые») малочисленны, слабо представлены в фондах архивохранилищ и в комплексе опубликованных документов. Тем ценнее для историков и для широкого круга читателей каждый случай их обнародования.

Дневник Бориса Степановича Катаева, подготовленный к публикации его сыном Владимиром Борисовичем Катаевым, уникален не только в контексте источниковой базы изучения истории Урала и не только в силу описываемых автором событий и личных переживаний. Уникальность данного дневника состоит в том, что, во-первых, он велся систематически и довольно подробно на протяжении всех военных лет, а во-вторых, в том, что он принадлежит перу советского

управленца областного уровня. И это важно, поскольку совокупный социально-демографический и социокультурный портрет этого слоя тылового социума из-за отсутствия достоверной информации трудно поддается «прорисовке» и нередко подменяется штампованными суждениями о профессиональной и моральной ущербности советской номенклатуры. Забегая вперед, замечу, что со страниц дневника Б.С. Катаева предстает образ человека грамотного, думающего, сомневающегося, ранимого; вырисовывается портрет зрелой и незаурядной личности во всей ее многомерности и индивидуальной неповторимости; зримо проявляется ипостась советского гражданина и патриота — одного из многих миллионов, чьи судьбы в годы войны подчинялись четкому политическому и нравственному императиву «Все для фронта, все для победы!».

Дневник Б.С. Катаева — многослойный исторический источник, в котором органично переплетаются разные темы и связанные с ними аналитические и эмоциональные узлы. Прежде всего обращает на себя внимание тщательное, даже педантичное отслеживание ситуации на театре военных действий. При этом источники информации: сводки Совинформбюро, газетные статьи, лекции международников, беседы с сослуживцами, свидетельства очевидцев, слухи — автора не устраивают. Во многих местах дневника сквозит недовольство и раздражение по поводу дефицита объективной информации. Фиксация военных событий сопровождается их анализом, размышлениями о возможных перспективах. Попытки найти разумные объяснения происходящему на фронте подводят автора к небезопасным обобщениям: «И все меньше верится нашим сводкам. Взять хотя бы такой факт, что не было еще ни одного дня, чтобы мы потеряли хоть на один самолет больше, чем немцы. Ну, похоже ли это на правду? Ну, если бы у них была совершенно негодная авиация, а то ведь нет. А если это неправда, то где гарантия, что правда остальное? В чем тогда отличие подобной пропаганды от буржуазной? Чем только выгодно и отличалась наша пропаганда, так это (помимо, конечно, политически правильного освещения фактов) правильным изложением фактов, а сейчас она может серьезно потерять доверие». Однако подход Б.С. Катаева к пропагандистской работе диалектичен: «Константинов на лекции ругался на коммунистов, живущих от сводки до сводки. Но

ведь для того, мне думается, сводки и печатаются, чтобы создавать, информируя о военных действиях, те или иные настроения. Другой разговор, если это не те настроения, которые требуются. Плохие вести могут вызвать прилив энергии, ожесточение, а могут и панику нагнать. Хорошие вести могут поднять настроение, придать бодрость, но они же могут вызвать зазнайство и успокоенность. Первое хорошо, а второе плохо. Очевидно, дело не в том, чтобы сводки оставляли человека бесчувственным, а в том, чтобы они возбуждали надлежащие чувства».

Эмоциональные реакции автора дневниковых записей на военные неудачи порой неожиданны: «Второй день стоят небывалые для ноября, доходящие до минус 20 градусов морозы. Вот бы их на немцев». Примечательно и то, что переживания из-за неудач на фронте, отступления советских войск не ослабляют уверенности в конечной победе над врагом: «Резервы у нас громадны, США поможет вооружением, наши уральские заводы будут пущены, и «берегись тогда, Гитлер»; «Ну вот, и Киев сдан неприятелю. Очередь Одессы, Харькова, Ростова, Ленинграда. Не верю в конечную победу Гитлера». Размышления о войне сопряжены с раздумьями о своем месте в ней, с обидами на то, что не берут на фронт из-за «запятнанного» родственника.

В дневнике встречаются мысли автора о будущем. «А интересное совпадение: 1921, 1931 и 1941 годы являлись у нас годами плохого материального положения масс. В 1921 г. голод в Поволжье, в 1931 г. организационные неурядицы коллективизации, а в 1941 г. — война. Раньше — после этих годов так это годика через два, через три наступал расцвет. Интересно, как это сейчас получится?»; «Ох, много придется восстанавливать после войны даже у нас, в глубоком тылу».

Другая крупная тема в записях 1941 г. — оценка, с точки зрения экономиста-плановика, состояния и развития Челябинской области в условиях войны. В поле зрения и служебных дел Б.С. Катаева находятся прием и размещение эвакуированных предприятий и населения, разворот нового промышленного строительства, работа транспорта, создание сети эвакогоспиталей, организация торговли и общественного питания. Приводимые им статистические сведения не отличаются от тех, что содержатся в официальных документах. Здесь важнее

авторские наблюдения и зарисовки того, как быстро и круто меняется экономическая и социальная панорама Челябинской области, его замечания о значении преобразований для области: «В срочном порядке уже строится с обоих концов линия Уфа — Магнитогорск, на днях был один из изыскателей линии Магнитогорск — Сары и говорит, что тоже будут скоро строить. Хоть на этом от войны выиграем»; «Шибко не хватает нашей области предприятий легкой и пищевой промышленности. И если в результате войны наша область обзаведется хлопчатобумажными, кондитерскими, сахарными и папиросными заводами (а все они ищут сейчас у нас возможности разместиться), это будет хотя бы частичной компенсацией за тяжести войны». Звучит и такой мотив: «В Челябинске намечено местопребывание уполномоченного Госплана при СНК СССР по Южному Уралу, куда входят Челябинск, Чкалов и Башкирия. Фамилия уполномоченного Маздрин, звать Иван Павлович. Хорошо! Все больше самостоятельности от Свердловска».

Авторские оценки проводимых конкретных мероприятий нередко расходятся с официальными. Так, об использовании рабочих батальонов Борис Степанович пишет: «Людей призвали в армию и направили работать на стройку. По крайней мере, остроумно. Народ, вообще говоря, мало пригодный. Одни только годны для нестроевой службы по своим физическим качествам, другие не годны для армии по мотивам социального порядка: попросту говоря, уголовные преступники. Есть среди них артисты, художники, сапожники и прочий для строительных работ мало пригодный народ». Об эвакуации замечает: «Совет по эвакуации за подписью Шверника прислал письмо, где требует от облисполкома соображений о возможности размещения в пределах области, но вне Челябинска, ряда крупных электротехнических и машиностроительных заводов. Поздновато спохватились, надо раньше было их здесь строить. Или вот приехала бригада Гидроэнергопроекта по изучению водных источников Урала. Подлинно: как на охоту идти, так и собак кормить»; «Подсчитали, что до 1 сентября у нас будет уже 120 тысяч эвакуированных. Это уже солидный прирост к нашему населению. А многих зря и эвакуируют. Вот плановик и зав. ОКСом КШУ эвакуированные. Молодые, на вид здоровые, на кой черт их было сюда тащить? Остановить бы где-нибудь в Рязани, дать отдышаться маленько —

и на фронт». В дневнике критикуется неразбериха в плановом хозяйстве страны и области, непорядки на стройках, неорганизованность и формализм в работе призывных комиссий, в проведении военного обучения населения и т.д.

Производственная тематика сочетается в записях с характеристиками (зачастую нелестными) сослуживцев. Во многих сюжетах дневника обнаруживаются морально-этические дилеммы, с которыми сталкивались люди, в том числе и автор записей, в тыловой повседневности: идти на субботник или уклониться, воспользоваться служебным положением или отклонить такую возможность, сообщать ли бывшим коллегам о своем исключении из партии или умолчать, верить ли слухам, поступаться ли атеистическими принципами и т.д. Не оттого ли горькое раздумье: «Мелкие мы люди, по-мелкому живем, мелкое и любим. Памяти о себе не оставляем и любим скоропреходящее».

Бытовые аспекты тыловой повседневности со всей тяжкой очевидностью проступают на страницах дневника, посвященных жизни в Челябинске: нехватка времени («Блювштейн сообщил, что Большой и Художественный театры обосновались в Свердловске, а Васюков говорит, что к нам приедет Московская оперетта. Неплохо было бы попасть, посмотреть. Но времени ни черта нет. Домой хожу только обедать да спать. Партсобрания проводят и то только ночью или утром»); суровый трудовой режим на заводах; отсутствие денег («С папиросами скандал. Остались только дорогие. А у меня денег нет, я даже небритый»); дефицит продовольствия и промтоваров; спекуляция и т.д. Б.С. Катаев с горечью отмечает: «…сегодня сдаю пару белья (единственную свою смену), наволочку, полотенце, рукавицы и байковую пеленку на портянки. И представьте себе, что я, зампредседателя Областной плановой комиссии, не в состоянии больше ничего сдать, не рискуя сам остаться в чем мать родила. Бедно, ой как бедно живет народ в нашей стране. Почитаешь, например, о жизни в США, и просто зависть берет. Сравнение далеко не в нашу пользу. Да что там говорить, мой отец, мелкий банковский чиновник, жил гораздо лучше, чем я живу. Все это хорошо, и терпеть можно, когда есть надежда, что не в столь отдаленном будущем жизнь все же начнет улучшаться, и именно потому, что вовремя потерпел, не-

доел, недоспал. Но вот в такие моменты, когда видишь, что все твои лишения не могли помочь хотя бы защитить страну как следует, особенно горько. Горько еще и потому, что лучшее будущее отодвигается куда-то далеко. Но что же делать-то? Хныканьем делу не поможешь, а навредить можно сколько угодно. Остается одно: терпеть и дальше и по мере возможности способствовать улучшению положения в стране на пользу общую и на свою собственную».

Тяжелые бытовые условия скрашивались доступными формами досуга: чтением литературы, посещением кино, театров, праздничными хлопотами, общением с детьми и т.д. В этих зарисовках сквозит внутренняя свобода личности, человеческая самопроизвольность, неподвластная никакому политическому режиму.

Дневник Б.С. Катаева обладает несомненной ценностью как исторический источник, дополняющий живыми и яркими красками наши представления о советском государстве и обществе времен войны, о советском народе как «собрании индивидуальностей», чья солидарная воля воплотилась в Великой Победе.

Доктор исторических наук, профессор
Южно-Уральского аграрного университета
Н.П. Палецких

Именной указатель

(использованы данные Челябинского областного архива)

Паничкин Николай Павлович (1915–) — в 1941–1945 председатель Челябинского Облплана, однокурсник Б.С. Катаева по Куйбышевскому плановому институту
Колька, Николай — см. Паничкин Н.П.
Чиняков Иван Николаевич (1913–) — нач. сектора распределения строительных материалов, 24.7.1941 призван в ряды РККА
Амбарова Елизавета Александровна — руководитель группы ширпотреба
Глюзман Л. М. — экономист промсектора
Астрахан Берта Марковна — зам. нач. сектора сводного планирования
Морозович Николай Петрович (1894–) — в 1941 нач. сектора сводного планирования, с 1944 зам. пред. Облплана, в 1945–1947 — и.о. председателя Челябинского Облплана
Марков Михаил Иванович (1890–) — ст. консультант по вопросам союзной промышленности
Грязнухина Ольга В. — экономист по искусству сектора культуры
Филимонова Анна Аркадьевна — консультант по лесу при пред. Облплана
Морозов Сергей Иванович (1910–) — экономист сектора республиканской промышленности и энергетики
Паенсон Лев Менделевич (1911–) — ст. экономист по промкооперации
Старцев В.С. (1894–1973) — директор Челябинского гос. педагогического института
Соболев М.П. — председатель Челябинского Облисполкома
Блювштейн Соломон Давидович (1898–) — нач. сектора культуры и быта
Блювштейн Ева Давидовна — врач, жена С.Д. Блювштейна
Костюченков Дмитрий Григорьевич — зам. нач. сектора промышленности
Сизяков Василий Павлович — знакомый семьи Катаевых
Гольдберг И.И. — зам. пред. Челябинского облисполкома
Катаева Евгения Павловна (1914–2001) — ст. экономист Обллегпрома, жена Б.С. Катаева

Преображенский Александр Константинович — нач. сектора транспорта и связи
Пржедпельский Валерий Евгеньевич — инженер сектора местной промышленности
Сушин В.Ф. — нач. сектора сельского хозяйства
Ефимов Яков Ф. — нач. сектора промышленности
Строгалев Михаил П. — шофер, с 23.6.1941 призван в ряды РККА
Тамбовцев Иван С. — экономист сектора транспорта и связи
Елхина Э.И. — управделами Облплана
Грункина Л.Я. — экономист сектора культуры и быта
Саутина А.Я. — ст. экономист по пищевой промышленности
Немкова М.А. — экономист сектора сельского хозяйства
Рыжиков А.С. — зам. пред. Челябинского облисполкома
Сапрыкин Григорий Давыдович — в 1940–1942 гг. первый секретарь Челябинских обкома и горкома ВКП(б)
Белобородов Александр Андрианович — с ноября 1941 по 1946 председатель Челябинского облисполкома

СОДЕРЖАНИЕ

Катаев Б.С.

К29 Повседневность и война / Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. — Санкт-Петербург: «Издательский дом «ПервоГрад», 2016. — 312 с.; ил.

ISBN 978-5-9907935-1-4

В пер.: 500 экз.

Дневник Бориса Степановича Катаева, который он вел на протяжении всех военных лет, — уникальное свидетельство о повседневной жизни тылового Челябинска в годы Великой Отечественной войны, ценный исторический источник, дополняющий живыми и яркими красками наши представления о жизни советских людей в те суровые годы.

ББК 63.3(2)622

Катаев Борис Степанович

Повседневность и война

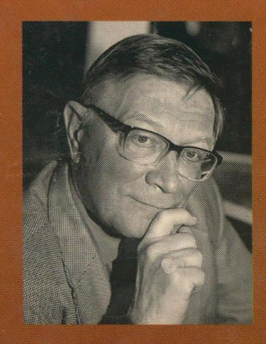
Челябинский дневник 1941, 1943, 1944

Дизайн Е.А. Яныкин
Технический редактор Н.Н. Штоколова
Компьютерная верстка Т.Н. Черепановой
Корректор Л.И. Сушкова

Подписано в печать 12.10.15. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 18,0.
Тираж 500 экз. Заказ 1254.

«Издательский дом «ПервоГрад»
190121, г. Санкт-Петербург, ул. Лабутина, д. 16, к. 2, оф. 5.
Телефон +7-912-24-57-365
e-mail: pervograd-spb@mail.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Курганский Дом печати»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106,
e-mail: zpress@zaural.ru

Предлагаемая читателю книга подготовлена к изданию сыном автора дневников, Владимиром Борисовичем Катаевым.

В.Б. Катаев родился в Челябинске в 1938 году. Окончил с золотой медалью школу № 10. Учился в Московском государственном университете. Работал журналистом, в 1965–1967 годах преподавал в Челябинском пединституте, а с 1967 года по настоящее время – в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Заведующий кафедрой истории русской литературы МГУ, председатель Чеховской комиссии Российской Академии наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Издательский дом
ПервоГрад